

Ольга Ромадина

Янтарный меч

Ольга Ромадина

Янтарный меч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68142434

SelfPub; 2022

Аннотация

Юная Ярина спешит к сестре-чародейке, но дороги коварны, и погоня загоняет ее в проклятый лес на краю древней Пустоши, к дому, который стережет одинокий домовой. В благодарность за спасение, Ярина принимает чужую для неё силу. Теперь ей предстоит защитить лес и его обитателей. Хотя это не так-то просто: местные люди полны ненависти и страха к чужачке, а странный синеглазый колдун подозревает, что Ярина не та, за кого себя выдает. Но человеческая враждебность не так страшна, как грозные тени, бродящие по лесу и янтарный огонь Пустоши, приносящий странные сны.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	34
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	50
ГЛАВА ПЯТАЯ	61
ГЛАВА ШЕСТАЯ	73
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	90
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	107
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	126
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	146
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	171
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	192
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	210
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	228
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	247
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	270
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	286
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	312
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	334
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	358
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	377
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	398
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	419

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	439
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	460
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	483
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	507
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	524
ЭПИЛОГ	542

Ольга Ромадина

Янтарный меч

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Держи ведьму. Держи!

Щеку обожгло огнем – по лицу хлестнула ветка. Лес не хотел прятать чужачку, хватал за кожу, дергал за косу.

Коряга как нарочно попалась под ноги. Ярина рухнула, едва сдержав крик. Склон был скользкий, голый, ухватиться не за что, и она покатила вниз, впиваясь пальцами в мерзлую землю.

Не разбилась чудом! Нелепо распластавшись на дне, попыталась сообразить, где верх, где низ. Но разлеживаться было некогда. Хруст веток и злые голоса раздались совсем рядом. Ее нагоняли!

– Куда делась?

– Не видать!

Единственным спасением был мертвый почерневший куст. Разлапистые ветки торчали из склона. Ярина скрючилась под ними, закрыла голову руками и взмолилась Охранителям. Пусть защитят. Ведь она не сделала ничего! Попросила еды, и только.

На что селяне могли позариться? На кобылку ее старую?
На тощую сумку или плохонькую обувку?

Сердце испуганно бухало в груди.

Голоса слышались рядом, но к оврагу преследователи от-
чего-то не подходили.

– Нету никого! – раздалось сверху.

Ярина вздрогнула и сильнее вжалась в землю. За ведьму
ее, что ли, приняли? Но это ж не Вестария, где чародеи до
сих пор хуже нави. Не зря, ох, не зря она избегала сел на пу-
ти. Нельзя было в деревне останавливаться, но после долгой
скачки Ярина с ног валилась от усталости. Дурища! Понаде-
ялась, что за звонкую монету пустят на ночлег и не станут
расспрашивать, куда спешит одинокая девица. Рассчитыва-
лась Ярина мелкими медяшками. Кто, на нее глядя, подумал
бы, что в худом кошеле есть чем поживиться?

– В старой дубраве еще бы поискать.

– А успеем? Ночь скоро.

Крики раздавались все дальше.

Ушли. Неужели удалось провести? Даром, что ломилась
через лес напролом, как медведь с болячкой в ухе. Выходит,
проклятушая коряга помогла, хоть едва и не угробила.

Ярина потеряла ноющую ногу. Что делать теперь? Кобыл-
ка и нехитрый скарб остались поживой для селян. Верная
Марька была в летах: на такой лошади не пахать или по до-
рогам разъезжать – только на живодерню... Все равно жалко.
На скудные сбережения новую не купишь, торговые обозы

здесь не ходят. А пешком до Ольховника не добраться.

Голоса давно стихли, только ветер шевелил обнаженные ветви деревьев. Ярина выползла из укрытия и рискнула оглядеться.

Уж лучше бы она этого не делала! Понятно, почему местные не заглянули в овраг. Они попросту боялись подойти!

Земля скрипела под пальцами – черная, выжженная. Ни травинки нигде, даже засохшей, только пара мертвых кустов на склоне. Лес обступал со всех сторон, но держался подальше, будто боялся оскверненного места. А на дне – черная наледь, от которой веяло жутью. Тут без чародейского чутья ясно – дурное место, гиблое.

Колени дрожали, но Ярина упрямо поднялась, кое-как вытирая рукавом разорванной рубахи кровь с лица. Обереги, нашитые матушкой на кожух, отлетели, на штанах зияли дыры – тяжелое некрашеное полотно не выдержало.

Солнце скрылось за верхушками вековых сосен. От деревьев к оврагу ползли длинные изломанные тени. Того и гляди, им навстречу вылезет какая-нибудь нежить, а знакомиться с ней Ярина не хотела. Встать-то дело нехитрое, а попробуй заберись наверх, когда руки трясутся, а впереди ждет враждебный лес. Но лучше протрястись ночь на дереве, чем украсить осиновый сук рядом с деревней.

Ярина карабкалась, то и дело скатываясь на сырое дно. Злые слезы мешали видеть, она размазывала их по лицу и вновь пыталась выбраться.

Упорства ей было не занимать, поэтому прежде чем соседом в вынужденном убежище стал сумрак, она вылезла и, не оглядываясь, кинулась в чащу. Оказаться бы как можно дальше от проклятого места!

Жаль, поздно. В спину дохнуло могильным холодом, на краю оврага сгустился мрак и потек за ней.

Не останавливаться.

Лед сковывал сердце. Хотелось упасть наземь, притвориться корягой. Но Ярина откинула наваянные мороком мысли – не встанет же потом. Или встанет и присоединится к развеселой компании упырей. А то и чего похуже.

От страха перехватывало дыхание. Тени надвигались. Безмолвные, хищные. Примеривались перед прыжком, играли с ней, ждали, когда кончатся ее невеликие силы.

Мруны так не могли. Им не было дела до чувств, утолить бы вечный голод. А эти наслаждались ужасом.

Укрыться негде! Дыхание kloкотало в груди, Ярина неслась дальше, понимая, что вот-вот упадет замертво. Жаль, нож остался в сумке.

Хотя толку-то от ножа! Сюда бы меч янтарный из сказки, тогда нежить не посмела бы ее тронуть! Но и нож сгодится – жизнь оборвать, чтобы не оставить тварям на поживу ни боли, ни страха.

Мысли мелькали всполохами. Ярина бежала из последних сил. Вот бы речка здесь была, да хоть ручеек чахлый! Но откуда им взяться в чащобе? Через проточную воду выползни

овражные не перебрались бы.

Когда перед глазами уже мутилось, лес расступился. Спасение пришло внезапно. За высоким частоколом застыла изба: темная, мертвая. Тишины Ярина не боялась, она и селян бы сейчас не испугалась! Лишь бы не достаться хищным теням.

– Помогите! Откройте! – сорвался с губ истошный вопль.

Ворот не было, она замолотила по частоколу изодранными руками.

– Пожалуйста!

По лицу катились слезы. Когда Ярина представляла смерть, думала, что встретит Переправщицу с достоинством, уйдет без лишних жалоб. Но за спиной стояла не белокошая дева, готовая увести по Темной дороге, а то, что изменит, уничтожит безвозвратно.

Она не хотела с этим мириться!

Внезапно частокол под ладонями исчез, чтобы возникнуть уже за спиной. Неведомые хозяева избушки сжалились. Однако Ярина не успела этого понять – впервые в жизни лишилась чувств от пережитого страха.

Обычно в сказках прекрасные девы приходят в себя с первыми лучами солнца в объятиях красавца царевича. Ярина, увы, очнулась на стылой весенней земле, с которой едва со-

шел снег, и не под пение жаворонков, а под глухие шорохи из-за частокола.

Вряд ли обморок продлился дольше пары минут, но тело ломило, пальцы оледенели и едва гнулись. Насилу поднявшись, Ярина бегло осмотрела появившиеся ворота, которых еще недавно не было; двор, здоровенный для лесной сторожки. Да и мрачная изба, такая же мертвая, как и на первый взгляд, больше подходила не охотнику, а отшельнику-чародею. Но если он и жил здесь, то затаился. Небось пожалел, что впустил незваную гостью.

– Есть кто-нибудь? – робко спросила Ярина.

Ответом стала звенящая тишина. Даже нежить за частоколом смолкла.

Зубы клацнули, пришлось изо всех сил сжать челюсти. Ярина дрожащей ладонью отерла залитое кровью лицо и недоверчиво уставилась на пальцы – это ж надо, так оцарапать лоб! Рана пустячная, но кровила сильно, а под рукой ни одной завалящей настойки, запасы остались в сумке, а сумка – в деревне, будь та трижды неладна.

На подгибающихся ногах Ярина двинулась к крыльцу, надеясь дозваться таинственных хозяев. Добротная дверь оказалась заперта, сквозь окна не удалось разглядеть даже очертаний комнаты. Сделаны окошки были на диво: не холстина, как в сельских избах, не слюда, не дорогушие пластины горного хрусталя. Одна прозрачная поверхность, гладкая и прохладная.

В другое время Ярина бы подивилась, но сейчас усталость брала свое. На боязливый стук никто не отозвался, пришлось взять себя в руки и начать действовать. Сперва поискать колодец – умыться не мешало бы. Судя по неясному отражению в оконце, ее теперь и кикиморой нельзя было назвать, они бы оскорбились сравнению с таким чудищем.

Колодец обнаружился за поленницей, но уж лучше бы его не видеть: от одного взгляда свалявшиеся в колтун волосы встали дыбом, язык прилип к нёбу. И ворот, и оголовок были сделаны из костей!

Месяц серебрил крышу, затейливо украшенную человеческими черепами. Пожелтевшие от времени, они скалились в ночную мглу. Хорошо хоть не светились. Без чародейства явно не обошлось.

Ярина отшатнулась, подавив желание начертать перед лицом охраняющий знак, но справилась с собой и шаг за шагом двинулась к колодцу. Страшно. Но хуже, чем в лесу, вряд ли станет. Подумаешь, черепа!

Ведро, хвала Охранителям, самое обычное, стояло рядом. И веревка к ручке уже прилажена. Ярина, недолго думая, плюхнула его в колодец, внизу булькнуло. Звук был таким привычным, что отогнал веющую жутью тишину.

Ворот шел легко, хоть убедить себя взяться за костяную ручку удалось не сразу. Зато напилась вволю. Вода была сладкая и до того холодная, аж зубы свело.

Потом Ярина долго отфыркивалась и шипела, промывая

глубокие царапины на лице и ладонях. Страх отступил: за вечер она набоялась столько, что на год вперед хватит. Но усталость и холод, почувяв, что жертва приходит в себя, с новой силой впились в тело тысячей иголок. Весна нынче была промозглой, а ночи по-зимнему студеными.

Вода попала за разорванный ворот, ткань мерзко липла к телу. Вздрагивая и ежась, Ярина вновь повернулась к застывшей в ожидании избе.

– Спасибо, что пустили! Не дозволите ли переночевать в доме? Отплатить мне нечем, но я отработаю. Я могу...

– Чего орешь? – раздался хриплый неприветливый голос.

С крыльца на нее взирало косматое существо, поблескивая в темноте алыми глазками.

– Сначала спаси ее, потом в избу пусти, – продолжило недовольно бормотать нечто, – мож, тебя еще и накормить да в баньке попарить?

– Если изволишь, дедушка, – спокойно откликнулась Ярина. Домовых она не боялась, всегда относилась с почтением. Что хранитель дома ей не рад, ничуть не удивляло – она и вправду ввалилась среди ночи, наверняка перебудив воплями лесную живность.

– Ишь, наглая! Вы, дуры деревенские, шляетесь где ни попадя, еще требуете чевой-то. Много чести тебе.

На «дуру деревенскую» Ярина отчего-то обиделась. Пусть она и жила почти десять зим в Заболотье, но родилась-то в городе! Она уже открыла рот, чтобы возмутиться, но догада-

лась – домовый принял ее за одну из местных. Вот только как убедить его в обратном? Начнешь отрицать – не поверит.

– Тогда зачем ты меня спас, бабушка? – осторожно спросила она.

Домовой не смутился и выдал:

– Ежели бы они тебя рядом схарчили, кому хуже-то было б? Ходят тут всякие, оттирай их опосля от забора. На дворе переночуешь, не сахарная.

Ярина содрогнулась, стоило представить, какое живописное пятно красовалось бы на частокле. Чудом ведь спаслась!

Но дедок не желал сменять гнев на милость.

– А что, бабушка, – вкрадчиво попыталась она, – есть ли другие веси окрест леса? Поприветливей. А то я с Пожарищ еле ноги унесла.

Домовой поднял косматую голову, оживился, и следующий вопрос прозвучал гораздо радушнее:

– Ты откуда будешь?

– Из Белого Бора. – Перед отъездом мать строго-настрого наказала не сообщать о себе никому и ничего, но нечисть обманывать смысла нет, лучше уж полуправда.

– А звать?

– Ярина.

Вряд ли домашний дух прознает, за какими бесами ее понесло за тридевять земель, и сможет кому-нибудь разболтать.

Домовой нахмурился, что-то припоминая, а спустя миг посветлел лицом:

– Далеко-о ты, девка, забралась. Был я в Белом Бору. Много зим утекло с тех пор. Изволь, заходи.

Дверь отворилась беззвучно. Ярина, еще не в силах поверить, что ночевать будет не на улице, ступила в теплые сени. Знакомый с детства аромат трав окутал мягким платом, вырывая тихий вздох и пробуждая неурочные воспоминания.

– А хозяин против не будет? – осторожно спросила она, смаргивая непрошенные слезы.

– Нету хозяйки, – погрустнел домовой и тут же засуетился, подгоняя. – Иди в горницу. Я тебе поесть соберу, баньку истоплю.

– Сам-то ты кто будешь, дедушка? – крикнула вдогонку Ярина, шагая за порог. Чистенькая просторная горница встретила ее теплом и мягким сиянием трех волшебных светильников.

Такие мощные колдовские предметы делали чародеи прошлого. Сейчас если и остались умельцы, то уж точно не в Дивнодолье. Знания давно канули в Реку¹, попусту царские посланцы обещали золотые горы и едва ли не землю рыли, разыскивая кудесников-умельцев.

– Торопий я. Или дед Тороша, как сподручнее, – раздавалось из-за печи вместе с грохотом котелков. – Грейся, поку-

¹ Река – по поверьям Смородина-река, разделяющая мир живых и мир навьев. Из страха люди не произносят ее названия. (здесь и далее примеч. авт.).

дова я перекусить соображу. Сказывай, чего в мире деется.

Ярина прильнула к печке всем телом, стараясь не закрывать глаза и не сползнуть на лавку – если она сейчас сядет, то ни ужин, ни баня ее не дождутся.

– Дедушка, а можно я тебе завтра все расскажу? – взмолилась она.

Глаза домового сверкнули из-под заросших бровей, но он хмыкнул, расставляя миски:

– Иди ешь, горемычная.

Ярина переступила через нарядные, благоухающие свежестью половички и прошла к столу, усаживаясь на краешек лавки.

Горница сверкала чистотой: блестели натертые полы, печь щеголяла свежей побелкой, а недавно расписанные миски – мудреным узором. В такой красотище поневоле почувствуешь себя замарашкой. Баня могла это исправить, а сначала ужин. Настоящий пир!

Первой под руку попалась кружка с малиновым киселем. Ярина не успела опомниться, как выпила половину, потом принялась за щи, пустые, на грибах, но такие вкусные, аж живот сводило. В последний раз перекусить довелось вчера утром: Ярина, не слезая с лошади, умяла краюху черствого хлеба с солониной, и теперь любая горячая еда казалась пределом мечтаний.

Вскоре на дне миски осталось морковное крошево, которое Ярина принялась остервенело соскребать. И тут замети-

ла, что домовый сердобольно пододвинул к ней тарелочку с пирогами, явно приготовленными для себя, такими маленькими они были. Смотрел он до того жалостливо, что краска бросилась в лицо.

– Спасибо, бабушка, сыта я, – прошептала Ярина, уставившись в пустую миску.

Нашлась умирающая с голоду! Объела хозяина, не для гостей же он щи готовил! Обмануть домового не получилось, он лишь головой покачал, но не стал настаивать.

– Иди-ка ты в баню, я тебе одежду припас, а свою там брось, дюже грязная.

Никуда ей уже не хотелось. Прикорннуть бы прямо здесь, за столом. Но лучше вымыться сразу, иначе завтра исчешется вся. Поэтому Ярина через силу поплелась во двор.

Баня обнаружилась слева от крылечка – из трубы низенького бревенчатого домика валил дым, и Ярина побрела туда, на ходу стаскивая кожу.

Как ни восхитительно окунуться в щекочущие нос запахи багульника, ромашки, липы, затягивать купание не стоило. Ярина мылась, не давая себе расслабиться. Долше всего пришлось провозиться с волосами, в которых запутались веточки, отчего голова стала похожа на раздербаненный веник.

Наконец, в чистой, как по ней шитой, рубахе, полушубке и мягких сапожках, надетых прямо на босу ногу, она вернулась в избу, разомлевшая и счастливая.

Домовой постелил ей на печке. Ярина вымоталась так, что

готова была отключиться и на лавке, поэтому без единого слова забралась под одеяло и тут же уснула под несмолкающую колыбельную ветра за окном.

Ах, если бы можно было проспать до полудня. Но мечты так и остались мечтами. Солнце только выползло из-за холма, а первые лучи едва осветили горницу, как ворота содрогнулись.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Грохот ураганом ворвался в сон, Ярина чуть на пол не свалилась. Слетев с печки, она испуганно огляделась. Бежать куда-то? Прятаться? Спросонья она даже не поняла сперва, что не дома.

Домового звуки не напугали – он даже головы не поднял, продолжая зашивать дыру на рукаве ее многострадального кожуха.

– Дедушка, что это?

Ярина сгребла сапожки в охапку, готовая к чему угодно, вплоть до нападения вчерашних невидимых чудищ, но спокойствие хозяина было непрошибаемым.

– Опять пришли, – невозмутимо ответил он. В руках ловко сновала игла, кажется, еще немного, даже следа от дыры не останется. – Ходют, ходют чевой-то. Все неймется.

– Это что, из Пожарищ?

Шлепая босыми ногами по теплому полу, Ярина бросилась к окну. Оно, как назло, выходило на другую сторону, ворот из него не увидишь. Дедок усмехнулся, щелкнул пальцами, окно подернулось серебристой рябью, и картинка поменялась. Теперь двор по другую сторону избы был виден как на ладони. И ворота!

Сапожки выпали из рук, Ярина аж на лавку села от удив-

ления: никогда, даже в сказках, домашняя нечисть не творила таких чудес.

– Как же это? – Ворота содрогались от ударов, но Ярина позабыла о них, ошалело озираясь.

– Волшба, – улыбнулся, показав острые зубки, домовый.

– Твоя?

– Нет, что ты, девонька, это еще до хозяйки было. Кудесник в стародавние времена избу построил, он ее и заговорил. И ее, и подворье. Я в чародействе не больно силен, но хозяйка говорила, что таких заклятий сейчас не знает никто. Стекла эти, волшебные, цены немереной.

При упоминании хозяйки голос домового потеплел, наполнился грустью. Ярина пожалела старичка – нечисть редко привязывалась к людям, но, если такое случалось, разлуку переживала с болью. Бывали случаи, когда домашние духи даже уходили искать хозяев, успешно или нет, история умалчивала.

Она снова испуганно глянула в окно. Каким бы ни был прочным частокол, выдержит ли?

– Завтракать будешь? Да не бойся ты. Не войдут они.

Горницу наполнял утренний свет, делая ее просторнее и уютнее. Миски, из которых Ярина трапезничала ночью, стояли на полках вымытые, а в печи поспевали пироги, наполняя комнату сладким запахом печеных яблок и свежей сдобы.

Прекрасное утро, если бы не настойчивые посетители у

ворот.

– Раньше-то их леший не пушал, – продолжал как ни в чем не бывало домовой. – Но отправился он в дорогу, луна уж минула. А эти как прознали, что путь свободен, все бродят вокруг. Внутри еще ни разу не сунулись, значит, чары действуют. Токмо ослабли совсем, еще немного – сниматься с места придется. Сегодня вон, ворота углядели. Глядишь, скоро забор их не остановит.

Закончив шить, домовой с невиданной силой встряхнул кожу и с улыбкой продемонстрировал свою работу, но взгляд то и дело возвращался к окну.

– Что им нужно? – все еще пытаюсь разглядеть пришельцев, спросила Ярина.

– Поди разбери, – Торопий пожал плечами и переместился к столу, принимаясь бережно протирать его тряпицей, смахивая одному ему видимые пылинки. – Может, сокровища найти хотят, может, думают, что тут чудо-юдо поселилось. Хозяйку-то все знали. Пока она жива была, без конца ходили. Не глядели на ее нрав крутой. То стрелы им заговори, то зелье на удачу сготовь. А как сгинула, да потом чародей этот проклятуший появился, словно с цепи сорвались. Хорошо, леший им вовремя пути затворил. А теперь вон оно как выходит. Жадное до чужого добра ваше племя, ох, жадное.

Домовой потянулся и распахнул соседнее окошко, впуская в горницу вместе со студеным утренним воздухом об-

рывки разговора, от которого внутри все похолодело.

– Нет ее, говорю же. Зря только колдун нас гоняет. Не вернется.

– Отчего тогда дым из трубы? Отчего ворота появились? А ежели нет, пошуровать бы там. Чай, колдун не узнает.

– Не по-людски это. Али забыл, как ведьма твою жену от родильной горячки спасла? Ведьмовство здесь, опять же, на доме. Не помереть бы.

– Не помрем. Ведьмы нет, колдовство ее сгнуть должно было вместе с ней. Коли боязно, беги к жене под юбку. А мы с Годотой промеж собой каменья разделим.

– Хозяйке ларец драгоценный доставили, как раз перед тем как сгнула она, – пояснил хмурый Торопий. – Прознали же, погань бледная. Ничего, будут им каменья. На всю жизнь запомнят.

Ноги замерзли, Ярине пришлось наклониться, чтобы надеть сапожки, а когда она снова прильнула к оконцу, через частокол уже лез здоровенный детина – косая сажень в плечах. Как только веревка выдерживала! Но оказаться во дворе любителю чужого добра было не суждено – миг, и грохотнуло, запахло паленым, а мужик с воплем свалился по ту сторону забора.

Окрестности огласила похабная брань. Ярина стыдливо поморщилась – к крепким словечкам она так и не привыкла, от местных выражений заалели уши. И рада бы забыть, да не выйдет.

На лице домового застыло мрачное злорадство. Но торжествовать было рано, деревенские отличались упрямством и злопамятностью. Стоило подумать, что они отступят, как ворота вновь содрогнулись.

– Не попасть им сюда, не боись, девонька, – усмехнулся Торопий. – Пусть чары и ослабели, все ж держатся.

– Дедушка...

Сердце заходило в дурном предчувствии. Перед глазами, словно вчера это было, расцвело воспоминание: десять зим назад жители другой деревни пытались поджечь стоявший на отшибе покосившийся домишко. В окрестностях на людей поглядела холодным взором моровая дева, две веси слегли, а их семья как раз только-только обжилаась. На кого подумали селяне? Кто призвал болезнь-лихоманку? Конечно, пришлые. Чужаки. От участи сгореть заживо спас отец – мужики испугались высоченного витязя с мечом, отступили. Но своими в Заболотье стать не вышло. Отца боялись, а когда брат подрос, стали бояться и его, поэтому не трогали. Но лишь спустя пять зим местные убедились – пришлая знахарка с семьей не желает им вреда. А раньше ходили за снадобьями за тридевять земель, брезговали брать лекарства у чужачки.

– Дедушка, а от огня чары защитят? – обмирая от страха, прошептала Ярина.

Судя по тому, что торжество на лице домового сменилось тревогой, эта мысль не приходила ему в голову. Слишком

поздно! Первая горящая ветка упала на землю, ничего не задев, но, судя по ругани, останавливаться мужики не собирались.

– Рехнулся? Колдун нам головы открутит!

– Плевал я на колдуна! Сжечь надо мерзость эту ведьмовскую! А когда догорит – тогда сокровища поискать.

– Сбегай-ка в селище, приведи подмогу. Вместе мы быстро это дело обстряпаем.

Следующая ветка упала на крышу давно опустевшего курятника. Так хороший пожар не устроить, но Ярине пришлось видеть, как полыхают дома, загоревшиеся от одной только лучины, поэтому обольщаться не стоило.

– Потушить надо, – вскочила она.

И тут в крышу со свистом вонзились горящие болты. Один, потом второй.

Окончательно обмереть от страха не дал оклик домового:

– Собирайся, – велел он, вытаскивая из печи только что поспевшие пироги.

– Дедушка, но как же!

– Собирайся, говорю. Коли они всей деревней придут, не сдюжим. Видишь, чары на последнем издыхании. Думал, от огня защитят, а нет, занялось.

Ярина все не могла прийти в себя, хоть и понимала: время дорого, если поджигатели разойдутся, то угореть в избе можно запросто. Но как она будет добираться до Ольховника – без лошади, без денег? Кошель вчера остался где-то в лесу,

свалившись с пояса. Да и уходить вот так, бросив доброго, пригревшего ее дедушку, бессильного перед нападавшими! Домовые не живут на пепелище – куда он подается?

– Может, можно что-то сделать? – нерешительно спросила Ярина, все же вняв совету и юркнув за печку, чтобы одеться. Рубашка и штаны не успели просохнуть, мокрое полотно противно липло к телу.

– Ты богатырь али ведьма? – хмыкнул Торопий и, дождавшись печального вздоха, добавил: – Коли нет, чем ты собираешься с ними сражаться? Косами своими русыми задушишь?

Как раз в это время в крышу впился еще один пылающий болт. Курятник уже полыхал, сухое дерево занялось быстро.

Краска стыда залила щеки, и Ярина принялась отчаянно бороться с застежками кожуха. Она ничего не могла: бесполезная, ни на что не годная! Но на самоедство времени не было.

– Держи. – Стоило выпрямиться, домовой протянул ей пироги, крепко спеленатые в тряпицу. – На дорожку. Денег нет, не серчай. Как сойдешь с крыльца, беги мимо колодца. Супротив него увидишь калитку. Беги по тропке, она к реке выведет. Кликнешь водяного, скажешь, я прислал. Он поможет. Пусть дорожка будет скатертью.

– А ты, дедушка?! – У Ярины от отчаяния горло перехватило.

– Не бойсь, девица. – Торопий упер руки в бока, выпячивая грудь, хотя по всему видно – хорохорился. – Не пропаду.

Я воробей стреляный.

Тетеря беспомощная! Ярина приняла подарок, часто смаргивая, чтобы не пустить слезы на глаза. Только и удалось выдать:

– Спасибо, бабушка.

– В добрый путь, – серьезно кивнул домовый.

Прижимая к груди узелок, Ярина осторожно отворила дверь и выскользнула во двор, стараясь прижиматься к стене. Хотя крыльца мужики, стоящие у ворот, видеть не могли. Мимо колодца даже при дневном свете бежать было жутко, но сейчас ее гораздо сильнее пугали не старые кости, а живые люди. Вместо курятника весело потрескивал костер, несколько веток тлели на промерзлой земле, но поджигатели останавливаться не собирались. Видно, решили, что сжечь частокол сподручнее. От ворот тянуло дымом.

– О! Девка!

Пока она пробиралась по двору, один из мужиков успел влезть на дерево и теперь горланил оттуда. Ярина по давней привычке вжала голову в плечи и опрометью бросилась к калитке.

– Держи ведьмино отродье! – раздался из-за частокола яростный вопль.

Калитка не поддавалась. Старые петли поскрипывали, насмешничая над Яриными потугами, поэтому она потеряла драгоценное время, прежде чем удалось сдвинуть дверь так, чтобы протиснуться наружу.

Едва она свернула на тропку, удар в живот заставил согнуться. Не удержавшись, Ярина рухнула под ноги рослому мужику.

Грубые ручищи вздернули вверх, пальцы впились в плечи так, что она не сдержала стога. В лицо пахнуло застарелым потом и перегаром. Единственное, что пришло в голову – ударить узлом с еще теплыми пирогами, но какой из нее воин против этого медведя! Сальная ухмылка расплзлась по одутловатому лицу – он прекрасно чуял ее страх.

Выдернув из ослабевших пальцев узел, мужик распотрошил его. Не обнаружив сокровищ, злобно бросил наземь. И напоказ раздавил сапожищем. Узелок жалобно хрупнул, в воздухе пахнуло свежими пирогами, которые с такой заботой собрал для нее домовый.

Ярина билась как птица в силках, но ее потуги вызывали лишь хохот. Она была беспомощной, и мучитель наслаждался этим.

– Ну что?! – раздался вопль с другой стороны частокола.

– Пойма-ал! – откликнулся мужик. Хлесткая пощечина обожгла лицо, Ярина снова очутилась на земле, а он уже крепко наматывал ее косу на руку, аж шея хрустнула. – Ну, тварь. Добегалась!

Он обхватил Ярину поперек живота и потащил. Все попытки пинаться и царапаться встречались только издевательским хохотом.

– Гляди-ка!

Возле ворот полыхал костер. Один мужик поджигал ветки и бросал через забор, другой заряжал самострел. Его Ярина видела вчера в деревне – это он принял повод, когда она спешила и направилась в корчму.

– Выжила, – с удивлением сказал он. – Точно, ведьма.

Тот, кто притащил Ярину, дернул ее за косу, задирая голову вверх. Ярина попыталась подняться, чтобы уменьшить боль, но ноги не слушались, а на глазах выступали слезы. Эти попытки встретили глумливыми смешками.

– Отпусти девку, – пробасили рядом. Возле частокола появился еще один мужик. Он не смеялся. Невысокий, коренастый, в латаной-перелатаной куртке, он стоял чуть поодаль, хрипло дыша и хмурясь. Мужик был в годах, старше остальных, но больше Ярина разглядеть не могла – слезы мешали.

– А тебе-то что, Жит? Жалко? Али она тебе по нраву?

Но тот, кто держал ее, все же выпустил косу, и Ярина рухнула на колени, остервенело вытирая глаза.

– Негоже девок обижать. Она сама нам все расскажет. Верно?

Говорящий сделал шаг вперед, но ее поимщик заступил дорогу, а остальные вновь принялись поджигать сухие ветки, с легкостью бросая их через забор.

– Не лезь, Жит. В доме была, значит, ведьма! – мужик вновь схватил Ярину за косу, вздергивая вверх и хватая за ворот. Ткань затрещала, Ярина зажмурилась, пытаясь побороть липкий ужас, комом вставший в горле. – Чего с ней цац-

каться?

– А колдун?

Хватка ослабла, пока мужик размышлял. Ярина не стала медлить – хотелось сделать хоть что-нибудь! Убежать она не успеет, напасть не сможет, но на ее глазах третий поделльник взвел самострел с болтом, обмотанным горячей тряпицей. Одно дело – ветки, но пара таких болтов, и изба займется пламенем, а потушить будет некому.

Глупо, но Ярина больше ни о чем думать не могла. Воспользовавшись тем, что детина все еще размышляет, рванулась и вцепилась зубами ему в запястье.

– Ах ты!!!

Вопль оглушил, во рту стало солоно, к горлу подкатила тошнота. Но Ярина не сдалась и не разжала зубы. Однако мучитель опомнился слишком быстро, и удар по шее свалил с ног, нож взвизгнул в воздухе, Ярина едва успела закрыть руками голову. Лезвие полоснуло левое предплечье, руку пронзила боль. Задыхаясь, Ярина попыталась отползти, зажимая рану ладонью, но пинок под ребра отбросил назад, да так сильно, что она приложилась затылком о ворота.

– Не трожь!

Поджигатели повисли на беснующемся поделльнике, напоминающем разъяренного медведя. Он оглашал лес ревом пополам с отборной бранью, а Ярина сползла на землю, сжавшись в комок. Рукав быстро набряк от крови, боль уже не резала – дергала предплечье, перед глазами плыло.

Мужики продолжали бороться с ополоумевшим товарищем, а она все пыталась найти в себе силы встать. Пока отупевшее от боли сознание не выцепило на земле что-то...

От внезапного жара взмокла спина. Ярина метнулась вперед и ухватила брошенный самострел прежде, чем мужчины успели опомниться.

– Уходите! – От страха у нее даже голос прорезался.

Болт был всего один, просмоленную паклю, вдетую в наконечник, зажечь она все равно не успела бы. Надежда, что мужики устроятся самострела в трясущихся руках, была крошечной, но Ярина должна была попытаться.

Нападавшие замерли и уставились на нее с гадливой опаской.

– Ты чего удумала? – вкрадчиво спросил владелец самострела. Сделав шаг вперед, он тут же замер, когда Ярина подалась назад, вжимаясь спиной в забор, и вцепилась в спусковой рычаг.

– Я выстрелю. – Страх ушел, сменившись решимостью. Она обречена, как и разгорающаяся избушка за частоколом, но сдаться, не пытаясь сделать хоть что-то – этого Ярина позволить себе не могла. – Уходите.

Удивление на обветренных лицах мужиков сменилось лютой злобой.

Заставить кого-то послушаться Ярине всегда было не под силу: единственная в семье, кто не унаследовал крутой нрав отца, она даже с младшим братом, родившимся на девять

зим позже, с трудом справлялась. Но сейчас не отступила бы, даже будь выбор: перед глазами так и стоял дед Торопий, бережно смахивающий со стола пылинки.

– Не шали, девка.

Только один Жит заложил руки в карманы, отступая, трое приближались плечом к плечу.

Шаг. Еще шаг.

Она зажмурилась, когда мужики кинулись на нее, пальцы на затворе дрогнули. Выстрела не случилось, но и удара не последовало. В голове гудело, перед глазами заплясали ослепительные всполохи, пришлось открыть глаза, чтобы понять – ей не чудится. Впереди поблескивал прозрачный щит. Он полностью закрывал и частокол, и ее. Мужики живописной кучей валялись в десяти шагах, отброшенные его силой.

Ярина ошалело вытянула вперед руку, по кончикам пальцев пробежали искры.

Чары! Настоящее колдовство из стародавних времен окружало ее, защитив в последний миг.

– Уходите! – в третий раз повторила Ярина. Голос звенел от напряжения, срывался. – И не возвращайтесь!

Безумцами селяне не были. Щит горел так, что даже те, кто не владел колдовским даром, могли ощутить плещущуюся в воздухе силу.

Самострел Ярина так и не опустила, а поджигатели и не подумали потребовать его назад.

Их торопливые шаги давно смолкли в весенней тишине, а

она все продолжала стоять столбом, ноги будто в колодки заковали – ни шагу ступить.

Горький ком начал подниматься в горле, Ярина часто задышала, в который раз пытаюсь прогнать слезы.

– Не реви, – раздалось сверху. На частоколе восседал домовый, разглядывая ее, как голодный поджаристые ватрушки.

Самострел выскользнул из ослабевших пальцев, Ярина пошатнулась, вцепилась в ворота, которые сей же миг беззвучно отворились.

Боясь увидеть полыхающее подворье, она не сразу решилась оглядеться, но когда подняла голову, обомлела.

О пожаре напоминали только самострельные болты, торчащие из потемневшего теса: ни огня, ни дыма. Даже курятник погас.

– Это не могла быть я, – забормотала она. – Я не чародейка.

– Так-то оно так, – веско подтвердил домовый, – сил в тебе, почитай, совсем немного. Волшбу почувствовать, заговор сотворить, траву целебную найти – для знахарки самое оно, но в чародейки не выбиться. Однако ж, это ты дом спасла.

По мнению Ярины, ничего она не сделала: наставить самострел на мужиков – никакой не подвиг, а глупость, сделанная от отчаяния, но дед Торопий считал иначе.

– Говорил я тебе, – пробурчал он, вертясь под ногами и

подталкивая ее к крыльцу, – дом старый. Чарами он полнится, хозяйка моя сколько билась, а до конца тайн его понять не смогла. Уж как серчала она, как серчала. А ты, девонька, я так мыслю, защитить нас с ним хотела, верно?

Ярина покивала: да, мол, хотела, но сколько она себя помнила, одного желания всегда было недостаточно.

– Вот волшебба и откликнулась. Так что, как ни крути, теперь ты тут новая хозяйка. Полноправная, раз дом тебя признал. Принимай хозяйство.

Ноги перестали держать, стоило переступить порог, Ярина плюхнулась на пол и принялась тереть лицо, пока домовый суетился вокруг, стаскивая с нее валенки и кожух. На слабые протесты он внимания не обращал.

– Дедушка, я не могу, мне ехать надо.

– Куды ж ты раненая поедешь? Дай перевяжу!

– К сестрице, в Ольховник. – Пришлось сказать правду, не станет же дедок ее выдавать. Хотя наверняка у него возникнет вопрос: почему она добиралась в предгорья полузаброшенными путями через мелкие села, вместо того чтобы ехать одним из трех южных трактов?

Домовой уставился на нее, как на блаженную:

– Одной, через нашу глушь? Без проездной грамоты? Девонька, да у нас с осени стражи стоят на ближайших трактах. Как ты вообще проскочить хоть один пост умудрилась, хотел бы я знать. Как чародеи помирать начали, зашебуршило все кругом. Колдун окаянный нашего брата перебаламутил,

гонять начал. К лешему приставал, Дивья Пустошь у него, видишь ли, гудит. А как леший ушел, совсем житья не стало.

Тут дед Торопий замолчал и смерил ее внимательным взглядом, дальше он продолжил тихо и вкрадчиво, у Ярины даже мурашки по спине побежали от непонятого предчувствия.

– Ежели ты кружным путем решила в Ольховник добираться, подорожная надобна. А за ней к колдуну на поклон идти, только в деревне лучше не появляться, потому как с этой сволочи станется тебя шпиенией посчитать. А вот если письмецо сестре твоей отправить, тогда дело другое.

– Не могу я, – выдавила Ярина. – Это важно. Человеку не доверишь.

– Дык, найдем того, кто послание снесет до города, что-нибудь придумаем, а ты пока тут похозяйничай. Оправься, вон тебя как резанули. Живо на лавку. – Домовой продолжил бегать из угла в угол, то подтаскивая бадью с водой, то доставая из резного ларя корпию, а Ярина все боролась с болью и усталостью, вытирая окровавленную ладонь об и так уже изгвазданную рубаху.

– Просьба у меня к тебе будет, опять же. – Торопий присел рядом, алые глазки домового внимательно изучали ее. – А коли важно так, придумаем что-нибудь, – добавил он, видя, что она хочет возразить. – Доставим весточку, а ты пока отдохнешь. Останься, детонька, помоги старику.

Как тут было не согласиться?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сразу разговора не получилось: все серьезные беседы домовой пресек на корню. Рана была неглубокой – удар на себя принял кожух, но кровила сильно, хорошо хоть шов не требовался. У Ярины голова шла кругом от бурных попыток дедушки залечить ее едва ли не до смерти, но она не противилась. Сил не было. К восторгу домового, крепко-накрепко запертая и заговоренная дверь спальни, куда ему в отсутствие хозяйки не было хода, открылась. Как и дверь в подпол, которая и вовсе была раньше не видна.

– Это ж надо, почитай, десять зим тут живу, никто эту дурную дверь найти не мог. Даже топор полы не брал. Хозяйка билась, билась, столько чар перепробовала, все без толку, даже топором разокхватила, – бормотал он, подбрасывая поленья в печь.

Ярина наспех затянула жгут и поплелась проверять травы, чтобы остановить кровь и смазать ушибы. Запасы у предыдущей хозяйки избы оказались престранными. С большей частью сборов, лежавших в сенах, можно было попроситься: что пожухло, что размякло, что изначально было неправильно приготовлено. Но Ярине хватило и малого: сушеный спорыш и ивовая кора помогут, а с остальным можно разобраться позже. Сейчас ей Ярине не было дела до запасов моло-

чая, переступня или болиголова. Лежали год, подождут еще немного.

Домовой как раз выбирался из подпола, когда Ярина закончила разбирать травы. Обычно ухоженная борода топорщилась, рубаха и штаны были покрыты паутиной, а взгляд суетливо бегал из стороны в сторону.

– Что там, бабушка? – вяло спросила Ярина.

– Ничего, девонька. – Домовой брезгливо стряхнул пыль и побежал за печку, чиститься. – Потом разберемся.

В другое время Ярина непременно сунула бы нос в подпол, но пришлось сосредоточиться на приготовлении снадобий.

– А готовых у твоей хозяйки не осталось? – Ивовая кора совсем рассохлась. Можно было бы сходить к реке, нащипать свежей, да откуда сил на это взять?

– Поглядим!

Торопий, уже чистый, как из бани, затопал в горницу, долго гремел там чем-то и наконец, пыхтя от натуги, выволок целый поднос с пузатыми пузырьками. Настойки и зелья поражали: искристо-золотые, туманно-серые, мутновато-бордовые, некоторые и вовсе поблескивали в солнечных лучах, но вот беда, никаких надписей. Ярина отколупала пробку с самого безобидного на вид – в нежно-сиреневой воде со дна поднимались пузырьки. В нос тут же ударил запах гнилого болота, тошнота подкатила к горлу.

– Не пойдет это, бабушка. – Ярина со вздохом вернула

зелье на место.

Что бы ни скрывали в себе снадобья, от них разило колдовством, аж зубы сводило.

– Не разбираешься? – расстроился домовый.

– Знаю, что сила в них, а определить не могу.

Сестрица бы справилась: силы Нежке было не занимать, куда там матушке, промышлявшей наговорами и знахарством. Даже отец гордился. А ведь он обычно колдунов недолюбливал, предпочитал добрую сталь.

Как же: настоящая чародейка в семье! Пусть и неученая. Самой Ярине достались какие-то крупички дара. Сказать стыдно.

Два дня она провела на печи, укрытая всеми найденными в доме одеялами. Но все равно зуб на зуб не попадал – озноб ломал кости, ввинчивался в виски. Мазь из спорыша помогла – синяки сходили, а вот порошок ивовой коры действовал плохо. Открывала глаза Ярина только для того, чтобы в полудреме выползти на двор или съесть похлебку, приготовленную домовым.

– Ничего, – басил дедок. Он частенько забирался на печь и прикладывал к ране тряпицу, смоченную в крапивном настое. Где найти его умудрился? – Ты девка молодая, здоровая. Выкарабкаешься. Это ж разве рана? Так, царапина. Вот

жил я как-то у вояки одного в хоромах...

Под это бормотание Ярина забывалась тяжелым сном и просыпалась, чтобы выпростать руку из-под душного вороха одеял и нашарить кружку с ягодным взваром, унимающим жажду.

Очередной переполох случился на третью ночь: низкий протяжный вой сплетался с истошными воплями, рождая такую мешанину звуков, что Ярину подбросило на печи.

– Дедушка?

Вой перерос в визг, словно одновременно сотню поросят резали. Она неуклюже сползла с печки и лишь теперь поняла, что комнату освещают не свечи или волшебный светильник: из окон, раздирая ночную темень, льется ледяное белое сияние.

– Куды ты встала, егоза? Полезай обратно. Без тебя разобрались. – Домовой обнаружился у оконца. Ни режущий глаза свет, ни звуки, от которых дребезжали миски на полках, его не волновали. Задумчиво жуя пирожок, он наблюдал за чем-то, но Ярину к окну не подпустил. – Ложись, говорю!

– Что случилось? – Под грудой одеял стало жарко, пришлось отпихивать их ногами. Жар ушел, одна слабость осталась, завтра можно будет встать. Ярина не привыкла болеть. После побега Нежки работы по дому и огороду прибавилось, а матушкины снадобья быстро ставили на ноги.

– Ничего. Завтра расскажу. Спи.

Домовой забежал от окна к окну, постукивая коготками по

стеклам, те в ответ меркли, пропуская внутрь серебристые лунные отблески. Но свет Ярину не тревожил, отвернувшись к стенке, она провалилась в сон-воспоминание.

Ярина отложила щетку, отбросила выбившуюся из-под платка косу за спину, и поежилась. Было зябко. Зима выдалась метелистой, никак не желала уступать весне свой черед. То приспустит мороз, позволит вздохнуть свободно, то заново ударит. Прижаться бы к печке, но полы нужно было доскрести, а потом сесть за оставленное матерью задание по саргонскому языку. Еще бы успеть рубаху летнюю дошить, но с этим подождать можно. Матушка спуска не давала, уроки спрашивала строго. Посевная или покос – обучение она вела без перерывов. Десять зим минуло после бегства в Заболотье, но учить их продолжали как боярских детей. Даже Рагдай, появившийся на свет уже в деревне, хоть и знал о прошлом лишь по рассказам, зубрил даденное.

Тяжело было совмещать уроки с сельской рутинной! Но так оставалась хоть тень надежды, что когда-нибудь они вернуться к прежней жизни. Пусть не в Белом Бору, в другом городе, поменьше. Где не придется гнуть спину от зари до зари, валясь с ног от усталости. И делать лепешки на муке из лебеды в голодное время. Но отец и слышать не хотел о переезде в соседнюю Арсею, где их не достали бы. Настоял, чтобы они

осели здесь. И даже обещание с матушки взял перед уходом, что останется.

– Эй, хозяйки! Есть кто дома? – В окне мелькнуло опухшее лицо местного бортника.

Ярина отерла руки о передник и пошла открывать.

– О, девонька, – неподдельно смутился он, переминаясь с ноги на ногу. – А матушка твоя?

– Они с братцем в Раздольном, на ярмарке снадобья продают, завтра к вечеру вернутся, – ответила Ярина.

Дядька Чет стал захаживать к ним с год назад, как сгибли в пожаре его жена с сыном. И вроде по делу каждый раз, но все норовил задержаться, помочь по хозяйству. Пытался дарить то соты, то неказистые пряники на меду. Рагдай ненавидел его люто. Будто одно присутствие кого-то рядом с матерью отбирало у него память об отце. А матушка ухажера как не замечала.

– Крыша у вас, смотрю, прохудилась, – заметил бортник. – Подлатать бы.

Ярина вздохнула. На плотника не было ни полушки, а лезть самой... Можно бы попытаться, но матушка после прошлого раза строго-настрого запретила самоуправничать. Да и спина все еще не давала забыть, что бывает, когда берешься не за свою работу.

– Вот матушка вернется, тогда посмотрим.

– И стол совсем ветхий. – Дядька Чет заглянул через ее плечо в горницу.

– Его отец делал. – Ярина опустила голову и нахмурилась. Она и без того знала, что хозяйству нужна мужская рука. Но даже думать о том, что кто-то займет место отца, не могла.

Дядька Чет совсем смутился.

– Так, может, я... это...

– Ты хотел что-то? – робко спросила Ярина, мечтая, чтобы он ушел. – Мазь, как обычно?

– Нет, – бортник вздохнул и понурился. – Я в лес иду. Думал, может, вам надо чего. Пойду я, – добавил он тоскливо, когда она покачала головой.

– Доброго пути. – Ярина вежливо кивнула и поспешила захлопнуть дверь.

Хвала Охранителям, отделалась. Сколько ни повторяй себе или Рагдаю, что отца со старшим братом не вернешь, сколько ни думай, что после побега Нежки жить им стало совсем тяжело, а матушке не всю ведь жизнь носить вдовий плат, сердце от таких заходов «женихов» было не на месте.

Закончив с полами, Ярина уселась за написанные на бересте загадки. Вычурные закорючки саргонского никак не давались, но матушка настаивала.

«Ты должна знать травы. А лекари используют названия на саргонском, – говорила она. – Назовут тебе лопух “арктиум”, что ты делать будешь?»

Ярина так задумалась, что не сразу услышала торопливые шаги во дворе. Дверь в сени хлопнула, заставляя вскочить. Мамину поступь она узнала сразу. Почему так рано? Что-то

случилось?

Лицо матери было белее снега. Такой Ярина видела ее лишь однажды. В ту жуткую ночь, когда они бежали из Белого Бора, наперегонки с ветром, а отец подгонял коней, пока те не пали прямо под седоками.

– Риша, беда! – Рагдай выглядел не лучше. Препуганный, брат не понимал, что происходит, и от этого боялся еще сильнее.

Ярина кинулась к матери, обняла ее, ледяную. Сжала дрожащие пальцы в руках.

– Что случилось?

– Надо уезжать, – бескровными губами прошептала та. – Как можно скорее. Ох, доченька!

Велемира, жена Милорада, последние десять зим носившая имя «Мира», никогда и ничего не боялась. Значит, случилось страшное.

– Меня узнали, – выдохнула мать. Ее растерянный взгляд метался по избе. – Хорек один... чародей... Подошел, начал расспрашивать, не жила ли я в Белом Бору. А у меня обереги запылали, видно, сквозь них пробиться хотел.

– Но мы и раньше чародеев встречали. – Ярина обняла Рагдая, но тот вырвался, сверкнув глазами. Еще десятую зиму не разменял, а уже слишком взрослый для бабьих нежностей.

– Встречали, да не тех. Плохо это... десять зим... Он доложит, обязательно доложит!

Даже когда пришло известие, что отец и братец Сивер погибли в одном из боев с Парельем, самообладание не оставляло матушку. А сейчас она закрыла лицо ладонями и готова была разрыдаться. Ярина не понимала этого ужаса. Раньше матушка не боялась ездить на ярмарки, и колдуны ее не пугали. Но спросить не решилась. Разговоры о прошлом в доме были запретными.

Слабость была минутной. Мать тяжело перевела дыхание, голос ее зазвучал отрывисто и резко, падая приговором тому, что осталось от их семьи.

– Нам придется уезжать и немедленно. Я возьму Рагдая с собой, попытаемся пробиться в Арсею, нет, подожди! – она подняла руку, призывая открывшую рот Ярину к молчанию. – Лучше разделиться. Поедешь в Ольховник. К Нежке. Иначе с ней связаться не получится, письмам доверять нельзя. Возьмешь лошадь и поскачешь севером, не выезжая на тракты. Через веси будет дольше, зато надежнее. Ни с кем не говори, никому не доверяй. Нам лошадь не понадобится, пойдем лесами, в них можно укрыться. Все письма от нее возьмишь с собой, сожжешь по дороге. Нежана с Тильмаром в помощи не откажут. Я буду оставлять метки по дороге, у озер. Осядем на побережье, большего не скажу. Тильмару найти нас труда не составит. Не стой и не возражай. Собирайся. Едешь немедленно.

– Матушка... – попыталась возразить Ярина, но ее не слушали, мать нахмурилась, резко проводя по воздуху сверху

вниз узкой ладонью.

– Ты не сможешь. Если будет погоня, мы укроемся в лесу, а позабочусь о нем. Собирайся, дочка.

Ярину недоверие обижало. Брату безопаснее будет поехать с ней и найти приют у Нежки, ведь погоня помчится не за ними. Да и помчится ли вообще? Десять зим прошло, мало ли, что колдун тот усмотрел. Может, матушка ему просто глянулась – несмотря на тяготы, она все еще была красавицей. Однако спорить было бесполезно. Ярина безропотно покидала в котомку нехитрый скарб, надобный в дороге. Лошадь мчала ее прочь уже через два часа, на виду у всей деревни, пока мать с Рагдаем пробирались к лесу тайком...

Лицо щекотали солнечные лучи. Под утро Ярина все же перекатилась на другой бок, скидывая последнее одеяло, и теперь слушала, как дедушка возится в спальне. Сон-воспоминание вышел до того ярким, что сердце опять захолонула тревога. Зря она поддалась на уговоры и решила остаться, надо было спешить, может, помощь нужна. Может, их поймали!

«Раскудахталась! – Ярина обругала себя, гоня мрачные мысли. – Матушку в лесу даже отец подчас найти не мог. Ее давно след простыл, а если быстро уйти не удалось, наверняка леший помог, он ее давно привечал».

Снова уснуть не вышло, бока ныли не только от ушибов, еще и от долгого валяния, поэтому Ярина спрыгнула на пол, одергивая новую рубашу – подарок домового. Тот вытащил ее из хозяйского сундука: на кульке многозначительно переливалась невредимая печать портного из самого Парелья.

До пят, из нежнейшего серебристого шелка, не по росту длинная. Красивая до жути, поэтому сил отказаться не хватило. В такой не стыдно и в зеркало смотреться. Да и вообще выглядела Ярина теперь куда лучше. Физиономия больше не напоминала лицо селянки, муж которой решил доказать народную поговорку «бьет – значит любит». Отек почти сошел, только синяк, набрякший на скуле, отливал желтизной. Но хоть перестал «оттенять синеву глаз», как выразился дедушка, пытаюсь ее утешить. Красота да и только!

В горнице пахло пирогами, но сунуть нос в печь Ярина не успела, отвлеклась на лежащее на столе ожерелье, сплетенное из веточек и сухих ягод. Узор получился затейливым, хотя непонятно было, на чем держался до сих пор. Самым странным выглядели крупные изломанные вкрапления янтаря, они смотрелись чужеродно в обрамлении красных бусин рябины, но взгляд притягивали – не отвести.

– Проснулась? Лучше тебе? – Домовой услышал шум и тут же перестал наводить чистоту, выглядывая из спальни.

– Доброе утро, дедушка. – Ярина улыбнулась в ответ и неловко потерла перевязанное предплечье. Рана уже не болела, а чесалась. Хороший знак, значит, скоро заживет.

– А раз лучше, садись завтракать. Я тут силки ставил, зайца поймал. Тебе ж мясо надобно. От похлебки сил не прибавляется. – Дедок решительно оттеснил Ярину к столу и принялся хозяйничать.

Тушеное мясо больше не лезло, а глаза начали слипаться от сытости, когда домовик взял деревянную лопаточку и со всей бережностью пододвинул ею ожерелье к Ярине.

– Знаешь, что это?

– Оберег. – Она с трепетом провела над ним ладонью. Чары покалывали кончики пальцев, но определить больше при ее ничтожных способностях было невозможно.

– Не совсем. По-вашему, это что-то вроде местной короны лесной.

Охнув от восхищения, Ярина во все глаза уставилась на самую настоящую волшебную вещь, дающую возможность лесовикам становиться хозяевами леса. Лешие в своей вотчине были почти всемогущими, ведали и деревьями, и зверями, и теми, кто ступал на извилистые тропы. Нечисть не подпускала людей к своим тайнам, мало кто разбирался в тонкостях. А это была самая что ни на есть сокровенная тайна.

– Обычно такие вещи сами лесовики плетут из того, что деревья добровольно отдали. Силой поделились. А это наш брат носить не может, тронешь – сгибнуть можешь, тут...

– Истинный янтарь. – Ярина осторожно дотронулась до покатых камешков, переливающихся всеми оттенками медо-

вого. – Кровь дивьего народа. Давно ушедших. Для вас самих это хуже яда.

– Верно. – Домовой глянул так пристально, что она смутилась и убрала руки, сцепляя их в замок. Нашла перед кем знаниями хвастаться! – Вижу, тот, кто тебя учил, делал это на совесть. Жила-поживала себе дивь, пока война с чародеями не началась. Очень уж те их кровь ценили за силы небывалые. Сражались они, сражались, а потом глядь: и нету больше диви. Только Пустошь янтарная на месте их царства осталась. Да кровь-янтарь застывшая, из которой колдуны себе побрякушки делают. Себе на радость, нечисти на погибель. А раз ты сие знаешь, должна понять, что не лесовик ожерелье сие плел. Человек. Владелец здешних мест и избышки этой во времена незапамятные. Мне ожерелье леший передал зверями своими, когда уходил. А ему – предместник его, что под старой дубравой нынче вечным сном спит. Передал не просто так, со словами: мол, коли случится чудо и появится тут хозяин – с чистым сердцем, которому дом подчинится, все тайны откроет. Тому и отдать. Кумекаешь?

Скверно. Очень-очень скверно! Ярина еще не успела сообразить до конца, а уже головой мотала:

– Дедушка, я же не чародейка! Кроме трав не разбираюсь ни в чем.

– Так-то оно так, да изба твоя по праву. Хозяйка моя бывшая, она ведь долго защиту ломала, чтобы здесь обосноваться. И я ей помогал. Десять зим мы тут жили-поживали, но в

подпол попасть не могли. Закрыт он был намертво, ни одни чары не брали. А уж хозяйка до чего кудесница была справная.

– Мне ехать надо, – зашептала Ярина, отводя глаза. Домовой не знал ее: все эти великие дела, ответственность за лес – не для нее. Она даже до сестры без приключений добратся не смогла.

– Яринушка! – взмолился дедок. – Сжался! Когда еще старый пень вернется, а безобразий в лесу день ото дня только больше становится. Сделай милость, соглашайся, я тебе подмогну. И с нечистой договориться, и колдунство какое насоветовать. Ведь некому больше! А как вернется вестник мой от лешего, сразу письмо сестрице отошлешь, ежели раньше гонца не сыщешь. Сама подумай, не всякий лесовик сюда забредет, не всякого лес примет, силой одарит. Ожерелье же кроме тебя передать я никому не могу. Боюсь я его! Не знаю, что за чары такие в камнях кровяных, ни один из наших к нему не притронется, а вашему племени ни на грош не верю, да и не дастся оно кому другому. Подсоби старику! Все для тебя сделаю!

Ярина не знала, куда глаза девать, взгляд то и дело упирался в проклятое ожерелье, которое связывало по рукам и ногам. Правду говорят: назвался груздем, полезай в кузов. Не хотела она такой ноши, если не справится, а ведь не справится, то дедушка поймет, что проку с нее не будет. На том и кончится все. Но в груди уже жгло желание хоть раз в жизни

сделать что-то полезное. Самой.

– Я не знаю, что делать, – сдалась Ярина. Ожерелье оказалось увесистым, стоило взять его в руки, капля янтаря вспыхнули, алые засохшие ягоды снова налились соком, а давно пожухшие листики зазеленели.

– Ты надень его, надень! – Домовой чуть на стол не влез, пытаясь разглядеть преобразование.

Замысловатая застежка сама раскрылась, приглашая попытать счастья, Ярина помедлила, но сомнениям сейчас не было места, да и подвести дедушку было бы нечестно.

Ветки переплелись на шее сами, в тот же миг перед глазами вспыхнула вереница образов. Лес зашумел, приветствуя новую хозяйку: Ярина ощутила себя каждым сонным деревцем, каждой травинкой, пробивающейся сквозь мерзлую землю. Кое-где на прогалинах уже зеленел низенький ковер, почки набухали на ветках. В болотах тоскливо перекликались кикиморы, мужики из деревни, боязливо оглядываясь, рубили молодые березки недалеко от опушки, и вместо крови на стволах выступал сладкий сок.

Ярина чувствовала и боль погибающих деревьев, и тяжесть не опавших веток на старом дубе, который мечтал сбросить их. Она была живой криницей и веселым ручьем, который нес воду в тронувшуюся реку. Она была камнями на границе с мрачным оврагом, которые были такими старыми, что помнили, как за двумя холмами поднимались ввысь острые шпили давно исчезнувшего города; они ненавидели но-

вое соседство и старались беречь лес от бродящих вокруг теней. Она наблюдала за ворочающейся в берлоге медведицей и непоседливыми медвежатами. Смотрела за волками, которые из-за деревьев облизывались на трапезу упырей, грызущих одинокого охотника, от отчаяния наплевавшего на опасность. Видела, как бредет по лесу босоногая простоволосая девушка в драной рубахе. И одновременно Ярина стояла на опушке, глядя на деревню; парила над лесом, который обнимал со всех сторон гиблые топи и простирался почти к самой Пустоши; была внутри, чувствуя дыхание каждого лесного обитателя и тех, кто нарушал покой вверенной ей земли.

Слепящая вспышка перед глазами заставила вскрикнуть, Ярина ничком повалилась с лавки. Прежде чем сознание померкло, она еще успела почувствовать, как ожерелье соскользнуло с шеи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Головокружение было таким сильным, что Ярину долго выворачивало наизнанку. Домовой хлопотал, подсовывая то ягодный взвар, то влажную тряпицу, чтобы вытереть лицо, и выглядел он виноватым донельзя, но ей было слишком плохо, чтобы его утешать. Ожерелье так и валялось на полу. Наверняка его создатель был великим чародеем, раз управлялся с вещью такой силы, изначально не предназначенным для людей. У нее же не получилось ни с первого раза, ни с десятого.

За каждую попытку Ярина расплачивалась тошнотой и слабостью. Двух дней бесполезных усилий раньше было бы достаточно, чтобы бросить все и посчитать себя бездарью, но наследственное упрямство наконец решило проявить себя.

Минул третий день, и дело пошло на лад: стоило лишь научиться не расплывать внимание, а сосредотачиваться на чем-то одном. Удобнее всего оказалось наблюдать сверху: лес был огромен, дремуч, живности в нем бесчисленное количество. И «не-живности» тоже: упыри, вурдалак, даже парочка мрунов, от вида которых в горле вновь горьким комом поднималась тошнота. Добросовестный леший мигом бы сумел спровадить нежить за грань, а потом и замкнуть охранный круг, здесь же, в еле заметной паутине серебристых ни-

тей, сводом накрывающей и чашобу, и редколесье, то там, то здесь зияли почерневшие с краев бреши. Вряд ли они появились из-за ухода прежнего владельца – если Ярина хоть что-нибудь понимала, то дыры кто-то намеренно пробил. Оказывается, ожерелье считало ее владениями еще и топи, где копошились кикиморы и болотники, но эту мысль хорошенько обдумать она не успела, другое увлекло.

В лесу не было ни одного человека: ни лесорубов, ни охотников, ни желающих испытать защиту избушки на прочность. Словно что-то выгнало людей за невидимую черту. Впору задуматься, а не она ли это, со своими опытами. Только на опушке сидел кто-то, завернутый в плащ с ног до головы: то ли ждал кого, то ли просто остановился перевести дух.

– Яринушка, отдохни. – Голос домового раздавался будто издалека. Внимание начало рассеиваться, пришлось поспешить и стянуть ожерелье, пока чары со всей силы снова не попыталась ввинтиться в сознание. Жаль, пока Ярина не могла почувствовать волков. Те исстари слушались лешего, сейчас их защита очень пригодилась бы. Не все же сидеть в четырех стенах.

Дедушка встревоженно глядел на нее, в его руках парила кружка с отваром. Ничто так не снимало тошноту, как несколько капель настоя белены, прекрасно сохранившейся в сенях. Ярина готовила его долго, боясь ошибиться – помирать в страшных корчах не хотелось.

Дурнота отступила, медленно прояснялся разум, поэтому

она позволила себе выползти на крыльцо, кутаясь в лисью шубку – очередной подарок домового, – подышать свежим воздухом.

Который при одном взгляде на частокол застрял в груди намертво.

– Ч-что это? – обморочным голосом пробормотала Ярина, оседая на ступеньки.

Улыбка домового могла бы солнце затмить, так он был доволен.

– Это? – указал он пальцем на белые человеческие черепа, красовавшиеся на кольях. – Это защита наша новая. Давеча завывало, помнишь? То ж колдун поганый к нам лез. А они появились, как заголосят, болезные. Глазищами как засверкают! Колдун так и покатился. С тех пор тихо все.

Черепки довольно скалились и кивали, постукивая друг о друга лысыми головешками. Ярина ощутила острое желание тоненько завывать.

– А можно их как-нибудь того, обратно невидимыми сделать?

Ей показалось или на безглазых лицах появилось обиженное выражение?

– Кабы я знал, – поскреб затылок домовый. – Ты что, черепушков спужалась? Ты их не бойсь, что с них взять, охранники они справные, тебя не тронут, не обидят. Хуже живых людей никого нету, так я тебе скажу. Даже бродячие покойники ваши не такие паскуды. А эти, подумаешь, зубьями щелкают.

– Извините, – выдавила Ярина, переводя взгляд на новых охранников. Те опять закивали, на этот раз милостиво. Или это после ожерелья всякая невидаль мерещилась?

Нет, бояться меньше она не стала: страх держался не за чувство опасности, а за непостижимые образы. Но пугаться теперь стало стыдно.

Дышать свежим весенним воздухом расхотелось, Ярина вернулась в горницу, подумывая перебраться с печи на кровать. Домовой в спальне прибрал. Всю одежду из сундуков перетряхнул, грязь по углам смел. Презрев осторожность, вымыл миску с успевшей зацвести водой и плавающими в ней черными хлопьями. Посудина источала такой аромат, что и угореть было недолго. Да и вообще в избе царила противоестественная чистота, воздух был легким и свежим, не сдавливал грудь по ночам. Казалось, мыши с клопами и тараканами за версту подворье обходили. Полы скреблись, горшки чистились, половики стирались. И все это без ее участия. Ярина, привычная к тяжелой работе, чувствовала себя боярышней-лентяйкой: так ее с самого детства не обхаживали.

– Яринушка, хочешь ватрушку?

Она хотела. Но если сидеть без дела, да трескать ватрушки с повидлом, то так недолго и в старостину дочку превратиться. Когда Тиша садилась на лавочку у изукрашенной резьбой избы, доски под ней жалобно скрипели. А ведь считалась на деревне первой красавицей, не то, что они с Нежкой. Их иначе как заморышами не называли.

– Нет, дедушка, давай лучше в подпол заглянем. Может, прежний хозяин там какие-нибудь книги оставил или записки. – Ярина перестала теребить кончик русой косы и сцепила руки в замок. На ватрушки с поджаристыми бочками она старалась не глядеть.

Домовой тут же скис, всем видом выражая желание уйти от разговора.

– Воля твоя, девонька, токмо ежели ты черепушек боишься, что с тобой будет, коли узришь цельный шкелет? Я старенький, слабосильный. Как тебя поташу, коли в забытье свалишься?

«Старенький и слабосильный» третьего дня волок сундук с одеждой на крыльцо самолично, отказавшись наотрез от помощи, но... Погодите-ка!

– Что за шкелет? То есть, скелет? Откуда в подполе скелет? – Ярина нервно вскочила, коса, взметнувшись, хлестнула по спине.

– Поди знай, – пожал плечами домовой. – Старый владелец наверняка оставил, больше некому. А мож он сам это и есть. Ты не бойсь, он не ходячий. А меч мы вытаскивать не будем.

Теперь еще и меч. Говорят, лучше один раз увидеть, вот и Ярина предпочла разобраться во всем на месте, направляясь обратно в сени. Тяжелая крышка люка поддалась не сразу, а стоило открыть ее, как снизу пахнуло могильной стужей, и пальцы мигом заиндевели. Но Ярина упрямо вцепилась в

лесенку, спускаясь, пока домовою подсвечивал путь.

Сухой ледяной воздух царапал горло. Под сиянием зажженных светильников проступали очертания подвала: свет выхватил ровные стены, словно облитые темным медом. Внутри переливались мельчайшие пузырьки, поблескивая, как алмазная пыль. Но, несмотря на эту застывшую красоту, жутко здесь было. Хотя что может быть хуже, чем снежно-белый скелет, лежащий на высоком столе посреди комнаты. Ребра пробил широкий двуручный меч, лезвие насквозь пронзило толстую столешницу. Кости должны быть очень старыми, но не было в них ни единого желтого пятнышка, как не было ни единого намека на остатки плоти. А ведь в таком холоде тело могло храниться веками.

Меч оказался самым простым: никаких завитушек, украшений, кроме полированного до блеска оникса в навершии.

– Не встанет. – Домового мрачное окружение ничуть не смущало, он влез на стол и побарабанил пальцами по черепу.

– Дедушка, не надо! – Ярина и сама не могла понять, что ее так напугало. Скелет и скелет, можно подумать, она их не видела никогда. Даже если оживет, бегать у него уже не выйдет. Как тут побегаешь, когда одни кости. Суеверные страхи нужно было изживать и чем быстрее, тем лучше.

Больше в подполе ничего устрашающего не было: небольшой ларь в дальнем углу, полки, заставленные ровными рядами мутных от времени бутылок без подписей, огромный котел да толстенная книга с сиротливо завалившейся за нее

кипой листков, перевязанных тесемкой.

На стенках котла переливались медом те же потеки, что и на стенах. Трогать их Ярина не решилась, а вот Торопий сунул нос внутрь и едва на зуб подозрительную смесь не попробовал.

– Намертво пристыло, – возвестил он. Ковыряние ножичком ничего не дало, даже царапинки не осталось. – Занятно, что бы это могло быть?

К бутылкам тоже лучше было не лезть: из толстого матового стекла, запечатанные, на них осел плотный слой пыли. Ярина встряхнула первую попавшуюся, но привычного бульканья не услышала.

– Вот так откроешь одну, а вылезет из нее якась холера, – пробурчал домовой. – Знавал я одного домового, он у мудреца вековал. Тот сказывал, что в дальних странах водится нежить жуткая, невиданная, в бутылках селится. Как испить захочешь, вытащишь пробку, а оттуда на тебя кидается харя зубастая. Хрусть и нету. А харя ржет и обратно в бутылку закупоривается, до следующего раза.

Трогать бутылки сразу расхотелось. Нет, в байки про злобные хари Ярина не верила, но вот летучий яд внутри вполне мог быть. И даже не потерять силу за века. Домовой держался рядом, старательно изображая спокойствие, но Ярина видела, как он то и дело теребит пояс. Она начала подбираться к ящику, когда дедок окликнул ее, открывая одну из книг.

– Запертый он, Яринушка. Я еще в первый раз проверил.

Ты лучше сюда глянь. Как мудрено писано, ни единой резы не разобрать. Каракули одни.

Тяжеленный талмуд явно был написан вручную – мелким убористым почерком, одни завитки и закорючки. Ярина поднесла его поближе к свету и разочаровано застонала. Проклятые мудрецы, обязательно им нужно язык позаковыристей выбрать!

– Что там? Что? – Торопий прыгал вокруг, пытаясь заглянуть в книгу.

– Саргонский, дедушка.

Судя по тому, что она с трудом разбирала отдельные слова, не простой, а древний. Хорошо, если получится разобрать десятую часть написанного.

Забыв и про ящик, и про котел с бутылками, и даже про скелет, они с домовым выбрались из подпола и обосновались за столом. В почерневшем от времени серебряном окладе светились алым яхонтовые вставки. На страницах среди мелкой вязи букв шли рисунки удивительных сокровищ, отрисованных до каждой завитушки.

– Эдак мы ничего не разберем. – Домовой не скрывал своего разочарования. Ярина, может, и смогла бы расшифровать, но на это требовалось время. Много времени, а ей и без этого было чем заняться.

С пожелтевшими от времени отдельными листками тоже оказалось все не очень хорошо. Неизвестный писал старыми резами, но что это были за резы! Написанные наизнанку, в

слова они никак не складывались. Ярина крутила страницы и так и сяк, а домовой даже осколок зеркала притащил, но и в нем слова, собранные из отдельных символов, не имели ни малейшего смысла.

– Шыфир какой-то мудреный, – покачал головой Торопий. Ярина же с острой тоской поняла, что возможности понять написанное не представится. Отец разбирался в тайнописи, в детстве даже учил их простенькому способу, Нежка после побега так писала им письма. Но отец мертв, а больше рядом не было никого, кто смыслил бы в шпионских премудростях. Разве что Тильмара спросить, если она до него когда-нибудь доберется.

Ярина еще немного поразглядывала рисунки в книге: сокровища были прорисованы с такой бережностью, что выглядели настоящими. Были там и броши, и кольца, и гривны, и даже пара венцов. Краски не выцвели. Искрились синим и алым яхонты, переливались оттенками зелени смарагды. Особенно запомнился огромный адамант в одном из золотых венцов.

Чем дальше, тем чаще мелькали украшения из янтаря. Слишком яркий для обычного алатырь-камня, слез деревьев, с первого взгляда понятно: это тот, что чародеи древности добывали ради силы, убивая иных существ – дивь. И они, и чудь последние восемь столетий жили лишь в печальных историях и страшных сказках, которыми матери обычно пугают непослушных детей. «Вот будешь ходить к дальнему

колодцу один, прилетит за тобой дивь, разорвет когтями на части, обглодает твои косточки». В деревне эту присказку повторяли на разные лады, только не помогала она: ребятня постарше на дивь даже ловушки ставила. Но если предания не лгали, украшения из чьего-то сердца или глаз не казались Ярине прекрасными.

– Что-нибудь полезное нашла? – спросил домовой.

– Нет. – Она с сожалением отложила книгу и взялась за листки: схемы, зашифрованные письма, черепа на полях, снова схемы. Часть зачеркнута так, что не разобрать.

Потрясенная догадкой, Ярина пролистнула на пару страниц назад и уставилась на рисунок. Что-то он ей напоминал. Горе-ожерелье лежало на столе, только руку протяни. Веточки, ягоды, бусины янтаря, сейчас тусклые и мутные. Чудилось ли, что их переплетение похоже на рисунок в дневнике?

– Похоже. – Торопий залез с ногами на лавку, вторя ее мыслям.

– Вот тут помечены узлы, они совпадают с местами, где янтарь крепится. – Ярина провела пальцами по сразу ожившему ожерелью. – Звездочки – это ягоды рябиновые. Знать бы, что за стрелки вокруг.

– Загадка, – вздохнул домовой. – Утро вечера мудренее. Разберемся. Хочешь ватрушку?

Ночью пришел кошмар: она раз за разом вонзала меч в

спящего мужчину, который потом оборачивался скелетом, что лежал в подполе. В провалах глазниц танцевали янтарные отблески.

Ярина проснулась с криком.

Но утром все забылось. И когда она вновь упражнялась в мысленных полетах над лесом, оказалось, что закутанный в плащ человек все еще торчит на пеньке.

– Кого он там высиживает? – бормотала Ярина себе под нос, наблюдая из-за чахлой березы за недвижимой фигурой. Постоянное присутствие на взлеске чужого заставило спуститься на землю и наблюдать издалека. На охотника не похож. На путника? На путника похож, но какой дурак станет отдыхать целый солнечный оборот. Да еще в таком дорогом плаще. Не нужна ли ему помощь? Может, нужна, но не знахарки, а могильщика?

Чувствуя, как ожерелье тяжелеет и отчего-то наливаются жаром, Ярина все же попыталась подобраться поближе. Главное, за деревья не выбираться. Еще только чуточку, все равно никто не увидит...

Сидевший дернулся, резко поднимая голову, и в Ярину вперился взгляд синих глаз, полный лютой стужи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сперва Ярина не поверила. Как можно видеть того, кто сидит за пару верст в теплой избушке, а не дрожит рядом под весенним ветром? Но сомнений не оставалось – буравили взглядом именно ее, вряд ли незнакомца привлекли голые березки, он на них не один час смотрел.

Оборотень? Но и тот бы не учуял. Да и не жили они в Дивнодолье, не привечали их тут.

Можно было немедленно вернуться в избу, снять ожерелье, но злоба, которой ее окатили, приковывала к земле, не давала сосредоточиться. Или путами послужила не злоба, а сила, расходящаяся от фигуры в плаще удушливыми волнами?

«Колдун!» – пронзила сознание мысль, когда мужчина поднялся и решительно зашагал к ней.

Солнце светило ему в лицо, но он даже не морщился и взгляда не отводил. А вот Ярина отвела. Чародеев за всю жизнь так близко она видела дважды: первым стал Тильмар, застрявший в их дыре по нелепой случайности во время половодья, вторым – его друг, привезший спустя две зимы известие, что Нежка родила дочку. Сестрицын муж и его приятель были молодыми приятными парнями, нисколько не оправдывающими сельские слухи. Ни рогов, ни копыт, ни

бесовского хохота или игрищ с упырями.

Этот тоже был молод, но, земля-матушка, до чего ж страшен! Высоченный, худющий, темные волосы лезли из-под капюшона. С посиневшими от холода тонкими губами и запавшими глазами. Пальцы будто судорогой сведены, а лицо... Может, колдуна и можно было назвать приятным, но только до того, как его изуродовали, а после какой-то косо-рук неправильно рану зашил – шрам был недавний, перепахал щеку от самого виска до подбородка.

Так что, когда колдун остановился на краю опушки, у Ярины уже коленки от страха дрожали.

– Не подходи, – прошептала она, вцепляясь в косу мертвой хваткой. А вдруг не слышит? Вдруг все это сон дурной, не больше?

– Ну, здравствуй, – раздалось в ответ хрипение. – Та самая ведьма, я полагаю?

– Нет! – выпалила Ярина, набрав воздуха в грудь. Но ее потуги никто всерьез не воспринял. Внезапно до нее дошло, что это не просто колдун. Это тот самый колдун, которого недобрым словом поминал домовый. Не гость из родительского прошлого. Чародеи не стали бы гоняться за семьей бывшего воеводы по всему Дивнодолью, вопреки убеждению матушки. Нет, это местный баламут, из-за которого пострадала она и страдает нечисть. Ужас схлынул, оставив лишь возмущение и чувство опасности.

– Не морочь мне голову, девчонка! – Голос у колдуна был

то ли сорванный, то ли простуженный намертво. – Ты теперь в избе живешь!

– Ну и что? Все равно я не ведьма!

– А кто? Дура необученная, которая даже элементарную защиту на свою проекцию поставить не может? И проекция хиленькая, никакой стабильности, на поддержание формы уйма энергии идет. В счастливые случайности я не верю, так что кланяюсь твоему актерскому таланту! Изображать идиотку – настоящий дар должен быть. Я бы сделал вид, что поверил, но, прости, много чести. И времени нет.

– Я...

От стыда и обиды Ярина покраснела, но незнакомец ядовито продолжил, не прерываясь.

– Дура бы не смогла на местных напасть. Думаешь, куплюсь на это?

– Напасть?! – тут уж прорвался праведный гнев, оттесняя страх в сторону. Она готова была ногами топтать, если б это делу помогло. – Я напала? Я дом поджечь хотела? И себя ножом полоснула? Да я их пальцем не тронула!

– Ну да. – Когда колдун говорил, лицо у него подергивалось. Жутко – словно застывшая маска. – Только зубами. У Годоты рука вспухла, так он всей деревне поплакаться успел, что у ведьмы клыки ядовитые.

Насмешка была еще обиднее несправедливых обвинений, Ярина могла только губы кусать, ни слова в свою защиту выдать не выходило.

– Шутки в сторону, – отрезал колдун. Плащ за спиной взметнулся, наводя жути, но она уже перешагнула порог, за которым больше страха или меньше – не имело значения. – Говори! Сколько вас еще здесь?

– Где? – растерялась Ярина.

– Брось кривляться! Как ты попала в деревню? Как тебя дом впустил? Как ты умудрилась растянуть барьер не только на избу, но и на весь лес? Кто тебя послал?! Где остальные? Ты не могла быть одна!

– Никто меня не посылал. – Голос дрожал, Ярина снова попыталась отступить, но ноги будто в землю вросли.

– Врешь! – зло выдохнул колдун. – На Пустошь пробивалась?

Она чуть не плакала. Глупо вот так стоять под градом обвинений. Еще позорно разреветься не хватало!

– Немедленно снимай барьер с леса. Вздумала людей голодом морить? Силой померяться не с кем? А ну...

Ушат воды, которую плеснули ей в лицо, заставил Ярину закашляться. То, что держало ее на месте, если что-то держало, разжало когти, и она сдернула с шеи ожерелье, плюхнувшись на залитый водой пол.

– Ты уж прости, девонька. – Домовой встревоженно присел рядом. – Не по нраву мне такие разговоры. Стоишь, глазищи тарачишь, несешь бесовщину, а сама так и трясешься. Ну, я набрал водицы и... С кем это ты?

Ярина все терла лицо: хотелось не столько вытереться,

сколько не пустить на глаза слезы. Тоже нашлась, великая чародейка, владычица лесная! Даже рта раскрыть не смогла.

– Дедушка, я всех людей из леса выгнала, – жалобно пролепетала она. – Колдун сказал.

Домовой всплеснул руками, борода встопорщилась от возмущения:

– Ты это чего? Беседы вела? С этой оглоблей патлатой? Вот так я и знал, что будет беда от этого гаденыша!

– Не в нем дело, дедушка. – Коса намокла, платье и нижняя рубашка тоже, надо было переодеваться, стараясь не думать о том, какой увидел ее чародей: в домашнем, босую и напуганную до полусмерти. Хотя она не стремилась произвести впечатление, но обидно, когда тебя вот так, с одного взгляда, записывают не только во вражины, но и в полные дуры.

– А в чем? – продолжил возмущаться домовый. – Какие такие люди? Не те ли, которые давеча едва дом не пожгли, а тебя чуть на веревке в деревню не притащили забавы ради? Он тебе голову заморочил, а ты уши развесила! Поди любого в лесу спроси – каждый тебе в ножки поклонится, что избавила от человеческого племени. Все кикиморы, водяницы, моховики, болотники. А уж как русалки с водяным благодарны будут! Эти оглоеды пожарищные накануне снежня-месяца² чуть берегиню с дитем в огонь не кинули. Одно слово, люди!

Мокрый лен чуть не треснул под пальцами, с такой си-

² Снежень-месяц – декабрь.

лой Ярина вцепилась в нижнюю рубашку, которую снимала за печкой. В их краях берегинь не было, одни вредные, избалованные вниманием, русалки водились. Но она точно знала: ни у кого не поднимется рука на одно из добрейших существ. Берегини никому и никогда не причиняли вреда, а людей любили, заботясь даже в ущерб себе. Они всех любили. Даже самые отчаянные из лесных татей относились к ним с почтением. А тут деревенские! Хотя если у них такой предводитель, то ничего удивительного.

– Ребенок?

Это только маленькие девочки да наивные боярышни думают, что дети рождаются от большой взаимной любви. У людей чаще наоборот. А вот у берегинь дети только так и появлялись на свет. Не просто от любви, а после того, как мужчина клялся кровью, что разделит с суженой жизнь и давал ей имя. Если огонь, вода и земля принимали клятву, тогда разлучить их могла только смерть. Хотя подчас и она не могла.

– А где был отец? – Переодевшись, Ярина выглянула из-за печки.

– Э-эх, девонька, – домовый горько покачал головой, – погиб он. С колдуном к Дивьей Пустоши отправился и сгинул. Лучше б наоборот случилось. Хороший был мужик, охотник знатный, лучший следопыт. Ходил от до самых Топей, каждую травинку в лесу знал. Всегда приветливый, радостный. Вишь, как случилось, забрала Переправщица его, а не этого...

На колдуна дедушка мог ругаться часами, ни разу не повторяясь, но Ярину беспокоил не чародей-грубиян, у которого оказался на нее зуб. Ведь он был прав – открыть людям лес необходимо, несмотря на то, как они обходились с нечистью и как чуть не обошлись с ней.

Да и пора бы уже научиться управлять силой ожерелья, в книжице – наследстве первого хозяина избушки, подсказок отыскать не получится, тайнопись ей не по силам. Придется самой.

– Дедушка, как бы мне охранный круг поправить? – вернулась Ярина к первоначальной теме разговора, но Торопий ее замысел не поддержал, насупившись.

– Ты хозяйка лесная. Тебе решать, а я лучше стряпать пойду. – Он соскочил с лавки и принялся шуровать тряпкой по полу, убирая остатки воды.

Меньше всего Ярине хотелось обижать того, кто был с ней добр, кто заботился, но обречь на голодную смерть жителей окрестных деревень она не могла. Сильные выживут, а на встречу с Переправщицей отправятся слабые, больные. Так всегда бывало.

– Я ведь тоже человек, – тихо сказала она в спину домовому. Тот расстроено махнул рукой.

– Что ты меня, дурака, слушаешь! – Торопий ухватил горшок с вареной репой и со всего маха ухнул им об стол, одна репка выскочила и покатилась, пришлось ловить и водворять обратно. – Знаю я, что ты иначе не можешь. Баб, детей

пожалела. Ворчу по-стариковски, я же с людьми бок о бок, почитай, три сотни годков. Но как подумаешь: всякое было между вашим племенем и нашим братом, токмо такого беззакония не видел на своем веку. Знать, недоброе здесь творится. Так что не слушай меня, Яринушка. А насчет леса – это ты сама должна смотреть, у тебя глаз видючий. Полетай вокруг, глядишь, чего и вызнаешь.

Так она и думала, но спросить все равно стоило.

Ожерелье знакомой тяжестью обвилось вокруг шеи, с каждым разом управляться с ним было все легче, но должны были пройти годы, прежде чем удастся постигнуть хотя бы половину скрытых в нем тайн. Жаль, у нее нет этого времени. Как же получилось замкнуть охранный круг, не пуская сквозь него людей? Сколько Ярина ни пыталась вспомнить, ничего не выходило.

Серебристый полог был на месте, нити приветственно задрожали, стоило приблизиться и протянуть к ним руку. Странно, они с такой легкостью отзывались на ее призыв... Нет, не ее – хозяйина ожерелья. Пусть чародейского дара в крови была лишь капля, но даже этой капли хватило, чтобы понять: щит творил тот же, кто искусно вплел истинно людские чары в то, что по праву принадлежало лишь лесным сущностям.

Полог казался сильнее, хотя бреши никуда не делись, но с ними можно было разобраться позже. Ярина дотронулась до тонкой паутинки, пытаясь собраться с мыслями, чтобы рас-

плести узор и последовать туда, где нити сплетаются воедино. Полог послушался легче, чем можно было ожидать – по сети зарябили медовые сполохи, ее потянуло за ними, быстрее и быстрее.

Хлоп. Девять каменных глыб, окруженных валежником. Хлоп. Пологий берег речки. Хлоп. Пузырится болотная муть. Хлоп. Крутой обрыв оврага, где по ночам копошатся древние тени. Хлоп. Черная смолистая вода, сомкнувшаяся над головой.

Лишь последнее место запомнить не удалось, наверно, из-за того, что оно находилось не на поверхности. Ярина смахнула пот со лба и волевым усилием вернулась в избушку, пока не снимая ожерелья. Тяжело, очень тяжело.

Если она будет надевать его время от времени, то обязательно что-нибудь пропустит. Придется привыкать.

Домовой с тревогой следил за ней, но не вмешивался.

– А что, бабушка, есть ли у нас на чем писать?

– Ото ж! Во, гляди!

По мановению умелых рук перед Яриной появились белоснежные листки – настоящие! Сколько же зим она не видела хорошей писчей бумаги, приучившись писать палочкой на бересте? Вместо пера и чернил на столе обнаружилась странная тонкая трубочка с заостренным кончиком. Держать его было неудобно и непривычно, резы выходили по-детски кривенькими, но она быстро приноровилась. Чего только чародеи не придумают! Вскоре примерный рисунок леса был го-

тов, узлы, на которых держалась сеть, жирными точками легли на бумагу, а вместо последней в центре рисунка появился знак вопроса.

– Вот! – продемонстрировала Ярина свои художества. – Полог надо под себя настроить, но нужно добраться до одного из этих мест.

Хвала матушкиным урокам! «Кровь не водица, – поучала она, – любой наговор ей усилить можно. Но силу эту использовать необходимо с умом, иначе добра не будет. И себя растратишь понапрасну, и другим не поможешь». Что ж, вот он, случай, когда другого выхода нет. Раз уж с даром не повезло, придется действовать по наитию. Охранный круг должен принять кровь вместе с ее волей. Хотелось бы верить в это.

– К оврагу не вздумай соваться, – предупредил домовый. – А уж к Пустоши – и подавно. Ступишь на нее, схарчит и не подавится. В топи тоже не советую, пока до них добредешь, потом еще кикиморы до смерти заболтают. Стал быть, остается берег Хохлатки и курган старого лешего. Он ближе всего. Вот к нему и иди, место приметное. Давай-ка я тебе сапожки дам, в твоих валенках по грязище не шибко удобно.

Вздыхнув, Ярина пошла собираться. Ее покачивало – ожерелье не желало успокаиваться, подсовывая хозяйке все новые и новые образы. Зато теперь она точно знала, что колдун с опушки ушел. Что старая ива на берегу изнемогает под тяжестью омертвевших веток. Что один из недавно родившихся волчат удрал из логова и скачет вокруг сосны, тявкая на

стаю мрачных воронов...

Чтобы не пускать в сознание лишние ощущения, приходилось следить за каждым шагом. Вышло плохо, и Ярина сдалась, стаскивая непокорный оберег с шеи. Путь к кургану она запомнила, на другие дороги ее не хватит.

– Оставила б на себе, – покачал головой Торопий. – Мало ли чего в лесу приключиться может, даже днем.

Идти решено было тотчас же. Как ни уговаривал домо-вой подождать, Ярина была непреклонна. Колдуну удалось не только напугать, но и устыдить, надавив на самое больное – она взяла ответственность за лес и его обитателей.

Спустя час Ярина брела по весеннему лесу. Еще недавно подмерзшая земля бодро хлюпала под ногами, норовя покрепче вцепиться в сапоги. На обласканных лучами солнца пяточках желтела мать-и-мачеха, склоняли головки подснежники. Зяблики весело щебетали, прыгая с ветки на ветку. Очнувшийся после долгого сна лес наполнился звуками, даже воздух стал звонким, легким. В такую погоду так и хотелось остановиться, вдохнуть поглубже весеннюю сладость пополам с прелым запахом прошлогоднего опада, но Ярина не давала себе расслабиться. Дело важнее.

Курган первого хранителя леса окружала старая дубрава – сумрачная, замшелая. Тропинка бежала мимо, огибая тихое место, пришлось ломиться через бурелом, приподнимая сплетенные ветки, намеренно скрывающие путь. Расступились дубы внезапно, обнажая девять каменных глыб. Те стра-

жами окружали неприметный холмик, на котором сиреневым облачком цвело волчье лыко. Нежный аромат щекотал нос, манил подойти поближе, отломить веточку и понюхать. И получить ожоги. Обманчиво-безопасное место, лучше не задерживаться.

«Нечаво рассусоливать. Сделал дело, гуляй смело», – прозвучал в мыслях голос домового, словно он оказался рядом. Ярина улыбнулась и достала узкий серебряный кинжал, найденный в закромах бывшей хозяйки избы.

– Прости, хозяин лесной, что покой твой тревожу! Дозволь дело доброе сделать, ошибку свою исправить.

Клинок ледяным росчерком вспорол кожу запястья. Ярина, скривившись от боли, стиснула руку в кулак, пока кровь падала на последнее пристанище первого лешего. Ожерелья осталось в избушке, в нем сейчас не было нужды, сеть узнала ее и вместе с кровью впитывала силу и волю, подчиняясь приказу.

Ярина не знала, долго ли простояла, даже не почувствовав, что тело начало деревенеть от холода. Очнуться заставил удушливый смрад, стоило обернуться, как сердце обмерло – в десяти шагах щерил клыки упырь.

«Дура!», – подумала Ярина, цепеняя. Про нежить-то она и забыла.

Зато упырь не стал раздумывать и прыгнул.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Каждый селянин, если вышел из ползункового возраста, знает: упыри смертельно опасны. Но не каждый ведаёт, откуда они берутся и как выглядят, зато наставление при встрече с нежитью помнят назубок: бежать. Если повезет и успеешь добраться до реки – считай, спасен. Доберешься до околицы – тогда хороши смола и огонь, всем скопом ходить на упыря сподручнее. А если не повезет... Что ж, нежить будет сытой, и в ближайшую седмицу у любителей поплутать окажется больше шансов избежать незавидной участи, потому что сытые упыри бегают медленнее.

А еще сытые упыри медленнее прыгают. Это Ярину и спасло. Не потеряв равновесия, она рванулась влево, зажмурившись, выставила кинжал перед собой и замахнулась со всей силы, как учил отец.

От воя взвились со столетнего дуба вороны.

Упырь впустую щелкнул клыками, обдав смрадом, завертелся по поляне, мотая покрытой струпьями башкой. Опомнившись, Ярина с изумлением обнаружила кинжал торчащим из левой глазницы беснующейся твари, куда он вошел по самую рукоять. Не иначе, с испуга получилось. Если бы это был мрун, от удара серебром он бы погиб. Увы! Упыри и вурдалаки закусывали увешанными серебром путниками с

удовольствием.

Праздновать было некогда, думать тоже. Ярина бросилась наутек, не разбирая дороги.

Пусть тварь лишилась глаза, безопаснее она не стала. Ярина некстати припомнила: в лесу бродит еще одна. И наверняка уже учуяла запах ее крови.

Охранители, помогите!

«Дура!» – повторила она про себя, мчась со всех ног. Благие намерения на темную дорогу ведут. Куда сунулась, не подготовившись?

На дерево теперь не залезешь, помощи ждать неоткуда. Хоть в сапогах бежать было легче, в своих валенках давно бы поскользнулась на весенней грязище.

За спиной раздавалось утробное рычание. Неподалеку завывали потревоженные волки, заставляя вжать голову в плечи. По лицу больно хлестнула ветка, Ярина чуть не оступилась. Паника схлынула. Она поняла, что бежит совсем не к дому и даже не к опушке. А как распоследняя курица несется невесть куда!

Завывание слева заставило резко свернуть в другую сторону. К упырю присоединился его собрат. Ах, как не хватало сейчас ожерелья. Или чародейства. Или хоть чего-нибудь!

Ярина мчалась вперед, стараясь понять куда бежит. Знакомые тропы не попадались, одни ровные ряды голых деревьев.

За спиной неумолимо хрустели ветки.

Вдруг под ногами захлюпало. Ручей! Рядом из-под земли бил ключ, вода собиралась в игривый поток и бежала дальше, теряясь между деревьями. Ярина, едва не споткнувшись, кинулась туда. Если есть ручей, есть шанс наткнуться на большую воду. Вот бы к реке выйти. Или к озерцу. Да что там, она была бы рада и болоту, но топи проходили гораздо севернее.

Быстрее, еще быстрее.

Внезапно зябкий ветер принес запах сырости.

Река! Совсем рядом. Вон скособоченная ива уже свесила ветви с яра. Скорее!

Сзади зарычали, да так близко, что чуть не остановилось сердце. Ярина поддалась страху и завизжала. Твари загоняли добычу, она доживала последние минуты. Не успеть! От визга дыхание застряло в горле, ноги подломились, отказываясь держать, и Ярина кубарем покатила сквозь заросли ежевичника, последние сажени ничего не видя и не соображая.

Воды Хохлатки приняли в студеные объятия и сразу вернули к жизни. Спасением стал осыпавшийся крутой берег, с которого Ярина и свалилась, оставив упыря без толку лязгать зубами. У страха глаза велики. Она-то была уверена, что за ней гонится целый табун тварей, а оказалось, одноглазый в погоне то ли не участвовал, то ли отстал раньше. Иначе уйти бы не удалось.

Порадоваться не вышло, в тело впились тысячи острых

шипов. Река, только-только освободившаяся из зимнего плена, волокла Ярину вниз по течению, к Пожарищам. Одежда камнем тянула вниз, ноги свело судорогой. Больше пары минут в ледяной воде не выдержать. Хладный труп «ведьмы» селяне встретят с распростертыми объятиями, а уж колдун обрадуется!

Ярина до крови прокусила губу и попыталась грести в сторону берега. У упыря не хватило мозгов, чтобы преследовать ее вдоль реки, и то хорошо, не придется выбирать: утонуть или быть съеденной.

До спасения оставалось не больше пяти саженей, когда Ярину дернули за ноги, и ледяная вода снова сомкнулась над головой. Она забарахталась, пытаясь вырваться. Перед носом мелькнуло перекошенное белое лицо с огромными бесцветными глазами, Ярина впилась в него ногтями, вкладывая в рывок всю ярость.

Она могла сколько угодно сочувствовать нечисти и любить мелких духов, но русалок не выносила. Нахальные пакостницы жили в речке возле их Заболотья. Серьезного зла не причиняли, никого не топили, за мужскую ласку или гребень могли помочь по мелочи, но уж если им кто не нравился – пиши пропало. Семья Ярины в любимчиках у русалок не ходила. Мужчин они не трогали, скандалистку Нежку, с которой разлад и начался, боялись, а вот Ярине здорово доставалось. То в кадушку с бельем тухлой рыбы накидают, то рубашку порвут, то просто обсмеют. Много ли нужно тихой

девочке, которая специально уходила подальше от деревни, чтобы не слышать насмешек односельчан? И к порядку русалок призвать было некому, водяной тех краев людей не жаловал.

Избежав огня и клыков упырей, погибнуть из-за какой-то лахудры? Ярина отбивалась что есть мочи, пытаясь избавиться от русалки прежде, чем подспеют ее подружки. Иначе останется самой ко дну пойти, так хоть будет шанс утонуть быстро. Грудь сдавило тяжестью. Задыхаясь, Ярина пихнула нападавшую локтем в лицо и толкнулась ногами, выныривая на поверхность.

Сил хватило только разок вздохнуть, как за ноги вновь дернули, а в запястья впились когтистые пальцы. Не успела. Ярина не удержала вдох, протестуяще булькнув. Вода хлынула в нос и рот, перед глазами полыхнуло чернотой...

В чувство привела пара хлестких пощечин. Кашель сдавливал горло, грудь огнем горела, руки и ноги повисли плетями, не слушаясь. И когда Ярина нашла в себе силы обернуться, то столкнулась нос к носу с недовольным водяным.

Перепончатая рука сжимала ворот кожуха, за который ее схватил хозяин вод, не давая уйти под воду. Длиннющие усы, с вплетенными стебельками ряски и стрелолиста топорщились, желтые глаза из-под кустистых бровей смотрели неласково.

– Это что такое? – пробасил он, встряхивая Ярину, аж

брызги полетели. – Что вы устроили? Девки!

Над водой начали появляться головы русалок. У одной на бледном личике красовались длинные борозды от ногтей. Ярина могла гордиться своим отпором, хотя глубокие царапины на запястьях щипало и дергало.

– Батюшка! – покалеченная русалка спрятала лицо в ладонях, отгораживаясь еще и зелеными волосами. – Она меня... она...

Речь прервалась рыданиями.

Дрожь не желала униматься, трясло теперь и от страха. Это ж надо так влипнуть! Кто мог знать, что водяной в Хохлатке семейный, а русалки окажутся рожденными, а не утопленницами? Раньше Ярина видела лишь тех, кого утянули в воду или кто бросился сам, переродившись в водную деву без памяти о земной жизни. Сейчас же вокруг плавали совсем другие русалки. Изучай себе на здоровье, только положение не располагало.

– А кто тебя просил лезть?

– Я... Она из леса вывалилась прямо в реку. Я смотрю – человек...

– И ты сразу топить полезла. Не разобравшись.

– Я думала...

Русалка плакала так горько, что Ярину тут же заела совесть. Надо было и правда утопнуть, хлопот было бы меньше. Осерчает водяной, превратит в рыбку или лягуху за то, что на дочку его напала. И будет она квакать свой недолгий век!

– Думать ты мала еще! Это дело нам с матерью оставь. Ты уж однажды надумала плыть к людям. Помнишь, чем обернулось? И вот, опять. Чуть лешачку не утопила.

Ярина погрязла в самобичевании и не сразу поняла, как ее называли, и почему русалки воззрились на нее с потрясенным недоверием.

– Ну, здравствуй, матушка! – Водяной развернул ее к себе лицом, продолжая держать за шкурку, как котенка.

– Зд-д-дравст-т-твуй, бат-тюш-шка. – Челюсти лязгали так, что любой упырь бы позавидовал.

– Чего бедокурим? Чего девочек моих обижаем?

Ярина, сообразив, что ни топить, ни превращать в водоплавающее ее пока не будут, обмякла, потирая лицо окоченевшими пальцами. Единственная пришедшая на ум отговорка: «Они первые начали» была глупой и не срабатывала даже в детстве, а больше сказать было нечего.

Не всем по вкусу холодная водица, и водяной это понял, решительно погреб к берегу, придерживая Ярину над водой. Русалки потянулись следом.

Когда под ногами оказался вязкий песок, она была чуть жива. Кашель напал с новой силой, клыками вгрызлся в кости холод. До дома она не дойдет, мокрая одежда убьет вернее любого упыря.

– Веток натаскайте, костер разведите, – приказал дочерям хозяин реки. Он остался на мелководе, внимательно разглядывая «улов». Хотела бы Ярина ответить ему тем же, жаль,

успокоиться не выходило. Ее все больше тянуло потерять сознание. Неожиданно порыв жгучего ветра коконом окутал тело, и спустя три удара сердца одежда была совершенно сухой и теплой. Водяной довольно хмыкнул в усы, поймав ее потрясенный взгляд.

– Сп-пасибо. – Ярина стиснула кулаки и призвала себя не трястись. Русалки тем временем уже развели костер и уселись вокруг него, выжимая липнувшие к телу драные сорочки. Им, в отличие от утопленниц, огонь был не страшен. Подсев к весело потрескивающему костерку, Ярина вытянула руки и блаженно зажмурилась. Хорошо! Тепло от кончиков пальцев расплзлось по телу, только бы носом не начать клевать. Не проснешься.

– Я к тебе с претензией, хозяйка, – начал водяной добродушно. – Зачем завесу от людей сняла? Мы, было, обрадовались, думали, хоть порядок в лесу будет. Сами-то спокойно перезимовали, а встретил я одного моховика намедни. Тот таких ужасов порассказал – жуть взяла.

– А как ты понял, что я лешачка?

– Так же, как в воде тебя учуял. Кровь. Лес с моей Хохлаткой неразрывно связан. Я сразу понял, что новый леший объявился. Сеть колдовская полыхнула, не захочешь – заметишь.

– Кровь?

– На руку свою глянь.

Ярина глянула и поразились: царапины от схватки с ру-

салкой на удивление уже взялись коркой, но по разрезанному для ритуала запястью змеилась алая струйка, хотя больно не было. Не мудрено, что она проворонила. Странно, рана была неглубокой, пусть не вышло перевязать ее сразу, должна была перестать кровить.

– Батюшка водяной, упыри учуять могут! – Ярина чуть не вскочила, да ноги подломились.

– И ладно. Придут, мы их как гостей дорогих встретим. Искупаем, девочки мои им подводные красоты покажут.

Русалки захихикали, не улыбалась только та, с которой Ярина схлестнулась в воде: сидела, понутив голову, и жалобно шмыгала носом.

«Она ведь совсем молоденькая», – сообразила Ярина, взглядываясь в круглое, бледное до прозрачности лицо. Русалочка еще не вышла из детского возраста. Вовсе не бесцветные, а светло-серые глаза были до того печальны, что, несмотря на изначальную неприязнь, чувство вины принялось грызть пуще прежнего.

– Я сделаю мазь, – наклонившись, прошептала Ярина, – намажешь – царапины вмиг заживут.

Прежде чем русалочка успела ответить, водяной нарочито закашлялся:

– Хозяйка, не отвлекайся! Мы с тобой беседу ведем.

– Прости, батюшка.

– Эх тебя угораздило... Домовой угодил?

Ярина кивнула: угораздило ее по уши. А ведь еще луну

назад она мечтала о переменах. Вот и домечталась.

– Хороший мужик, хоть и пришел с ведьмой. Прежний леший его очень уважал. Дернуло же его в путь отправиться, владения без защиты оставить. Ладно. О завесе. Когда вернешь?

– Не могу вернуть. – Ярина не рассчитывала, что ее поймут. Здешняя нечисть людей на дух не переносила. – Люди без леса погибнут.

От добродушия водяного не осталось и следа: глаза полыхнули зеленою, черты лица заострились. Река, словно почував смену настроения хозяина, пошла рябью. Волны попытались достать до костра, чтобы вернуть упущенную добычу, Ярине пришлось поджать под себя ноги и отодвинуться. Она ждала бури негодования, не от водяного, который молча кипел, переваривая «предательство» лешачки, так от русалок. Но те ни словом, ни взглядом не выказали недовольства. Потупившись, Ярина неуклюже перевязала запястье платком. Леденящий холод отпустил, но сидеть на берегу, пусть и у костра, было зябко, а под осуждающим взглядом еще и неуютно. Хотелось поскорее оказаться дома, у печки или в бане. Иначе недолго горячку подцепить.

«Не о том думаешь», – мысленно укорила себя она. Разгневанная водяной, кажется, уже жалел, что вытащил ее из воды. В его власти было превратить ее в лягушку, утопленницу или донную корягу. Она же не настоящий леший – человек. Поддаться, оставив людей на голодную смерть,

или обманом выторговать спасение? Недостойно и позорно. Ярина подняла голову, смело встретив тяжелый взгляд хозяйина реки. Почему вообще нужно стыдиться и оправдываться?

– Люди разные. Что, всех теперь под одну гребенку? – упрямо напомнила она. – Я тоже человек.

Она будет твердить об этом каждой встречной нечисти, если понадобится. Местные озлоблены и жестоки, но она не станет убийцей.

Река вздыбилась горбом, плеснула во все стороны, окатив берег волной брызг, и опала. Водяной еще с полминуты буровил взглядом, а потом отмахнулся, сменив гнев на милость:

– Быть посему. Хозяйка лесная ты, выбор тоже твой. Не жалуйся потом.

– Как скажешь. – Ярина степенно поклонилась.

– Ох и дура! – Он хлопнул перепончатыми лапищами по пузу и сердито шевельнул усами. – Девки!

Из воды высунулись три утопленницы, на восковых кукольных лицах застыло подобострастие.

– Да, хозяин.

– Лешачке препятствий не чинить, не пакостить. А вот рыбаков, кто от деревни далеко отойдет, топите, сети рвите, лодки дырявьте. Пусть им покоя не будет.

С этими словами водяной бултыхнулся в реку, только круги по воде пошли. Русалки снова захихикали, разглядывая Ярину в открытую. Неуютно стало под этими взглядами.

Нельзя признаваться даже себе, что она бы предпочла компанию упырей, нежели дочерей хозяина вод. При батюшке они были вежливыми. Надолго ли?

– Мы и не знали, что лешачкой человек может стать, – протянула одна.

Ярина поморщилась. Новое прозвище ей не нравилось, но речные девы враждебности не проявляли, дразниться не спешили, поэтому она смирила неприязнь:

– Я тоже не знала.

– Ты правда можешь царапины залечить? – Младшая русалочка потянула за рукав, пытливо заглядывая в глаза.

– Правда. Я принесу целебную мазь, она поможет.

– А гребешка лишнего у тебя нет? А то мы все рыбьими костями, – спросила другая. Ярина глянула на роскошные зеленоватые волосы и мысленно согласилась – такую красоту нужно чесать настоящим гребнем. Но русалки оставались русалками – будешь потакать, они на шею сядут. Поэтому она напустила на себя задумчивый вид:

– Я поищу.

– Я Рябинка, – сказала старшая. Странно, она казалась смутно знакомой. – Это Осинка, Березка, а младшая – Ивушка.

Ярина в изумлении уставилась на девиц. Русалки обходились без имен и в одежду закутывались лишь изредка, наматывая на себя клочки ткани, прикрывая совсем не те места, которые нужно. Эти же носили полноценные рубашки до

пят, пусть и рваные. В распущенных волосах поблескивали жемчужные нити, шеи оплетали ожерелья из ракушек.

– Ты не сердись на отца, он из-за Дары, нашей берегини, на людей зол. Она ведь нам как родная.

– Дара? – Не сразу поняла Ярина. Вовремя вспомнился рассказ домового про едва не сожженную берегиню. – Это имя тот охотник дал?

– Он. – На лицах русалок появились печальные улыбки. – И замуж ее взял по своим обрядам. Хотел к себе в деревню забрать, все уламывал. Избу срубил, сказал: ребенку нельзя на берегу, ему к людям надо.

– И забрал?

– Забрал. А через две луны погиб. Когда люди ополоумели, Дару со Свением отец от огня спас. Почти все силы извел. С тех пор нет у нас с деревенскими мира.

Свень. У берегини и охотника родился сын. Ярина знала, что это значит: девочка была бы берегиней, как мать, а мальчик останется человеком. Люди его никогда за своего не признают. Не позавидуешь такой судьбе.

– Теперь они у нас живут. Отец им грот выделил, там они и зимовали.

– А ребенок?

– А что ребенок? – нахмурилась Рябинка. – Думаешь, мы своего обидим?

– Нет. Просто... он же маленький, ему столько всего нужно, – смущенно пробормотала Ярина и поднялась. Лучше

было поскорее оказаться в избушке, одним костром не согреешься после ледяного купания. Она зябко дернула плечами, стараясь избавиться от вновь накатившей дрожи. А ведь оставались еще и упыри, которые наверняка бродили неподалеку.

– Я пойду.

– Постой. – Сестры переглянулись, беззвучно советуясь. Одна из них бегом направилась к воде, пока остальные поднимались и забрасывали костер песком.

– Мы проводим, – пояснила Рябинка. – Не хватало, чтобы тебя нежить загрызла или медведь. И царапины Ивушке смазать надо, ты ведь обещала, чего откладывать.

Ярина уже открыла рот, собираясь извиниться, но исчезнувшая русалка вернулась из воды со связкой еще трепыхавшихся карасей.

– Откупные. Мы же тебя утопить пытались.

Весна – голодное время. Некстати на ум пришли пустые щи, которые они с домовым хлебали вчера.

– Меня Ярина зовут, – спохватилась она, с неловкой улыбкой принимая подарок. – А вы не сердитесь? За охранный круг.

– Люди глупые и грубые, но без них совсем скучно, – веско бросила Березка – худосочная русалочка с непривычно короткими, до плеч, волосами. – Они забавные всегда были, нас не трогали. Ну и мы их. Все тем летом началось, с по-

явлением колдуна. А после ночи белой свиты³ они совсем взбесились.

Расспросить подробнее Ярина не решилась, но начало знакомству было положено.

Русалки шли по лесу свободно, не таясь. Они прекрасно знали, где находится избушка, а на вопрос только отмахнулись.

– Все знают. – Беседовала в основном Рябинка, средние сестры были заняты – следили за Ивушкой. Маленькая русалочка оказалась до того любопытной, что удержать ее от попыток залезть в заброшенное волчье логово или на раскидистый дуб было непросто. – Раньше мы старались оттуда подалее держаться. Илея, бывшая хозяйка, не любила гостей. Особенно наше племя. Твой теперешний домовый сколько с ней жил, а почти не знает о ней ничего. Она и людей не любила, но никогда им не отказывала, наверняка полезными считала. Все чародеи такие. – Рябинка поймала скользнувшую мимо Ивушку за руку и невозмутимо продолжила: – По ней никто из наших не убивался. Только Торопий, но он пришлый, хоть своим стал. А она за десять зим так чужинкой и осталась.

Имя прежней хозяйки избушки было непривычным, певучим. Хотя чему удивляться? Мало ли в Дивнодолье чужезем-

³ Ночь белой свиты – двенадцатый день месяца темня (ноября). По дивнодольским поверьям в эту ночь Мороз со своей женой Стужей и всей свитой выезжают из высоких теремов на белых жеребцах и проносятся над миром, засыпая землю снегом.

цев. Колдовской круг располагался в Рениме, столице соседней Арсеи, оттуда чародеи и разъезжались по странам, где их признавали. Правда, обычно мастера своего дела не оседали в глухих селищах. Но здесь Пустошь близко... Вон, колдун тоже по виду не простой, а кукует в этой дыре.

– А что с ней случилось? – Ярина поборола желание обхватить себя за плечи. Волшебство водяного иссякало, дрожь возвращалась, пришлось ускорить шаги.

– То же, что и со всеми. Ушла и не вернулась. Бродницы ее на летний солнцеворот видели, с тех пор так и нет вестей. Думаю, она на Пустошь сунулась. С нее никто живым не уходил. Ступишь – сгинешь. Тела не нашли. Чародеи постоянно туда лезут, ничему их жизнь не учит.

Рябинка потеряла плечо – сквозь прорехи в рубахе проглядывал белый шрам от ожога. Она говорила отстраненно, но последняя фраза отдавала горечью. Ярина не стала расспрашивать, да и они уже вышли на прогалину, где стоял дом.

– Ой, черепушки! – раздался звонкий голос. Бессловесные стражи вызвали у Ивушки бурю восторга. Она вырвалась и принялась прыгать у частокола. С ее ростом достать до верха не получалось, но русалочку это не волновало.

Черепя такое внимание не заметить не могли: глазницы налились светом, зубастые рты распахнулись. Ивушка взвизгнула от восторга, она бы вновь попыталась подпрыгнуть, как ворота отворились.

– Это что тут такое? – пробасил Торопий. – Кто балует?

– Здравствуй, дяденька! – Русалочка ничуть не смутилась, лихо поклонившись до земли. – Мы в гости.

Домовой, уперев руки в боки, разглядывал пеструю компанию. Ярина не знала, что он прочитал по ее лицу, но кустистые брови сошлись на переносице. Ничего хорошего это не предвещало.

– Лахудры в дом, – скомандовал он непреклонно. – Лешачка в баню. Да поживее!

Ярина тяжело вздохнула. В баню так в баню.

Когда Ярина вернулась в дом, никто не скучал. Ивушка крутилась перед зеркалом, изучая щедро намазанное целебной мазью лицо. Завернувшиеся в лоскутные одеяла сестры пили ледяную ягодную воду, домовой старательно штопал дыры на их сорочках. В тихом бурчании едва разбирались отдельные слова: «лахудры», «неряшество» и «безобразие». Сидели русалки недолго. Когда последняя дыра скрылась под заплаткой, засобирались в дорогу.

У ворот Рябинка обернулась, с торжественной серьезностью сказав:

– Обращайся, если что. Отца не слушай. Позлится и отойдет. Нам держаться друг друга надо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Потекли ленивые весенние деньки.

Два дня Ярина вставала поздно, когда солнце уже золотило верхушки деревьев. Завтракала, помогала домовому хозяйничать. Ожерелье больше не дурило, не пыталось выплеснуть нескончаемый поток образов. Теперь Ярина могла высидеть в нем по несколько часов кряду, хотя на ночь все равно снимала. Но это не спасало от тоскливых, наполненных женским плачем, снов.

Жаль, покой оказался мимолетным.

На третий день Ярина жевала пирожки и корпела над книжным переводом. Дело почти не двигалось. Наверное потому, что она больше разглядывала сокровища, чем вникала в мелкую паутину вязи, но признаться в лени было стыдно.

Вой за окном едва не заставил подавиться, хотя пора бы уже было привыкнуть. Ее безмолвные стражи завывали каждую ночь, видно, не давая колдуну подобраться поближе. Вряд ли у кого другого хватило бы храбрости сунуться в лес среди ночи, когда из оврага выползало не пойми что.

Выбежав на крыльцо, Ярина обнаружила, что все до одного черепа повернуты безглазыми лицами за ворота, хотя обычно они сидели на частоколе как попало, а то и вовсе крутились вокруг в попытке углядеть что полюбопытнее.

Вороны все так же восседали на ветках, ничуть не тревожась.

За частоколом терпеливо ждали посетители: живые и не очень. Дюжина волков, разной степени облезлости, сидела в рядок и таращила желтые глазищи на черепа. Стоило распахнуть ворота, звери вздернули морды к небу и завыли с новой силой. Лес откликнулся на такое безобразие потрясенной тишиной. Черепа возмущенно заклацали зубами. По их пониманию, пугать хозяйку могли только они, а незваные гости покусились на святое.

Ярина, пытаясь выковырять убежавшую в пятки душу, замерла столбом. Волки смолкли и выжидающе уставились в ответ, выглядели они при этом не слишком довольными. Пару минут на полянке никто не шевелился, являя прекрасный пример для поговорки «тягалась кобыла с волком». Потом вожак – здоровенной серой зверюге с погрызенным хвостом – это надоело. Выступив вперед, он ткнулся мордой в лежащую на земле тушу, придвигая ее ближе.

Тут-то Ярина и отмерла. Последним «гостем» оказалась молодая олениха: недавно убитая, кровь вокруг раны на горле еще не успела свернуться. Судя по голодным взглядам и выпирающим ребрам, волки были бы сами не прочь полакомиться мясом, но отчего-то медлили.

Вожак вновь уселся и склонил голову на бок, впери в Ярину внимательный взгляд. Ни дать ни взять, умильный лохматый пес. Но перепачканная в крови морда не давала

обмануться.

– Ну, чего стоишь? – Голос домового раздался за спиной внезапно, Ярина чуть не подпрыгнула. – Принимай подарок.

Торопий деловито протягивал охотничий нож.

– Иди, иди.

И, видя непонимание, пояснил:

– По обычаю, новый леший разделяет трапезу с волками.

Они чувствуют, кто ты.

Ярина ничего не знала о лесных традициях и знать не хотела. Обычай обычаем, а воображение у нее было богатое. Говорят, дикие северяне едят только что забитого оленя всей семьей, запивая еще горячей кровью. При мысли, что придется попробовать сырого мяса, последний пирожок с грибами рванулся обратно. Она еле спазмы сдержала.

– Чего встала, девонька? – поторопил домовый.

– Я не буду его сырым есть! – Волки ее шепота разобрать не могли, но, кажется, что-то подозревали, потому что замешательство их не радовало. Пара молодых даже поскуливали от нетерпения.

– А кто тебя просит? – изумился Торопий. – Вырежь куски получше, а им остальное оставь. Да не стой, видишь – ждут.

Пришлось закатывать рукава. Откуда срезать самое лакомое мясо Ярина помнила, хоть свежевать дичь доводилось редко. Обычно этим занимался отец, а после его гибели ходить на охоту стало некому. Так-то в деревне они с матушкой потрошили, в основном, птицу, свиней отродясь не держали.

Ярина бы взяла немного, остальное оставив волкам, но под внимательным взглядом домового схалтурить не удалось.

– Говорить что-то надо?

– Нет, поклонись и будет с них.

Она так и сделала. Отвесить поясной поклон мешали куски темного, еще дымящегося мяса в руках, поэтому Ярина только головой кивнула, поблагодарив. Вожак вильнул хвостом в ответ и, дождавшись, пока ворота захлопнутся, первым приступил к трапезе.

Так у нее появилась своя свита.

На другое утро Ярина проснулась от светопреставления за окном. Черепа завывали, сверкали глазищами, заливая все вокруг мертвенно-белым светом. Никого рядом не оказалось, но в частоколе насмешкой торчал серебряный кинжал, который она засадила в глаз упыря.

Ярина час убила, чтобы, пыхтя и задыхаясь, его вытащить.

– Колдун принес, – мрачно установил домовый.

– Почему он?

– А кто? Не упырь же из башки его вынул, чтобы тебе вернуть. Нет, эта чародейская паскуда принесла. Они у нас благородные, чужие цацки не берут.

«Цацку» Ярина в дом нести отказалась. Та так и осталась во дворе, воткнутая в крышу курятника. Мало ли какие чары колдун наложил, пока кинжал был у него.

Следом за смурным днем пришла ночь: жуткая, беззаконная. Хлестал плетью по крыше ливень. Ломал деревья ветер, выворачивал с корнем. Молнии рассекали небо, кривыми лапами силились достать до верхушек. Настоящий дивий пир! Говорят, в последние дни войны дивь наслала на людей кару – целую луну гремели грозы в небесах, пока чародеи не придумали как отвести беду. Но иногда стихия вспоминала, что ее укротили обманом, и вновь пыталась отыгаться на людях.

Ярина тенью висела над лесом, удерживая чародейский полог, чтобы ни одна коряга в ее владениях не подумала вспыхнуть. Ожерелье на шее дрожало, янтарь огнем горел, давая силу, бурлившую в крови. Лишь к утру небывалая буря улеглась.

От усталости Ярина была чуть жива, сил едва хватило, чтобы доползти до кровати. Но стоило закрыть глаза – душной тяжестью навалились кошмары.

В муторном сне преследователи добирались до матери, стучались в ворота к Нежке, поджигали лес. На горизонте янтарем занимался пожар. Языки пламени скручивались в затейливый узор, из которого проступали очертания города, чьи острые шпили подпирали небо в незапамятные времена. И над этим мертвым великолепием раздавался горький, надрывный женский плач.

Ярина резко откинула одеяло, стряхивая морок. Плач еще звенел в ушах, напоминая о семье. Как там матушка с Раг-

даем? Добрались ли до убежища? Передать письмо сестре в Ольховник было не с кем – вестник домового все не возвращался. Ярина обвела взглядом комнату, стараясь найти, на что отвлечься. И зацепиться-то не за что: зеркало на стене, стол с ларчиками, пара полок, сундук резной. Разве что на сундуке дедушка опять разложил богатое платье: струилась лазоревый шелк, переливались жемчужины на вороте, серебрились диковинные цветы-узоры. В таком царской дочке в пору ходить или благородной чародейке. Нет уж, рубаха больше сгодится.

О сне не стоило и думать, Ярина выбралась из душевной спальни в горницу, намереваясь заняться делами. Отвлечься от жгучего чувства вины: сколько ни страдай, а до сестры ей сейчас не добраться, но до чего же мутно на душе.

– Не спится? – Домовой плел лапти, но одного взгляда на Ярину ему оказалось достаточно, чтобы беспокойно нахмуриться. – Я тебя не спрашивал ни о чем, но, может, помочь смогу? Ты скажи.

– Тут ничем не поможешь. – Ярина сдержала тяжелый вздох. – Дело давнее.

Она любила Белый Бор, город навсегда остался сказкой из детства. Сладкой, как медовые пряничные лошадки, что привозил отец. Ароматной, как цветшие в их саду по весне багряные сливы.

Не столица с вечной толчеей, лстивыми шепотками и отцовскими родичами, которые не приняли матушку. Как же, родовитый боярин, царев обережный воевода⁴, а взял женой девку из глухого леса без роду-племени. Не просто привез к себе в палаты на забаву – единственной назвал при всем народе.

Не прижились они в Белозерье. Но оттуда до Белого Бора всего ночь пути. Отец обычно приезжал с рассветом, привозил с собой гостинцы и веселую суету. Ярине долго потом снились беспечный смех и сахарно-белые мраморные стены, которые были много старше Дивнодоля.

Первые семь зим ее жизнь была словно летнее небо: ясное, безоблачное. Какие заботы у маленькой боярышни? Игрушки, наряды, наставники. Сивер, старший братец, которому стукнуло двенадцать, задирает нос и уже видел себя в царской дружине, Нежка грезил о чародейской школе в соседней Арсее.

Все поменялось в одну жуткую ночь.

– Мира, Мира! – раздалось со двора. Нежка соскочила с кровати, прильнув к оконцу. Но все светильники почему-то погасли, ничего не разглядеть, темень одна.

– Отец вернулся, – шепнула она.

Ярина поджала под себя ноги и потерла глаза. Только засыпать начали, а тут шум.

⁴ Обережный воевода – начальник царской бережи или командующий личной стражей царя.

– Что-то случилось?

– Тихо! – цыкнула Нежка. – Не слышно ж ничего.

Во дворе и правда стихло, зато внизу затопали, раздалась тревожные возгласы.

– Может, война? – испуганно спросила Ярина.

Сестрица растерянно пожала плечами. Обычно у нее на все находился ответ, но сейчас он не успел прозвучать – в их опочивальню ворвалась матушка.

– Собирайтесь! Быстро! – выдохнула она, кусая бескров-ные губы.

– Что с собой брать? – Нежка потянулась за шкатулкой, но матушка мотнула головой.

– Себя. Некогда. Живее. Яриша, что сидишь?

Под темным плащом на матери темнело неброское платье, похожее на то, какие носили чернавки.

Внизу кричал, отдавая команды, отец. Собирались второпях. Ярина успела схватить только одну куклу, та потом утешала ее в душевной избе на жесткой лавке...

Челядь попряталась. Отец, в темноте казавшийся сказочным великаном, привел лошадей. Как котят забросил ошалевших девчонок в седла: Нежка ехала с Сивером, Ярина – с матерью.

Над дорогой полыхало узорчатым ковром ночное небо. Падали звезды, одна за другой, оставляя после себя бело-золотые росчерки. Ярина, разинув рот, любовалась, даже про страх позабыла. Они свернули с тракта и понеслись просел-

ками, пустынными полями. Отец все хлестал коня по взмыленным бокам.

Звездный дождь давно закончился, разгоралась заря: желтая, пыльная. На рассвете конь под матерью пал, пришлось разделиться. Отец с Сивером кинулись дальше, путая следы, а они побрели по заповедным лесным тропам. На одной из них Ярина встретила свою восьмую осень.

Воссоединилась семья спустя две луны, а к зиме осели в Заболотье. Отец говорил, это ненадолго, нужно только обождать и все разрешится. С тех пор минуло почти десять зим. Грянула война с Парельем, унесшая жизни отца с братом, сбежала с Тильмаром Нежка, а они так и ждали не пойми чего. И дальше бы продолжали, не повстречай матушка того чародея.

– Потом мы узнали, что в тот вечер кто-то покушался на царя.

Ярина не представляла, что за чудовищная причина вдруг сподвигла отца решиться на цареубийство. Про Буслава Второго в народе говорили разное, но тираном или тряпкой не величали. Правитель как правитель. Прикармливал бояр, тратился на развлечения. Не забывал ближайших родичей. Страшно думать, что родной отец мог быть заговорщиком. Но если не был, с чего бы им бежать в ночь, годами прятаться? Если не было ничего, почему матушка пришла в такой

ужас, встретив знакомого чародея? Почему опять бросилась бежать, спустя столько времени? Не было ответов.

– Так и жили? – тихо спросил домовой.

– Да. Мама однажды сказала, что отец ошибся. И только. Он отлучался пару раз, возвращался темнее тучи, остальное время словно ждал чего-то. Не знаю, почему мы не уехали в Арсею или в вольные города, к Малахитовым горам. Там точно не пришлось бы в дальнем селе скрываться. А пять зим назад случилась война. Не знаю, почему они с Сивером пошли, если нас искали. Чего он хотел этим добиться?

– Не вернулись?

– Письмо пришло от соседа, с которым они уходили. – Ярина наморщила нос, стараясь не расплакаться, говорить пришлось шепотом. – Он и сам сгинул, но успел сообщить, что на Заячьем кряже оба полегли. И что тела там же сожгли.

– А с матерью говорить не пыталась?

– Я – нет. Сестра пыталась раз за разом. Упрямая, в отца.

– И что?

– Ничего, – пожала плечами Ярина. – Мама никогда не кричала и не поднимала на нас руку. Тот раз стал единственным, она влепила Нежке пощечину. А через две луны сестра сбежала со своим колдуном. Больше мы ее не видели.

В тот последний день они повздорили. Мать отправилась на торжище, оставив их втроем. Нежку больше занимало не

хозяйство, а заезжий чародей, который вился вокруг нее, как мальчишка возле праздничного каравая. Смотрел, улыбался, заманивал сладкими речами и волшебными трюками – то прозрачного коня из колодезной воды сотворит, то птицу огнехвостую. И гордая Нежка, вечно задиравшая нос, смотрела на него с затаенным восхищением. Может, Тильмар пленил ее чем-то другим, но этого Ярина не знала.

Робкие возражения, что матушка не обрадуется ночным гулянкам, оставались без ответа.

– Ничего ты не понимаешь! – отмахнулась сестра, вплетавшая в косу алые ленты – подарок чародея. – Он такой...

– Глазастый! – звонко подсказал Рагдай. Братец ножичком вырезал себе игрушку из полена. Лошадь выходила трехногая, но его это не смущало.

– Почему глазастый?

– Потому что он на всех девок глазеет.

Брат говорил без умысла, но Нежка вспыхнула, а полено в руках Рагдая заискрило.

– Ни на кого он не глазеет! – прорычала она.

– Потому что ты ему не даешь?

– А ну брысь! Вот я тебя!

Рагдай с хохотом выскочил на улицу, счастливый, что смог смутить старшую сестрицу.

– Ни на кого он не глазеет, – повторила Нежка шепотом, стискивая ленту так, что та затрещала.

– Что ты слушаешь? – Ярина, углядев за ершистостью

боль, постаралась утешить. – Бабы у реки сплетничали, и он следом. Но матушка...

– Я и не слушаю, – перебила сестра. Взгляд ее разгорался тем огнем, который возвещал – от принятого решения худо будет всем. – Я в Тильмаре уверена.

Она ушла, хлопнув дверью. И больше не вернулась. Яркие ленты обнаружались поутру, повязанные на осине. Ветер трепал их, алые кончики развевались, словно махали на прощание. Колдовская свадьба: без благословения, без волхва. Сбежав, сестра посмеялась не только над глупыми односельчанами, которые в последние годы плевали ей вслед, а в глаза заглянуть боялись, бормоча: «Ведьма». Посмеялась и над семьей. Над тем, что от нее осталось.

Нежку ничем было не напугать. Если чего-то хотела – смело шла вперед, сметая преграды. Ярина и осуждала, и завидовала одновременно. Смогла бы она вот так, тайком удрать из дома с возлюбленным? Бросила бы все, что знала? Нет. Как оставить семью? А сестра смогла.

Две луны они с матерью выслушивали перешептывания и смешки. Мол, потешится колдун с дурочкой и бросит. А то и на ритуал какой употребит. Две луны в Ярину тыкали пальцами: «Вон сестра той, что с колдуном сбёгла». Мучительно было превратиться из сестры ведьмы в сестру гулящей девки. До того, чтобы измазать ворота дегтем, селянам самой малости не хватило.

Но на исходе лета, среди бела дня, приехал гонец. Оста-

новился возле их дома, не скрываясь. С поклоном передал письмо и резную шкатулку, доверху засыпанную рожью, в которой хранился перстень с крупным лалом для матери и нитка бус из бирюзы для Ярины. Подарок новоявленного родича и выкуп за драгоценную невесту.

Нежка писала из Ольховника – торгового города у подножья Малахитовых гор.

«Я устала ждать, пока все изменится. А оно не изменится никогда, потому что мы для этого ничего не сделали. Пора начать заново. Вы можете обвинять меня, ваше право, но я хочу жить, хочу счастья. Я люблю и любима. Родители Тильмара признали наш брак и подтвердили его по своим обычаям. Приезжайте ко мне. Здесь всем найдется место. Ма-тушка, ты сможешь заниматься своими снадобьями. Ярише и Рагдаю нужно учиться. Хватит сидеть в этой проклятой дыре. Приезжайте, я буду ждать».

Мать запретила даже думать о таком. А Нежка все писала. Редко, но письма приходили, иногда к ним прилагался кошель. Сама сестра так и не приехала.

Закончив рассказ, Ярина подобрала ноги и уткнулась подбородком в колени. Почему не выпытала правду у матери? Почему тянула? А теперь и спросить не у кого.

– Как вернется мой вестник, сразу твоей сестрице пошлем, – торжественно поклялся домовый, разрывая пелену

тягостного молчания. – Не кручинься.

Это должно было успокоить, но следующей ночью сны вернулись. Может, от того, что она чувствовала себя виноватой за праздность. За то, что ей нравится жить в лесу, вместе с домовым. Она подводила мать бездействием и убедить себя, что ничего в такой ситуации не поделаешь, не выходило.

На рассвете, когда ночная мгла еще стелилась покрывалом по низинам, стражи избушки в очередной раз устроили побудку.

Ярина даже подумала, что с удовольствием повесила бы на воротах табличку: «Злые черепа. Испепеляют без предупреждения». Останавливало то, что половина селян не умела читать. Нарисовать, что ли?

Нет, нехорошо так думать.

В жарко натопленной горнице пахло свежим хлебом и мясной похлебкой, не хотелось выходить в сырое туманное утро. Одевалась Ярина долго, втайне надеясь, что посетители уйдут.

Напрасно.

Три госты, выступившие из тумана, на людей были похожи лишь издали. Зеленые всклокоченные волосы, непроницаемо-черные глаза, крючковатые носы, отливающая всеми оттенками болота кожа – жирная, лоснящаяся. Обычные кикиморы, при виде которых люди хватают детей и спешат унести ноги.

– Такая молоденькая, – прошептала одна.

Они жались друг к другу и топтались, словно не желая находиться возле избы.

Ярина уже хотела спросить, что им нужно, как сверток на руках у одной завозился и огласил окрестности ревом.

Тут Ярине и поплохело.

Кикиморы воруют детей. Если в селища или города им теперь ходу нет, в каждой избе найдется простенький оберег, то в лес с младенцами без защиты лучше не соваться. Украдут и поленом подменят.

Кажется, это был как раз тот случай.

Ярина представила полчище озлобленных селян, берущих лес в осаду. Пропажу ребенка нельзя не заметить. Они все дотла выжгут!

Державшая орущего младенца кикимора выступила вперед и со слезами на глазах протянула Ярине. Ребенок был тяжеленький, с полгода ему. Щекастое личико покраснело от плача. Стоило качнуть пару раз, как младенец замолчал, и внимательно уставился на Ярину серыми глазенками. А кикиморы смотрели на нее так, словно она у них ребенка силой отобрала.

– Заходите, – обреченно вздохнула Ярина, бережно укачивая сверток.

Вороны, не шевелясь, внимательно следили за кикиморами, которые скрылись в доме.

Увидев печальное шествие, домовой едва чугунок не уронил.

– Охохонюшки!

Младенец снова решил напомнить о себе, завозившись в толстом лоскутном одеяле.

– Батюшки! Дитё! – Торопий всплеснул руками и полез на лавку, чтобы разглядеть получше. Ребенок хватанул его за бороду, промахнулся и заревел пуще прежнего. – Эй, кочережки, признавайтесь! Откудова утянули? Дай-ка! – потребовал он. – Он же ж голодный! Ты, Яринушка, его раскутай, а я посмотрю, где-то у нас толокно было.

Ребенок на проверку оказался мальчиком. Откормленным, хорошо одетым, на рубашонке были бережно вышиты обереги: странные какие-то, с волками. Кулагу⁵ он съел за милую душу и принялся сосредоточенно бренькать погремушкой из птичьих черепов, улыбаясь во все два недавно прорезавшихся зуба. Любую мать от такой игрушки удар бы хватил.

Кикиморы скорбно шмыгали длинными носами.

– Откуда ребенок? – хмуро спросила Ярина.

Домовой как раз выдирал из маленького кулачка жутковатый подарок. Не слушая воплей, вручил найденьшу золотое обручье с янтарем. Черепа тут же оказались забыты. Горницу наполнило счастливое воркование, а обручье было немедля опробовано на зуб.

– Нашли, – вздохнула одна из кикимор, с волосами цвета жухлой травы. По всему, самая старшая. – Поутру вчера,

⁵ Кулага – здесь: толокно замешанное на охлажденной кипяченой воде.

после бури.

– Телега в тряси́ну съехала, лошадь утопла, – зачастила вторая. У нее был высокий дребезжащий голос, на ребенка она смотрела с отчаянием. – Женщину поздно было спасать, когда телега перевернулась, ей хребет переломало, но он живой был. Плакал.

И сама она заплакала: горько, жалобно, закрыв лицо грязными ладонями.

Вопреки поверьям, похищали детей кикиморы не со злобы. Сами они рожать не могли, а с найденышами нянькались всем болотом. Любили как родных. Если то была девочка, она пополняла их ряды, а вот если мальчик... Незавидная судьба навеки остаться ребенком, а когда телесная оболочка иссохнет, превратиться в болотный огонек. Мальчики – они навсегда люди – природу свою изменить не могут.

– Наш вировник ⁶ее чарами спеленал, чтобы не поднялась. Надо бы людям отдать, но мы не можем. Госпожа...

Ярина знала, о чем ее попросят, и понимала, что придется найти родичей младенца, даже если это значило очередные неприятности.

⁶ Вировник – разновидность болотного духа, живет в вирах – гиблых местах болота.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

При помощи ожерелья на болота Ярина отправилась немедля, пока кикиморы добирались пешком.

Им-то бурелом не страшен, усталости они не знают. А Ярина еще опасалась непонимания со стороны лесных обитателей: есть нечисть, которая нападает сразу, не спрашивая, что человек забыл в чаще. Доказывай потом, что ты новый леший.

Сразу оказаться в сердце топей не удалось. На подлете дернуло вниз, словно кто-то вцепился в лодыжку ледяными пальцами. Спротивляться Ярина не стала, поддалась тянущему ощущению и мягко опустилась на поросшую колючкой, едва приметную тропу. Ясно, почему домовый советовал лететь не напрямик, а сделать крюк, добираясь над проложенной селянами гатью.

Лес Потерянных душ. Родители пугали им непослушных чад. О нем шептались дети – темной ночью, над лучиной, делая страшные глаза. Ярина узнала об этих проклятых местах от матери, когда та рассказывала о прошлом Дивнодоля. Лес Потерянных душ – еще один прощальный дар дивы. Защищая подступы к своим городам, они создали проклятие, которое не рассеивалось со временем. Столетия назад мастерски наложенные мороки скрывали смертоносную ловушку – люди видели обычный молодой осинник. Войскам

или охотникам за поживой в голову не приходило обойти его стороной. Зачарованные места досуха выпивали смельчаков, иссушали плоть, стирали в порошок кости, даже следов не оставалось. Хуже того, Переправщица не могла прийти за душой, увести на Темную дорогу, несчастные навеки оказывались пленниками гибельного места. После войны чародеи не покладая рук снимали мороки, разбивали оковы заклятий, но под корень извести все проклятые леса не смогли. Некоторые из них забрали так много жизней, что людские чары оказались бессильны. Так и стояли прогалины с голыми угольно-черными деревьями: огромными, скрученными, словно невидимая сила выворачивала их наизнанку, разрывала стволы надвое. Ни дуновения, ни шороха. Мертвый, навеки застывший воздух. Напоминание о войне.

Понятно, почему местные делали такой крюк.

Ярина тенью неслась сквозь мертвое царство, стараясь побыстрее добраться до топей. Как же хорошо, что ожерелье защищало, и удушливо-пугающая тишина не забивалась в уши.

На болотах она очутилась внезапно – исполинские стволы раздались в стороны, оставив у ног мягкий кустарник, покрытый белыми пушистыми звездочками цветов. Болотная одурь распустилась удивительно рано, Ярина снова порадовалась, что не чувствует запахов: заросли были такими густыми, что запросто можно в них остаться, надышавшись тяжелого аромата.

Вскоре исчез и ерник. Перед глазами, куда ни глянь, растлались топи. Кочки осоки манили обманчивой безопасностью, скрипели сухими ветвями покореженные низкие березки, а вокруг бурлила в бочагах черная, как непроглядная ночь, вода.

Тут и появились встречающие. Любопытно, как учуяли? Трое кикимор выползли из трясины, кланяясь в пояс.

Ярина ответила тем же.

– Ну, показывайте, где тут у вас что.

– Идемте, госпожа. – В суетливых движениях сквозил страх.

Кикиморы были печальны, кланялись низко, а глаза прятали. Ожерелье отголосками передавало тоску и обреченность. Ярине было их отчаянно жалко, но все, что она могла, это спасти обитателей болот от разъяренных людей.

На нее смотрели. Из-под кочек, из-под редких деревьев, из трясины – с любопытством, смешанным с настороженностью.

– Наезженный тракт западнее, – проскрипела одна из кикимор, оказываясь рядом. Остальные почтительно шли поодаль. – Неподалеку вплотную к болотам подходит. Потом удаляется и следует к Aesul.

Последнее слово было сказано нараспев, чужим, певучим языком.

– Куда? – Ярина удивленно повернула голову.

– К реке, – кикимора скупно улыбнулась, блеснув острыми

клыками. – Все время забываю название, которое ей дало твое племя.

В ее глазах теменью болотной трясины плескалась пуста. Внезапно Ярина поняла, что кикимора стара, очень стара. И наверняка помнит времена, когда здесь еще не было болот. Нечисть ведь старится иначе: ни седины, ни морщин. Лишь выцветшие волосы да заострившиеся черты сурового лица.

– Ты видела дивь? – Ярина затаила дыхание, ожидая ответа.

– Видела, – нехотя откликнулась та, после долгого молчания. – Здесь есть те, кто видел. Просто не хотят помнить. Не помня – легче справиться с болью. Умение забывать – драгоценный и опасный дар. Мы получили его от твоего племени, маленькая ворожейка. Но те, кто не желают помнить, совершают предательство. Пусть из слабости, тем страшнее.

– Тогда почему...

Помогаешь. Как смогла смирить ненависть. Слова застряли в горле. Спросить об этом почти тысячелетнее существо? Все равно, что горячей веткой ткнуть в едва затянувшуюся рану.

– Уж точно не потому, что у тебя на шее проклятая кровь ушедших, – кикимора усмехнулась. От ее искажившегося лица бросило в дрожь. – И не потому, что дом Предателя откликнулся тебе. То, что я помню, не значит, что не понимаю. Мир изменился. Нам придется жить с этим. Отвергая изменения, мы убьем себя, а вам будет все равно. Должны остать-

ся те, кто помнит. Иначе вернуть...

Она не закончила, резко остановившись и указав вперед. На покрытой белым мхом прогалине, скособочившись, валялась телега.

– Пришли.

Кикимора не собиралась продолжать. Даже не дала рта раскрыть, исчезая в маслянистой воде.

Ярина присела на корточки у телеги и попыталась собрать мысли в кучу после странного разговора.

Телега была добротной, новенькой. Вырезанные на бортиках обереги хозяйке не помогли. Оглобли сломаны, днище пробито, одно колесо, очевидно, утонуло в трясине, еще одно валялось рядом. А вот это что-то новое: задняя ось почернела. Стоило дотронуться – начала крошиться в мелкую горелую труху.

Еще две кикиморы держались поодаль, их-то Ярина и попыталась расспросить.

– Кто-нибудь видел, что случилось?

– Мы видели, госпожа, – закивали те, все еще не поднимая глаз. – Лошадь до самой трясины их протащила и туда ухнула. Мы опомниться не успели, а телега уж на боку лежит.

– Когда это было?

– Как буря улеглась, еще дождик частил. На рассвете.

Слабо верилось, что женщина с ребенком бросилась в дорогу навстречу бушующей стихии, даже если ее вело что-то важное. Значит, она выехала сразу после грозы.

– А какая тут ближайшая деревня, знаете?

– Чернушки, – неуверенно отозвались кикиморы. – Есть еще Малые Пригорки, но они по ту сторону реки, а там мост. Да и ехала она как раз в ту сторону.

Связываться с селянами не хотелось, но, может, у женщины в этих Чернушках остались какие-то родичи. Или кто-то знал, куда она направилась.

Телега была выстлана мягкими покрывалами, успевшими отсыреть. Ярким пятном выделялся платок, свесившийся одним концом в грязь. Не простой, ресаврский. На полотне из тончайшего шелка, отливавшего багрянцем, плескались чудо-рыбы, вышитые серебряной нитью. Отец однажды привез матери похожий. Давно, еще в другой жизни. За платки из далекого Ресавра, что лежал за Серебристым южным морем, платили, выстилая их золотом.

Погибшая женщина была не из простых. Вон, как рыбки переливаются.

Его должны узнать.

– А телега не горела? – Ярина еще раз провела пальцами по обуглившему бруску.

– Нет, госпожа, – кикиморы замотали головами. – Не видели мы.

Забывшись, Ярина ухватила платок, пальцы прошли сквозь ткань, лишь легкое покалывание говорило о прикосновении. Если бы так все просто было.

– Как выглядела женщина?

– Молодая, красивая, – принялись перечислять наперебой кикиморы. – Волосы как кора ивовая, глаза цвета водяники-ягоды. На щеке родинка.

– Нездешняя она, – раздалось сипение. Болотная жижа с хлопаньем плеснула в стороны, и на кочку вылез старик. Тощий, лысый, темная чешуя сплошь покрывала тело. Глядел он недобро и с опаской. Единственный глаз светился болотной зеленью.

Ярина в пояс поклонилась бункушнику⁷. Спросила со всем возможным почтением:

– Как ты понял, дядюшка?

– Повой здешние бабы другой носят. И на поневе никому из них не пришло бы в голову дубовые листья вышить. – Нечисть, люто ненавидевшая людей, говорила с ней спокойно. Только иногда бункушник скалил острые щучьи зубы. – На селянскую бабу она тоже не больно похожа. Слишком холеная, руки белые.

– Спасибо, дядюшка. – Ярина вновь поклонилась. Бункушник ничего ей сделать не мог, но сердце все равно перехватывало от пронзительного взгляда. – Можете принести в избушку платок? – попросила она. – Это очень важно.

– Принесем, госпожа.

Бункушник хмыкнул и нырнул обратно. Трясина со звонким чавканьем сомкнулась у него над головой. Сила ожере-

⁷ Бункушник – злобная нечисть, обитатель болот, исключительно враждебный к людям.

ля тянула дальше, Ярина не стала противиться, позволила поднять себя в воздух и понести прочь. Хорошо бы жители Чернушек оказались не такими злобными, как селяне из Пожарищ. И хорошо бы застать кого-нибудь в лесу, за опушку ей не выбраться.

После топей чахлая марь сменилась солнечным березняком. Сквозь него и шла дорога, ее Ярина преодолела без труда, надеясь, что край владений лешего придется поближе к деревне.

Лесоруба она увидела сразу. Мелкорослый мужичонка, прохуdivшийся тулуп висел на нем мешком, а беличья шапка так и норвила на ползти на глаза. Он собирал хворост, словно забыв о притороченном к поясу топоре.

Ярина опустилаь неподалеку, пытаясь разглядеть лицо и понять, как селянин поведет себя. Но за окладистой бородой и кустистыми бровями ничего было не рассмотреть.

Но попробовать стоило.

– Добрый человек, – откашлялась она, повелев ожерелью сделать себя видимой. – Не скажешь ли...

– А-а-а-а!!! – пискляво заверещал мужик, ничком повалившись на землю. Хорошо хоть стрекача не дал.

– Да ты не бо...

– Чудищи-и-и!!!

– Где? – Ярина растерялась, оглядываясь. А когда повернулась, то встретилась взглядом с мальчишкой, еще не разменявшим и десятка зим. Борода оказалась зачем-то приде-

ланным облезлым собачим хвостом, а брови – паклей.

– А борода зачем? – от удивления она позабыла, о чем хотела спросить.

Горе-лесоруб начал бодренько отползать подальше на четвереньках, пока не уперся пятками в дерево.

– Мамка ск-казала, – проямлил он и взмолился: – Тетенька, не ешь меня! Я невкусный! Хошь, я тебе нашу Станьку приведу?

Те, кто пытались выкупить свою жизнь чужой, не вызывали у Ярины ни капли уважения. Она бы ушла, но дело само не делается.

– И кто же эта Станька тебе? – нахмурилась она. – Сестра?

– Н-не, п-порося наша, а сестру... – Настроение мальчишки изменилось, как весенний ветер. Он оскалился, черты лица заострились, делая его похожим на мужчину, ладонь стиснула рукоять топора. – Я те, нежить поганая, дам сестру.

Хоть ее и обозвали нежитью, у Ярины камень с души свалился.

– Уймись, – она выставила перед собой руки. – Не нужна мне твоя сестра. И порося не нужна. Да и сам ты. Лучше на вопрос ответь. А я тебе взамен на поляну клюквы укажу подальше от топей.

– Заведешь, небось, к нежити в зубы. – Мальчишка убедился, что его не тронут и осмелел. Поднялся, деловито отряхнул штаны. В лицо храбло глянул, не скрываясь.

– Ты почему так вырядился?

– Говорю же, мамка наказала. Дитев нечисть харчит, взрослых днем боится. У меня ишо что есть. Гляди!

Он распахнул тулуп. На шее висела вязанка чеснока. Ну, конечно. Как она забыла! Чеснок – главное лекарство селян. Те упрямо верили, что он помогает от болезней, от сглаза, от нежити. Даже навьи – выходцы с Темной дороги – должны были разбежаться в страхе. Прямо-таки чудо-средство!

Ярина снова порадовалась, что сейчас не чувствует запахов.

– Не боюсь я твоего чеснока, – улыбнулась она.

– А ты сама кто будешь? Русалка? А чего тогда одетая? Или ты берегиня? – Глаза мальчишки восторженно загорелись, но Ярина поспешила избавиться от такой чести. Хуже напуганного ребенка только ребенок любопытный.

– Леший я.

– Врешь! Что я, нашенского лешего не знаю? Он завсегда в мужиков превращался, баб сманивал. У тетки Руши дочку сманил, она еще луну в лес бегала, пока не окрутили. А потом всю нечисть велено гонять было. Мамка так плакала, когда домовиху выпроваживала. Та, говорят, еще прабабку мою знала.

И в Чернушках колдун отметиться успел. Делать ему нечего, что ли?

– А вот и не вру. Я новый леший. Мне ваши бабы без надобности. – Разговор уходил не в ту степь. – Лучше скажи, ты видел женщину с младенцем? Она должна была из деревни

вчерашним утром уехать. Молодая, на поневе дубовые листья. Платок у нее заморский. С красивыми такими рыбками.

Лицо мальчика исказилось в задумчивости.

– Это госпожа Милава, – наконец вспомнил он. – Она у нас мужа ждала. В бурю ее лихомань одолела. Всю ночь рвалась в дорогу, плакала. А поутру, пока тетка Меря к колодцу побежала, из избы выскочила, на телегу и деру. Очень батя ругался со старостой. Тот даже погоню послал, но она как сгинула, а на болота мы не ходим. Тебе пошто?

– А куда она рвалась? – вместо ответа спросила Ярина.

– Известно куда. В Пожарища. Муж у ей туды поехал.

– Ясно.

Опять эта расклятущая деревня. Что ж ей так не везет.

– Ты почему в лес один пошел? – спросила Ярина без особой надежды на ответ. Мало ли, какие в этих местах традиции, может, дети с топорами и клееными бородами на каждой тропинке встречаются.

Но мальчишка нахохлился, взгляд его стал тоскливым, безнадежным. Такие глаза бывают у тех, у кого дома горе.

– Батя занемог, – прошептал он, шмыгая носом. – А мамка давно хвора.

– Что с ними?

– Мамка застыла. А батя... он ездил на торжище, а как вернулся третьего дня... Глаза краснющие, слезятся, гной текет. Он уж не видит ничего почти, день ото дня все хуже.

Ярина закусила губу. Весной с пылью могло надуть в глаза что угодно, к матери часто возили таких. Тут смотреть нужно, так не вылечишь.

– Жар есть?

– Да. – Вид у мальчишки сделался совсем несчастный.

– Тебя как зовут? – Ярина присела перед ним на корточки, жалея, что не может погладить по светлым вихрам.

– Витко.

– Что же у вас, Витко, знахарки нет нигде рядом?

– Не, нету, – мотнул он головой. – Госпожа лесная была, но сгибла.

– А колдун?

Витко посмотрел на нее, как на дурочку:

– Он же не лечит, не умеет. Да и не пойдет к нему батя. Он говорит, колдуны душу у людей высасывают. Вон, как остальных зачаровал. А у нас его не привечают. Да и нечего ему у нас делать, шпиениев не держим.

Значит, есть шанс, что ее помощь примут.

– Пчел кто-нибудь разводит? – спросила Ярина. – Нужен мед. Накипятите воды, разведите: десять капель воды на одну каплю меда. В глаза капайте. И привозите его к лесной избушке. Знаешь, где это?

– Где госпожа лесная жила?

– Да, теперь там живу я. И поскорее. Нужно осмотреть твоего отца.

Во взгляде мальчика плескалась отчаянная надежда. И

дав ее, Ярина не могла повернуть назад. И не хотела.

– Отправляйтесь завтра утром, чтобы до заката быть у меня. Ночью в лесу опасно.

После того, как она замкнула охранный круг, тени из оврага по лесу не шастали, упыри тоже куда-то подевались, но даже без нежити в лесу не стоило бродить после заката, преследовавшие ее в первую ночь тени наверняка никуда не исчезли.

– Да, хорошо! – Витко закивал в ответ, едва не подпрыгивая от радости.

– Тогда беги.

Мальчишка припустил обратно, но Ярина вспомнила, что так и не узнала примет мужа погибшей женщины.

– Витко! – окликнула она. – А как мужа госпожи Милавы звали?

– Ивар, – прокричал тот.

Северянин? Жители Ледяных островов в Дивнодолье селились редко, предпочитая побережье Студеного моря. Там и опасности вдосталь, и поживы. Если уж решали осесть, то непременно нанимались в дружину. И не в глуши – в столице. Неизвестно, какая нужда заставила северянина забраться так далеко, но они слыли людьми чести. Те, кто давали клятву верности, конечно, а не те, что грабили и жгли побережье.

В избушку Ярина вернулась не сразу. Сперва постаралась найти кого-нибудь из Пожарищ в лесу или на опушке. Это оказалось несложно, но дровосек отличался от Витко, как

навыи от людей. Вроде похожи, но поди пойми, как хозяйева Темной дороги на тебя среагируют: то ли одарят, то ли на клочки разорвут.

Мужчина послушно кивал, пока она просила разыскать мужа Милавы и сказать, чтобы тот ждал на опушке в полдень, если хочет узнать про семью. Но взгляд его – пронзительный и холодный, словно говорил: «Уж мы тебя дождемся, ведьма. Хворосту не пожалеем». Поэтому Ярина не стала задерживаться, исчезнув сразу, как убедилась – ее поняли.

Это казалось просто: прийти, отдать потерянного ребенка отцу, рассказать, что случилось с матерью и дело с концом. А вот Торопий, услышав ее задумку, взбеленился.

– Не пуцу! – домовой встал перед дверью, выставив наперерез метлу в три своих роста.

Ярина понимала его беспокойство, но выбора не было. Малышу не место в лесу, нет ничего хуже участи отчужденца, воспитанного нечистью. Такого люди будут гнать отовсюду.

Да и отец будет его искать. Что станет с жителями болот, если Ивар решит, будто они утопили его жену и забрали сына?

– Сама на погибель пойдешь и ребятенка сгубишь. Не пуцу. В погребе запру, будешь шкелету втолковывать, что как лучше хотела.

– Но дедушка...

Верные слова не находились, обида комом подступала к

горлу. Ярина чуть не плакала. Как объяснить, что опаснее ничего не делать?

– Семья ведь, – тихо напомнила она, покосившись на младенца. Тот лежал в плетеной корзинке и размахивал тяжелым обручем, вырезанным из цельного куска янтаря. Удивительно спокойный ребенок. От Рагдая в этом возрасте спасу не было.

– Ты его отца хоть раз видела? Нет. Вот то-то. Эти глупости брось. Прежде чем к людям соваться, обмозговать надо.

Обмозговывал он до вечера, Ярина извелась вся, но стояла на своем: надо идти. Она вновь надела ожерелье и принялась кружить возле опушки. Никого с вилами и факелами поблизости не обнаружилось, но это пока.

– Ты как хошь, Яринушка, а я тебя одну не пушу, – заявил Торопий наконец, когда ребенок заснул. – Где это видано, чтобы девка с дитем одна на смерть шла.

Больше ее робкие протесты он не слушал, начав собираться как на войну.

– Ты вот что. Волков созови. Все пойдем. Пропадать – так с песней. Авось, селяне струхнут, – приговаривал он, мечась по горнице.

Стоило представить эту кавалькаду, чтобы содрогнуться. Не знаешь, что хуже: селяне напуганные или озлобленные. Итог все равно может быть один – люди со страху чего только не творят. Но волков Ярина все же вызвала, велев дожидаться у ворот на заре. Те откликнулись, но явно нехотя. Понят-

но, кому захочется выходить к людям. У тех вил и факелов всегда в достатке.

Спала Ярина отвратно, грезилась ей высокие шпили неведомого замка. Они вспыхивали яркими тревожными всполохами, и клубящаяся вокруг мгла отступала, обнажая голую равнину, заваленную изломанными телами. Замок сиял все ярче, следом разгоралась белым огнем земля. А над ней вновь слышался тоскливый безысходный плач.

Ярина просыпалась, почти ожидая услышать плач наяву, но в избе стояла тишина. Однако стоило закрыть глаза, сон повторялся. Ничего удивительного, что утро застало Ярину за безнадежными попытками сосредоточиться.

Неизвестный замок снился не в первый раз, после того, как она обосновалась в избушке. Неоткуда ему было взяться в воспоминаниях, не видела она раньше ничего похожего. Дивнодолье и ближайšie соседи предпочитали покатые своды и мягкие линии, хотя на юге Арсеи, говорят, сохранилась парочка дворцов со шпилями. Высокими, словно любимый колпак царя Радовола Балагура, чья статуя украшала торговую площадь Белого Бора.

Домовик тоже не спал. Он сменил меховую безрукавку на кольчугу и усиленно начищал ее перед зеркалом. Где только раздобыл себе по размеру! Но главным сюрпризом оказался череп, насаженный на палку. Ее дедушка воткнул в кадучку с землей на манер диковинного цветочка. Череп с любопытством оглядывался вокруг и клацал зубами от восторга.

Видно еще ни разу в избе не был.

Ярина хмуро косилась на череп, пока переплетала косу. Черепа ей не нравились. Службу свою они несли исправно, но меньше пугаться их она не стала.

– С собой возьмем, – поймав ее взгляд сказал Торопий. – Для де-мо-ра-ли-зации противника.

– Для чего? – растерялась Ярина.

– Штоб эти гады спужались! – бодро пояснил домовой. – Воевода, у которого я жил, так любил говаривать. Жалко, сложил буйную головушку.

– На войне?

– Не. Он в пруду утоп по пьяни. С корчмы домой ночью возвращался. А вдовица, змеюка подколодная, давай смерть его отмечать. Луну отмечала, другую. Полгода минуло, гляжу – не угомонилась еще. Я и ушел. Не охоч я до шумных гулянок. Ладно, байки травить мы опосля будем. Ежели готова, тогда пошли. Бери дитё.

На воронью стаю, прочно облюбовавшую старый дуб, Ярина привычно покосилась и вздохнула. Такое внимание колдуна лестным не было, а то, что птицы колдовские – даже черепам понятно.

За частоколом ждали не только волки. Добрались с болот кикиморы, которых Ярина просила принести платок, но с ними невесть зачем увязался бункушник, принарядившийся по такому случаю в штаны из подозрительно тонкой светлой кожи. На лоб он повязал бурую от грязи тесемку, ожере-

лье из плоских пластин на шее зеленело застарелой медью. Словно на званый ужин собрался.

– Мы к людям идем, – осторожно напомнила она. Нужно было повежливей объяснить, что присутствие страшной бо-лотной нечисти не пойдет на пользу переговоров.

– Люди – хорошо, – почище волчьего жоака осклабилась нечисть. – Вкусно.

Подозрения насчет званого ужина оправдались. Ярина представила, как завидев их честную компанию, селяне сначала с воплями бегут прочь, а потом возвращаются с огнем и смолой. А если еще колдун решит от нее избавиться...

– Никто никого есть не будет, – как можно решительнее заявила она, хоть сердце заходило от страха. Кинься на нее сейчас бункушник, никакое ожерелье не спасет. – И людям на глаза не попадайтесь. Мы идем ребенка возвращать, а не трапезничать.

Младенец подтвердил ее слова внезапным залиvistым ре-вом. Оскал бункушника из довольного превратился в угро-жающий, слова Ярины на него никакого воздействия не ока-зали.

– Я делаю это не для маленькой ворожейки, – проскрипел он. – Мои сестры любят детеныша. Но если человечье мясо решит обидеть его, то у нас будет много красивых плащей.

– Если люди попытаются обидеть ребенка, мы просто уй-дем. – Ярина понятия не имела, как справиться с бункушни-ком. Помощи ждать было неоткуда. – Никаких плащей и...

и штанов тоже. Своего они не тронут, а вот вас очень даже могут.

– Ворожейка глупая и плохо знает людей. Люди не знают привязанности, они думают только о выгоде. Они злые и жадные.

Можно до скончания веков оправдываться и спорить, да все без толку.

– Может быть, – с нажимом ответила Ярина. – Но это не значит, что их можно есть.

Из горла нежитя вырвалось клокочущее сипение – сразу и не догадаешься, что он смеялся.

– Ворожейка маленькая, – повторил он. – Мы посмотрим.

Хвала богам, на краю леса кикиморы с бункушником все же отстали, пропуская волков вперед. Ярина думала, что на переговорах будет одна, но домовою пятками сжал бока седого волка, и тот послушно потрусил вперед. А череп даже не подумал притушить огонь в глазницах.

Встречали их всем селом: мужчины, женщины, старики. Люди тоже собрались как на войну: кто цепом вооружился, кто вилами. Позади темным пятном маячила закутанная в плащ фигура – колдун все же явился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ярина едва не отпрянула, сдержавшись в последний миг. Радужный прием, ничего не скажешь! Не хватало лишь весело потрескивающего костерка, а то можно было бы назвать его горячим. Молчаливые угрюмые селяне напоминали стаю голодных упырей, по сравнению с ними и бункушник покажется милым дедушкой. Идти дальше было страшно, но младенец на руках завозился, безмятежно улыбаясь. Какие уж тут сомнения?

Возглавляла толпу дородная тетка скандальной внешности, чуть поодаль стоял высоченный плечистый мужчина с обветренным лицом. Единственный, кто не прихватил с собой оружие. Не из человеколюбия, просто лапищи у него были такими, что он мог бы на медведей без ножа ходить. Яркая буйная шевелюра цвета осенних листьев сразу позволяла распознать чужака – местные стриглись коротко. Две косицы змеились от висков, в них серебряными нитями тускнела седина. Взгляд водянисто-серых глаз обвинял, прожигая насквозь. Одежда без вычурности, но богатая: за пряжку с крупными огонь-камнями в глазах серебряных волков разбойники выстраивались бы в очередь, окажись она на купце порыхлее. На такую можно год безбедно семью кормить, а то и всю деревню. Из собравшихся на поляне только этот мужчина мог подарить жене дорогуший платок.

Ярина сильней прижала к себе шевелящийся сверток и заговорила:

– Ты Ивар?

– Возможно, – зычным голосом отозвался тот. Брови сошлись на переносице, но на нее взгляда не поднял, уставившись на ребенка. – Я тебя не знаю, женщина из леса. В моих краях даже ведьмы варгамор называют себя, прежде чем вести беседу.

Ярина набрала в грудь воздуха, стараясь ответить так, чтобы голос не дрожал:

– Мое имя Ярина, я... здешняя лешачка.

Толпа ошетинулась, угрожающе двинулась вперед, вздыбили загривки волки, скалясь. Торопию пришлось стискивать бока седого пятками, чтобы унялся.

– Ведьма поганая, – послышался гул. Селян не пугали ни лесные звери, ни череп, злобно сверкающий глазницами. Зато стоило мужчине поднять руку, жаждущие расправы замерли.

– Я Ивар, сын Хельмуда. Купец. Зачем звала?

На его лице не проступило ни капли удивления. Он прекрасно знал причину и все смотрел на младенца. Какая нелегкая понесла человека, рожденного быть воином, торговать по дальним весям? Но купец так купец. Тянуть глупо! Торопий молча протянул платок, и Ярина отдала его Ивару.

Огромная лапища перехватила тонкую шерсть, пальцы едва уловимо дрогнули, но лицо осталось таким же суровым.

Мужчина не сказал ни слова, поэтому Ярине пришлось говорить самой.

– Она выехала из Чернушек утром два дня назад, после бури. Не знаю, что случилось, но лошадь понесла и угодила в болота, потащив за собой телегу. Та перевернулась, придавила госпожу Милаву и... Она погибла. Зато ребенок выжил. Его спасли и принесли мне местные кикиморы...

Ивар подался вперед, Ярина уже хотела протянуть ему сына, но стоявшая рядом тетка кинулась на нее, размахивая кулаками.

– Навье семя! – завопила она, брызгая слюной. – Подменьша нам подсунуть хочет! Дочку... Милавушку мою сгубила, теперь и за нас принялась!

Она коршуном нависла над Яриной, вопрос Ивара заставил ее поутихнуть, но и только.

– Подменьша?

– Ты чужой, ничего про здешнюю нечисть не знаешь. Они душу у дитёв высасывают, навьем холодом заменяют. И растет подменьш похожим на человека, губит всех, кто рядом, потому как силой людской питается.

Селянские байки! Мать столько раз твердила, что поселить в теле человека другое существо не могут даже сильнейшие чародеи, это заклятье давно сгинуло. Но люди охотнее поверят всякой жути. Ведь чужая девчонка, которую еще пару седмиц назад загоняли как добычу, не может просто так спасти младенца.

Пока Ивар переводил взгляд с тещи на сына, деревенские подбирались ближе.

– Кончить их, и всего делов.

– Ишь, удумала, людей губить.

Горло перехватило. Страх скручивал в узел, накрывал удушливой пеленой, заставляя подчиниться. Броситься наутек. Можно вернуться в лес, но Ярина не знала, сколько способна удерживать охранный круг. Хватит ли сил? А ведь оставались еще и обитатели Хохлатки. Нет, бежать некуда. Она в ответе за тех, кого взялась защищать. И страх отступил, оставляя лишь сорванное дыхание и непонятное чувство, которое Ярина сразу не опознала. Предвкушение и готовность драться! Наследие отца. С таким чувством Сивер бился на кулаках, Нежка таскала за волосы обидчиков, даже Рагдай выходил в одиночку против сельских мальчишек. Кто бы мог подумать, что в ней это тоже есть.

Решение нашлось само – невероятное, безумное – Ярина даже улыбнулась. Ближайшая девица, увешанная бусами, решив, что над ней глумятся, яростно зашипела. Но теперь это не напугало, только разозлило. Как же нужно упорствовать в своей злобе, чтобы приговорить к смерти ребенка!

– Подержи, дедушка, – попросила она домового, протягивая тихонько хныкающего малыша. Хорошо перед выходом догадалась искупать его в успокоительном отваре, иначе бы он уже на всю поляну выражал свое недовольство.

– Бежать надо, – отчаянно выдохнул Торопий, но сам

сдвинуться с места волку не дал.

Ивар вздрогнул, подался к ней, то ли собираясь ударить, то ли выхватить сына. Даже если последнее, куда ему одному против взбешенных людей. Волки здесь не помощники, их забьют и затопчут. Поэтому Ярина не стала ждать. Вышла вперед, прикрывая домового с ребенком, ухватила дрын с черепом поудобнее.

– Эй, ты! – закричала она что было сил. Маячивший за толпой колдун обернулся. – Почему молчишь?! Не стыдно?

Над поляной будто навьи пронеслись: люди застыли, не в силах поверить, что к их господину обращаются с такой вопиющей наглостью. Как отреагировал колдун, заметить не вышло.

– Ах ты, дрянь! – взвизгнула бабка малыша. В ее руке мелькнул камень. Со свистом разрезал воздух, метя в голову, но прежде, чем Ярина успела закрыться, рассыпался яркими искрами. Выпустивший огонь из глазниц череп угрожающе завыл. Нападавшая заголосила в ответ, прижимая к груди опаленную ладонь, и редела белугой, вопли ввинчивались в уши, пока не пропали в один миг, словно кто-то приглушил на поляне звуки.

Колдун неслышно шагал сквозь толпу.

Селяне расступались перед ним, снимали шапки, кое-кто кланялся. Он ничего не говорил, просто смотрел – жестко, осуждающе – и все пятились, не поднимая взглядов. Даже напавшая на нее тетка.

Но Ярина была в таком состоянии, когда опасность больше не кажется смертельной. Она бы этого мерзавца дрыном огрела по пустой голове и не посмотрела бы, что руки трясутся! Уж кто, а чародеи должны знать, что подменшей не существует. А этот ждал чего-то, тянул.

– Чего орешь? – сипло спросил колдун, подходя вплотную. Лицо дернулось: то ли он старался удержать выражение надменной брезгливости, то ли от боли кривился. Из-за шрама не понять.

– Так, может, ты глухой! – задыхаясь, выдавила Ярина. Череп согласно клацнул губами.

– Не надоело? – В хриплом голосе сквозила скука. – Отойди и дай взглянуть.

– Вот еще!

Ярина внезапно вспомнила обгоревшую до трухи ось телеги. От молнии, как она решила. Но ведь молнию можно вызвать и заклинанием? А что, если колдун специально все подстроил, чтобы завладеть ребенком, но не смог попасть на болота?

– Уймись и отойди, – повторил он спокойно. – Они все равно не поверят, пока я не посмотрю.

– Не отступай, Яринушка! – забормотал домовый, остервенело укачивая хныкающего младенца. – Сгубит нас всех, не побрезгует.

– Всех – побрезгую, – отдельно отчеканил колдун. – Хотя особо говорливых могу и превратить. В какой-нибудь пенек.

Торопий втянул голову в плечи, а Ярина расхрабрилась окончательно.

– Не сможешь! – выпалила она срывающимся голосом. – Тайна тра-трансмутации разумных существ тысячу л-лет как утеряна.

– Грамотная, да?

Усмехался колдун жутко. Шрам того и гляди разойдется. Кто ж его так приголубил?

– А строишь из себя простачку. Дай взглянуть на младенца, пока эти добрые люди не решили, что ты пытаешься меня зачаровать жутким и непонятым ведьмовством.

– Добрые люди не нападают на всех подряд.

– Они нападают только на тех, кто пытается их убить и похищает их детей.

– Я не похищала!

Но колдун отмахнулся, неловко опускаясь на корточки перед волком. На вызывающе оскаленную пасть он внимания не обратил. А до Ярины вдруг дошло, что он ненамного ее старше, просто изможденный, словно его пережевали да выплюнули. Лицо белое, до синевы, в бисеринах пота. И дышал он тяжело, старательно сдерживая рвущиеся из горла хрипы.

«Хворый, – подумала Ярина. – Лишь бы ребенка руками не трогал, заразит еще».

Колдун молчал невыносимо долго, а потом резко поднялся, забирая сверток у домового. Тот от неожиданности разжал руки. Ярина не успела среагировать, а патлатый гад уже

осторожно вручал малыша Ивару.

– Это не подменыш. – Видно было, как тяжело ему дается говорить громче. – Обычный ребенок. Здоровый. Сильный. Она его спасла.

На поляне загремело: люди бросали вилы, цепы, ножи и лопаты, склонялись в низких поклонах. Какая-то молодуха разрыдалась – горько и безнадежно, зажимая рот рукой. Стоявший рядом мужчина обхватил ее за плечи и увлек прочь, шепча что-то на ухо, и рыдания превратились в глухие всхлипы.

– Прекрати это! Так нельзя! – Ярину передернуло. С какой легкостью они сначала готовы были растерзать, а теперь кланялись.

– Что прекратить? – недовольно скривился колдун. – Благодарность твоя по праву. Ты ведь принесла ребенка. Не хочешь, чтобы кланялись, сама им и скажи.

– Разве ты их не зачаровывал?

– Ты же грамотная, – в хриплом голосе сквозило неподдельное изумление. – Нельзя знать про повадки нечисти и трансмутации, но не знать о том, что невозможно подчинить своей воле такое количество людей.

– Я ведь не чародейка. – Ярина чувствовала себя неловко: колдун не совершал подлости, не науськивал селян. Наоборот, сделал все, чтобы их успокоить, а она на него с обвинениями накинулась.

Мужчина глянул на нее странным долгим взглядом, будто

увидел в первый раз.

– Возможно, – медленно произнес он, покосившись на ожерелье. Но смолчал.

Ярина хотела поблагодарить его, позабыв про то, как колдун обходился с нежитью, и как по его вине чуть не обошлись с ней раньше, но ее внимание отвлекла теща Ивара, протянувшая руки к ребенку.

– Отдай мне его.

Женщина старалась улыбаться, даже голос звучал иначе. Теперь он был тихим и мягким, но Ивар все равно шагнул назад.

– Нет, – веско бросил он. – Орм останется со мной.

– Отдай...

Уступать та не собиралась, и тут опять влез колдун.

– Ребенку лучше остаться у отца.

– Но твое чародейство! – протиснулся к ним бойкий мужичок с большой ладанкой, специально выложенной поверх новенького зипуна. Ясневый оберег был вырезан на совесть, если приглядеться, похожие обнаружили у всех местных. Мужичок перехватил тетку за руки, чтоб на месте удержать.

По тому, как перекосилась физиономия «их чародейства», Ярина поняла, что называли его так не в первый раз, и обращение ему не нравилось. Заметил это и селянин.

– Прости, господине, да видано ли дело, чтоб мальчика в такую даль. Кто об ём заботиться будет? Одинец⁸ ведь Ивар

⁸ Одинец – вдовец.

нынче. А тут и родичи, и изба, – заискивающе склонился он, а взгляд так и шнырял: то на самого Ивара, то на волков, то на черепушку.

«Староста», – припомнила Ярина.

– Сына я воспитаю сам, – отрезал купец.

– Это правильно, – согласился колдун, – вам бы уехать как можно скорее...

Договорить он не успел.

– Будет меня всякий кольгрим учить! – Ивар прижал к себе сына, укачивая с трепетной бережностью, и фыркнул. – Бороду сначала отрасти.

Слово Ярина не поняла, но звучало оно оскорбительно. Люди ахнули, тетка ухватилась за сердце. А колдун аж зубами скрипнул, но прежде, чем успел ответить, снова влез староста:

– Опомнись, милоч, ты в уме ли! Неужель не видишь, кто перед тобой!

– Оставь, Перван, – дернул плечом колдун. – Горе у человека. Оттого и забыл, что не у себя на родине. Но это не отменяет необходимости убрать младенца из деревни поскорее и подальше. Хватит разговоров. Расходитесь.

С этими словами он развернулся, но шагнуть не удалось – в край плаща вцепился волк, удерживая. Ярина ошалело уставилась на Торопия: видимо, это он отдал вожаку приказ задержать колдуна.

– Куды? – рывкнул домовый. – А ну всем стоять!

Физиономия колдуна исказилась: от каменного равнодушия не осталось и следа, он аж глаза от изумления выпучил, оглянувшись на домового. Ярину разобрал смех – строит из себя что-то, строит, а когда эмоции пробиваются, человек как человек. И лицо сразу приятней стало.

– Дед, ты сдурел? – От удивления даже голос прорезался, стал громче. – Это что еще за выходки?

Селяне, только оттаявшие, вновь недовольно заворчали, подтягиваясь поближе, но Ярине было не до того. Она не понимала, что задумал домовый и беспокоилась, как бы зловредный мужик и правда его не зачаровал.

– А ты не спеши, – наставительно сказал Торопий, приосанившись. На колдуна он смотрел без страха. – Вот ты по справедливости давеча рассудил. Теперь тебе ответ держать. Кто моей хозяйке ущерб кон-пес-сировать будет, твоими людьми учиненный?

– Чего он хочет, господин? – Сквозь толпу пробился староста, нервно терзая пальцами оберёг. Запыхался, видно, далеко успел уйти.

– Убытки, говорю, возвертать надуть! – рявкнул домовый. – Мою хозяйку трое мужиков в лесу едва не обидели. Вы лошадь у ей забрали, кошель, пожитки. Где это видано, чтоб на невинного напраслину возводить? Она девка незлобивая, ежели я не напомним, вы ей на шею сядете и ножки свесите.

– Дедушка! – Ярина мучительно покраснела под дюжинами взглядов, а от иронической усмешки колдуна и вовсе за-

хотелось сквозь землю провалиться.

– Что «дедушка»? – говорил домовый громко и нарочито сварливо. – Дедушка о твоём благополучии печется, сама ж не напомнишь. Небось, позабыла, как они на тебя с ножом кидались да по лесу гоняли.

Череп, который она так и держала, вцепившись в дрын мертвой хваткой, важно кивнул. Мол, чего ты, девка, ерепенишься, за тебя ж радеем!

– Ты... – Староста багровел, разевая рот, как выброшенный из воды сом. – Ах, ты...

– Между прочим, он прав, – скучающим тоном протянул колдун, одним махом прекращая назревающий скандал. – Приказ был проезжающих задерживать. Задерживать, Перван! А не вешать.

– Так мы... это... – мужик смутился. Стащив головы шапку, он принялся мять ее быстрыми нервными движениями. И выглядел при этом таким несчастным, что Ярина его даже пожалела. – Лошаденки-то уже нема.

Жалость тут же улетучилась. Бедная Марька, столько зим верой и правдой служила! Они ее к живодеру свели или сами съели?

– Во! Тем паче! – Домовой погрозил ему пальцем.

– Ну, дед, говори, какой выкуп хочет твоя хозяйка. – Смотрел колдун на нее, внимательно и с улыбкой, словно находил в этом положении что-то смешное. У Ярины заалели не только щеки, но и уши. Стыд какой! Взрослая девка, а

сама за себя постоять не может. Да что там, она сейчас ни слова выдать не могла, наверняка всем на поляне это было заметно.

– Козу пусть отдадут молодую, чтоб доилась хорошо. Пару несусек.., – начал загибать пальцы домовой.

– Ты, мужик, не того... – наконец нашелся староста, видно, сообразив, что если вовремя не встрять, выкуп за обиду в два раза больше лошади и худого кошеля станет. – Мож, тебе еще корову да пряников медовых в придачу? Что ты как нелюдь!

– Так я и есть нелюдь, дурья твоя башка! Знаю, село у тебя богатое. Вон, дармоед на постое почти год, – кивнул Торопий на скривившегося колдуна, – а сиротинушке ее кровные жилишься вернуть!

– Дедушка! – зашептала Ярина возмущенно. Домовой тут же прикинулся глухим, буравя глазами мужиков. Те растерянно застыли, не в силах поверить, что заступник, прозванный дармоедом, оставил их разбираться со склочной нечистью.

Жаль, сумку не вернут, хотя, если подумать, в ней ничего важного и не было. Денег немного, травяные сборы она и здесь пополнить сумеет... Бусы! Свадебный выкуп Тильмара за Нежку – длинные, с круглыми бусинами из бирюзы, голубыми, как полуденное небо. Ярина их не носила, некуда было, но тоскливыми зимними вечерами вертела в руках, представляя, что и у нее жизнь будет яркой, как эти бусы.

Нужно только подождать.

Домечталась. Куда ярче-то, вот-вот загорисься! Но подарка было жаль до слез, поэтому Ярина подергала старосту за рукав и сказала, преодолевая робость:

– На дне сумки лежала нитка бус. Верните, пожалуйста.

Домовой возмущенно закашлялся, но не стал ничего говорить при всех. Ярина и сама понимала: не просить надо, а требовать, но никак не получалось.

Покосившись на господина, староста кивнул и направился в деревню вместе с разочарованными селянами: те предвкушали потеху, а вышла мелкая ссора, не скандал даже. Волков Ярина отпустила сама. На полянке остался лишь колдун, привалившийся спиной к ближайшей березе, и Ивар, со спокойствием древнего изваяния наблюдавший за ней.

– Спасибо тебе, женщина из леса, – отрывисто сказал он, выдавливая слова как через силу. – За сына. Что спасла. Что вернула.

Он протянул платок, но Ярина в ответ замахала руками. Куда ей такое сокровище? Продать? Рука не поднимется. Носить? Не сможет, не ее это. Она к нарядам, которые для нее домовой из сундука доставал, прикоснуться без благоговения не могла, в простых рубахах было привычнее.

– Нельзя, нельзя. Оставь. Ведь память. И не меня тебе благодарить надо, кикиморы его спасли, я принесла только.

Она думала, Ивар примет это как должное, но он неожиданно кивнул:

– Хорошо. Если укажешь на них, я поблагодарю.

Ярине еще не встречались люди, желающие по доброй воле сказать спасибо нечисти, потому она сперва растерялась. Но, оглянувшись на колдуна, который уже сравнялся цветом лица с березовым стволом, однако упрямо оставался на месте, поманила купца в лес. Он пошел за ней без сомнений.

– Человек. – Бункушник выступил из-за деревьев неслышно, кикиморы выбрались следом. – Глупый. Зачем пришел?

– Поблагодарить, – ответил Ивар спокойно. На болотную нечисть он глядел без страха и отвращения, с любопытством. – Может, я чем помочь смогу.

Нечисть промолчал, только улыбнулся, обнажая острые зубы.

– Увези ребенка, – тихо проскрипела одна из кикимор, крючковатыми руками поправляя одеяльце. – Позаботься о нем.

– Спасибо. Мой род в долгу перед вами, – купец с почтением поклонился.

– Нам не нужно благодарностей, – прошелестели кикиморы. – Пусть дитя будет счастливо.

– И забери тело жены. В топях ей не место. Упокой по обычаю.

Ивар оглянулся на Ярину, она кивнула.

– Я провожу завтра утром. Иначе мы не успеем вернуться до темноты. Приходи к избушке на рассвете, я прикажу

волкам, чтобы проводили.

– Не нужно, – холодно отмахнулся он. – Дорогу я найти сумею. Возьми Орма.

Он протянул спящего сына, Ярина приняла ребенка с удивлением, осторожно баюкая.

– С тобой в лесу он будет в безопасности. До завтра.

Бункушник поглядел ему вслед, а когда Ивар скрылся за деревьями, задумчиво прохрипел:

– Вкусно пахнет. Столько крови, ярости, звериной силы. Хороший запах. Жаль, что зверь его скован.

Зверь? Какой еще зверь? Но сорвался с губ совсем другой вопрос.

– А чем пахну я?

Под пронизывающим взглядом нечисти Ярина потупилась, понимая, что зря спросила, но сказанного не воротить.

– Я не могу разобрать, чем пахнет ворожейка, – ответил бункушник, как ей показалось, с сожалением, – петля на шее забивает запах. Смердит болью и смертью. Плохая смерть. Нет покоя. Душно. Даже смотреть больно.

Больше он ничего не сказал, резко развернулся и исчез в чаще. Кикиморы тоже попятнулись, непрерывно кланяясь, и вскоре Ярина осталась в березняке одна.

Вернулась на поляну и передала похныкивающего ребенка домовому.

– Его кормить пора, дедушка.

– Я уж вижу, – Торопий перехватил драгоценную ношу

поудобнее, пихая пятками волка, чтобы тот развернулся. – Поеду я, иначе расплачется. Сама-то сдюжишь?

Ярина кивнула: не все же за чужой спиной прятаться.

– Вот и ладушки. Гаврюшу я с собой возьму, чтоб тебе живность тащить сподручней было.

– Кого?

– Да вот его. – Домовой ловко стащил череп с дыры и устроил впереди себя. Тот ничуть не возражал, вцепившись в шерсть волка зубами, чтобы не свалиться. – Даже у лахудр речных имена есть. Чем наши защитнички хуже?

Ярина не стала обсуждать непонятное имя, которое черепу никак не подходило. Это можно выяснить и позже, поэтому она молча проводила Торопия взглядом.

Ожидание затянулось. По-весеннему зябкий ветер пробирался под новый кожух, заставляя ежиться, а колдун все не шевелился, успешно изображая подпорку для березы. Когда до Ярины дошло, что он спит, она сначала не поверила. Но глаза мужчины были закрыты, грудь мерно вздымалась, лицо разгладилось, став умиротворенным. Он не очнулся, даже когда со стороны деревни раздались вопли.

«Выкуп» в последний путь провожали десять плакальщиц – побольше, чем на обычных сельских похоронах. Причитающие бабы шли следом за Перваном и завывали так жалобно, словно лишались последней кормилицы. Хотя от рыжей козы самого нахального вида старались держаться подальше. У старосты такого выбора не было, поэтому он то и де-

ло подпрыгивал, уворачиваясь от рогов и оглашая окрестности бранью. Наверняка животину выбрали самую вредную, по принципу «чтоб тебе подавиться, ведьма поганая».

– Ее зовут Белка, – похоронно сообщил староста, передавая клетку с курами и козу.

Та заметила смену владельца и, скосив на Ярину хитрый взгляд, принялась дергать повод. Пришлось упереться ногами в землю изо всех сил и потянуть на себя, обмотав веревку вокруг запястья. Не покажешь, кто тут главный, она так и будет проявлять норов. Но и рогатое кошмарище сдаваться просто так не собиралось: убедившись, что вырваться не получается, коза попыталась цапнуть зубами край кожуха и пожевать. Ярина возмущенно зашипела, ухватив Белку за рога.

– На вот, – староста сунул в руки бусы, не посмотрев, что они заняты. – Забирай и проваливай.

Ярина мигом забыла про козу, намотала повод на руку, ласково погладила теплые бусины, сердце сжалось от воспоминаний о доме. Забывшись, она не заметила, что колдун отлепился от дерева, опомнилась лишь когда нитку подцепили длинные пальцы, на мгновение обжигая холодом ее ладонь.

– Красивые, – задумчиво сказал колдун. Коза попыталась боднуть и его, но он быстрым движением ладони заставил животное замереть столбом.

Ярина прижала бусы к груди и испуганно отступила, уж больно странным был взгляд, которым ее одарили.

– Откуда они у тебя?

– Это подарок, – хмуро ответила она.

– Хороший подарок. Королевский, – колдун фыркнул, недоверчиво смерив ее взглядом, и вновь уставился на бусы. – Я бы, на твоём месте, его спрятал. И не показывал никому. Хорошо, люди не поняли, что им в руки попало, иначе никогда бы не отдали. Ты хоть знаешь, сколько это стоит?

– Мне все равно, – Ярина упрямо поджала губы. Чего пристал?! – Это подарок.

– Вот заладила! А знаешь ты, что бирюзу не добывают в Дивнодолье? На эту нитку можно палаты белокаменные в столице отгрохать. Откуда у сиротинушки, как твой дед говорил, вещь, которую способны сотворить всего несколько мастеров?

– Не твое дело! – Всю прежнюю благодарность за помощь и жалость у Ярины как рукой сняло. Ничего она ему не скажет! И тем более промолчит про сокровища, которые лежали в избушке. А ожерелье из янтаря может оказаться творением самого Оружейника. Не приведи Охранители колдун об этом узнает! Он же весь лес по бревнышку раскатает, лишь бы до них добраться!

– Не мое, так не мое. – Колдун внезапно отступил, усмехаясь. Лицо его опять страшно дернулось. – Не жалуйся потом, выручать больше не буду.

Он размашистым шагом направился к деревне, а Ярина осталась стоять, прижимая к себе бусы, до тех пор, пока удерживающие козу чары не исчезли, и несносная животина не

попыталась познакомиться новую хозяйку со своими рогами.
Пришлось вызвать волков: только щелкающие зубами морды
заставили Белку угомониться и последовать в лес.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ярина встретила Ивара на рассвете, не выспавшаяся, измученная. Всю ночь, отгоняя незваного гостя, тревожно завывали черепа. Что колдун делал у избушки, осталось неизвестно, ведь днем же виделись. Больше некому было. Выйти она не решилась, а надев ожерелье, успела разглядеть лишь долговязую фигуру, закутанную в плащ.

Ивар появился у избушки не один – с телегой. Поразмыслив, Ярина решила, что это к лучшему. Сопровождать она его вызвалась без помощи ожерелья, своим ходом они добрались бы до топей ближе к вечеру, а на телеге быстрее будет, и тело Милавы не на руках же нести.

Пока Ярина устраивалась на высланном шкурами днище, Ивар уселся на облучок и подстегнул мохноногого конька, заставляя выйти на тропу, а потом и на мощеную полусгнившими досками узкую дорогу.

Ехали молча. Вчерашняя прохлада сменилась по-весеннему ласковым теплом. Куда ни глянь, искрилось солнце, переливалось бликами на молодой зелени. Между деревьями пестрели первоцветы. Скворцы, зяблики, свиристели перекликались со всех сторон, птичий гомон даже не думал смолкать при появлении людей. Слушай да радуйся, если забыть про цель путешествия. Подобрал под себя ноги, Ярина нахохлилась. В голове роились вопросы, но так просто их не

задашь. Какое ей дело до того, что прирожденный воин вдруг назвался купцом, или как селяне отпустили свою замуж за чужанина. Но от одного вопроса она не удержалась:

– Почему ты назвал колдуна кольгримом? Что это за слово?

Настырный домовый исхитрился вручить ей узелок с пирожками в дорогу. Ярина протянула один мужчине.

– Так на моей родине зовут черных колдунов, – отозвался Ивар, молча отказываясь от угощения. – От них одни беды. Настоящим чародеем мужчина становится, когда у него борода до живота отрастет и поседеет. Когда руки больше не смогут держать меч. Без бороды – какой он чародей! Так, людям голову морочит, потому что не хочет сражаться как честный воин.

Хорошо, Ивар сидел к ней спиной. Ярина прикусила щеку изнутри, чтобы не пустить на лицо непрощенную улыбку. Вроде взрослый умный мужик, вон, сильный какой. А про бороду всерьез говорит.

Нельзя считать полноценным воспоминанием то, в котором тебе всего семь, и ты с сестрой украдкой подсматриваешь за приемом. Но Ярина помнила расписные стены и круглые своды, сияние волшебных светильников и блеск камней на богатых одеждах. Когда Сиверу стукнуло двенадцать, отец отвез их всех в Белозерье, чтобы, как пристало, показать своего первенца. Ярина с Нежкой были слишком малы, им полагалось сидеть в светелке под присмотром ня-

нек, но это же так захватывающе, тайком подобраться поближе и хоть одним глазком взглянуть, как веселятся взрослые.

Чародеи выделялись, как снегири среди воробьев. Чародейки все как на подбор были прекрасны: с непокрытыми головами, в платьях, открывающих шею, а у некоторых (виданное ли дело!) еще и плечи. Они словно не замечали перешептываний за спиной и завистливо-злых женских взглядов. Ярина мечтала, что когда-нибудь настанет и ее черед предстать перед ближним кругом, а Нежка уже мнила себя чародейкой. Три луны спустя, одним туманным утром, мечты обратились в пыль.

– Ты не похожа на других варгамор, – прервал ее размышления Ивар.

Еще одно незнакомое слово.

– На кого?

– Волчьи ведьмы. На моей родине молодые варгамор не живут поодиночке, пока не войдут в полную силу. И не подходят к мужчине, если тот разгадал их суть. Не страшно?

Ярина чуть не поперхнулась: набрался у местных! Все бы им ведьму в каждой видеть.

– Я не ведьма, а леший, – пробурчала она в ответ. – Защищаю здешние места, а лес защищает меня. Чего мне тебя бояться?

Вряд ли Ивар захочет обидеть спасительницу сына, но смотрел он странно, словно боролся с неприязнью. Ярина вспомнила наказ матушки не доверять людям и поежилась.

Нет, ничего не случится, она в лесу, он защитит.

– Но с тобой пришли волки, они слушались тебя. Или ты так уверена в своих силах и моей благодарности, что станешь все отрицать?

Вот что с ним делать?

– Не знаю, как в твоих краях, а у нас волки подчиняются лешему, а не ведьмам. Если бы не они, вчера меня бы никто и слушать не стал. И не ведьма я, сколько раз говорить.

– Ты женщина. Женщина не может быть духом леса.

– Почему это?

Ивар в ответ хмыкнул. Обернувшись через плечо, бросил почти добродушно, вдруг сменив гнев на милость:

– Я пришлый, но о вашей нечисти наслышан. Они не любят людей, а ты слишком человек. Не ведьма, говоришь? Тогда не твое это дело – торчать сычихой в лесу. Тебе надо о муже заботиться, детей растить.

Может, и так. Но не было на горизонте парня, который бы нравился. В детстве Ярина мечтала о красавце-королевиче, а потом стало некогда, выжить бы. Деревенские на нее только как на змеиного заморыша смотрели, да и не думала она о них. Единственный, кто восхитил ее – Тильмар, но нельзя же вздыхать о Нежкином муже.

Мысли о семье были тяжкими, тревожными, поэтому и вырвалось злое:

– Я уж сама решу, о ком мне заботиться.

Ярина тут же устыдилась грубости, но было поздно.

– Это не женское дело. Разве у тебя нет отца или брата, чтобы думать? – Мужчину не смутил ее тон. Говорил он без тени эмоций, будто погоду обсуждал.

– Я слышала, на Ледяных островах женщины ни в чем не уступают мужчинам, – с горечью возразила Ярина. Ивар, сам того не зная, попал по больному: не было у нее больше ни отца, ни старшего брата. – Или это байки?

В ответ раздался тихий смех. Ивар натянул поводья и, повернувшись, смерил ее многозначительным взглядом:

– Нет, все правда. Но на моей родине другие законы. Ты не похожа на тамошних девок, и никто здесь не похож. У вас же принято, чтобы за женщин решал мужчина.

Принято. У селян. И во многих старинных родах. Хотя вольнодумство из Арсеи медленно, но верно расплзлось по землям, а чародеи своим видом подливали масло в огонь и смущали народ.

– Не у всех и не везде, – возразила Ярина, упрямо поджигая губы. И, забывшись, добавила: – Ты что, тоже за свою жену все решал?

Ой, дура! Лицо Ивара мигом закаменело. Он отвернулся и хлестнул коня, тот перешел на рысцу, отчего телега затряслась по ухабам, надсадно поскрипывая.

– Ивар... – Ярина решила заговорить не скоро, лишь когда удушливая вина выпустила горло из хватки. Нашла, кем попрекать! – Ты прости меня.

Мужчина молчал. До тех пор, пока лесная дорога не сме-

нилась хлюпающей гатью, и пришлось спешиться: телега так и норвила съехать с узкого настила.

– Милава сама меня выбрала, – произнес он, мрачно глядя перед собой. – Сама за меня пошла, никого не спросила. Но я сказал ей ждать где безопасно, пока не вернусь. Мы вместе ехать собирались. А она не дождалась. Веди.

На такое добавить нечего. Вот только к чему молодой матери срываться в дорогу? Молоко в голову ударило? Или все-таки чары?

Ярина повела Ивара по едва приметной тропе к сердцу болот. Нечисть не показывалась. Не было ни единого намека на то, что за ними наблюдают, словно топи лишились жизни: кругом одна черная маслянистая вода да колючий кустарник, на котором сидели сытые вороны. Ветер с заунывным воем носился над проклятым местом, будто навеки затянутом туманами.

К знакомой поляне они вышли через час, когда угрызения совести разбередили душу так, что Ярина уже хлюпала носом.

– Здесь, – шепнула она, но Ивар не слушал, рванувшись к телеге.

Пока он осматривал колеса, из трясины высунулась кочка с черными провалами глаз. Оглядевшись, выложила на траву огромный кокон из тины и грязи, который с зыбким чавканьем всосался в землю, оставив совершенно сухое тело молодой женщины.

Нечисть исчезла в бочаге прежде, чем Ярина раскрыла рот, собираясь поблагодарить.

Она успела заметить лишь рассыпавшиеся по плечам каштановые волосы и смертный отпечаток страха на юном лице, как Ивар рухнул на колени, стискивая жену в объятиях.

– Что же ты, огонечек... – хрипло выдавил он.

Плечи его затряслись. Ярина отвернулась.

Тропинка расплывалась перед глазами, слезы текли по лицу, она не успевала их стирать. Брела, не разбирая дороги, и рыдала. Слышать, как Ивар надрывно стонет, укачивая на руках тело жены, было невыносимо. Ярина оставила его наедине с горем, не смея мешать, но у самой успокоиться не выходило. Перед глазами стоял тот день, когда отец с Севером отправлялись на войну, а мама кусала губы и не решалась плакать, хотя они с сестрой рыдали, не скрываясь. Или как она сама второпях уезжала из дома, подгоняя Марьку. И так жалко было: себя, матушку, Ивара, малыша Орма. Его больше всех: мужчина может найти новую жену, а мать ребенка никто не заменит.

Ворон вдруг беззвучно взлетел прямо перед лицом, заставляя отступить. Откуда взялся только, ведь не было его! Тропинка-предательница ушла из-под ног, внизу оказалась хлюпающая жижа.

Ярина даже не успела испугаться. Опомнилась лишь когда

зависла над трясиной, размахивая руками.

Колдун держал ее за шиворот, словно кутенка. Ярина обернулась, и он рванул ее на себя, поставил рядом, на тропу, а затем отодвинулся.

– Чего реवेशь? – хмуро спросил он.

Испуг все же догнал, и рыдания прорвались с новой силой.

– Ну-у-у, – простонал колдун, неловко похлопывая ее по плечу. – Перестань. Слышишь? Хватит.

Кажется, он был из тех мужчин, которые не знают, что делать с женскими слезами.

Успокоиться сразу не получилось, Ярина отчаянно всхлипывала, размазывая слезы, пока ей в нос не ткнули белоснежный платок.

– Прекратишь ты реветь? На, вытрись, – прошипел колдун, неловко отводя взгляд, когда она приняла платок. Мягкий и воздушный, слабо пахнувший мятой. – Отдала ему тело жены?

Ярина кивнула, пытаясь не расплакаться снова.

– Перестань, – повторил мужчина строго. – С чего этот потоп?

– Жа-алко.

– Жалко, конечно. Но могло закончиться хуже, а так у него остался сын.

Ярина расстроено всхлипнула, не понимая, как быть с пришедшей в голову догадкой: колдун, гроза окрестной нечисти, пытался ее утешить. Или показалось? Она гляну-

ла на бледное лицо: мужчина больше не выглядел смертельно уставшим, даже говорил нормально. Немного хрипел, но слова из себя не выдавливал будто из последних сил. Если вчера Ярина была уверена, что он мучается от какой-то страшной болезни, то сегодня это казалось наваждением.

Колдун заметил ее любопытство и поспешил сменить тему, вновь нахмурившись.

– Почему ты в сердце топей потащилась? Одна. Ладно, этот горе-купец, к нему болотные не полезут. А вот ты если думаешь, что висюлька на шее тебя защитит, то ошибаешься.

Ярина и правда зря ушла так далеко, но чтобы нечисть ее тронула? А нежить в лесу перевелась, даже выползни из оврага сидели тихо, только по ночам возвращались к избушке, наворачивая вокруг круги.

– Они мне ничего не сделают, – пробормотала Ярина, бережно складывая мокрый платок в карман. Постирала и отдаст. – Я их ничем не обидела.

– Думаешь, их это заботит? Ту одноглазую тварь, которая снимает с людей кожу себе на штаны? Или кикимор? Им не терпится заполучить новую подружку. Может, старый хрыч? Он порастал мхом в одиночестве, а домовые паразитируют на людях! Нечисть не знает привязанностей. Она думает только о собственной выгоде.

Не сдержавшись, Ярина тихо рассмеялась. Колдун, сам не зная того, слово в слово повторил высказывание бункушника о людях. Свести бы их вместе да оставить, авось, друг друга

переспорят.

– Глупый ты, – улыбнулась она, с жалостью глядя на мужчину. И ведь не объяснишь же, что не так сказал – речи произносить Ярина могла только со страха.

– Сама, можно подумать, семи пядей во лбу! – огрызнулся колдун, но слабо, без злости. – Учить она меня еще будет.

На тропе воцарилось неловкое молчание, даже ветер стих, не желая тревожить людей.

– Зачем ты за мной следишь? – спросила Ярина сердито. – Я тебе ничего не сделала, людям тоже не вредила.

– Нужна ты мне. – Он повел плечами, словно спина болела. – Дел у меня других нет.

– А что ты тогда здесь делаешь? И ночью. Зачем приходил?

Не просто так же он прогуляться на болота вышел, не просто так рыскал вокруг избушки.

Колдун глянул на нее, как на полоумную.

– Тебе существа, которые все чаще выползают с закатом, знакомы? Такие занятные, на сгустки тьмы похожи, – спросил он насмешливо. – Я еще не растерял последний ум, чтобы с ними встречаться. Есть более интересные места, где они не водятся.

Это он про Пустошь, что ли?

– Что, и птицы не твои? – Ярина не поверила. Кому еще она понадобилась? Селяне ночного леса пуще огня боялись.

– Птицы?

– Вороны. Следят везде. Вот тут только что были. – Она поежилась, вспомнив черные крылья, отливавшие багрянцем.

В лице колдуна мелькнуло что-то странное, а суховатые пальцы сжались в кулаки, как от злости.

– Вороны, говоришь...

Ничего он больше не сказал, а Ярина почувствовала себя совсем неудобно. И когда уже решила попроститься, мужчина успокоился, буркнул тихо:

– Ладно. Пошли. Доведу тебя до телеги, нечего одной шагать.

Ярина с радостью добралась бы сама, но отказаться не решилась. С сомнением покосившись на закутанную в извечный темный плащ фигуру, она зашагала по тропинке, ведо-мая ожерельем. Подозрительно заботливый колдун шел следом. То кидался на нее, теперь вот провожать вызвался, поди разбери, что в следующий раз в голову взбредет.

До телеги они шли молча, лишь когда Ярина повернулась, чтобы поблагодарить, колдун устало потер переносицу и огорошил:

– Я способен признать свои ошибки. Был неправ. Но тебе надо убираться отсюда, здесь не место для дурех, еще и таких наивных. Куда ты ехала? Я выпишу подорожную.

Слова благодарности застряли в горле.

– Вот уж нет! – Ярина мигом подобралась и отскочила по-дальше, едва вновь не свалившись в трясины. Если еще сед-

мицу назад она была бы рада отравиться в путь, то сейчас тень погибшей Милавы не давала покоя. Ивар заберет ребенка и уедет, а ее долг выяснить, что случилось. И домовому она обещала!

– Тьфу, лешачка безмозглая! – в сердцах плюнул колдун.

– Грубиян!

– Да, – когда он улыбался, то исполосованная щека бледнела до синевы, а шрам наливался алым. – Как прикажешь разговаривать с глупыми упертыми девчонками? Собирайся и езжай, говорю. Будешь еще под ногами путаться.

Теперь Ярина точно была уверена – уезжать нельзя. Подозрения разгорелись с новой силой: уж не колдун ли все подстроил? И не кинется ли он изводить нечисть, если лес оставить без присмотра?

– Никуда я не поеду! – упрямо насупилась она. – Ни тебе, ни твоим людям веры нет. Я за порог, а ты снова за старое? Лесных жителей мучить?!

– Да никто их не мучил!

– А Дара?

– Кто?!

– Берегиня!

Тут колдун стих. Нахохлился, втянул голову в плечи и сразу стал похож на облезлого грача, пощипанного кошкой.

– Они с ребенком выжили, я знаю, – хрипло и глухо отозвался он.

– Не благодаря тебе! – Ярина в запальчивости едва не кри-

чала. – Ты бы их спалил, если бы не водяной!

– Я их пальцем не тронул! – Мужчина рывкнул так, что она отшатнулась, ударившись спиной о телегу.

Мгновение колдун буравил ее злым взглядом, а после махнул рукой и быстро пошел обратно, вскоре скрывшись из виду. Ярина так и осталась стоять, растерянная и потрясенная.

Русалкам она верила больше, а колдун явно чувствовал себя виноватым, когда она напонила про печальную участь берегини. С другой стороны, почему он так яростно кричал о своей невинности?

Размышления прервал Ивар. Он нес завернутое в плащ тело Милавы на руках, прижимая к груди. Трепетно и бережно уложил на шкуры. Ярина устроилась рядом на облучке, не зная, как утешить. Да и найдутся ли слова для потерявшего любимую жену?

– Ты похоронишь ее здесь? – Решилась она наконец разрушить тяжкую тишину.

– Местные не хоронят мертвых. Сначала сжигают, после пепел закапывают, – отстраненно откликнулся Ивар, понукая лошадь свернуть с наезженной дороги в лес, к избушке.

– Почему? Я видела капище. Значит, волхв тут живет.

– Это ты у кольгрима спроси. Мне сказали: «Нельзя». Ваши местные мруны могут появиться. Больше ничего не знаю.

Помолчав, он добавил с тихой печалью:

– Она бы посмеялась, если бы знала, что ее будут хоро-

нить, как на моей родине хоронят только жен ярлов или конунгов.

Когда Ярина спустилась на землю перед частоколом, Ивар ухватил за руку, едва ли не силой поворачивая к себе.

– Приходи вечером в деревню, на похороны, – попросил он. – Ты спасла Орма, у тебя есть право проводить мою жену в последний путь. Даю слово, тебя никто не тронет. Придешь?

Ярина кивнула.

– Дедушка, – первым делом спросила она, войдя в избу, – отчего местные своих покойников сжигают?

Домовой, возившийся с хихикающим Ормом, обернулся и задумчиво почесал бороду.

– Дык Дивья Пустошь же! Тут, небось, везде поле битвы было. На крови и лес вырос, и топи на месте старого жальника, отсюда и название. Мрунов тут видимо-невидимо развелось в те времена, леший сказывал. Уж он плевался! Говорят, ежели покойника целым закопать, он вылезет и пойдет бродить. Потому и жгут. Ты о том лучше водяного спроси. Как съездила-то?

– Все в порядке.

Расшалившийся Орм радостно заверещал, когда она подошла ближе, и попытался показать трюк с засовыванием в рот пятки. На козьем молоке к нему за день вернулся румя-

нец. Ярина не смогла сдержать улыбку.

– Ивар попросил, чтобы я пришла на похороны, – продолжила она.

Вопреки ожиданиям домовый причитать не стал. Деловито уселся на лавку и глянул на нее.

– Пойдешь?

– Пойду.

– Эдак тебе ночью возвращаться придется. Как же чудищи эти овражные?

Ярина пожала плечами, ежась. Днем в лесу она чувствовала себя свободно, если кого и стоило опасаться, так это людей. Воспоминания о могильном холоде заставляли сердце сжиматься, но тени не давали о себе знать уже несколько ночей. Не потому ли, что их отваживал трущий возле избы колдун? Кроме него больше некому. И вороны эти его: они встречались везде, стоило шаг из избы сделать, а по вечерам сидели на дубу за частоколом. Но только потянишься к ним силой ожерелья, сразу исчезали. Хотя птицы считались верными спутниками лешего вместе с волками.

То ли морок, то ли колдун ее запугивает.

– Попрошу волков проводить. А ночью... если их не будет – дойду. Нет – возле деревни переночую.

– Нож возьми, – хмуро посоветовал домовый. – Черепушку тебе не предлагаю, только местных злить да колдуна смешить.

Лежавший на столе череп, который не вернули на часто-

кол, скорбно кляцнул зубами. Огонь в пустых глазницах еле теплился, похоже, Гаврюша страдал, что не смог защитить хозяйку. Любопытно, могут ли подобные сущности испытывать что-то? В чародейских премудростях Ярина не разбиралась.

Она боязливо погладила череп, пытаясь утешить. Кость была теплой, словно полированной. Подумаешь, человеческая! Те, кто носят похожие черепа внутри головы, гораздо опаснее.

Торопий одобрительно хмыкнул.

– Дедушка, а почему ты ему такое имя странное дал?

– Хозяин мой прежний большой был любитель заморского, – пояснил он. – Он челядь на свой манер называл.

Тут домовый спохватился, соскочил с лавки, потянул Ярину за штаны, заставляя встать.

– Чего это я, старый! Лясы точить опосля будем. Собирайся! Солнце к горизонту, а тебе еще идти. Чтоб до Пожарищ добралась засветло!

Закатный лес нежился в последних лучах солнца. Ярина дышала полной грудью, вопреки уговорам домового, не торопясь покидать свои владения. Так хорошо было! Спокойно. Рядом вышагивала четверка матерых волчищ, преисполненных важности, что именно им выпала честь охранять лешачку. Ожерелье чуяло их смутное беспокойство, все-таки

она была человеком, а какой зверь человека жалует. Но сила держала их в узде.

С приходом Ярины нежить в лесу повывелась, оголодавшим за зиму хищникам настало раздолье, и волки отъедались. Так с чего бы им быть недовольными?

Они уже подошли к опушке, когда звери заволновались, прижали уши. Ярина испуганно глянула на ощеренные клыки, но ожерелье не предупреждало об опасности, хотя впереди явно кто-то прятался.

– Эй! – позвала она дрогнувшим голосом. Опять колдун? – Выходи, кто ты есть!

Волки зарычали громче, припадая на передние лапы. Пришлось положить одному из них ладонь на холку.

Захрустел прошлогодний опад. Из-за старого дуба ужом выскользнула девица – один в один дочка Госпожи Стужи. Вся будто бесцветная: бледная кожа, бескровные губы, белесые волосы, светлые до прозрачности глаза. Стараясь украсить себя и грубую рубаху, на шею девица вздела с десятков ниток разноцветных бус. Как она под такой тяжестью не сгибается? Запястья ее были опоясаны нитками помельче.

Взгляд у девицы был неприятный, оценивающий.

– Чего тебе? – Ярина вовремя вспомнила, что не одна и не стала пятиться. Вместо этого ухватилась за ожерелье, стараясь сдержать волков. Этот жест от девицы не укрылся, она потрянула головой и спросила напрямик:

– Ты снадобья разумеешь?

Так вот ей что нужно!

– Смотря какие, – Ярина успокоилась и медленно двинулась вперед, не сразу сообразив, что волки за ней не последовали.

– С дурман-травой, приворотные.

Вечно одно и то же. К матушке частенько забегали за этим делом, но каждый раз уходили возмущенные отказом.

– Тебя как зовут? – Ярина почувствовала себя уверенней. Да, девица была ее старше, уже за двадцать. Непонятно, как в таком возрасте ее не сговорили. Но просят приворотное только совсем уж безумные.

– Весёна, – почти выплюнула та, отступая к поляне.

Ярина оглянулась на волков: те застыли на месте, скалясь. Видно, дальше опушки идти им не хотелось. Неволить она не стала – отпустила. И снова повернулась к странной девице, которая словно принуждала себя находиться рядом с ней.

– Так что? – нетерпеливо топнула она. – Дашь зелье?

– Нет, Весёна, не дам. Не будет любви, если разум затуманить. Ни любви, ни счастья.

Ярина старалась объяснить так, как говорила с просительницами матушка, но судя по вспыхнувшей в глазах злобе, не получилось.

– Чародейка бы дала.

– Я не чародейка. – Не похоже, чтобы госпожа Илея варила приворотные зелья, судя по теплым рассказам домового, любившего прежнюю хозяйку, не такой она была. Хотя запа-

сы дурман-травы в избушке были. И еще много чего.

– Так ты и не леший! Ничего не умеешь, курица глупая! – прокричала Весёна и бросилась назад, в лес, оставив Ярину в недоумении смотреть ей вслед.

Капище притулилось неподалеку от села, на пологом холме, у которого словно великан исполинским мечом снес вершину, оставив ровный срез. Мрачное место, совсем не похожее на то, что было в Белом Бору или ненавистном Заболотье. Пятеро Охранителей, выдолбленные из черного, будто оплавленного камня, расположились полукругом, ликом к вошедшим. Ох, и суровы были эти лики! От них веяло древностью и мощью. Белое пламя плясало в чашах, что сжимали каменные ладони, отбрасывало причудливые тени.

Краду – высокую просмоленную кладку из дров – сложили в самом центре. Огромная, тело Милавы на ней казалось совсем худеньким, одиноким.

Волхв так и не появился, зато колдун был тут как тут. Собрались и все селяне, все взрослые, ни одного подлетка. Ярина неловко притаилась у входа, чтобы не привлекать внимания, но то и дело ловила на себе настороженные взгляды. Враждебности поубавилось, но жители все равно держались подальше, а Ивар, стоявший возле костра, наоборот, поманил ближе.

– Пришла... – на его поникших плечах словно лежала

непомерная ноша, хотя в голосе слышалось облегчение.

– Я же обещала, – печально улыбнулась Ярина, переводя взгляд на костер. – А где волхв?

Никого в белых одеждах поблизости не оказалось. Но при таком древнем капище обязан быть слугитель.

– Здесь нет волхва. – Колдун черной тенью вырос рядом. – Обряд буду проводить я.

– Я не дам кольгриму вести мою жену через вашу Темную дорогу! – взвился Ивар. – Ты дуришь людям головы, а она заблудится!

Колдун поморщился, закатив глаза:

– Ты видишь здесь кого-то, кто способен завершить обряд? Может, сам попробуешь?

– Ивар, не надо... – не выдержала Ярина, осторожно положив ладонь на сжавшийся кулак. – Он прав.

Мужчина с ненавистью глянул на колдуна и отвернулся, резко вырывая руку. Тот в ответ только головой покачал.

– Если готовы, начинаем.

Ивар в последний раз склонился над женой: гладил ледяное лицо и шептал что-то. В последний раз коснулся губами лба. Уже уходя, снял с запястья одно из обручей и через силу кивнул колдуну.

По мановению руки люди отпрянули, белое пламя хранителей с гулом взметнулось в закатное небо.

Тяжело душе одной идти на ту сторону: через Реку Смородину, по Калиновому мосту, вдаль по Темной дороге. Про-

вожает ее белокожая дева – Переправщица. Ведет она душу не весь путь, часть нужно пройти самому, и тяжела та дорога. Если человек был сильным, добрым – преграды не страшны. А если с черным сердцем пришел он на дорогу, или сомнения его не оставили – собьется и будет кружить вечно в крошечной тьме, пока не найдут его навьи, не выпьют досуха, не оставляя ничего.

Волхв должен заставить душу позабыть горести, дать силу пройти до последнего перекрестья, где расступается мрак. И Переправщица берет плату за работу кровью, выпивая из нее силу. Чем сильнее волхв, тем легче путь.

Милаве не повезло.

С ладоней колдуна сорвались потоки огня, змеями обвили краду, вмиг скрыли лежащее тело.

– Мила-ава-а, – надрывно закричала ее мать, бросаясь к костру. Староста едва успел перехватить тучное тело. – Дочка! – причитала она, обвисая в его руках. – Доченька моя!

– Веша, не надо, – староста пытался ее удержать, к нему подскочили еще двое. – Ты мешаешь.

Огонь ревел, вздымаясь в небо, дым раздирал горло, ел глаза. Ярина не могла сдержать слез. Поэтому едва не упустила из виду мелькнувший в пламени тонкий силуэт и взметнувшиеся белые косы.

Колдун пошатнулся, несколько человек кинулись к нему, придерживая, но он продолжил лить пламя с ладоней в костер, пока тот с шипением не погас, словно невидимая рука

окатила прогоревшую краду водой.

– Все, – устало выдохнул мужчина, утирая пот со лба трясущейся рукой. – Получилось. На рассвете похороните.

– Эх вы, господин, – с беспокойством покачал головой староста, выпуская тетку из объятий. – Каждый раз как последний выкладываетесь.

– Ничего, не надорвусь, – просипел колдун. У него подкашивались ноги, но он упрямо стоял.

Ярина непонимающе уставилась на него: этот у них еще и вместо волхва?

Ивар, глядевший на пепелище, стряхнул оцепенение и зашагал сквозь толпу к воротам.

– Стой! – раздался хриплый оклик. Мать Милавы, еще недавно заходившаяся воем, решительно поднималась на ноги. – Куда это ты? – Следы скорби на покрасневшем лице исчезли, сменяясь деловитостью. – Пора тебе другую жену найти, раз одну погубил.

Ивар замер, неловко повернувшись к теще. Сквозь непроницаемую маску на миг проступила растерянность.

– Веша, не надо. Рановато еще, – староста осторожно дернул бабу за рукав, но она вырвалась и громогласно продолжила:

– Рановато? Он один собирается моего внука воспитывать? Еще приведет в дом какую-нибудь убогую. Нет уж, мы родичи, мы вправе ему новую невесту дать!

Тетка рванулась к толпе, за руку вытащила оттуда девку.

Та молча упиралась, не поднимая головы. Такой же густой каштановый оттенок волос как у Милавы, то же круглое лицо, но Ивар глянул на нее с открытой неприязнью – видно, не по сердцу ему пришлась схожесть с любимой женой.

– Меньшая моя, Слада, – провозгласила тетка.

– Нет, – веско бросил Ивар.

Люди, до того равнодушно наблюдавшие за происходящим, удивленно зашушукались.

– По нашим традициям, коли у жены есть немужние сестры, одинец должен взять одну из них и о ней позаботиться. – Староста выступил вперед, делая страшные глаза готовой заскандалить бабе. Не лезь, мол.

В глухих бедных селах бытовал такой обычай. Но злость на лице Ивара ясно указывала, куда он готов отправить возможных родичей, решивших не выпускать богатство из рук. Не уступит он. Староста, словно не замечая, продолжал увещевать:

– Сам посуди. Дитенок твой мал совсем, ты в разъездах, тебе жена нужна. Она бы дом вела, хозяйство, о сыне заботилась. Слада – девка хорошая. И сродная твоему Орму, опять же. Не чужая.

Слада на миг подняла голову, во взгляде полыхнула и погасла брезгливость, но Ярина успела заметить это прежде, чем девушка опять уставилась в землю. Хорошо бы Ивар не согласился, иначе ребенка ждет незавидная участь. Встретить она не решилась, но в этом и не было нужды.

Мужчина одной фразой обрубил споры на корню, надменно глядя на селян. Так отец однажды глядел на соседей, когда те пришли объяснять, что добытым в лесу нужно делиться.

– Нет. Когда Милава со мной отправилась, вы ее знать не захотели, до тех пор, пока не поняли, что она не за оборванца вышла. Сейчас вон как поете? Да я болотной нечисти скорее ребенка доверю, чем одному из вас.

– Да кому твой волчонок дикий нужен? – визгливо сорвалась Слада. – Кто его любить будет? Любят своих, родных, а не по лесам нагулянных!

– Слада! – ахнула мать, бросившись к ней, но девка гневно продолжила:

– Иди, ищи ту, кто его полюбит! И тебя заодно. Может, кикимору в жены возьмешь али ведьму?!

Хлесткая оплеуха заставила ее задохнуться: тетка все же ухватила дочь за косу. Слада завопила.

Нехорошо сделалось на сердце, муторно. Ярина перевела взгляд на Ивара: тот, не мигая, смотрел на нее, по лицу плясали отблески белого огня. Визг Слады смолк, но Ярина не шелохнулась: Ивар шел через поляну, задумчивость его исчезла, сменившись решимостью.

Она попятилась, когда он остановился в паре шагов, но не успела рта раскрыть – остолбенела, сраженная словами:

– Будь моей женой, маленькая варгамор.

На протянутой ладони сверкало обручье: скалились серебряные волки с яхонтовыми глазами. Алыми, словно

КРОВЬ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Даже если бы Ярина захотела, она не смогла бы ответить. Ноги приросли к земле, изумление удавкой стиснуло шею, не давая ни слова выдать.

Она, не сводя глаз с обручья, протянула к нему руку и отдернула. Вновь попыталась, но решиться не смогла. Рассуждать здраво? Невозможно, когда мысли бьются пойманными в силки птицами, оставляя одно смятение.

– Ты что, сдурел с горя? – Голос старосты разогнал марево бушующих эмоций. Ярина моргнула и попятилась, прижимая руки к груди.

– Не хочешь одну из наших девок, не надо. Эту-то... – брезгливо бросил мужик и оборвав себя, продолжил спокойнее: – Пош-што?

– А чем тебе, уважаемый Перван, не угодила девушка? – раздалось хрипение.

Непонятно, как колдун успел оказаться рядом с ней. Ярина вздрогнула, когда на плечо легла ледяная ладонь, да еще и стиснула до хруста.

Она возмущенно дернулась, но мужчину тут же нехорошо шатнуло, пришлось стоять и делать вид, что он удерживает ее, а не держится сам.

– Ребенка спасла, нашла семью, заботилась. Хозяйственная девушка, спокойная. Красивая. Чем не мать твоему вну-

ку? Все равно он, как первенец, большую часть состояния унаследует. Думаешь, Орм обидит родную бабушку?

Тетка вновь пошла красными пятнами, не найдя ответа. Не спорить же с благодетелем, даже если тот ткнул носом в попытки загрести богатство зятя.

Колдун продолжал:

– Бери ее, купец. Хочешь, прям завтра вас и обвенчаю, а после забирайте ребенка и уезжайте подальше.

Ивар счел ниже собственного достоинства отвечать.

Ярина стояла ни жива, ни мертва, мечтая провалиться сквозь землю. Лицо полыхало жаром. Колдун нахваливал ее, как товар на ярмарке. Рассыпал ли он любезности от чистого сердца? Вздор! Не была она дурочкой, чтобы поверить. Но в первый раз ее назвал красивой кто-то, кроме матушки, поэтому смущение побороть никак не выходило.

Селяне возмущенно загомонили: спорить с колдуном духу не хватило, а вот вразумить Ивара они попытались. Тот отвечал резко и зло.

Колдун был белый, как соль, глаза ввалились, хотя скалил зубы он с откровенным нахальством.

– Что ты творишь? – прошептала Ярина, справившись с собой. Не время сейчас таять.

– Как тебя иначе заставишь из леса убраться? – горячее дыхание обожгло ухо, вынудив зардеться пуще прежнего. – Смотри, какой мужик. Скала! Будешь за ним, как за каменной стеной. В золоте ходить, медовые пряники трескать. Че-

го тебе еще?

Ярина рванулась всерьез, руки чесались вклепить колдуну пощечину, но тот едва стоял на ногах. Не хотелось уподобиться царевне Грёзе, которая, говорят, одним ударом уложила наземь троих поклонников. Но она же не царевна, селяне не оценят, если его чародейство падет к ее ногам. Поэтому Ярина просто отодвинулась, оставляя его без поддержки.

– Ничего ты не понимаешь в том, что мне нужно! – сердито ответила она.

Колдун насмешливо приподнял брови, явно намереваясь сказать гадость. Не успел – краски схлынули с лица. Его шатнуло раз, другой, и вот он уже закатил глаза и рухнул на землю.

Толпа ахнула.

Ярина вскрикнула, бросилась поднимать, но из мужчины будто исчезли все кости. На нее налетели, оттащили – девица с полянки, Весёна, с воем рухнула рядом с колдуном на колени, но ее быстро отпихнул староста.

– Не лезь, дура!

Дурноватая девица заголосила громче. Селяне мигом обступили колдуна плотным кольцом, оттирая Ярину назад. Пусть испуганная, она не сопротивлялась, успев заметить, как Перван деловито достает из сумы прозрачный витой пузырек и подносит к синим губам. Значит, потери сил у их драгоценного заступника случались частенько, раз староста знал, что делать.

Ивар наблюдал за происходящим с брезгливым равнодушием. Глянув на Ярину, снова протянул обручье. Молча и спокойно, словно уверенный, что она его примет.

Так и вышло. На этот раз Ярина не колебалась. Не было времени задумываться. Когда серебро оттянуло запястье неожиданной тяжестью, она потащила купца прочь с капища, в лес.

Когда за спиной сомкнулись деревья, ее затрясло, пришлось обхватить плечи руками. Что же она натворила! Ярина спрашивала себя снова и снова, а ответа не было.

Если рассуждать спокойно, колдун прав – Ивар завидный жених. Кому нужна бесприданница без отца, с темным прошлым? Вряд ли прискачет за ней прекрасный королевич, влюбится с первого взгляда и увезет в светлый терем. На нее вообще никто не посмотрит, а ждать любви... Она не чародейка. И видела тех, кто не дождался: желчные высохшие женщины с ядовитыми речами и лихорадочным румянцем. Разумом Ярина это понимала, но сердце нещадно ныло, будоража воспоминания. Как отец носил на руках маму и таскал ей охапки полевых цветов. Как смотрели друг на друга Нежка с Тильмаром: будто нет никого в мире, кроме них двоих. У нее такого не было, да и будет ли теперь?

Ивар хороший, Ярина жалела его и маленького Орма. Но почему, если все решено, так перехватывает горло, словно

крик бьется в груди и не находит выхода.

Горячие руки легли на плечи, заставляя замереть и сжаться.

– Ты идешь не в ту сторону, – с непривычной мягкостью сообщил Ивар.

Ярина огляделась вокруг и охнула: лес чуял отголоски ее мыслей. Деревья выставляли вперед острые ветви и колючки, кроны их сплетались, скрывая небо. Трава под ногами пожухла, звуки растворились в густой, хоть ложкой ешь, тишине, разрывал ее лишь тоскливый волчий вой.

– Прости. – Ярина попыталась успокоиться, вспомнив про ожерелье. Если оно так реагирует на горечь, что же будет, испытай она злобу или горечь?

– Я не обижу. – Ивар рывком развернул ее и заглянул в глаза. – Позабочусь о тебе, раз больше некому. Даже разувать себя не заставлю⁹, пока не привыкнешь. Не обещаю, что полюблю тебя, как Милаву, – он запнулся, вспоминать покойную жену еще было тяжело. – Но ты славная девушка, маленькая варгамор. Я постараюсь, чтобы ты не знала печали.

Ярина вздохнула. Да, Ивар сдержит слово, со временем боль утраты утихнет, и они даже смогут быть счастливы, но это не любовь.

– Меня ты ни о чем просить не станешь?

– Нет. Пока нет, – хмыкнул Ивар. – Орму нужна заботливая мать. Не мачеха, которая попытается сжить его со света,

⁹ По обычаю в первую брачную ночь жена снимает сапоги с мужа.

чтобы освободить место для своих детей. Ты спасла мне сына, нашла меня и не взяла награды, значит, на тебя можно положиться. Что до просьбы – там видно будет.

Он провел широкой ладонью по ее волосам, заправил за ухо выбившуюся прядь. От этой непрошенной ласки внутри оборвалось что-то, Ярина втянула голову в плечи и вывернулась, отступая на шаг. Привыкнуть можно, но разве сейчас это уместно? Когда крада Милавы еще не рассыпалась пеплом. Когда, несмотря на слова, взгляд Ивара оставался холодным, колючим. Будто купец оценивал, будет ли с нее прок.

– Если только это не хитрая обманка, чтобы втереться в доверие, – пробурчала она.

Ивар в ответ обидно расхохотался:

– Жаль разочаровывать, девочка, не похожа ты на лисью дочь, лицо у тебя простодушное. Как твоя наставница тебя одну отпустила, ума не приложу.

Насупившись, Ярина развернулась и пошла к избушке, разыскивая дорогу сама, а не полагаясь на ожерелье. Лицо у нее простодушное! Колдун в первую встречу так не думал. Вон, как вызверился! И потом, разве невесту называют «девочка»? Про наставницу и говорить нечего, Ивар вбил себе в голову, что раз она может волками управлять, значит, ведьма. Вот и попробуй переубеди его теперь.

Мысли снова устремились к капищу. Зря она ушла. Мало ли, чем колдун болен, помощь ему пригодится. Хотя селяне

вряд ли подпустили бы ее к своему избавителю.

Лунный свет заливал избушку, серебрил черепа на заборе. Те приветственно лязгнули зубами, подсвечивая путь. Ивар молча шел следом.

Домовой выскочил встречать прямо в сени. Уперев руки в боки, хмуро оглядел гостя с ног до головы и посторонился.

– Ну, проходи, купец. Не оставлять же тебя теням на поживу.

Ярина мимоходом удивилась: ведь забыла совсем, даже в голову ей не пришло, что нельзя ночью ходить, что собиралась остаться у капища, в безопасности. Чудом тени не вышли на ее след.

Пока Ярина снимала кожух, Торопий следил за ней с беспокойством, подал голос, лишь когда тяжелое обручье снова съехало по запястью ниже.

– Это еще что такое?

– Семейное сокровище. Его сделал основатель моего рода для своей невесты, – подал голос Ивар. Он уселся на лавку у окна, вытянул ноги и внимательно взглянул на исписанные саргонской вязью листки, которые Ярина забыла убрать.

Она не успела переступить порог горницы, а домовой уже подпихивал к столу, сердито зыркая на мужчину.

– Как же сие понимать?

– Замуж я позвал хозяйку твою, – невозмутимо ответил Ивар. – Поедешь с нами, дед? Не обижу.

– И что, Яринушка, люб он тебе?

Вот как совершь? Любовь – это когда сердце замирает, по телу разливается тепло от одного ласкового взгляда. Когда не идешь, а паришь, не замечая никого вокруг.

Она искоса глянула на Ивара: хороший ведь. В хозяйстве поможет, о детях заботиться станет. А любовь? Мало ли людей живут без нее счастливо. Стерпится – слюбится.

Ярина перевела взгляд на домового: тому ответа не потребовалось.

Тяжело вздохнув, он поманил ее к себе:

– Иди-ка сюда, девонька, что скажу.

Но стоило Ярине наклониться, как в лоб врезался болезненный щелбан.

– Ой, дедушка!

– Дурища! Ох, дурища! – Возмущению домового не было предела. Он стукнул кулаком по лавке, соскочил и принялся бегать по горнице, хватая себя за бороду. – Утварила! Замуж она собралась. Как же! Пожалела!

– Дедушка! – Ярина чуть не плакала от обиды.

– Снимай! – велел домовый, указывая на многострадальный «залог любви». Глаза его сверкали, волосы встали дыбом, по полу во все стороны пауками поползли тени. Лицо полыхало. Ярина сняла обручье и бережно положила на стол. Сразу стало легче.

– Потом заберешь, коли захочешь. Спать иди. А у нас сурьезный мужской разговор намечается. – Домовой достал из-за печки здоровенную бутыль. – Иди, – повторил он. – Утро

вечера мудренее.

В голосе не слышалось упрека, одна ласка. Так дедушки разговаривают с непутевыми внучками. Наверное. Единственный раз, когда Ярина видела своего деда, тот кричал, что не желает знать «это отродье». С тех пор отец их к своим родичам не возил.

Ярина бросила прощальный взгляд на Ивара – он спокойно улыбнулся в ответ, – и шмыгнула в спальнку.

Орм безмятежно сопел в корзине, смешно раскинув ручки. Полюбовавшись на малыша, она переделась в ночную рубашу, но уснуть даже не пыталась. Все равно не выйдет – голова гудела от мыслей.

Вместо того чтобы закутаться в одеяло, Ярина свернулась клубком на полу и прильнула ухом к тоненькой щели между дверью и половицами. Первый раз в жизни она подслушивала.

– Задурил девчонке голову? – спросил Торопий.

– Я ее не неволил, она сама обручье взяла, – голосом Ивара можно было наморозить небольшой сугроб. – Думаешь, обижу? Не бойся. Таких, как она, обидеть – себе вредить. Я-то знаю. А у меня сын.

– Отчего же. Не обидишь. Но полюбить не сможешь. Знаю я твою породу – ты все на первую жену растратил, ничего не осталось. Уважать, беречь будешь, но любить... А ей ведь хочется.

– Много ты видел тех, кто был счастлив в большой люб-

ви? – Ярина содрогнулась от жгучего гнева и тоски, сквозивших в тоне. – Я Милаву на руках носил. Баловал. Стукнул бы кулаком по столу и велел остаться дома, не повез к родным, она была бы жива. Выходит, я не уберег. Из-за моей слабости Орм остался без матери.

– Что уж теперь-то? Раз у тебя жизнь под горку покати-лась, решил и девочке ее испоганить?

– Я о ней позабочусь. Ни в чем отказа не будет. Ей защита нужна, раз она одна осталась.

– Дурак ты! До первых седин дожил, а разумом не обзавелся. Иль не заметил, кто она?

– Не царевна и не ваша чародейка. А молодой волчьей ведьме без защиты не выжить.

– Тьфу ты!

Домовой замолчал ненадолго, с глухим бульканьем плеснул из заветной бутылки по кружкам. Продолжил он быстро и зло, без своего обычного говорка:

– Верно сказал, не чародейка. Те птицы вольные, высоко сидят. Не царевна? И не селянская дурочка. Как говорит, как смотрит, когда забывается! Не простая она. Много ты женщин знаешь, которые древние книги читают? Погоди. У себя на родине хоть конунгом будь, но она тебе не пара. Это она по юности глупая, жалеет всех, а в силу войдет – на волю рваться станет. Что будешь делать? На цепь посадишь?

– Варгамор ни на одной цепи не удержишь.

– Заладил! Ведьма она иль нет, не твоего ума дело. Ты по

существо отвечай.

– Хорошо говоришь. Повторю: я ей обручье не силой надел. Мне об Орме нужно думать. Утром спрошу еще раз. Откажет – так тому и быть. Согласится – не обессудь.

– Лады, – вздохнул Торопий. – Давай спать. Я тебе на лавке постелю.

Ярина тихонько, на цыпочках, перебралась в кровать, вздрагивая от холода и захлестнувшей тревоги. Вдруг дедушка прав, и она не сможет смириться и полюбить Ивара?

Сон подоспел внезапно, словно рядом пролетела ночница¹⁰, нечаянно задев крылом: в нем Ярина вновь парила над лесом. Тени сегодня не вышли на охоту, потому колдун снова бродил вокруг избушки, скрываясь за деревьями, чтобы не попасться черепам. Видно, не так уж плохо ему было, раз нашлись силы за ней следить. Поодаль мягким огнем горела Пустошь, но смотреть на нее было боязно. Стоило отвести взгляд от леса, звуки стихали, их вытеснял тоскливый плач. Невидимая женщина рыдала с безнадежностью, от которой рвалось сердце. Просила о чем-то, но слова уносил ветер. И не было в ее голосе надежды.

Очнулась Ярина поздним утром. За окошком лил дождь, его мерный шум смешивался с шелестом молодой листвы, прогонял дурные мысли.

Корзинки с Ормом на столе уже не было. Дедушка тихонь-

¹⁰ Ночница – нечисть, насылающая тяжелые сны без сновидений и высасывающая силы. Выглядит как прекрасная дева с крыльями вместо рук.

ко утащил ребенка, чтобы накормить, а она даже не заметила.

Когда Ярина, отчаянно зевая, выбралась в горницу, ни Ивара ни обручья уже не было. Зато за столом сидела и болтала ногами Ивушка. Завернутая в яркое покрывало, она жевала пирожок и жмурилась от удовольствия. Рядом с ней сосредоточенно сопел Орм, пытаясь засунуть в рот погремушку из полированных раковин. Игрушка не сдавалась, малыш тоже.

– Ух, и горазда ты спать! – весело поздоровалась русалочка. – Жду тебя, жду. Я вам рыбки принесла. Вон, какая погода радостная.

– Ничаво в ней хорошего нет! Сырость, – пробурчал домовой, показавшись из-за печки. – Садись завтракать, девонька.

– Ты обещала заходить в гости.

– Зайдешь тут, когда такие дела деются. – Дедушка явно вознамерился не дать Ярине рта раскрыть, пододвинув полную тарелку каши.

– А правда, что ты за человека замуж выходишь?

– Ни за кого она не выходит! – Торопий звучно брякнул кружкой с киселем об стол. – Не выдумывай.

Ивушка не смутилась: подмигнула и с удовольствием откусила еще полпирожка.

– Не выхожу, – смущенно подтвердила Ярина.

– Вот славно! Оставайся!

– Только Орму нужно новую матушку найти, которая бы его любила.

– Это не твоя забота, – сварливо пробурчал домовой. – Пусть купец ищет. У него своя голова на плечах.

– Так пусть Дару нашу возьмет, у нее сын уже есть. – Русалочка беспечно пожала плечами. – Все равно она с тятенькой лается. Даже уйти хотела, да ведь некуда.

Ярина от неожиданности выронила ложку. Каша расплескалась по столу, но этого никто не заметил. Они с Торопием во все глаза смотрели на Ивушку, не чуявшую подвоха.

Берегини любили детей. Если кто и станет прекрасной матерью Орму, так это Дара.

– Если сложить два горя, счастья ведь не получится, – тихо вздохнула Ярина.

– Гляди, какая умная! – фыркнул домовой. – Других жалешь, а сама захомутать себя дала. Мальчонке с людьми жить надо. Сколько водяной его в пещере ни продержит, перепонки не отрастут. Не век же Даре слезы лить, купец о ней позаботится. Сговорить их – и дело с концом.

– Нет, так не пойдет. – Ярина возмущенно поднялась, чтобы вытереть со стола. – Встретиться им надо, если друг другу по нраву придутся, тогда уж думать.

– Так я сведу, – предложила Ивушка. – Хоть сейчас.

– Погоди, егоза, – велел Торопий. – Сначала жениха дождемся, а то, как бы он на радостях нас не зашиб.

– Чем ему наша Дара может не понравиться? – Русалочка

возмущенно наморщила курносый нос.

– Она берегиня, – мягко пояснила Ярина.

– Подумаешь!

– Вот ты пошла бы замуж за человека, просто потому что тебя кто-то посватал?

Ивушка думала долго, но это не помешало ей умять еще три оставшихся пирожка.

– Нет, – она наконец покачала головой. – Они страшные и пахнут плохо.

Торопий расхохотался.

– Я ж не про утопленников, дуреха. Про живых.

– Так и я о них, дедушка.

Теперь смеялась и Ярина.

– Разве что тот чародей, – мечтательно продолжила русалочка, – такой красивый. Светленький.

– Типун тебе на язык! Что ты в этой патлатой оглобле нашла? – домовой аж с лавки сверзился.

– Но у него темные волосы, – напомнила Ярина. «Светленьким» у колдуна было разве что лицо – прекрасный цвет бледной поганки.

– Не этот. – Ивушка возмущенно отмахнулась. – От этого, из Пожарищ, прострел-травой, зверобоем и пятицветником за версту разит.

Значит, колдун из Пожарищ ранен? Зверобой останавливал кровь, выгонял из нее дурной жар; мелкие алые цветочки прострел-травы унимали боль; а зелья из отливающих закат-

ным багрянцем лепестков Пятицветника позволяли подолгу держаться на ногах.

– Пятицветник же не пахнет, – спохватилась Ярина.

– То для вас, людей. Мы его всегда учуять можем. Кислый запах. Противный. А он в нем как вывалился. Нет, тут другой был. Хорошенький такой. Волосы длиннющие. Жалко, больше не показывается.

– Еще чародей? – Ярина нахмурилась. Селяне упоминали об одном заступнике, и колдун вел себя так, будто поблизости нет никого из его племени. Даже волхв куда-то запропастился. В спину словно стужа дохнула, пальцы заиндевели от догадки: а вдруг колдун не врал? Вдруг это не он следил за домом, и рядом бродит кто-то еще?

Домовому эта новость тоже не понравилась.

– Ты когда его встречала-то, девонька? – спросил он русалочку.

– В середине темня еще, мы уже спать готовились, как река начала льдом браться. Я за ним давно-о смотрела. Он все искал что-то. Может, думал, эту вашу госпожу лесную найти сможет. Они ведь часто виделись, пока она не погибла. Весной его один раз заметила только, уж больше луны прошло, – тяжело вздохнула Ивушка.

Торопий насупился и даже вцепился в свою меховую безрукавку от волнения:

– Точно ты мою хозяйку с другим колдуном видела?

– Не я. Сестрица. Она следила раньше. Все по своему ча-

родею сохнет... – тут Ивушка скорбно прижала пальцы к губам. – Но это тайна. Особенно от тятеньки. Не говорите никому.

– А в чем дело? – Ярине происходящее не нравилось, она словно упускала что-то важное.

– Так Рябинка влюблена была. В чародея. Тогда тятенька спокойный был, а Дара еще в тягости ходила. Они тайком встречались. Он в Малых Пригорках остановился. Однажды пообещал, что они свидятся на рассвете, а на ночь к Пустоши отправился. Так с тех пор ни слуху ни духу. Мы уж ей твердили, что он наврал, наверное, а сам тишком уехал. А она уперлась. Говорит, убили его. Вот и следила за всеми. Думала, может, что визнает. Даже зимой не спала. Да все без толку. До сих пор, чуть что, в лес сбегает, стоит тятеньке отвлечься.

Долго грустить русалочка не могла, поэтому, стоило Ярине отвлечься на хлопоты по хозяйству, притянула к себе трактат об украшениях.

Тревожно было на душе. Казалось бы, мало ли чародеев проезжало здешние места. Но зачем кому-то тайком возвращаться сюда спустя полгода? Не нравятся новые порядки, которые завел колдун? Неужели он и своих сородичей встретит так же, как ее?

– Ты не думай, раньше тут безвылазно чародеи паслись, – беспечно улыбнулась Ивушка. – Дивья Пустошь же, им там будто жемчугом скатным дорогу усеяли. Только с год назад

на них словно мор напал, и все попрятались. А потом приехал этот, тогда вовсе никого не стало... Ой! Что это?

Русалочка с недоумением разглядывала одну из страниц в книге.

– Гривны, кольца, венцы, пояса... и меч. Почему он тут?

– Не трогай, егоза, – строго пригрозил домовой. – То янтарь, он нам губительный. Вдруг тебе даже с картинки поплохеет. Объясняй потом твоему папаше бесноватому, что с дочкой его стало.

Ивушка отдернула руки от книги, словно страницы оказались пропитаны ядом. Так для нее и было. Не терпела нечисть дивью кровь.

Ярина заглянула русалочке через плечо: рисунок на пожелтевшей от времени странице вышел как настоящий. Лезвие цвета темного меда, исчерченное яркими прожилками, простая гарда, слишком длинная рукоять и навершие с огромным переливающимся янтарем.

Эту историю знал любой ребенок, но у русалок другие сказания.

– Янтарный меч, – выдохнула Ярина. – Великое творение Оружейника.

– Кого? – Ивушка уставилась на нее с восторгом и едва не запрыгала. – Расскажи! Расскажи!

Орм, возмущенный шумом, отбросил погремушку и завопил. Пришлось укачать его, унести в спальню, а после рассказывать – русалочка уже вся извелась от нетерпения.

– Во времена последней войны с дивью жил чародей, – тихо начала Ярина, не сводя глаз с рисунка. – Не было искунее его на свете. Он создавал великолепные украшения, способные приумножать силу владельца. Прослышав о его мастерстве, чародеи старались не убивать дивь, а приводить к нему. Из крови пленников Оружейник создавал бесценные сокровища. Они стократно увеличивали мощь...

– Он убивал просто ради силы? – испуганно перебила Ивушка.

– Сказания гласят, что дивь были чудовищами, и люди пытались защититься. – Ярина не чувствовала себя правой, поэтому говорила с осторожностью.

– Так кого угодно навью вырядить можно. Я не хочу, чтобы из меня делали украшение, если колдуны решат, что моя кровь дает силу.

– Не волнуйся, этого не будет.

– Откуда ты знаешь? Дивь наверняка тоже сначала жили мирно.

– Историю пишут победители, – прервал их спор домовой. – Правды уже не дознаешься. Что там дальше-то?

– Драгоценности из янтаря до сих пор разбросаны по миру и ценятся дороже царских венцов, – продолжила Ярина. Да, а одно из них преспокойно лежит у нее в избушке... – Но даже великим мастерам не чужда любовь. Сердце Оружейника покорила дева-чародейка. Прекрасная, словно зимнее утро, и такая же холодная. Она пообещала ответить на его

чувства, если он создаст для нее оружие, чтобы защитить себя, ведь она не могла сравниться с ним. Желая доказать свою любовь, Оружейник одолел последнего короля дивы. Из его крови он создал лезвие, а сердце вырезал и вставил в навершие. Так появился янтарный меч.

– И что? – несчастно прошептала Ивушка.

– Дева благосклонно приняла подарок, а ночью, после свадебного пира, вонзила меч Оружейнику в сердце, пока тот спал. Его сила перетекла в клинок, и теперь уже чародейке не было равных в могуществе.

Русалочка шмыгнула носом, смаргивая слезы. Домовой у печки хмуро молчал, да и Ярина чувствовала себя подавленной. Ей с детства эта история казалась жуткой.

– А дальше? – шепотом спросила Ивушка. Она была расстроена – сразу понятно, после такого «недолго и несчастливо» она не очень хочет знать окончание истории.

– Тебе какую версию: правдивую или любовную?

– Любовную.

– Настоящий суженый девы томился в плену у дивы, в их последней крепости. Дева попыталась спасти его, но опоздала: убийство короля привело дивь в ярость, они вырезали всех пленников. И когда Дева нашла тело возлюбленного, то не смогла пережить утраты – пронзила свое сердце бесполезным теперь мечом, пытаясь догнать суженого на Темной дороге.

Русалочка шмыгнула носом и часто заморгала, глаза на-

лились слезами. Ярина осторожно обняла ее и погладила по пахнущим тиной, спутанным волосам.

– Если это любовная, то какая тогда правдивая? – мрачно спросил домовой, протягивая девочке платок.

Второе окончание им рассказывала матушка, хотя Нежка утверждала, что все эти мечи, девы и чародеи – обычные сказки для детей. Но вот он, тот самый «сказочный» меч, до мелочей прорисованный.

– С правдивой все еще хуже. Никакого возлюбленного у девы не было. Она жаждала стать владычицей, но перед смертью Оружейник проклял ее, а чародеи не простили предательства и не стали помогать, да и меч тоже оказался лакомым кусочком. Они объединились, подстроили ей ловушку и убили, – торопливо закончила Ярина.

В горнице воцарилась тоскливая тишина.

– Мне больше нравится правдивый конец, – со стыдом призналась Ивушка. – Там хоть все получают по заслугам. А меч? Что с мечом?

– Не знаю. – Ярина вздохнула и отложила книгу. – Никто не знает. Вскоре началась последняя битва с дивью, наверное, они отбили сердце своего короля. Матушка рассказывала только, что ни самого меча, ни тел девы с Оружейником не нашли. Может, их и не было никогда.

Она с тоской посмотрела на мелкие закорючки: вряд ли в них кроется ответ, может, права была сестра, и это всего лишь страшная сказка.

Размышления прервали черепа за окном. Завывали они без особого воодушевления, что значило только одно – Ивар вернулся.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О берегинях Ивар не знал. Кто такие русалки, он не знал тоже, поэтому первым вопросом было: «Почему девочка в таком виде?»

Ивушка польщенно захихикала и наперебой с домовым принялась объяснять особенности дивнодольской нечисти.

– У нас нет речных дев, – задумчиво ответил Ивар. – Только морские. Знаю мало: у них рыбы хвосты, перепонки на руках, и они мстительные твари. Хотя старики говорят, что где-то живет племя тюленей, способных обращаться в людей. В незапамятные времена их девы часто выходили за наших мужчин. Всегда считал это баснями. Но про берегинья так и не понял. Чем они отличаются от человеческих женщин?

– Тем, что они не люди, – терпеливо пояснил Торопий. – Им послушны силы природы. Не все, но многие.

– Дара добрая, – встряла Ивушка. – Она никому никогда слова худого не скажет и на грубость не ответит.

– И она сразу была... такой? Она может стать человеком? – кажется, Ивар счел, что берегини – это проклятые девы, чем вызвал у русалочки сдавленный смешок. – Или, если ей послушны силы природы, это значит, что она ведьма?

– Дара не ведьма. Но чары умеет наводить. У берегинья они свои, не как у людей.

– Чаво рассусоливать? Смотреть надясь, – буркнул домо-
вой. – Не поймешь, пока не увидишь.

Рассказывать человеку про берегинь было все равно что
глухому соловьиные трели жестами описывать. Но она молча
кивнула. С тех пор, как мужчина переступил порог горницы,
она не сказала ни слова. Дедушка сам объяснял, почему Ива-
ру лучше взять в супруги Дару, и какой та станет прекрасной
матерью. Ярина думала, Ивар захочет поговорить, упрекнет,
но он лишь студено глянул на нее и смолчал.

Нехорошо было на душе, муторно. Стыдно. Ведь согласи-
лась же, а теперь получается – струсила. Ничего бы с ней не
случилось, жила бы с Иваром, малыша нянчила. А там, гля-
дишь, своего родила. Но сердце упорно не желало слушать
голос разума, оно замирало от облегчения, что не придется
жизнь прожить, не узнав настоящей любви. И от этого стыд
разгорался жарче.

Поэтому Ярина молчала. Даже когда домовой заявил, что
пора бы идти, только склонила голову и скрылась в спален-
ке. В штанах сватать невесту не пойдешь, нужно наряжаться.
Женщине и вовсе не полагалось заниматься столь важным
делом, если она не сваха, но стоит Ивару пойти в одиночку,
водяной его просто-напросто утопит, а потом заявит, что ни-
какого жениха в глаза не видал.

Платьев было жаль, в них бы не по лесу – по терему хо-
дить. Ярина нашла то, что попроще: из темно-синей шерсти,
расшитое белоснежными перьями. Но хоть не шелковое. На

голову подошел тонкий серебряный венчик и височные кольца, щедро усыпанные зернью.

Когда она вышла из спальни, Ивушка захлопала в ладоши, даже по каменному лицу Ивара скользнула быстрая сухая улыбка.

– Хороша-а, – всплеснул руками домовой. – Чисто княжна!

Ярина смущенно зарделась, обернувшись на зеркало. Из отражения испуганно глядела чужая красивая девушка. Словно помолодевшая мама вдруг оказалась за стеклом. Она тоже не любила шелка и золото, но для отца наряжалась.

– Возьми-ка. – Торопий вытащил из сундука длинный плащ с капюшоном. – Тебе в самый раз пойдет.

– Я предупрежу сестриц и Дару. – Ивушка соскочила с лавки и кинулась к двери. – Будем вас ждать.

Ярине ничего не оставалось, как проводить Ивара к Хохлатке.

Шли молча. Она не находила слов, чувствуя на себе внимательный взгляд.

– Ты точно решила? – мужчина поравнялся с ней, взял за локоть. Ярина привычно вжала голову в плечи: она не любила, когда до нее дотрагивались чужие.

– Да.

– Право твое. Но у меня разговор к тебе будет.

Пришлось повернуться и посмотреть на Ивара. В его лице не было упрека, одно отстраненное равнодушие. Стыд как

рукой сняло. Чего виноватиться, когда несостоявшийся жених не слишком расстроен, только задумчив не в меру.

«Вот бы они с Дарой понравились друг другу», – пожелала Ярина. Может, берегиня со временем растопит его сердце, и сама утешится, обретет счастье.

С прошлого раза берега Хохлатки украсились лохматыми зарослями лозняков, хотя камыши стояли еще сухие. Вода утратила серость, став зеленовато-прозрачной. Все камушки разглядеть можно.

Спустившись, Ярина сложила руки лодочкой и прокричала изо всех сил:

– Батюшка водяной!

Шею внезапно обожгло огнем, ожерелье вспыхнуло, по воде пробежали искры, отправляя зов. Долго ждать не пришлось: вскоре река пошла рябью, и из нее показалась зеленая кочка с глазами.

На физиономии водяного застыло недовольство.

– А, лешачка, – протянул он, почесывая бороду. – Зачем пожаловала? Да ты не одна, погляжу. Не хочешь ли помощничка мне подарить? Чего такая нарядная?

Несмотря на напускную суровость, нечисть разглядывал Ивара с ленцой, скрывая любопытство.

«Хороший знак», – решила Ярина, прижала к себе женихов каравай, испеченный по такому случаю дедушкой, и затянула традиционное:

– Пришли мы с добрым делом¹¹...

Глаза водяного начали округляться, превращаясь в две желтые плоски.

– Что? – булькающе спросил он. Река вздыбилась, угрожающе плеснула у самых сапог. Хотелось попятиться, но Ярина устояла, продолжив скороговоркой:

– Прослышали мы, что у тебя есть дочь названная, краса ненаглядная. Не отдашь ли за нашего купца? Всем вышел...

Их окатило речной водой с ног до головы прежде, чем она опомнилась. Рядом глухо заворчал Ивар, но Ярина оттерла его локтем за спину, вставая перед разгневанным водяным.

– Сдурела, девка?! – он схватил ее за плечи, когти насквозь пропороли плащ, впиваясь в кожу.

– Свень – человек! Ему нужно к людям! Ты не можешь держать их взаперти вечно!

– Она столько от людей натерпелась, а ты ее снова в лапшицу человеку засовываешь?!

– Дай ей сам решать!

– Уже раз дал. Все вы дуры, вам покажи мужика, так вы за ним в полынью кинетесь!

Водяной нещадно вытрясал из Ярины душу, но она не сдавалась и взгляда не отводила, чувствуя свою правоту. Она не знала Дару, но кому понравится безвылазно сидеть в пещере? Пусть хоть посмотрит на Ивара, а там уж как сложится. Никто неволить не будет.

¹¹ Пришли мы с добрым делом – традиционные слова для начала сватовства.

– Я заплачу.

Под тяжестью этих слов на берег реки обрушилась пронзительная тишина.

Ярина ушам своим не верила. Водяной тоже. Сперва они уставились друг на друга, потом развернулись к купцу. Тот стоял с обнаженным мечом, невозмутимо глядя на хватающего ртом воздух нечистая. И, казалось, не понимал, что именно сказал.

– Я хорошо заплачу, – спокойно повторил он. – Ты не останешься в обиде, вот увидишь, насколько я оценю...

Что Ивар хотел сказать дальше, так и осталось загадкой. Новая волна захлестнула, кнутом сшибла с ног, потащила по песку. Невидимые пути оплели щиколотки, держа крепко.

Ледяная вода залила глаза. Оглушенная и ослепшая, Ярина ошалело бултыхнулась, пытаясь вырваться. Ее волокло прямо в омут. Она и сама не поняла, как удалось призвать силу ожерелья, но оно отозвалось: янтарь вспыхнул, на шею будто кипятком плеснули. Чужие чары рассыпались прахом, Ярину тут же вышвырнуло в камыши. Сухие стебли царапали лицо, горло разрывал кашель. Надавив пальцами на виски, чтобы унять звон, она обернулась и не смогла сдержать радостного вздоха.

Ивар был жив. Стоял по колено в воде, чудом удерживаясь на ногах, и отбивался одновременно от утопленниц и водяного, который не только обрушивал на мужчину сокрушительные волны, но и орудовал хлыстом, туго свитым из стем-

лей.

Меч со свистом рассекал воздух, утопленницы визжали и шипели, но воля хозяина не давала отступить.

– Не убивай их! – заорала Ярина, задыхаясь. Волна снова накрыла с головой, пришлось вцепиться в ближайший валун, ломая ногти. Движимая лишь одной мыслью, она из последних сил обратилась к ожерелью. Неподалеку устроил лежбище старый медведь, его и призвала. Волки далеко – пока добегут, все будет кончено.

«Скорей, скорей!» – в отчаянии торопила она, поднимаясь и вновь падая. Надо успеть. Пусть Ивар продержится, пусть никого не убьет! Пусть никто не погибнет!

Визг заставил дернуться: мужчина ранил одну из утопленниц. Страшный удар раздробил ключицу, но убить нежить не так-то просто. Та лишь отпрянула, завывая и пытаясь зацепить Ивара когтями. Он пинком отправил ее под воду, вновь уворачиваясь от хлыста.

– Отец, не надо! – к ним со всех ног бежала Рябинка. На бледном лице застыл ужас. Она бросилась к водяному, но волна отшвырнула ее назад, к берегу.

«Быстрее же!»

Какой прок от силы, если не можешь ею управлять?! Она бурлила в крови, следующая волна с шипением испарилась, не успев сбить с ног. Сила бесновалась, но пускать ее в ход было все равно, что черпать воду горстями. Направить удар и разнять дерущихся не выходило. Ярина даже подобраться

к ним не смогла – из реки поползли стебли роголистника – огромные, толстые, они отрезали подходы.

Со склона донеслось утробное ворчание: медведь рвался напрямик, ломая молодые осины.

«Скорее! Разнимите их! Остановите!»

Деревья шумели, корни вырывались из земли. Серые тени летели сквозь чащу, воем оглашая окрестности. Стая была рядом, медведь почти выбрался на берег, но они все равно опоздали.

Ивар врезал очередной русалке по зубам, но вдруг пошатнулся, сбитый мощным ударом хвоста. Над водой мелькнула морда громадного сома. Мужчина замешкался на миг, но водяному этого хватило. Плеть тут же захлестнула горло, сдавила, поволокла вперед.

Ивар ничего не смог сделать – нелепо взмахнул руками и начал заваливаться в воду. Ярина снова завопила. Они с Рябинкой кинулись к нему, наплевав на волны и роголистник. Не успеют! По лицу водяного растекалось мстительное торжество.

Огненное колесо с воем пролетело над их головами, рухнув в реку совсем рядом. Взбурлила вода, воздух заволокло паром, как в бане. Водяной шарахнулся в сторону, плеть выпала из когтистых пальцев, но Ярине было не до этого. Она воспользовалась передышкой и бросилась к рухнувшему лицом вниз Ивару, чтобы перевернуть и вытащить на песок, и только затем сообразила поднять голову в поисках источни-

ка неожиданной помощи.

Привычно закутанный в темный плащ колдун, злой, как стая голодной нави, буравил взглядом водяного, который сразу подрастерял боевой задор.

– Хватит! – повелительно бросил он, спускаясь по берегу.

Ярина думала, что нечисть взбеленится еще пуще, но хозяин реки лишь скрипнул зубами и скрылся под водой, подняв тучу брызг. Рябинка быстро оглянулась и с тоскливым вздохом нырнула следом. Жалко ее было – объясняться с разгневанным отцом будет нелегко, еще и сестрам перепадет.

Река, еще недавно бушевавшая, унялась в мгновение ока. На смену бурунам пришла ленивая рябь. О сражении теперь напоминали только скрюченные стебли роголистника в ружку толщиной, оставшиеся на берегу, да рычащее на склоне зверье. Ярина поспешно оборвала зов. Волкам этого хватило: недовольно взыв, вожак увел стаю обратно в чащу, а вот медведь не уходил.

– Что здесь происходит?!

Ответить колдуну Ярина не успела: очнулся Ивар, с надрывным кашлем отплеываясь от воды. Она помогла ему вылезти на берег и набросилась, не давая опомниться:

– Что ты наделал?! Зачем предложил водяному деньги?!

Мужчина ответил не сразу: кашель еще душил его. На горле красовался багровый рубец, оставленный плетью, к тому же, упав, Ивар наверняка наглотался воды.

– Я спрашиваю, что тут происходит? Эй!

Если колдун хотел устроить скандал, то ему придется обождавать. В голове заревело, перед глазами вспыхивали и гасли цветные пятна. Холод словно ждал, пока на него обратят внимание, тотчас впившись в кости острыми клыками. Во рту стало солоно, Ярина с тупым удивлением провела языком по губам...

И очнулась, лежа на песке. Колдун низко склонился над ней и на этот раз смотрел уже без привычных злости или насмешки, а с беспокойством. Удивительно.

Ярина попыталась отпихнуть его: тело не слушалось, но отчего-то это не вызвало страха. Ни единой искры чувств, лишь холод и давящая головная боль, накатывающая волнами, от которой хотелось забиться в темноту и снова потерять сознание.

– Сколько пальцев видишь? – перед лицом замаячила длиннопалая рука. Это мельтешение вызывало тошноту, Ярина никак не могла сосредоточиться, в глазах двоилось.

– Шесть? – вяло попыталась она, надеясь, что колдун обойдется таким ответом и отстанет. Напрасно.

Ее усадили, крепко удерживая, хотя Ярина так и норовила упасть обратно, и заставили поднять голову.

– Попробуй еще раз. Сколько?

– Шесть, – повторила она, даже не стараясь побороть накатывающее безразличие.

Колдун замысловато выругался.

– Что с ней? – раздалось рядом сипение. Ивар. Да, она же его вытащила.

– Наколдовалась. Идиотка. И ты хорош. За каким навьем вы потащились к водяному?! Силушкой молодецкой перед невестой захотелось похвастаться? И себя чуть не угробил, и девчонку! Эй, куда?!

Ярина как раз собралась прилечь, как ее снова ухватили за плечи и немилосердно затрясли.

– Давай же, девочка, не спи! Нельзя спать!

Под нос сунули пузырек с чем-то одуряюще вонючим, что из глаз выступили слезы. Ярина зашлась безудержным чихом, а когда успокоилась, голова уже была не такой тяжелой. И перед глазами не плыло.

– Сколько пальцев? – в третий раз спросил колдун.

– Два, – выдавила Ярина, утирая перепачканное лицо. Одежда задубела от засохшей грязи, но зато была сухой и теплой.

Она пожалела об исчезнувшем безразличии тут же, стоило вздохнуть поглубже. В голове прояснилось, но тело сковали озноб и слабость.

После того, что утворил Ивар, водяной никогда не подпустит их к Даре. И вообще к реке не подпустит. Да еще всей лесной нечисти расскажет, какое люди ему нанесли оскорбление.

– Уже лучше.

Колдун не заметил ее терзаний, укутал в плащ и реши-

тельно подхватил на руки.

– Что ты... – Ярина трепыхнулась, но держал он крепко.

– Куда ты несешь ее? – Ивар поднялся следом. Выглядел он – в гроб краше кладут. Словно свежий мрун, раскопавший могилу.

– К себе.

Услышав это, Ярина вновь дернулась, пытаясь освободиться. Бесплезно, конечно, сил сопротивляться не было, но ждать, пока колдун затащит к себе логово, она не собиралась. Зачем ему это? Внезапная забота была подозрительной и могла оказаться напускной: вдруг он ее зачарует или сделает то же, что с пропавшими чародеями. Или, еще хуже, отдаст на поживу селянам.

– Нет, – забормотала она. – Мне надо домой.

– У тебя дома есть зелья, настоянные на магии? Нет? Я так и думал. Ты себя почти выжгла. Не умеешь колдовать – не берись. Теперь на берегу силы разлито, хоть горстями гребь, а собрать нельзя. Все амулеты мне перепортила.

– Я к тебе не пойду.

– А ты ко мне и не идешь, ты ноги переставлять не можешь. Поэтому я тебя донесу.

– Дай мне ее, – потребовал Ивар.

Колдун с сомнением покосился на него:

– Ты сам еле идешь. С нечистью драться – это тебе не мечом в дружине махать. Радуйся, что выжил. Ходил бы сейчас утопленником, у водяного в слугах. Или хуже. Уронишь

невесту, кому лучше будет?

– Я ему... – Ярина упрямо выдавливала слова через силу, – не невеста.

«Почему я перед ним оправдываюсь?» – подумала она, старательно собирая разбегающиеся мысли.

– Да? – приподнял брови колдун, но тут же хмыкнул. – Хотя знаешь, мне не интересно. Гораздо интереснее, что вы не поделили с водяным. Рассказывай, купец. А ты молчи и береги силы. Не засыпай только.

Привалившись к мерно вздымающейся груди, Ярина обессиленно прикрыла глаза: безучастие нахлынуло с новой силой. Чтобы не увязнуть в нем, она старалась вслушиваться в разговор, но слова звучали далеким бормотанием. Бессмысленным и неважным.

Колдун дышал тяжело, то и дело похрипывая, но шел уверенно, не шатался. Станный он все же, то убить пытается, то спасает. Зачем?

На этой мысли Ярина не удержалась – вновь провалилась в беспамятство.

– Идея неплоха. Вряд ли что-то выгорело бы, конечно, местный водяной – мстительная тварь, но нападать просто так он бы не стал.

– Поучи меня еще, кольгрим, – голос Ивара звучал зло.

Ярина дернулась, и колдун прижал ее крепче. От него

душно пахло зверобоем, будто куртку вымачивали в настое. ке.

Они с Иваром шагали по тропе, ведущей к деревне. Лес остался позади, над ним золотилось закатное небо, солнце уже скрылось за верхушками вековых дубов. Вот почему она пришла в себя – ожерелье предупредило, за границей леса его чары ослабли, хотя вряд ли Ярина могла сейчас ими воспользоваться. Безразличие исчезло, зато тело грыз озноб, а голова болела все сильнее.

– Почти пришли, – тихо сказал колдун, уловив ее состояние. – Держись.

– Объясни ему, – попросила Ярина. В горле словно застрял утыканный шипами ком, выдавливать слова было тяжело, но Ивар должен узнать, почему водяной осерчал, чтобы больше не делать таких ошибок.

– Ты предложил заплатить, – колдун хмыкнул, но за иронией сквозила усталость. Он побледнел и по тому, как старался прямо держать спину, Ярина поняла, что ему придется нелегко.

– Я предложил выкуп.

– Купец, ты вроде в Дивнодолье не первый день живешь. Ладно, у вас с женой не было нормальной свадьбы, но должен же ты знать, что тут не Ледяные острова. Это у вас платит жених, и чем щедрее, тем лучше. Да еще утренний дар жене назначает. А здесь родня невесты собирает приданое. Когда ты предложил деньги, ты оскорбил водяного. Любой

порядочный отец взбесится, если его дочь предложат купить.

Ивар молчал долго. Он шел позади, Ярина не могла видеть его лица, но тишина была тягостной.

– Я понял, – наконец откликнулся он.

Колдун сухо кивнул в ответ.

– Жаль, что не вышло. Даре с сыном нельзя здесь оставаться, водяной не сможет их прятать вечно, а с тобой они были бы в безопасности.

– Еще не все потеряно, – прошептала Ярина. – Мы спросим саму Дару.

– До нее сначала надо добраться.

– Русалки помогут.

– Посмотрим. Но если дело выгорит, мне нужно будет с ней встретиться.

– Зачем? – Ярина помнила, из-за кого селяне чуть не сожгли берегиню, и кто повинен в смерти мужа несчастной. Вдруг он снова попытается причинить ей вред?

– У меня перед ней долг, – бросил колдун.

Дальше стало не до разговоров: они вошли в деревню. Спешившие по домам местные при виде своего благодетеля замирали и потрясенно тарасились, расступаясь. Краем глаза Ярина заметила блеск бус и спрятала лицо. Встречаться с Весёной взглядом не хотелось. Колдун гордо шествовал с отстраненным видом, словно каждый день таскал перепачканных в тине и песке девок на руках. Остановить их никто не попытался.

Ярине хотелось назад в лес, но лучше трезво оценивать силы – до избушки самой не добраться. Ивар помочь не сможет – сам еле на ногах стоит. Что подумает бабушка, когда она не вернется к ночи? Он ведь места себе не найдет, отправится к водяному... Да они же переругаются насмерть! Этого нельзя допустить.

– Мне надо домой, – попросила она, подняв голову, чтобы поймать взгляд колдуна. Тот нахмурился и тяжело вздохнул.

– Я не обязан потакать вздорным девчонкам, но ради сохранения своей репутации готов пойти на жертвы. Домой я тебя не пушу, но пошлю твоему деду вестника, пусть приходит. Только если не сможешь призвать его к порядку – выгоню. Поняла?

Ярина закивала, обиженная, что ее назвали вздорной, но не стала переспрашивать, ее взволновало другое:

– При чем тут репутация?

– Как же! – усмехнулся в ответ колдун. – Провести ночь в доме с ведьмой. Наедине. Я буду опозорен. Местные тебе этого не простят.

Румянец жарко залил лицо и уши, пополз по шее, было стыдно и горько до слез. Ярина растерялась, не найдясь с ответом: язвительные шутки и шпильки она всегда принимала близко к сердцу.

Внезапно макушку согрело теплое дыхание, аж мурашки по коже побежали.

– Ладно, это была плохая шутка.

Он пытался извиниться? Такое на ее веку случилось впервые. Обида мигом схлынула. Подняв голову, Ярина уставилась на криво ухмыляющегося колдуна и неожиданно для себя выпалила:

– Да нет, ты прав. Лучше побережь твое доброе имя, иначе придется его спасать – замуж за тебя идти.

Она еще говорить не закончила, а уже испугалась, ошалев от внезапно прорезавшегося нахальства. Никогда такие глупости не приходили в голову, это языкатая Нежка умела метко брошенным словом поставить на место кого угодно, Ярина только и могла, что краснеть, потупившись.

Но колдун не разозлился, наоборот, посмотрел на нее внимательнее, словно первый раз увидел, и беззлобно фыркнул:

– И правда. Сомнительное удовольствие для нас обоих.

Язвить он не стал, и Ярина, поборов смущение, осторожно улыбнулась. Надо же, а ведь мог в ответ словом хлестнуть. Больше они не говорили, молчание стало уютнее, только тяжелые шаги Ивара заставляли неловко ежиться.

– Долго еще? – буркнул он. – Я бы давно до постоянного двора добрался.

– Даже не думай. Ты окочуришься, а девчонка потом меня обвинять будет. Тем более, мы пришли, – колдун махнул головой, указывая вперед.

Когда Ярина раньше пыталась представить его жилище, ей чудился мрачный терем с остроконечной крышей или огромный дом с черными провалами окон на заросшем бурьяном

пустыре. Наяву все оказалось другим. Обычным.

Большая высокая изба с новеньким крыльцом, ухоженный сад, зеленеющие вокруг яблони и сливы. Еще пара седмиц, и они пышно расцветут, укрывая двор от посторонних глаз.

Словно уловив ее изумление, колдун устало пошутил:

– Что, не оправдал ожиданий? Думала, я живу в башне?

Ярина не стала отвечать, чувствуя, что мужчина хорохорится перед ней. Да и сама она снова боролась с накатывающей усталостью. Но одна мысль не давала покоя – негоже входить в дом, не зная имени хозяина, поэтому сдержаться не вышло.

– Как тебя все-таки зовут? – спросила она.

Колдун от изумления даже запнулся о последнюю ступеньку, хрипло закашлялся, страдальчески скривившись. Вопросы этого он не ожидал, поэтому молча замер на пороге. Когда Ярина решила, что ответа не дождется, все же сказал:

– Гор.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Изба была обычной до невероятности. В крохотных сенях хватило места лишь сапогам в углу и плащам-близнецам, повисшим на вбитом между бревнами самострельном болте. За сенями скрывалась кухня, сверкающая чистотой. По словам бабушки, домовых в селе не осталось, но не сам же колдун выскребал полы, натирал их воском, стирал половички. Здесь чувствовалась женская рука: бережно накрытый рушником ужин на столе, букетик первоцветов в расписном кувшине, жарко натопленная к приходу хозяина печь.

– Богато живешь. – Ивар устало повалился на лавку у входа.

– Не жалуюсь, – буркнул в ответ колдун. Не разжимая объятий, пинком распахнул низенькую дверь и шагнул в комнату. Вот теперь ощущение неправильности испарилось – перед Яриной было настоящее чародейское логово. В нос ударил резкий запах: словно все разнотравье растерли и смешали. Пробирала ядреная смесь до слез, но хозяина это не волновало.

Горница утопала в тенях. Волшебный светильник разгонял их, но они прятались по углам и сплетались в причудливый узор. Даже в полумраке было заметно, что обстановка в комнате иноземная. Вместо печки – грубо сложенный камин, вместо лавок – стулья с высокими спинками. Роскош-

ная снежно-белая медвежья шкура на полу, в ближнем углу – два громоздких дубовых стола, один завален свитками и книгами, на другом красовались всевозможные склянки, пузырьки и реторты. Кровать у окна тоже была устлана шкурами, а рядом стояло пузатое чудище. Даже не сразу разберешь, что это ларь. Кто сумел сколотить такую жуть – непонятно, но он он обладал буйным воображением. Нормальный человек не додумался бы приделать к крышке рога и посадить ларь на когтистые лапы вместо ножек.

Другой угол закрывала невысокая резная перегородка, Ярина с любопытством вытянула шею, стараясь углядеть в просветах из чудных бабочек и листьев хоть что-то.

Колдун щелкнул пальцами, в камине весело заплясало пламя. Он не торопился ставить ее на ноги, понес сразу за перегородку, где обнаружилась деревянная бадья с водой.

Наконец Ярину выпустили и усадили на низенькую скамеечку.

– Обувь снимай, – приказал колдун.

Легче сказать, чем сделать: сапоги покрывал толстый слой грязи, которая успела пристать намертво. Ярина кое-как стащила обувь и привалилась к стене, пока мужчина рылся в шкафу. Спать хотелось невыносимо, глаза закрывались. Она бы заснула, но стучавшая в висках боль не стихала ни на минуту.

– Вот, – колдун бросил чистую одежду на кровать. Вновь оказавшись рядом, провел ладонью над бадьей, от воды тут

же повалил приятный пар. – Мыло на столике. Как вымоешься, выходи на кухню. В вещи нос не суй... – Он с сомнением покосился на нее и махнул рукой. – Главное, не засни. Утонешь еще.

С этими словами мужчина подхватил перепачканный плащ с сапогами и удалился, а Ярина принялась выползать из безнадежно испорченного платья. Оно пропиталось засохшей грязью настолько, что прекрасно держало форму и могло стоять в углу вечным напоминанием о ее провале. Даже русалки не помогут добраться до Дары, водяной не простит ни оскорбления, ни боя.

Вздохнув, она забралась в горячую воду и потянулась за тем, что колдун назвал «мылом». Зеленоватый брусок, терпко пахнувший древесным мхом, ничуть не напоминал мыльный корень. Намокнув, он сразу стал липковато-скользким, не удержался в руках и плюхнулся на дно – пришлось ловить.

Чтобы отмыть грязь и выполоскать тину из волос, ушло много времени, вода успела остыть. Ярина выбралась из бадьи и, ежась, пошлепала к кровати. Одежда, которую колдун оставил для нее, оказалась мужской. Добротные штаны, нижняя рубаша из тонкого белого полотна со сборчатым воротом на арсейский манер, темно-синяя накидка со стоячим воротником и вырезами для рукавов. Мягкая, ворсистая, такой ткани Ярина раньше не видела.

Штаны в бедрах были тесноваты, а рубашка с накидкой, наоборот, велики, но если присмотреться, одежда шла не ху-

же платья. Только волосы, пока не просохшие, пришлось заплести в тугую косу – она же не русалка, перед кем попало простоволосой бегать. Ярина еще немного потопталась возле зеркала, стараясь не коситься в тот угол, где ворохом на столе лежали загадочные свитки. Так и тянуло нарушить наказ и сунуть туда нос, но она не решилась.

Лучше не заставлять радушного хозяина ждать.

Колдун в гордом одиночестве стоял посреди кухни и с непонятым выражением лица разглядывал рушник. Ярине даже показалось, что у него глаз дергается, но она постаралась избавиться от этой мысли. Глупости! Мало ли, что там человек увидел, больше ее волновало другое. На кухне кроме них двоих никого не было.

– А где?..

– Ушел.

Обида нахлынула внезапно, Ярина опустила голову, пытаясь с ней справиться. Ивар не пожелал убедиться, здорова ли она. Молча ушел, бросив на попечение колдуна, которому ни на грош не верил. Хотя она ему никто, и от водяного ему крепко досталось, но сражались-то они вместе. Пришлось стиснуть зубы и приказать себе успокоиться: пошел человек отдыхать, а она навоображала!

Колдун наконец отмер: скомкал несчастный рушник и бросил на стол. Под внимательным взглядом Ярина смутилась, жарко зардевшись. Руки так и тянулись потеревить накидку или косу, но мужчина довольно хмыкнул и прекратил

глазеть.

– Ужин? Разносолов не предлагаю, домовых тут нет.

Еще бы они у него были, сам всех выгнал! Каково было домашней нечисти, когда хозяева разорвали связь! Но едва Ярина открыла рот, чтобы сказать это, как колдун, словно прочитав ее мысли, перебил:

– Не начинай.

– Я и не начинала.

– Вот и ешь.

Ярина почти ожидала увидеть в чугушке сушеных лягушек или моченые мухоморы. В детстве нянюшка пугала их рассказами про чародеев: как они пляшут голыми при полной луне и варят младенцев, а в иные дни едят такое, что и подумать противно. Из головы эти байки не шли. Но когда она набралась смелости спросить Тильмара, тот хохотал до слез. Правда, после заявил, что за весь мир он не ручается, но в Арсее колдуны употребляют лягушек раз в год, на день рождения Хранителя Круга. Вот и думай, то ли правду сказал, то ли пошутил.

Чугунок доверху наполняли клубни. Бледно-желтые с нездоровой синевой кругляши, испещренные черными точечками.

Ярина покатила один на ладони и неуверенно глянула на колдуна, который наблюдал за ней с каким-то нехорошим вниманием.

– Они ядовитые?

– Хочешь, первым попробую?

Не желая оскорбить хозяина недоверием, она осторожно откусила кусочек.

Уж лучше бы это были лягушки! Клубень омерзительно хрустел на зубах, на вкус оказался сладковатым, уже в горле разливаясь горечью.

Ярина с трудом жевала «угощение» и мрачно думала: «Отравил, с него станется. Может, это и есть пресловутый мертвый корень».

– Я так и думал. Это у них с головой плохо, а не у меня, – пробормотал мужчина, ощутимо расслабившись.

В ответ на подозрительный взгляд, он только криво усмехнулся, но Ярина решила, что терять нечего и пошла напролом.

– И что это?!

– Картофель. Местный деликатес. Лакомство, чтоб его. – Колдун выбрал клубень пожелтее и с надрывным хрустом откусил сразу половину. – Прожевав, соизволил объяснить: – Не знаю, как на самом деле называется эта дрянь, но они тут умом на ней тронулись. Едят и нахваливают. По рассказу старосты, весной мимо проезжал торговый обоз. И вот один купец показал заморскую диковинку... якобы растет, как по волшебству, такой урожай дает, что о голоде забыть можно. Ешь ее круглый год и ничем не болей. Местные весь запас скупили. Целое состояние потратили, чтобы это чудо, – он зло хряпнул ложкой по ближайшему клубню, отчего тот за-

хрустел, – им одним досталось. Нет, купец не соврал. Урожай я сам видел, и про голод тут в эту зиму забыли, но вот вкус... местные говорят, что лучше этого ничего в жизни не ели, а у меня от одного вида голова болеть начинает.

Колдун... Гор, надо привыкать звать его в мыслях по имени, говорил тихо, но не хрипел, только переводил дыхание после каждой фразы. Ярина сочувственно слушала эту сердитую исповедь. Нельзя же человека, будь он хоть трижды великий чародей, всю зиму кормить подозрительной гадостью, тут даже самый безропотный взбесится.

Она с тоской взглянула на надкушенную картофь. Та в ответ тарасилась дюжиной черных «глазков», напоминая мелкую нежить. Есть хотелось, но не настолько.

Видно, мужчина сообразил, что жалуется. Да кому – глухой девчонке, поэтому резко увел разговор в сторону.

– Скажи, ты ведь в Ольховник ехала?

Вопрос прозвучал громом среди ясного неба. Кухня поплыла перед глазами. Ярина отшатнулась, цепенея от ужаса. Чугунок едва не опрокинулся на пол. Кому она успела наболтать? Про Ольховник здесь кроме домового не знала ни одна живая душа, да и неживая тоже. Мысли читает? Или обманывает, а сам один из тех ловчих, которых боялась матушка? Тогда все пропало!

Под нос ткнулась кружка, терпко пахнуло медом и травами. Колдун заставил запрокинуть голову и принялся поить, придерживая под затылок. Ярина судорожно глотала горя-

чий сбить, стараясь не подавиться.

– Прекрати истерику, дуреха, – хрипло шепнули ей на ухо, отчего по спине поползли мурашки. – Подумаешь, ехала. Чего дергаешься?

От неожиданности горло перехватило, Ярина закашлялась, слабо отпихивая кружку. Гор тут же разжал хватку, уселся рядом как ни в чем не бывало.

– Успокоилась?

– Нет! – выдавила она, ладонями вытирая выступившие слезы. Главное сейчас – ни о чем не думать. Хоть считать про себя, хоть травы из сбитня угадывать. Руки он будет распускать! Еще бы за косу схватил.

– Перестань ломать комедию! Не читаю я мысли, нужны они мне!

– Все ты врешь! Как узнал, о чем я думаю?

И тут колдун расхохотался, громко и весело. А когда смех прервался кашлем, ухватился за ребра, продолжая давиться смешками.

Ярина покраснела до корней волос, вцепилась в кружку так, что ногти побелели. Правильно ее дурехой назвали, каждый раз себя на посмешище выставляет.

– Девчонка ты еще, – хмыкнул он добродушно и прикрыл глаза, откинувшись на стену. – Наслушалась сказок.

Щеки надулись сами собой, как у мыши на крупу, вызвав очередной смешок. «Девчонка»! Теперь, когда Гор больше не хмурился, а навья бледность ушла с лица, он казался со-

всем молодым, самую чуточку ее старше, и от этого было еще обиднее.

– Допивай.

Ярина обхватила кружку обеими ладонями и поднесла к губам. Сбитень был теплый, сладкий, на темном меду, такого она никогда не пробовала.

– Откуда ты узнал, что я ехала в Ольховник? – Нужно же было выяснить наконец.

Колдун приоткрыл глаза. Расслабленный, довольный, он сделался похож на кота: породистого и домашнего, который сбежал из дому, блудил невесть где, а потом вернулся, весь ободранный.

– Предположил, были зацепки. И ведь угадал. Тебе не приходило в голову, что ты можешь не найти там того, что ищешь?

А вот этого он уже никак не мог знать!

– Не твое дело, – насупилась Ярина. – Ты не ответил.

– Забудь. Узнал и узнал. Никому я об этом больше говорить не собираюсь, если тебя это волнует.

– Разве чародеи не умеют читать мысли?

– Почему? Но те, кто смог развить этот дар, по захолустью не шатаются. Только у чародеев Ближнего Круга, это...

– Я знаю, что такое арсейский Круг, – перебила Ярина.

– Я и забыл, ты же у нас грамотная. А в сказки все равно веришь.

Нет, ну сколько можно ее подначивать?

– Как ты такой умный живешь среди селян? Они байки на ходу сочиняют!

Как ему это удавалось?! Одной хлесткой фразой колдун заставлял чувствовать себя дремучей душой из глухомани.

– В их положении они и лешему бы поверили, если бы он первый помощь предложил, – веселье колдуна как ветром сдуло. – Они здесь никому не нужны. Урожай небогатый, Пустошь под боком. Земли в управлении царевой казны, сборщики податей раз в сезон наведываются, от них помощи не допросишься. Волхв пропал. Когда я приехал, они думали у Охранителей защиты просить, жертву принести.

– Ишь, сердобольный выискался. Людям помог, нечисть заборол, – пробурчала Ярина, растеряв весь запал. Как мало она знает о том, что творится вокруг. Выходит, не только бывшая хозяйка избушки сгинула. Леший ушел, волхв исчез. Домовой говорил про других погибших чародеев, Рябинкин суженый тоже пропал. И еще тот, беловолосый. Сколько же их было?

– А вот это не твоего ума дело, – ответил колдун на случайно произнесенную вслух фразу. Сказал – как по носу щелкнул. – Хочешь еще сбитня? Нет? Тогда иди спать, кровать в твоём распоряжении, я здесь переночую.

Ее настойчиво выставляли, а Ярина была слишком пристыжена, чтобы возражать. Мысли метались в голове. Сколько тут чародеев? Сколько? Ивушка упоминала еще об одном. Как он может быть здесь, если селяне чужаков не пропуска-

ют?

Переступив босыми ногами по полу, она не выдержала, развернулась уже в дверях:

– А почему местные напали на меня? Из-за того, что по-дорожной не было?

Гор сердито поджал губы.

– Потому что ретивый дурак хуже моровой девы. Я отлучился, а амулеты сработали. Вот они и приняли тебя за ведьму, которая за детьми пришла.

– Но почему? Я же не...

– Это я знаю, что ты «не». Но магия в тебе есть. На могучую чародейку не тянешь, но оберегам хватило и этой малости. Тонкая настройка.

Когда-то в Белом Бору вокруг их подворья тоже висели обереги. Не те, что творили волхвы, отец специально приглашал чародея, отвалил кучу золота. Седой как лунь дядька провозился три дня, зато сделана защита оказалась на совесть. Как Нежка ни пыталась к ним подступиться, испытывая на прочность, ни один даже не дрогнул. Зато когда Невер-чернокнижник напустил на город душегубку, сколько дворов обезлюдело, а у них не захворал никто.

А здесь от одного ее появления тревога поднялась. Дело нечисто.

Ярина пытливо взглянула на колдуна, но тот лишь раздраженно фыркнул и одним прыжком оказался рядом.

– Спать иди, – велел он, бесцеремонно взяв за плечи и

подтолкнув к горнице. И сам захлопнул дверь у нее за спиной.

Легко сказать «спать иди». Гора свитков на столе приковывала взгляд. Так хотелось подойти поближе, заглянуть. Ведь не просто так колдун сидел в глуши, не по прихоти выгнал нечисть. И местные... чародеев нигде не любили. Да, Дивнодолье – не Вестария, в которой на костер тащили по одному подозрению в колдовстве, но местные селяне чародеев тоже не жаловали. Травниц еще терпели, но где это видано, чтобы цеплялись не за ведунью даже, а за всамделешнего колдуна, как за последнюю надежду.

Наверняка в записях кроется разгадка.

Камин уютно потрескивал, даже запах зверобоя больше не казался таким нестерпимым. Усталость давила на плечи, но прежде, чем лечь, Ярина не сдержалась – осторожными шажками двинулась к столу, дав себе зарок, что только одним глазком посмотрит.

От двери ничего не разглядишь, а вот если подойти ближе... И нужно-то два шага всего, она не будет подходить, просто вытянет шею и присмотрится. Пусть Гор хранит свои тайны, бесполезны они для нее! А вот то, что происходит в лесу, это уже ее дело.

Ярина успела заметить только мелкие прыгающие резы на свитке, что лежал сверху, писал колдун неразборчиво. Вро-

де вон те закорючки складываются в «Пустошь». И золотой перстень поверх бумаг – три затейливых завитка с синим камнем в центре.

Забывшись, она подалась вперед.

Перед глазами будто солнце взорвалось. Рядом что-то за-верещало, Ярина и сама не удержалась – завизжала, спрятала лицо в ладонях, пытаюсь уйти от настигшего проклятья.

Резкий высокий писк ввинчивался в уши, а потом вдруг стих. Когда перед глазами перестали плясать всполохи, Ярина сморгнула выступившие слезы и...

Колдун стоял рядом, крепко держал за плечи и смотрел так, словно поймал пакостную кошку, только что испортившую ему сапоги.

Ярина честно попыталась провалиться со стыда сквозь землю. Гнев или ярость она бы пережила, но только не бесконечное всепоглощающее терпение.

– Я же просил не лезть, – с тяжелым вздохом напомнил Гор. – Думаешь, одна такая любопытная?

Развернув ее за плечи, он принялся подталкивать ее к кровати:

– Что за манера совать нос, куда не просят? Не было мне мороки. Иди, ложись. Сама дойдешь?

Ярина покладисто закивала, стараясь не шмыгать носом. Когда колдун вышел, притворив за собой дверь, она стащила накидку и забралась под одеяло с головой, реветь.

Но плакать не получалось, даже всхлипы выходили натуж-

ные, словно притворные. Ярина откинула одеяло с лица и сердито уставилась в потолок. Что за напасть!

Это все лес на нее дурно влияет. Или сам колдун. Раньше бы она ни за что в чужое не сунулась. И спорить бы с ним не стала, слова грубого бы не сказала. Если бы поймали за неуместным любопытством, сгорела бы со стыда.

Эдак выходит, что она на Нежку становится похожа. Да, сестрица терпением никогда не отличалась. Она бы не стала гадать: огрела бы чугуном по темечку, к лавке прикрутила и выпытала, что здесь творится. Не посмотрела бы, какой он из себя великий чародей. Хотя и в самой Нежке колдовской силы было немало.

Спасаясь от глупых мыслей, Ярина заползла под подушку, уткнулась носом в постель. Сумасшедший запах разнотравья из кухни здесь превращался в мягкий, ненавязчивый. Здесь все еще царствовал зверобой, но к нему примешивался обволакивающий аромат душицы. Нежно благоухал липовый цвет, холодила мята.

Ярина в который раз порадовалась, что умеет различать тончайшее кружево запахов, среди которых росла с детства.

Благоухание убаюкивало; колдун наверняка пытался спастись так от мучивших его головных болей. Не самое лучшее средство, если что-то серьезное, тут сборы с умом составлять надо, но додумать эту мысль Ярина не успела. Сон пришел раньше.

Муторный он был, тяжелый. Ожерелье осталось на шее

и подбрасывало горькие образы, вспыхивали они еще ярче, чем прежде.

Снова плакала женщина. На черной, усеянной телами земле, проступали проплешины. Росли, ширились, наливались цветом, пока не засияла янтарем Пустошь. Исчез замок, исчезли мертвецы, остался только безжизненный лес, из которого выпили всю силу. Да тени, кружившие вокруг избушки. Они искали кого-то, потому что иначе их служба никогда не закончится. А они устали смертельно.

Казалось, стоит подойти ближе, и проступят сквозь тьму человеческие силуэты: изломанные, искореженные, измученные...

Рядом что-то грохнуло, разрывая череду видений. Ярина вскинулась, вглядываясь в ночную тьму. Показалось, или за окном правда мелькнуло чье-то белое лицо? Подойти бы, проверить, но вдруг стало так страшно, словно за окном не деревня, а Навья Пуща. Резанула по глазам вспышка света над лесом и тут же погасла.

Снова чары? Сон как рукой сняло. Ярина рывком села, потирая глаза. Горницу все так же согревало рыжее пламя камина, за окном цвела ясная ночь. Напридумывала себе жути всякой спросонья!

Зябко поведя плечами, она сползла с кровати и подобралась к слюдяному оконцу.

Месяц шел на убыль, но света хватало с лихвой, чтобы осветить затаившуюся деревню. Серебристое сияние вы-

черняло избы, превращало их в мрачные, загадочные тени. Словно старое предание обрело жизнь. Казалось, вот-вот в этой звонкой тишине из мрака выступят навьи и рука об руку с ночью заскользят по залитым луной дорожкам, выискивая поживу.

Сказки сказками, но от безмолвия заложило уши: исчезли скрипы рассохшихся бревен, собачий лай, голоса припозднившихся путников, даже шум леса. Словно навь и правда забрала все звуки.

Сердце бешено стучало. Ярина застыла, не зная, чего хочется больше – в страхе спрятаться на кровати или бежать на улицу. И тут снова полыхнуло.

Огромный клубок золотого огня то нырял между острыми шпильями деревьев, то взмывал вверх. Раз полыхнуло, другой, и снова темнота.

Ярина стояла, ни жива ни мертва. Время шло, над лесом все стихло, но она по-прежнему боялась шевельнуться.

Вдруг за дверью раздался глухой удар, сменившийся болезненным стоном. И тишина рассыпалась, как порванная нитка бус. Ярина сбросила пелену морока и поспешила на кухню.

Колдун в одних штанах сидел на полу у лавки, держась за плечо и кусая губы. Даже в мягких янтарных отблесках трудно было заметить, как он побледнел, глаза ввалились, а по лицу градом катился пот.

– Чего тебе? – хрипло выдохнул он.

– Я шум слышала.

– Тебя деликатности не учили? – Гор неуклюже попытался подняться, но выглядело это конвульсиями.

– Нет, – растерялась Ярина, не желая признаваться, что не поняла смысла слова. Иначе опять дурехой обзовет.

– Оно и вид...

Колдун собирался сказать что-то еще, но не успел, его снова скрутил кашель. Ярина метнулась к столу, где стоял кувшин. От спешки сбитень чуть не выплеснулся на руки, кое-как удалось удержать кружку.

– Вот! – она опустила на колени рядом, пытаясь вложить питье Гору в руку. – Вот, выпей!

Очередной приступ заставил мужчину согнуться пополам. В груди у него тяжело клокотало. Ярина положила ладонь на мокрое плечо, глянула вниз и обомлела.

Свет источала не лучина и не волшебный фонарь. С правой стороны в спине у колдуна переливался огромный, с кулак, кусок янтаря. Полированная гладь уходила внутрь тела, а по краям набухала страшная воспаленная рана.

Кружка выпала и разбилась, сбитень расплескался по полу. Колдун сипло выругался, Ярина заставила себя оторваться от раны и подняла голову. Взгляд у него был бешеный.

Весь страх, что довелось пережить до этого, показался глупостью. Вот она – опасность. Такой не помилует!

Ярина дернулась, отпрянула назад, успела вскочить, но в лодыжку впились ледяные пальцы. Колдун дернул ее на себя.

И тогда она закричала.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

– Стой!

В следующий миг она рухнула навзничь под весом колдуна. Воздух вышибло из груди, словно изба сверху обвалилась. Ярина трепыхалась и кричала, не глядя молотила руками и ногами, даже когда жесткая ладонь зажала рот.

– Не ори!

Убьет! Или зачарует, немой навечно оставит.

Она глухо заверещала, стараясь укунить колдуна за руку. Голову бы защитить, если ударить захочет...

По лбу больно стукнуло что-то твердое и горячее, лицо обожгло тяжелое дыхание. Ярина распахнула глаза (когда их только закрыть успела) и едва не утонула в расплывающейся по всей радужке черноте зрачка. Колдун уперся лбом ей в лоб, сердито буравя взглядом. Еще один вопль застрял в горле, так его сдавил ужас.

– Тихо! – раздался едва слышный шепот. – Я уберу руку, а ты не будешь орать, хорошо? Кивни, если поняла.

А ведь смерть – это не самое страшное, что может случиться, когда на тебе лежит тяжеленный полуголый мужик. Ярина оцепенела, будто заколдованная, не в силах шевельнуться. На глаза навернулись жгучие слезы, стоило моргнуть, они побежали по щекам, обжигая кожу.

Колдун мучительно застонал и скатился с нее. Тяжесть ис-

чезла, но Ярину тут же затрясло, словно ночь на леднике пролежала.

– Нет, нет, нет! Вот только не реви!

Ее вздернули вверх, постарались поднять, но пережитый кошмар не отпускал так легко.

Колдун усадил на лавку, укутал в одеяло – одна голова торчать осталась. Сам уселся на пол, одним махом натянул на себя рубашку, только скривился, а Ярина все никак не могла успокоиться: забилась в угол, всхлипывая и размазывая слезы по лицу.

«Лучше б сразу убил, теперь мучить будет».

– Можно, я пойду? – страдальчески спросил Гор через пару минут, когда всхлипы стали надрывнее. – А ты тут посидишь, порыдаешь о своей загубленной жизни. Или о чем ты там ревешь, могу хоть узнать?

Это было такое кошмарное возмутительное нахальство, что у Ярины тут же слезы просохли. Он еще издевается! Сидит на полу какое-то невиданное страховидло и строит из себя несчастного, словно не сам напугал ее до полусмерти.

– Т-ты...

– Ну? – подбодрил колдун, пока она пыталась справиться с дыханием. Поднялся, разлил сбитень по кружкам, одним махом руки убирая беспорядок на полу. – Что я?

– У тебя в сп-пине...

– Да, да, дыра в спине. Спасибо, что напомнила, я об этом забывать уже стал. Дальше.

То есть, это пустяки, получается?! Но насмешливый тон успокаивал. Если бы колдун ринулся уверять ее в своей невиновности и благих намерениях, Ярина ему бы ни за что не поверила, но он не оправдывался, не каялся. И смотрел на нее с извечной усмешкой.

Гор силком вручил ей отчего-то теплую кружку и снова замер, глядя в окно. Луна отражалась в глазах, превращала их в серебряные. Красиво и жутковато. Навьи тоже, говорят, хороши собой до невозможности, но они вроде солнечного света боятся. А этот... она его столько раз днем видела. Спас ее, на руках к себе в дом принес, кровать уступил. К чему? Тут как ни думай, больше запутаешься.

– Ну, извини, – внезапно с тяжелым вздохом повинился Гор. Ярина от неожиданности чуть и эту кружку не расколоматила. – Не хотел тебя пугать. Не хватало еще, чтобы ты всю деревню своими воплями подняла.

И поэтому напугал настолько, что крики, должно быть, в лесу слышали. Ярина осторожно пощупала лоб: шишка останется, ну и тяжеленная у него голова. Нужно было сказать что-то, но слова попрятались. Пришлось глотнуть сбитня, потом еще и еще – напиток согревал и успокаивал.

– Ты человек? – наконец спросила она, когда кружка опустела.

Колдун невесело ухмыльнулся:

– Это философский вопрос, могли бы поспорить, но ладно уж. Да, я человек. Имя у меня есть, сердце бьется, кровь

бежит. Только последнее я проверять не дам, не хватало тебе острые предметы давать. Вдруг кинешься.

– Вот еще! – возмутилась Ярина. – Нужен ты мне!

Колдун тихо рассмеялся, сжимая ладонью свое плечо. Мигом вспомнилась уродливая рана, посреди которой волшебным светом горел янтарь. С такой не живут, но сердце билось, это верно.

– Зачем у тебя янтарь в спине?

– Я себе задаю этот вопрос каждый день. – Он рывком опустошил кружку и сердито поставил ее на пол. – Когда найду того, кто это сделал, тоже спрошу.

– А разве не ты...

– Я похож на идиота?

– Ты чародей. Кто вас знает, на что вы ради силы способны.

– Я что тебе, Маржана Безумная? Между прочим, после нее доказали: янтарь при внедрении в тело не усиливает дар, а наоборот, глушит. – Колдун ожег ее раздраженным взглядом и отмахнулся. – Да что с тобой разговаривать! Спать иди.

Ярина бы пошла, да упрямство не позволяло. Как уснуть, когда под боком не пойми что ходит. А еще ей было стыдно, самую капельку. Стоило сначала выслушать, а потом уж кричать.

– Может, расскажешь? – осторожно спросила она. – Рана у тебя воспаленная, я помочь могу. Ты ведь не целитель.

– Все-то ты знаешь.

Гор устало потер лицо, кончиками пальцев ощупывая рассекающий щеку шрам, и замолчал, надолго. Текли минуты, но Ярина не шевелилась, боясь спугнуть и потревожить.

За окном село вновь наполнилось звуками: у околицы подвывал пес, в избе напротив навзрыд плакала женщина, а колдун все молчал.

– Ладно, – в конце концов сдался он, поднимаясь на ноги. – Ты слишком въедливая, не успокоишься, пока не узнаешь. Невесть какая тайна, местные все равно в курсе. В Пожарищах тебе, может, и не скажет никто, но в соседних деревнях меня не так жалуют.

– Они видели тебя такого? – ахнула Ярина. Обычно у селян с тем, кто не вписывался в их представления о мире, разговор был короткий. Редко кто спокойно отреагирует, когда из тела человека торчит камень, а тут удивительное терпение.

– Не просто видели. Они меня такого нашли, обратно притащили и выхаживали. Как умели, конечно. Ни травников, ни ворожей в этих местах не водится.

– Почему?

– Говорят, хозяйка твоего домового не терпела конкурентов. И была довольно вспыльчива. От того все травницы-знахарки в округе повывелись.

Слабо в это верилось: в каждом селе обычно была бабка-повитуха, она же травница и ворожея. К лесной чародей-

ке не набегаешься, кто-то должен быть под боком. Но Ярина не стала спорить, ее взволновало другое: слышала она уже отголоски этой истории. Охотник, который пошел вместе с колдуном к Пустоши и погиб... Домовой упоминал об этом.

– Это не тогда, когда мужа Дары убили? – не удержалась Ярина.

Гор отвел взгляд. В потемках не разобрать было, но почувдилось, словно на его лице мелькнуло виноватое выражение.

– Да. Мы вместе пошли, мне нужен был помощник. Мы искали... Неважно. Смил погиб, а я выжил. Если можно так выразиться. Рана была смертельная, значит, меня спас этот булыжник. Хотя даже с ним я провалялся в горячке всю зиму и до сих пор...

Гор развел руками. Она мысленно сосчитала: домовой упоминал про конец темня, значит, пять лун минуло, а рана до сих пор воспаленная, и рубцы свежие.

– И как же ты теперь? – Ярине сделалось так его жалко, хоть плачь. Но слезами не поможешь, тут отвары нужны, мази. Воспаление она уберет и кашель этот нехороший. А вот что с янтарем делать – непонятно.

– Пока жив, как видишь. Я выясню, кому нужно было меня спасти таким странным образом, но сейчас других дел по горло, – беспечно отмахнулся колдун и усмехнулся. – Однако это уже не твоего ума дело. Я на твой вопрос ответил, теперь дай мне отдохнуть. Такое ощущение, что не с тобой по полу катался, а медведя по лесу гонял. Уездила ты меня.

Нет, он же специально!

Спала Ярина из рук вон плохо. Мысли, как комары, присосались намертво: прихлопнешь одну, тут же налетят десятков новых, а остальные пищат – примериваются.

Значит, Гор защищал местных от опасности. Вызвать бы, какой, может, она чем помочь сумеет. Из-за этого погиб несчастный муж Дары, имени которого она так и не запомнила. А сам колдун... По спине поползли ледяные мурашки – видение жуткой раны со светящимся янтарем внутри никак не желало утихомириться, то и дело вставало перед глазами.

Надо расспросить Гора, про сны только не рассказывать, а то опять насмеяться будет. И не скажет ведь ничего, а посмотрит так, что круглой душой себя почувствуешь.

Усталость взяла свое, укрывая мягким пологом, мысли разбегались, и Ярина не выдержала, закрыла глаза. В этот раз сны про Пустошь не тревожили.

Проснулась она, когда солнце приветливо заглянуло в окошко, растекаясь жидким золотом по комнате. В Пожарищах уже кипела жизнь: мычали бредущие на пастбище буренки, позвякивая колокольчиками, бранились бабы у колодца.

День у селян начинался на утренней зорьке, которую Ярина сладко проспала в уютной постели.

Эта мысль заставила подскочить. Она спит в чужом доме,

позабыв обо всем на свете. Гору наверняка нужно делами заниматься. Да и ей пора обратно в лес, бабушка, небось, с ума сходит. Пусть вестника ему послали, но колдуну он не верил, удивительно, что удержался, не прибежал среди ночи. И с водяным бы помириться не мешало...

Наскоро переплетая косу перед зеркалом, Ярина корила себя за нерасторопность, потому и вылетела на кухню с виноватым румянцем на щеках.

Гор поприветствовал ее спокойным кивком.

– Завтракать будешь?

Ярина замотала головой. Вчерашнюю картошку, будь она неладна, сменили на столе краюха хлеба, два яйца и миска с белым рассыпчатым сыром¹². Заманчиво, но не станет она хозяйина объедать.

– Мне идти надо, бабушка волнуется.

– Тогда я провожу.

Колдун поднялся из-за стола и вышел в сени. Вернулся он с ее сапогами и плащом – чистыми, словно не было вчерашней схватки.

– Держи. Одежду потом вернешь, считай, свой наряд свихи оставила в залог, – усмехнулся он, и Ярина жарко покраснела. Она так спешила, что забыла и про платье, и про убор. Верно, тащить неудобно, быстрее бы до избышки добраться. Вдруг случилось что! Полыхал же непонятный огонь ночью над лесом.

¹² В Дивнодоллье не знают слова «творог», потому зовут его сыром.

Ярина завернулась в плащ посильнее, чтобы не было заметно мужской одежды, и нетерпеливо глянула на колдуна. Тот хмыкнул и вышел первым.

Теперь все Пожарище знало, что их заступа и опора вечером притащил к себе лесную ведьму, а теперь судачить будут, что она у него ночь провела. Стыд какой!

Сам виновник шел рядом с равнодушным видом, лишь изредка кивал в ответ на подобострастные приветствия. А вот у Ярины спина чесалась от взглядов, что бросали на нее селяне.

Она чуть не споткнулась, когда в очередной раз на пути встретилась разряженная Весёна, словно нарочно попадаясь на глаза. На ее бледном лице цвели красные пятна, а лютой злобы, которой девица одарила Ярину, хватило бы десятерых уложить. Это для Гора она, выходит, хотела приворотное зелье с дурман-травой?

А ему хоть бы что, спокойно кивнул и дальше пошел!

– Ты сейчас задымишься, – тихо хмыкнул Гор. – Какое тебе дело, пусть смотрят. На Весёну внимания не обращай. Она семью в пожаре потеряла незадолго до моего приезда. Поэтому слегка не в себе. Обычно мирная, приставучая немного, но староста близко ее не подпускает.

– Стыдно, – выдавила Ярина в ответ, оглядываясь. Девица сверлила ее жгучим взглядом, хотя подойти не пыталась.

– Стыдно должно быть, когда есть чего стыдиться, – назидательно сказал он. – А ты себе сама ерунды надумала и

теперь мучаешься. Смысл? Вот если бы тебе стыдно было, что я из-за твоих воплей чуть не оглох, тогда другое дело.

Ярина задохнулась от возмущения. Говорил колдун серьезно, только уголки губ подрагивали. Опять насмешничает! Она уже открыла рот, чтобы высказать, какой он несносный, но не успела.

– Родненький, не губи!

У околицы навзрыд плакала молодая женщина, жалась к хмурому плечистому мужику. Еще один, дородный и седой, сторбился на облучке телеги.

Плач был знакомым – не она ли рыдала ночью в избе напротив?

– Опять ты за свое. Сказано же, приеду к сроку. Батя ответит, поживешь у тетки. – Мужик решительно отстранил женщину и постарался усадить в телегу, но она повисла у него на руках и зарыдала громче, придерживая округлившийся живот.

– Одну меня бросаешь!

– Тьфу ты, дура! О дите подумай!

– Он прав, Звана, – встрял колдун. – Здесь тебе оставаться нельзя.

Он внимательно глянул на женщину, та поспешно принялась утирать слезы рукавом, стыдливо опуская взгляд.

– Вот! – с укором ответил ей муж. – Слушай, что умные люди говорят. Господин дурного не посоветует.

Ярина хмуро наблюдала за развернувшейся сценой: нель-

зя женщину в тягости от родного дома отлучать. Ребенок должен родиться под защитой родовых оберегов, чтобы отец его в свою нательную рубаху обернул, перед очагом имя дал.

– Все равно здесь нет повитухи, – прервал ее мысли Гор.

И женщина поддалась. Она еще всхлипывала, усаживаясь на сено, но уже не перечила. Мужик кинул на колдуна благодарный взгляд и пошел рядом с телегой, что-то тихо втолковывая жене.

– Как это – нет повитухи? – с удивлением спросила Ярина. Ночью она слышала что-то похожее, якобы, повывелись в округе травница и ворожеи, но тогда не до того было. И не верилось. – В каждом селе есть своя.

– А здесь нет.

– Не ты же роды принимаешь! Должен быть хоть кто-то.

Гор с удивлением глянул на нее и покачал головой.

– Ты так и не поняла. В ближайших селах за год не родилось ни одного ребенка.

Сердце захолонуло от нехорошего предчувствия. Ярина вдруг припомнила, что ни разу не видела в Пожарищах детей, не слышала ни смеха, ни плача. Не было молодых с младенцами, вообще ни одного ребенка, только подлетки.

– Они гибнут? – шепотом спросила она.

– Хуже. Исчезают без следа. Тех немногих, кто уцелел, удалось вывезти. Сейчас в окрестностях нет никого младше двенадцати.

– Пустошь? Она забирает детей? Или кто-то...

Колдун, поджав губы, смотрел мимо нее, на кроны деревьев.

– А вот это, – ответил он, – я и собираюсь выяснить.

Узкая тропинка петляла между вековыми дубами, на залитых солнцем пяточках то тут, то там синели мохнатые головки сон-травы, распустившейся всего за одну ночь. Ее нежный сладкий аромат забирал тягостные думы, приходилось ускорять шаг, иначе велико было желание остановиться и полюбоваться на эту красоту, а то и прилечь рядом. Сон-трава коварна.

– Я видела ребенка в Чернушках, – спохватилась Ярина, вспомнив мальчика в лесу и его искалеченного отца, которого притащили мрачные мужики на следующий день.

– А, эти. Они сами по себе. С тех пор, как я заставил их избавиться от нечисти, они меня не больно-то жалуют, хотя беременных все равно отсылают, на всякий случай. Про это село отдельная история – оно стоит на развалинах старого замка, там все чары работают не так, как нужно. Да и топи рядом опять же, тракт. Вот местные и выделяются, чувствуют себя защищенными.

– Зачем тебе вообще понадобилось духов выгонять? Людей подспорья лишил, нечисть – дома, они же не могут без хозяев, без привязки! Разве легко здесь, в глуши, новых найти?

– Послушай, – колдун застыл, с досадой потирая виски. Либо ему тоже не пришлось по душе пахучие цветы, либо искал средство избежать дальнейших расспросов. – Тебе не кажется, что это не твое дело?

В который раз уже это повторяет.

– Нет, – храбро ответила Ярина. – Не кажется.

Это стало ее делом с того мгновения, когда она взяла в руки самострел, чтобы защитить избушку и домового от разъяренных мужиков. Вроде недавно было, а словно целая жизнь прошла. Потому и нужно было разобраться, да и вряд ли Гор без причины оставил без крова толпу мирных нечистиков. Только отвечать он не спешил.

– Ну-ну. Если записалась в спасительницы нечисти от злобного колдуна, попирающего их свободы, я тебя разочарую. У меня есть все основания считать, что они состоят в сговоре с тем, кто похищает детей.

Говорил Гор быстро и заковыристо, как по писаному. Люди так не разговаривают. Хотя много ли она на своем веку чародеев видела? Тильмар, когда перед Нежкой перья распускал, тоже мудро выражался, за что и получил. Но даже его речи не звучали настолько сухо и безлико.

– Зачем им это? – не дала сбить себя с мысли Ярина.

– Слушай, ты отстанешь или нет? – непритворно возмутился колдун. – «Зачем, зачем». Пойди у них сама спроси.

– И спрошу.

– Вперед. Водяной – первый в очереди. Он тебе с радостью

все расскажет и грамоту нацарапает, что ни в чем не виноват.

Ярина смутилась. Водяной теперь не скоро ее простит, и простит ли?

– Я не у него спрашиваю, у тебя. Погоди... а кикиморы? – уцепилась она, не желая сдаваться. – Которые малыша спасли. Они тоже, выходит, в сговоре?

– Речь о домашней нечисти. Они не могли не заметить пропажу детей, но когда я расспрашивал, только руками разводили, да на лес указывали. Зачарованный, тайны свои хранит. Почему я должен им верить?

– И первым делом ты выгнал хранителей, оставил дома без защиты!

– Не суди о том, чего не знаешь! – взбеленился колдун. Ярина аж запнулась от неожиданности, он ухватил ее за плечо, придерживая, и сердито продолжил: – Пока я здесь, пропало всего двое детей. Двое! Против двух дюжин! Кого твоя любимая нечисть защищала до этого?

Не похоже, чтобы он врал, но домашние духи без причины не отгораживаются от чужой беды, они испокон веков живут бок о бок с людьми. Жалко, что теперь ни у кого не спросишь, разбрелись, небось, кто куда.

– Ты по-доброму говорить с ними пробовал или сразу обвинять начал? Вдруг они не виноваты?

Лицо у Гора вытянулось, он вмиг растерял свою горделивую уверенность, став похожим на кота, у которого из-под носа утащили полное блюдо сметаны и предложили залезть

за ним на чердак.

«Не пробовал», – сообразила Ярина. То ли просто не снизошел, то ли здесь еще что-то, чего она не понимала. А признаваться он не хотел.

Она не успела порадоваться, что ловко его уела, как колдун пришел в себя.

– Как говорится, с кем поведешься, – усмехнулся он. – Ты половину луны назад лишнего слова выдать не могла. А посмотри на себя теперь: всю зубоскалишь. Лучше бы чего-нибудь хорошего у нечисти набралась. Ты же веришь, что в них есть это хорошее.

Ярина едва не втянула голову в плечи по привычке, но удержалась. Он снова увिलивает, потому и язвит.

– Верю! – выпалила она, задыхаясь и краснея. – В них много хорошего, честного, людям бы поучиться.

Гор насмешливо фыркнул, но если и хотел ответить, то не успел – у избушки их поджидали.

На земле возле ворот сидела женщина. Простая рубаха без единой обережной вышивки обнимала гибкий стан, струились по плечам длинные, неприбранные, почти белые волосы. Женщина плела венок из сон-травы. Услышав шаги, она подняла голову, и Ярина против воли попятилась.

Глаза у незнакомки были поразительно огромные, водянисто-прозрачные. Лицо словно рябило, как речная вода в ветреный день, от этого черты постоянно менялись, только глаза оставались неподвижными и пустыми.

Ярина бессовестно юркнула за спину Гора, не в силах побороть суеверный страх. Не Переправщица ли явилась по ее душу? Но Гор с непривычным почтением поклонился.

– Здравствуй, Дара, – произнес он. – А где твой сын?

Берегиня! Ярина тихонько ахнула, но из-за ненадежного укрытия вылезти не спешила. На миг лицо Дары обрело четкость, явив печальную большеглазую красавицу, похожую на царевну из сказки, и вновь смазалось, зарябило.

– Здравствуй, чародей, – голос берегини звучал перезвонном весенних ручьев. – Свень в безопасности, не тревожься понапрасну.

Она перевела взгляд на Ярину: та едва не завопила и зазмурилась, не в силах смотреть в мертвые глаза.

Как охотник полюбил ее? Как это вообще можно любить? Существо, сидевшее у ворот, даже отдаленно не напоминало человека, от него веяло древней мощью и застарелой тоской. Добрейший из духов? Да в бункушнике больше доброты, он пусть и страшный, но зато привычный и понятный.

– Девочка боится, – рассмеялась Дара. Снова в воздухе зазвенели веселые переливы вод.

– Ты чего? – Гор в недоумении оглянулся на Ярину, а она только головой помотала, наконец выпуская его локоть, в который нечаянно вцепилась.

– Оставь девочку. Она никогда не встречала таких, как я. Верно. Не видела раньше и век бы еще не видеть. Бывает, что человек ломается под ударами судьбоносного молота и

горя, тогда гаснет взгляд, навеки в нем поселяется тоска и боль. В глазах берегини не было ни малейшей искры жизни. Как на выжженной мертвой земле, засыпанной пеплом, на ней даже колючки проклюнуться не могут.

Ярина представляла тихую красавицу, которая никак не может прийти в себя после смерти мужа и боится перечить водяному, согласившись на добровольное затворничество. Ладно охотник, но как это существо могло полюбить человека? Оно было древним, может, еще дивь помнило.

– Яринушка... – зашептали сверху.

С частокола свесился домовый: бледный, взволнованный, волосы растрепаны, борода во все стороны торчит. На Дару он старался не смотреть, а при виде колдуна скривился, сплюнул, но промолчал.

– Вернулась.

– Прости, дедушка. Я тут...

– Знаю, горемычная, получил восточку-то. – Торопий шептал, то и дело косясь по сторонам. – Я ведь, старый дурак, уж в дорогу собрался, как же я тебя одну с супостатом оставлю. Хорошо за порог выйти не успел, такое началось!

– Потом расскажешь, дед, – прервал его «супостат». – Дара, зачем ты вышла?

– На жениха посмотреть. Мне вчера сорока на хвосте принесла, что сватали меня за иноземного купца, и что водяной тех сватов по берегу гонял, – весело улыбнулась берегиня. Тон ее никак не вязался со стремительно меняющимся ли-

цом, словно говорил кто-то другой, но Гора это не смутило.

«Он же не видит», – внезапно осознала Ярина. Берегиня явилась ему, какой хотела сама. Почему? А на нее, выходит, чары не действуют?

– Так что, сваха, покажешь жениха?

От мертвого взгляда Ярину передернуло, но она заставила себя поднять голову. Берегиня смотрела внимательно, лицо ее снова замерло, по бледным губам скользнула понимающая улыбка.

– А вот ежели вы меня дослушали, то знали бы, что с купцом, – сварливо заметил сверху домовой.

– Он приходил? – изумилась Ярина. Ивар же знал, что она осталась у колдуна. Что ему здесь делать?

– Под утро, после светопреставления этого, не рассвело еще.

– Болван, – пробурчал Гор себе под нос.

– Ты помолчи и послушай! – обозлился домовой. – За сыном он приходил. Назад требовал, говорил, что сей же час уезжает.

– И ты отдал?! – Гор пошатнулся, оскалившись. Ярина снова вцепилась ему в локоть, чтобы не заколдовал дедушку со злости.

– Я еще не совсем из ума выжил от старости-то. – Торопий гордо выпятил грудь и приосанился. – Погнал его. Сказал, пусть вертается, когда ты дома будешь. А дитю ночью в лесу делать нечего. Так он мне грозить удумал. Мол, раз я добром

не хочу, он с подмогой вернется.

Ярина охнула и схватилась за голову. Час от часу не легче. Что на Ивара нашло, ведь не после неудачного сватовства же он решил так поспешно убраться из Пожарищ.

– Что за чушь? – возмутился Гор. – Его вчера головой, что ли, приложило? Куда он пошел?

– Верно мыслишь, колдун, – домовый невесело вздохнул. – Не к Пожарищам он направился. В чашу.

– Так! – мужчина хрустнул костяшками пальцев. От его недавней безмятежности не осталось и следа. – Ярина, иди в дом. Запрись, никуда не выходи. Я кое-что проверю и вернусь. Если купец придет, не заговаривай с ним и тем более, не отдавай ребенка. Тяни время. Дара, еще увидимся.

– Ты куда?

Но Гор лишь отмахнулся и бросился по тропинке в чашу, в ту сторону, где был овраг.

Ярина растерянно покачала головой: она уже ничего не понимала. А берегиня все не уходила. И глядела вслед Гору, как показалось, с тревогой.

– Пойдем? – неуверенно спросила Ярина. – Будь гостьей.

Не хотелось отчего-то пускать Дару в избушку, но невежливо просто попрощаться, ведь берегиня пришла сюда, ускользнув из-под опеки водяного.

– Ноги моей не будет в этом доме. – Дара покачала головой и попятилась. – Я посмотреть на тебя пришла.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ярина с тоской уставилась на кривую ольху, за которой скрылся Гор. Разговаривать с берегиней наедине было еще хуже, чем смотреть на нее. Обманываться не стоило – не поглазеть на «сваху» та пришла, не справиться о возможном женихе.

И домовый, как назло, исчез. Наверное, пошел проверить Орма.

– Сколько ты ее носишь? – Дара шагнула вперед и пояснила в ответ на изумленный взгляд: – Удавку, которая у тебя на шее.

– Луну. Почти. Какая разница? – Ярина отодвинулась, растерянно озираясь по сторонам.

– Если снимешь, станет легче. Оно заставляет тебя бояться. Чем дольше его носишь, тем сильнее искажается явь.

– Спасибо, потерплю.

Ей все меньше нравился этот разговор. Дара подбиралась ближе, Ярина отступала, пытаясь придумать достойную причину исчезнуть. Ссориться не хотелось, но ни о каком сватовстве речь больше не шла. К тому же, ей не нравился елеинный голос берегини. Приторная вежливость никогда не идет рука об руку с искренностью, а в сочетании с бесконечно «плывущим» лицом это и вовсе смотрелось жутко. Ожерелье отчего-то потеплело, посылая щекочущие волны по шее.

– Это опасно для тебя, – снова попыталась Дара.

– Ничего, я стойкая.

«У Гора спрошу», – решила Ярина. Пусть он ее сначала на дух не выносил, зато ожерелье стащить не пытался. И на вопросы старался отвечать.

От благодушия берегини не осталось и следа, и без того пустой взгляд окончательно заледенел. Черты лица зарябили чаще, вдруг смазались, поблекли.

– На нем кровь моих братьев, – проронила она.

– Что тебе надо? – До сих пор никто из нечисти не попрекал Ярину ожерельем. Янтарь вспыхнул, налился светом, но Дару это не смутило. Вопросы она будто не слышала.

– Знаешь, сколько здесь погибло, на этом самом месте?! А сколько погибло всего?! От того, что он возжелал себе силы и власти?! – Она безжалостно гвоздила словами, наступая. Обвиняла и оправданий не слушала. Голос окреп, он больше не журчал ручьем, а ревел водопадом. – А теперь появилась ты и запустила мельницу! Ждешь, пока мы все попадем в жернова?!

Дара надвинулась на нее, потянулась к шее. Ярина шарахнулась, стискивая ворот накидки. Рука берегини хватанула воздух.

– Ты ничего не знаешь! Глупая девочка, если хочешь найти себе дом, поищи в другом месте. Сюда тебя никто не звал!

Еще шаг. Ярина отскочила к воротам, ожерелье уже не грело, оно жгло даже через рубаху. В нем билась сила: толь-

ко поддайся, выпусти, и она покорно хлынет, сминая обидчика. Ведь ее цель – защищать хозяйку. Или избавиться от нападавшей?

Берегиня рванулась вперед, но тут ей на голову градом рухнули мелкие шишки. Застучали по плечам, заставляя прикрыть лицо ладонью. Ярина нарвала их на снадобья седмицу назад, а перебрать не успела.

– Не тронь! – Домовой свесился с частокола, угрожающе потрясая пустой корзинкой. – Пошто прицепилась, стервь? Кабы не девочка, тут бы одно большое пожарище было, за место веси этой проклятущей!

– Давно пора! – бросила в ответ Дара. Шишки намертво прилипли к волосам, она пыталась их стряхнуть, но пальцы только увязали в смоле. – Это место как язва, которая не заживает. Века прошли, а оно все тянет и тянет жилы, не дает мне вздохнуть!

– Чем тебе, дуре, изба-то помешала?!

– Дом убийцы моих братьев!

– Хватит! – рыкнула Ярина. Вышло до того зло, что на поляне зазвенела тишина, даже птицы примолкли. Она не ожидала такого от себя и бросила растерянный взгляд на дедушку, который смотрел на нее с уважением.

Сердце бухало от страха, гулом отдаваясь в ушах. Ладони взмокли. И дело было не в полоумной гостье, которая требовала невесть чего. Впервые силу не пришлось звать, она пришла сама, готовая вырваться от малейшего намека. Что

было бы, разозлился Ярина или испугайся чуточку больше? Нет, не стоит об этом думать. Но камни не давали об этом забыть, они горели, если бы не ворот мужской рубахи, то шею бы прижгло. Вот напасть!

– Я не хотела этой силы, – припечатала Ярина и уставилась на берегиню, приказав себе не отводить глаз, как бы страшно ни было. – Просто хотела помочь.

– Но ты ее используешь. Не задумываешься, откуда она берется и что таит.

– Кому-то плохо от того, что в лесу стало тихо? – Ярина старалась не терять головы и хотя бы выглядеть спокойной.

Нелегко было собраться с силами и рывкнуть, отстаивать свои суждения было невыносимо. С тех пор, как она попала сюда, делать это приходилось все время, каждый раз горло перехватывало и ноги тряслись. Глупости говорят: мол, один раз решишься, а потом легче станет. Пока что-то не становилось, но давать слабинку нельзя.

– А знаешь ли ты цену этому спокойствию? Ты только сильнее вбиваешь клин между нами и людьми.

– Куда уж больше!

Это уже не клин, а целое бревно получалось. И вбили его задолго до Яриного появления, когда колдун нечисть из окрестных деревень погнал. Нападки были несправедливыми и от того еще более обидными.

– Чего тебе надо? Скажи прямо, – повторила свой вопрос Ярина. – От ожерелья проку вам нет, ты его даже коснуться

не можешь, оно на человека рассчитано.

– Освободи нас! Уничтожь это место! – Дара стиснула пальцы. В голосе прорезались умоляющие нотки. – Оно опасно! Знаешь про багрянику? Оно во сто крат хуже, даже спустя век здесь не вырастет ни клочка травы.

Ярина поежилась. Сказочная ягода росла по ту сторону Смородины-реки. Случись кому ранить навь в мире живых, из их крови, упавшей на землю, прорастала багряника. Из острых листьев готовился сильнейший яд, а из алых крупных ягод – самые страшные компоненты чародейских зелий. Даже если ее вырвать с корнем, и спустя десять зим на этом месте останется клочок безжизненной земли.

– Просто вели ему перестать... быть. Оно послушается тебя, – берегиня продолжила уже мягче. – Или уничтожь ожерелье. Без ключа это место ослабнет, и лес рано или поздно сможет побороть его магию. Найди способ.

– Нет, – отрезала Ярина. – Я тебе не верю.

Дедушка довольно хмыкнул, черепа, до этого безжизненные, ожили и одобрительно застучали зубами.

– Хорошо, – берегиня глянула на лысые головешки на чостоколе и на миг спрятала лицо в ладонях. То ли показалось, то ли в мертвых глазах и правда мелькнули удивление пополам с болью. Но справилась Дара с собой быстро: скрестила руки на груди, заговорила спокойно, вкрадчиво даже. – Что мне сделать, чтобы ты поверила?

– Ты ведь знаешь, что здесь творится. Ты помнишь даже

дивь, да? И первого хозяина этого места. Почему бы тебе не рассказать все. Если бы... – Ярина перевела дыхание. Разгадка лесной тайны манила, но были дела поважнее. Она не собиралась приплетать сюда колдуна, но раз уж зашел разговор, – если бы ты помогла хотя бы Гору. Тогда бы он поймал того, кто ворует детей. А потом смог бы помочь.

– Что ж, – Дара тяжело вздохнула. Она провела ладонями по волосам, и шишки с тихим треском осыпались на землю. – Отпираться не стану. Но все сложнее, чем ты думаешь. Мои знания мало чем ему помогут. Зато тебе кое-что могу рассказать. Но не сейчас. Подумай над моей просьбой. Я тоже должна подумать: стоит ли откровенничать с людьми.

Еще одна шишка полетела берегине в голову, а домовый сердито заворчал:

– Нашлась человечья вражина. Сама замуж, небось, не за корягу рогатую пошла!

Дара с истинно царским величием пропустила обвинение мимо ушей.

– Мне пора. Проводишь меня, девочка? – попросила она и хитро добавила. – Или боишься?

– Чего мне бояться? – в тон ответила Ярина. – Говорят, берегини никогда не причинят людям вреда. Или врут?

– Нет, – улыбка у Дары вышла кривоватая, невеселая. – Чистая правда. Ни одна из берегинь не может причинить вред живым. А многие даже мыслей таких не допускают.

Она ступила на тропинку, убегающую в чащу, и оберну-

лась:

– Идешь?

Ярина глянула на Торопия, тот неистово затряс головой:

– Не ходи, Яринушка. Заведет тебя, сгинешь!

– Ничего со мной не случится, дедушка. Я скоро. При-
смотри за ребеночком. – Она снова дотронулась до ожерелья. Вроде уже не горячее, но сила все равно была рядом, не уходила: только позови. Такого раньше не случилось. Даже вчера, когда их с Иваром чуть не утопил водяной, бусины янтаря оставались холодными.

Словно ожерелье узнало берегиню.

Сон-трава синим мохнатым ковром усыпала лес, потеснив белые звездочки ветреницы и нежную медуницу. Никогда еще Ярина не видела, чтобы цветок, за которым в Заболотье приходилось забираться в непроходимую чашу, был повсюду, даже между древесными корнями.

Да и пахла сон-трава сильнее матушкиного душистого масла, привезенного отцом из столицы. Когда они с Нежкой случайно разбили пузырек, опочивальня благоухала неделю, пока полы не перестелили.

– Откуда они повылезли? – вслух поразилась Ярина, осматривая цветы. На краю полянки лежал одурманенный бельчонок, слишком маленький, чтобы распознать опасность. Она взяла зверька в руки, рыженький, пучеглазый –

он вяло подергивал хвостом, обвиснув на ладони.

– Лучше радуйся. – Берегиня мазнула по зверенышу безразличным взглядом, – что выросло хоть это. До сих пор не понимаю, как так вышло. Ты столько силы из леса выхлебала, молодые деревца должны были погибнуть.

– Почему?! Я ведь ничего...

– Конечно. А кто вчера на берегу силу плескал во все стороны? – ядовито спросила Дара. – Ладно бы ты ее для себя тянула, так нет – расплескала попусту.

Ярина поморщилась, вспомнив о злосчастной попытке сыграть сваху. Лесные ей в жизни не забудут.

«Больше никогда, – решила она. – Пусть кто другой этим занимается. Даже у Гора бы ловчее вышло».

Ярина с удовольствием бы посмотрела на колдуна в роли свата, хотя он и в воображении отказывался наряжаться в праздничный кафтан и кутался все в тот же темный плащ.

– Если уж взялась что-то делать, так делай хорошо. Или вовсе не берись.

Образ рассыпался под натиском чужих едких слов. Но прошли те времена, когда Ярина безропотно сносила назидания от всех подряд. В этот раз она не смолчала. Одно дело – выслушивать поучения от матери или сестрицы, другое – от незнакомой нечисти, которой веры нет ни на медяшку.

– Можно подумать, ты ни разу в жизни не ошиблась, – огрызнулась она и, забывшись, уставилась на берегиню. Лицо у той снова поползло: рот скосбочило вниз, а глаза разъ-

ехались к вискам. Словно котел, где кто-то невидимый перемешивал навье варево ложкой.

Липкий ком ужаса подкатил к горлу, а ожерелье снова ожгло шею – зло и нетерпеливо. Мол, чего ты, хозяйка, мнешься. Почему бы не растереть ее в порошок? Ярина что есть сил вцепилась в ворот и приказала чарам утихнуть. Глупости это, ей просто Дара не нравится. Вот и вся загадка!

– Прежде чем рычать, волчонок сначала отращивает зубы. – В голосе берегини звенела насмешка. Попыток справиться с ожерельем она в упор не замечала.

Повисла тягостная тишина. Дара невозмутимо нарвала сон-травы и вновь плела венки. Ярина сражалась с нахлынувшим стыдом.

– Почему я тебя так вижу? – наконец сдалась она.

– Ты человек. Люди видят меня иначе, каждый по-своему. Потому редко кто причинит берегиням вред. Твоя же удавка не дает чарам закрепиться в сознании. Потому ты так забавно реагируешь.

– А Гор? Разве у чародеев нет защиты от твоего колдовства?

– Он всего лишь мальчишка. Чтобы выстроить защиту, нужны опыт и сила, у него пока нет ни того, ни другого.

– А нечисть?

– Нечисть не люди, чтобы доверять глазам. Зрение обманчиво. Здесь нужны другие чувства. То, что ты видишь, может быть мороком. Самый добрый человек может оказаться

убийцей, самая искренняя улыбка – лживой. Страх прячут за злобой. Ненависть – за страстью. Люди обманываются так же легко, как обманывают сами.

Ярина только хмурилась, слушая очередные поучения в пол уха. Дара говорила отстраненно, венок плела не глядя. Получалось ловко: ни один лепесток не смялся. Вот бы ей так научиться!

Приглядевшись, она едва не ахнула: ладони и пальцы берегини сплошь покрывала сетка мелких шрамов. Белые, тонкие – они были старыми и очень глубокими. Даже подумать страшно, насколько острое лезвие их оставило.

Дара заметила ее взгляд, но руки прятать не стала.

– Это было давно, – просто сказала она. – В другой жизни.

– Расскажи, – попросила Ярина. – Ты назвала дивь братьями. Ты их видела?

– Дивь? Видела, – с таким же безразличием откликнулась берегиня.

– И город?

– Нет, когда Дара появилась, там уже лежала Пустошь.

– Расскажи. Какими они были?

Бельчонок очнулся, пришлось посадить его на землю. Он тут же взобрался по ближайшему дубу наверх, только рыжий хвост мелькнул среди веток.

Матушка говорила, ни единого изображения диви не осталось даже у чародеев. Надо бы у Гора спросить, но лучше узнать у того, кто своими глазами видел древний народ.

Только Дара не спешила делиться воспоминаниями, и Ярина снова поразились, как погибший охотник добился ее любви.

– А хозяйин избушки? – попыталась она. – Предатель.

Берегиня глянула на нее потрясенно, но тут же успокоилась, словно напомним себе:

– Ах, да, ты же ходила на Топи. Забавно, что они зовут предателем именно его... Никогда бы не подумала, что старые кочки разговаривают с человеком.

«Да они поразговорчивей тебя были», – сердито подумала Ярина.

– Ты не ответила, – напомним она.

– И не собираюсь, – откликнулась берегиня, горько искривив губы. – Если о войне и лесе я расскажу, то о проклятом доме откровений не жди.

– Ты же хотела, чтобы я тебе поверила, – поддела Ярина.

– Есть границы, которые нельзя переступать. Ты же не тычешь в спящую гадюку палкой. Иные воспоминания лучше не вытаскивать на свет. Иначе они оживут, чего бы мне не хотелось.

Ярина тяжело вздохнула и замерла, скрестив руки на груди. Хватит с нее загадок!

– Тогда зачем ты позвала меня? – с вызовом спросила она.

Дара обернулась, но Ярина была слишком зла, чтобы вновь испугаться. Кажется, берегиню это позабавило.

– Просто хотела показать тебе кое-что. – Она отправилась вперед, ничего не оставалось, как пойти следом. – Уже скоро.

Лес и вправду резко отступил. На смену молодой зелени пришли мертвые изломанные стволы, едва державшиеся на узкой кромке выжженной земли. А за ними, насколько хватало глаз, сияла на солнце равнина. Гладкая, как зеркало. Все оттенки меда смешались в ней: от сливочного до гречишного.

Зрелище завораживало. Одно дело – парить над лесом, другое – стоять на самом краю Янтарной Пустоши и слушать, как пронзительно плачет над ней ветер.

Зачарованная, Ярина качнулась вперед и едва не оступилась. Дотронуться до переливающейся глади было все равно, что древний курган осквернить. Ни к чему тревожить сон Пустоши.

Она была живой.

Вот сейчас волны янтаря разойдутся, плеснут на землю, и из глубин поднимется величественный замок, заблестят на солнце острые шпили, полетят из окон невиданные существа...

– Я подумала, тебе стоит взглянуть, – равнодушный голос спугнул видение. Волшебство дымом развеялось по ветру.

Ярина не обернулась к берегине.

– Зачем? – затаив дыхание, спросила она.

Дара не ответила. Вместо этого на голову лег венок из сон-травы. Ярина удивилась, но даже дернуться не успела, как ее поглотила темнота.

– Очнись! Да очнись же!

На щеки словно кипятком плеснули, в нос ударил резкий запах. Ярина закашлялась и принялась отбиваться, не сразу сообразив, что ее немилосердно трясут.

– Ярина!

Голова гудела, глаза не желали открываться, но Ярина пересилила себя и... Гор был слишком близко. От него снова разило зверобоем. На мертвецки-бледном лице застыла тревога, волосы падали на глаза, мешая, однако убрать их он не пытался.

– Что... – выдавила она, но кашель скрутил – не дал закончить.

Гор выругался и стащил с себя плащ, накидывая ей на плечи.

– Пей. – Под носом оказалась баклажка, из горлышка крепко пахло травяной настойкой. Ярина хлебнула: горло обожгло, но по телу мгновенно прокатилась теплая волна, унося с собой поселившуюся в голове муть.

– Ты как?

– Лучше, – ответила она, оглядываясь.

Мертвое почерневшее дерево угрожающе нависло над головой, растопыренные ветви щетинились шипами во все стороны. Мертвая земля скрипела под пальцами.

А в паре шагов сверкала Пустошь. Живая, ласковая, теплая. Она завораживала и манила, переливаясь в лунном све-

те...

– Нет, – Гор снова оказался нос к носу к ней, отгоняя морок. – Не смотри туда.

Ярина смутилась, опустив взгляд, и сразу нашла пропажу: веночек лежал рядом, видно, слетел, когда колдун тормозил ее.

– Дара! Зачем она?..

– Что? – Гор тревожно вглядывался в ее лицо. Боится, что она опять свалится без памяти?

Пальцы все еще тряслись, и ухватить веночек удалось не сразу.

– Дара надела его мне на голову, – растерянно пробормотала Ярина.

– Что за бред? – Гор осторожно, как ядовитую змею, взял несчастное украшение и тут же отшвырнул, будто обжегся.

– Она усилила природную магию цветов, – хмуро пояснил он, вытирая руки платком. – Некоторая нечисть так умеет. Не понимаю только, зачем. Заклятие бы развеялось еще до рассвета, но ночь рядом с Пустошью, где бродят чародеи-убийцы и летают непонятные сущности – почти наверняка смерть. Это на Дару не похоже. И, скажи на милость, что ты здесь делаешь? Я же сказал тебе сидеть дома!

– Я и хотела! Но она попросила проводить ее, сказала – хочет что-то показать.

– Надо было тебя запереть! – в сердцах бросил колдун, прикрывая глаза ладонью. – Вечно ты... Вставай. Идти мо-

жешь?

– Так и запер бы! – Ярина сердито надулась, пытаясь подняться и не обращая внимания на протянутую руку. Колдун за представлением наблюдать отказался: подхватил под мышки и поставил на ноги.

Она хотела гордо отпихнуть его, но пошатнулась и ткнулась носом ему в грудь. Гор издал хриплый смешок, ладони легли на плечи, придерживая.

– Что, понести тебя? – мягко спросил он. Вроде не шутил даже.

– Вот еще! – Ярина отпрянула, зардевшись. Хорошо, что луна закатилась за тучу, но румянец от колдуна все равно не укрылся, судя по ответной улыбке.

– Пошли, лешачка. – Говорил Гор спокойно, но все время осматривался, будто ждал чего.

Он подхватил с земли палку, сверху расходящуюся коронной веток, на которых болтались подвески. Бубенцы и деревянные дощечки загремели до боли знакомо, и Ярина сразу узнала посох – такие носили волхвы. Они сами вытачивали их из молодого деревца, каждую бусину, каждую резу на дощечке напитывали чарами и собственной кровью.

Посох у каждого волхва был свой и не слушался чужаков. Или она опять чего-то не знает? Ведь видела его уже, когда провожали в последний путь несчастную жену Ивара.

– Откуда это у тебя?

– Нашел, – выдохнул колдун со злой горечью. – Рядом с

телом. Еще летом. Я в тот день как раз приехал... Одна ночь! Всего на ночь опоздал!

Болезненно скривившись, мужчина с ненавистью устался на выжженный на полированном древке след маленькой, почти детской, ладони.

«Он знал его! Погибшего волхва!» – сообразила Ярина. Так не убиваются по простому знакомцу. Но у волхов не бывает семьи. Они отказываются от мирского, когда принимают посох. Да и людей сторонятся.

– Ты поэтому сюда приехал? – тихо спросила она. – Он тебя попросил?

– Просил, – Гор тоскливо усмехнулся. – А я, идиот, не мог все бросить. Должен был в Тенеград¹³ ехать, написал, что как освобожусь... пусть ничего не предпринимает. Передумал у самой границы... Если бы я хоть вестника послал! Он бы дождался! А вместе бы...

Последние слова колдун отчаянно прохрипел и замолчал, тяжело выдыхая сквозь стиснутые зубы.

Ярина накрыла его ледяную ладонь своей, стараясь утешить хоть немного. Тут ничем не можешь, горечь потери не заглушить лаской или добрым словом. У мужчин вообще скорбь проявляется иначе, и жалеть их при этом нельзя. Она и не жалела, разве что самую чуточку.

– А может, и не дождался бы. – Колдун задумчиво покоился на нее и хмыкнул, но руку вырывать не стал. – Упрям-

¹³ Тенеград – столица Вестарии, восточного соседа Дивнодоля.

ства в нем хватило бы и на дюжину волхвов. Чего уж теперь.

– Ты поэтому тут? – Внезапно Ярина увидела его совсем в другом свете: недоверие, упрямство, злость... Он раз за разом пытался исправить допущенную ошибку и найти убийцу дорогого человека.

– Не только, – Гор поудобнее перехватил посох и направился к лесу. – Это мой долг перед Кругом чародеев, долг перед самим собой. Гибнут маги, пропадают дети, активность Пустоши растет. Один из убитых не входил в Круг...

Колдун осекся и тихо выругался.

– Но ты этого не слышала, ясно? – он внимательно посмотрел на нее.

Ярина кивнула в ответ. Ее занимало другое – она боролась с желанием вцепиться Гору в локоть, потому что ночной лес был неудобным и жутким. И она никак не могла избавиться от ощущения, что спину буравит чей-то враждебный взгляд.

– Почему так важно, что убитый был не из этого вашего Круга? – спросила она.

Колдун тихо застонал в ответ:

– Я же сказал, ты ничего не слышала. Неужели так трудно запомнить?

Про арсейских чародеев Ярина почти ничего не знала. Только что Круг создала дюжина колдунов чуть больше ста лет назад. Обосновались они в Рениме, столице Арсеи, и где пряником, где кнутом начали подгрести под свое крыло остальных. Порядок по эту сторону Серебристого моря

им удалось навести всего за одно поколение, и отношение к чародеям потеплело. Они больше не впутывались в местные распри и войны, вели себя тихо: набирали учеников, восстанавливали утраченные знания, истребляли расплодившуюся нежить.

Раньше, после войны с дивью и двух моровых поветрий, чародеев не жаловали. Селяне до недавнего времени и вовсе предпочитали их только в виде украшений для деревьев.

– Ты мне расскажешь про Круг? – попросила Ярина. – Хоть немножко!

– Может быть. – Гор ухватил ее за плечо и зашагал быстрее. – Если выберемся.

Что-то было не так! На Пустошь Ярина оглянуться не могла – Гор упрямо тянул ее прочь, а невыносимо хотелось увидеть мягкое сияние...

– Нет. – Колдун решил не рисковать и приобнял ее за плечи. – Не оборачивайся. Лучше говори что-нибудь.

– Почему со мной так? – спросила Ярина. Идти в обнимку было непривычно и неловко, она попыталась отстраниться, но Гор только притиснул ее к себе крепче.

Сам он тяги к Пустоши не показывал. Выходит, на нее одну она так действует?

– Понятия не имею, – буркнул колдун. – Некоторые маги сходят с ума от близости Пустоши, а другие не реагируют.

– Может, это от того, что во мне сил мало?

– Нет. – Гор резко свернул с тропы прямо в бурелом. Пришлось закрывать лицо руками, чтобы ненароком не хлестнуло веткой. – Это не связано с количеством силы. Или со временем обучения. Меня, например, тоже к ней тянет... Не знаю, не интересовался, давай сменим тему.

– Ты же хотел, чтобы я говорила.

– Вот именно. А не задавала вопросы. Говори. Но о чем-нибудь, что не требовало бы от меня необходимости отвечать.

Спасибо, разрешил!

Колдун по-прежнему буравил взглядом темноту. Ярина сердито вздохнула и мысленно потянулась к ожерелью.

Пусть Гор себе идет, а она попытается выяснить, что за опасность глазеет на них из-за деревьев. Впервые с той ночи, когда Ярина наткнулась на избушку, лес пугал, казался чужим. Пустошь или нет, это место под ее защитой, она должна знать. Некстати вспомнились слова Дары про то, как ожерелье тянет силы из леса, но Ярина досадливо отмахнулась. Потом спросит у Гора, сейчас тот все равно не захочет отвечать.

Сперва в груди разлилось привычное тепло. Зов достиг леса, но ответом стала тишина. Она обвивала тугим клубком, не пропуская звуки. Найти нить и потянуть, избавиться от невидимой преграды – Ярина решительно дернула раз, другой...

А на третий согнулась пополам, не сдержав крика. Ожерелье оцетинилось, сдавило горло. Ветки, раньше такие мягкие, до крови впились в кожу, капли янтаря полыхнули жаром.

– Ярина!

Гор едва успел поймать ее. И тут же сам захрипел, на губах выступила кровавая пена.

Ярина в ужасе вцепилась ему в плечи. Сознание плыло, а сила не кончалась. Так захлестывает прорвавшая плотину вода, угрожая смести все на своем пути.

– Пре-кра-ти... – выдавил колдун, камнем навалившись на нее.

Что прекратить?! Как?! Сосредоточиться не выходило, Ярину переполняла чужая сила, исполненная гнева, ненависти и застарелой боли. Будто рядом снова очутилась Дара, а близость Пустоши зеркалом отразила эту жуткую мешанину, ярче разожгла то, что спало в ожерелье.

– Стой! – Гор потрянул ее, попытался вlepить пощечину, но чары отшвырнули его прочь, впечатывая в дерево.

Ярина завалилась на бок и забилась в тисках чужой воли. Пальцы бессильно скребли по горлу, а ожерелье жгло и жгло.

Сила – вот она! Бери, чернай горстями, и все будет как захочешь. Мощь крови – давно застывшей, но еще горячей – в руках, только позови. Снеси проклятое место, спаси тех, кого любишь, отомсти обидчикам, накажи убийцу. Можно дотянуться, стоит лишь пожелать! Так ли велика цена в

одну жизнь, раз на весах твоя справедливость? Ты же хотела!

«Я не хочу!» – в отчаянии подумала Ярина, давясь всхлипами. Гор неподвижно лежал рядом. Она не могла его убить! Чародеи не умирают от одного удара. Эта мысль не дала поддаться навязчивому шепоту.

Дурочка, что ты можешь без силы?

«Я все могу. Сама».

Плывущий взгляд зацепился за ножны на поясе Гора. Надо снять ожерелье, иначе отголоски чужих мыслей и нескончаемый поток силы просто раздавят. Ярина поползла, пусть хотелось кататься по земле и выть. Она не уступит! Не нужна ей власть, купленная чужой кровью. Ей вообще власть не нужна!

Разве ты не хочешь спасти их?

Вопросы повторялись вновь и вновь, но Ярина не слушала. Не думать – ползти, нет мыслей – нет и соблазна, только бы успеть.

Еще один последний рывок, и пальцы легли на рукоять кинжала. Сила, бьющаяся в теле, взревела, оглушая болью. Кинжал выпал на траву, но дотянуться до него снова Ярина не успела – ее дернуло вперед.

Очнувшийся Гор схватил за плечи, швырнул на траву. Голубые глаза полыхнули яростью, и это единственное, что удалось заметить, прежде чем сухие губы накрыли ее рот.

В голове внезапно воцарилась блаженная тишина. Ярина

потрясенно вздохнула, не зная, чему поражаться больше: исчезновению бушующей магии или спятившему колдуну, который продолжал целовать ее.

Что?!

Прикосновение не было нежным, губы у Гора были потрескавшиеся, целовал он напористо и нетерпеливо. Когда до Ярины дошло, что происходит, она вспыхнула до кончиков волос, слабо дернулась, но оттолкнуть не смогла, с испугом вспомнив, как недавно чуть не убила его прикосновением.

Колдун уловил это движение и отстранился сам, не сводя с нее глаз. В янтарных сполохах его лицо казалось восковым.

– Жива? – просипел он.

Ярина ошалело кивнула.

– Тогда поднимайся.

Гор кое-как встал, вцепившись в посох. Закашлялся, сплюнул кровь и поднял Ярину следом. Ноги не слушались, после всплеска силы она почти ничего не соображала, позабыв про обожженную расцарапанную шею, и без конца трогала губы: на них еще горел поцелуй.

– Т-ты...

– Разборки потом, – колдун зло покосился на нее и рявкнул: – Не смей так делать! Ты чуть не убила нас обоих!

Наваждение схлынуло, сменившись осознанием того, что она натворила. Но ведь раньше такого не было. Ожерелье всегда повиновалось, по капле даруя силу.

Она не могла...

– Я не хотела! Не хотела...

Ярина спрятала лицо в ладонях от стыда и страха, едва сдерживая рыдания.

– Смотри на меня! – Гор стиснул ее в объятиях. Ледяные пальцы прошли по щекам, стирая слезы. – Послушай, – быстро зашептал он. – Обещаю, мы во всем разберемся. Я тебе помогу. И ты сможешь поплакать, но не сейчас. Нам надо убираться отсюда. Скорее! Я не смогу тебя нести, понимаешь?

Она закивала, еще всхлипывая.

Потом, все потом.

Гор сжал ее ладонь и рванул вперед, но Ярина успела оглянуться.

Из чащи на них мчались тени.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

И снова Ярина неслась по лесу, а тени настигали, как в ту ночь, после которой так круто изменилась ее жизнь. Только на этот раз она спасалась не одна – рядом бежал Гор, и Ярина боялась уже за двоих.

Ноги подгибались, в груди змеей свилась боль, мешая дышать. Долго удача ограждать их не могла: вместо очередного неуклюжего прыжка через валежник Ярина запнулась и рухнула на колени. Ладонь колдуна – сухая и горячая – вырвалась из пальцев.

«Бросит! – мелькнуло отчаянное. – Кто я ему?»
– Назад!

Гор прыгнул между ней и тенями, шарахнув посохом о трухлявый пенек.

«Крак!» – щепки полетели во все стороны. Вспыхнули и налились серебряным светом волховские обереги, со сплетенных ветвей сорвалась молния и устремилась ввысь, раздирая темноту.

На миг просека потонула в ослепительной вспышке. Пахнуло гнилью и жженой шерстью. Тени с воем отступили, но сдаваться, похоже, не собирались.

– Бежим! – Гор подскочил к ней, вздернул на ноги и поволок дальше. – Сейчас опомнятся.

Они кинулись прочь, в темноту. Ярина запинаясь, пони-

мая, что долго не протянет. Укрытий нет, до Хохлатки далеко, а избушка осталась в другой стороне.

– Скорее! Не останавливайся! – Гор круто развернулся и послал еще одну серебристую молнию в ночной мрак.

Дыхание срывалось, все сильнее наваливался тошнотворный ужас. Чем ближе были тени, тем крепче он стискивал горло, дурманил разум.

– Не трусь! – Окрик подействовал как ушат воды, прогоняя страх.

Еще одна молния, и Гор вновь оказался рядом, схватив за руку. Верхушка посоха обуглилась, ни один оберег не уцелел. Они остались без защиты. За спиной торжествующе взвыли опомнившиеся тени.

– Старое русло... – выдохнул колдун. – Туда!

Оно же высохшее! Возле Пустоши не было даже криниц, только заросшие лозняком овраги. Если на дне и плескалась вода, то слишком мало, а им нужна проточная.

– Колдовать... нельзя... – Гор и сам задыхался, но когда Ярина в очередной раз споткнулась, подхватил ее на руки, не сбавляя хода. Она вцепилась в насквозь промокшую на спине куртку и зажмурилась, чтобы не видеть скользящие между деревьев силуэты. – Слушай, – сбивчиво зашептал он. – Как скажу... позови водяного. Не раньше. Ожерелье не трогай. И беги, не оглядывайся. Поняла?

Ярина закивала. Она хватала ртом воздух и пыталась совладать с беспощадным страхом. Придет ли водяной на по-

мощь? Он так разозлился, а колдуна вообще ненавидел. Захочет ли спасти? Вереница образов, один ужаснее другого, мелькали в голове. Нет, нельзя умирать, нельзя бояться! Она справится.

Они вылетели из леса на усыпанную сон-травой поляну, за которой змеился овраг. По дну стелился туман, сквозь него едва проглядывали черные камни, на которых не росли даже колючки. Дорогу дальше преграждал лысый холм.

Внезапно Гор швырнул Ярину к оврагу, волна горячего воздуха подхватила, потащила вперед.

– Давай! – заорал он.

– Спаси-ите! – изо всех сил завизжала Ярина, криком выплескивая скопившийся ужас. – Батюшка водяно-ой! Помоги-и!

Отклик пришел сразу, словно хозяин реки ждал зова. Вдали заревело, загрохотало, задрожала земля, в нос ударил запах тины, и по высохшему руслу хлынула вода.

Ярина рухнула у самой кромки оврага, прикрыв лицо руками. Сразу стало липко, мокро. Глянув на ладони, она испуганно всхлипнула – те потемнели от крови. А ведь куртка Гора была насквозь промокшей!

– Лешачка, сюда! – из рычащего потока выглянул водяной. – Сюда! Поймаю!

Ярина обернулась и все-таки закричала.

Гор не успевал. До оврага ему оставался десяток шагов, но бежал он с трудом. Этим и воспользовалась одна из теней

– вырвалась вперед, налетела, сшибла с ног. Сразу убивать она не собиралась.

Сноп огненных искр прошел насквозь, не причинив овражному выползнию вреда. Остальные тени приближались, а колдун не мог подняться.

– Гор!

– Прыгай, дура! – взвыл он, поднимаясь и снова падая.

Не успеет, не успеет!

Решение пришло само: Ярина вцепилась в ожерелье и позвала силу. Перед глазами помутилось, рядом захрипел от боли Гор.

«Прочь! – приказала она порождениям Пустоши, едва не теряя сознание. – Убирайтесь!»

Вой теней смешался с ревом реки. Вода вздыбилась до краев оврага, Ярина не удержалась – пальцы скользнули по мокрой земле, – и рухнула в бурлящий поток.

– Лешачка!

– Ярина!

Два окрика слились в один, она забарахталась, пытаясь выбраться, но вода не пускала: кипела вокруг, тащила вниз.

Еще вышло разглядеть перекошенное от страха лицо водяного, пытавшегося добраться до нее, прежде чем в нос хлынула вода, а в груди взорвалось огнем.

Последнее, что Ярина запомнила – это сомкнувшиеся тисками объятия.

Сознание возвращалось рывками, но за ноги будто держал кто-то, тащил обратно во мрак. Озноб пронизывал до костей, грудь раздирала боль и обжигающий кашель. Даже голос, звавший назад, сливался с гулом в ушах. Ярина карабкалась из душной темноты, но проваливалась вновь.

Сегодня ей снилась не Пустошь и не одинокий замок. Снилось, как она ползет по склону оврага, пытаясь добраться до леса, а внизу визгливо хохочут тени. Когда скользкая земля в очередной раз мерзко чвакнула под пальцами, Ярина не удержалась – полетела вниз и... очнулась.

Холод никуда не делся. Она лежала на спине, одежда насквозь промокла, тело окоченело, а на грудь что-то давило.

Шевельнуться вышло не с первого раза, но Ярина все же смогла поднять руку, чтобы спихнуть с себя мешавшую дышать тяжесть. И наткнулась на мокрую свалявшуюся шерсть, а потом на холодную гладкую кожу. На ней кто-то лежал.

Чудовище!

Припухшие веки никак не хотели разлепиться, но страх лучший помощник в деле оживания. Ярина все же сумела открыть глаза и сразу с облегчением зажмурилась обратно: на груди покоилась голова колдуна. Он лежал без движения – мокрый и ледяной, как она сама. И кажется, не дышал.

Ярина счет потеряла, сколько раз пугалась за эту ночь. Мысль, что Гор захлебнулся, вытаскивая ее, не только наполнила страхом, но и придала сил.

Она осторожно перекатила его на спину, прижалась ухом к груди. Ее собственное сердце колотилось, набатом отдаваясь в ушах, поэтому услышать что-то еще было невозможно.

Задыхаясь, она лихорадочно ощупывала синее в прозрачных отблесках лицо. На губах черной коркой запеклась кровь, шрам вздулся...

Умер! Утонул! Она подавила очередную волну ужаса: ма-тушка рассказывала, как спасти утопленника, если вода холодная и времени прошло мало. Надо подышать ему в рот и нажать на грудь, над сердцем. Может, Переправщица еще не успела добраться до них, и надежда есть.

Решительно зажав Гору нос, она набрала побольше воздуха, наклонилась к лицу и столкнулась с мутным взглядом.

– Сто ти делаес? – оторопело прогнусавил колдун.

Ярина чуть не отпрыгнула от неожиданности, да ноги не слушались. Поэтому она только отдернула руку и залепетала:

– Я думала, ты умер...

– И решила напоследок поглумиться над трупом? – Гор попытался сесть и со стоном рухнул обратно.

Он еще и издевается! Ярина насупилась. Постаралась, по крайней мере, потому что сердце сжала дурная радость: Гор жив! Раз у него хватает сил ерничать, значит, все не так плохо.

– Я тебя спасала! – проворчала она.

– Нет, это я тебя спасал. – Колдун кое-как перекатился на бок и надрывно закашлялся.

– Пока тебя ловил... пока барьер ставил, пока из тебя воду выкачивал... На всю жизнь вперед наспасался. Только отрубился на минуту, а ты уже меня задушить пытаешься.

– Ничего я...

Гор отмахнулся со слабой усмешкой, подполз к краю уступа, сунул лицо в воду и принялся жадно пить, а Ярина наконец сообразила осмотреться.

Вокруг сомкнулись челюсти огромной пещеры. Они сидели на гладкой площадке, клином врезавшейся в озеро. Эдакий каменный язык, который спустя дюжину шагов превращался в зияющее чернотой «горло». Вода маслянисто плескалась небольшим озерцом, с другой стороны ее ограждали плотно сомкнутые «зубы» – мощные сосульки. Желтовато-молочные, острые, они наползали друг на друга сверху и снизу, становясь похожими на клыки упыря.

Словно их проглотил голодный древний зверь. И как теперь выбраться?

Пещеру окутывало хрустальное сияние. Ярина не сразу разобралась, откуда оно исходит, но когда додумалась поднять голову, охнула от восторга. Весь свод был щедро усыпан зеленоватыми звездочками. Они слабо перемигивались, обещая открыть им одним известную загадку. Если приглядеться, можно было заметить, что от огоньков отходят тоненькие светящиеся нити.

Ярина позабыла обо всем, залюбовавшись волшебным зрелищем.

– Красиво... – выдохнула она.

Колдун ее тягу к прекрасному не разделил.

– Если не знать, что это, – хмыкнул он, стаскивая мокрую одежду. Куртка с верхней безрукавкой уже валялись на камнях, а вот рубашка намертво пристыла к спине, не желая расставаться с хозяином.

Гор шипел и плевался, но о помощи не просил. Ярина осторожно подползла к нему и постаралась бережно отковырять ткань.

Полотно насквозь пропиталось кровью – рана вспухла, вокруг янтаря narосли багровые струпья.

– Плохо? – сквозь стиснутые зубы спросил Гор, услышав потрясенный выдох.

– Не дергайся, – строго попросила Ярина, запихав жалость подальше, и продолжила размачивать ткань в воде, пока та не отстала.

Колдун сразу стащил рубашку и болезненно повел плечами.

– Чтоб тебя! – выругался он. – Словно раскаленной ко-чергой огрели.

– Не понимаю, – Ярина покачала головой. – Вчера она выглядела не так. Да, казалась новой, но сейчас будто и правда ее только что нанесли. Почему?

– Потому что кое-кто начал колдовать, несмотря на предупреждение, что этого делать нельзя, – бросил колдун, стаскивая сапоги.

Он хотел добавить еще что-то, но потрясенно воззрился на нее:

– Ты почему одета? Раздевайся, живо! Хочешь околеть?

Стоило Ярине вспомнить, что она мокрая и замерзшая, дрожь немедленно вернулась. Вернулся и грызущий кости холод вместе с болью. Только она не понимала, как можно не околеть, раздевшись. Огня-то у них все равно нет. Даже если бы и был, поблизости ни одной веточки, чтобы разжечь костер. Тут она вспомнила, что рядом есть взаправдашний чародей, и украдкой вздохнула – совсем от усталости голова не варит.

Гора тоже трясло, но он решительно потянулся к поясной сумке, чудом не слетевшей. Пока Ярина непослушными пальцами боролась с фибулой, он выудил два небольших кроваво-красных камешка. Колдовать не стал, зато пару раз чиркнул ими друг об друга. Сноп алых искорок разлетелся во все стороны, чтобы с шипением угаснуть. Гор быстро положил камни на землю, и через пару мгновений они занялись веселым пламенем.

Плащ с тихим шуршанием соскользнул с плеч, когда потрясенная Ярина дернулась вперед, протягивая ладони к ожившей сказке.

– Горюн-камень? Настоящий? – замороженно спросила она. Рыжие язычки весело плясали, распуская вокруг себя живительное тепло.

Горюн-камень встречался лишь на той стороне Реки¹⁴. Огромный обелиск черным огнем полыхал во мраке, освещающая душам путь по Темной дороге. Лишь Переправщица да навьи могли дотронуться до него, а то и отколоть кусочек, чтобы потом пронести через мост, как случилось в стародавние времена, когда создания *той стороны* безнаказанно бродили по земле живых.

Такой огонь даже от крошечного осколка не гас веками. Но ни одна хозяйка добровольно не решилась бы положить его в печь – пламя горюн-камня было темнее самой ночи. Зато чародеи и цари охотились за ним, на один такой камешек можно было Дивнодолье целиком скупить. В мире их по пальцам рук пересчитать, все в царских сокровищницах или у самых могущественных чародеев.

– Я похож на короля Виальда¹⁵? Или на навья? Это замечательно... Один мой друг создал. Бесценная вещь. Не промокает, не крошится. Последнее слово науки. – Гор говорил с трудом, часто сглатывая, но упорно продолжал раскладывать мокрую одежду у огня. – Чего сидишь? Раздевайся.

– А ты не мог бы просто высушить нас чарами? – робко заикнулась Ярина.

Гор мрачно глянул на нее и отвел глаза. Молчал долго, она

¹⁴ Река – так люди называют реку-Сморородину, не произнося ее название, чтобы лишний раз не тревожить Переправщицу.

¹⁵ Король Виальд – персонаж арсейского фольклора. По сказке, он заключил договор с черным колдуном и вытребовал у него возможность превращать в золото все, к чему прикоснется.

успела напридумывать себе всяких ужасов, когда он наконец ответил:

– Магия здесь не действует.

Раздеться все же пришлось. Несмотря на возражения, Гор был неумолим.

– Я бы мог сказать: «Чего я там не видел», но ты снова покраснеешь, – хмыкнул он, отворачиваясь. – Просто завернись в мой плащ, он не должен был вымокнуть.

Ярина, конечно же, покраснела. Торопливо стащила потяжелевшую от воды одежду и поджала под себя босые ноги. Ожерелье больше не сдавливало горло, но порезы от шипов горели. Она провела по коже пальцами – больно! Но ничего, будет время разобраться.

Плащ оказался сухим и теплым. Выкрашенная в темно-синий шерсть на вид была пусть дорогой, но без вышивки.

– Он заколдованный? – спросила она, дождавшись, пока Гор повернется обратно и усядется рядом, поближе к огню.

– «Заколдованный», – передразнил колдун беззлобно. – Тебе сколько лет? Вроде образованная. Чары на нем. Обогревающие, водоотталкивающие. Еще, в теории, он должен выдерживать удар стрелы, хотя проверить не довелось.

Ярине бы смутиться, но Гор прав – ее знания беспорядочные. Матушка старалась научить их всему, что знала, но

трудно удержать в голове детали, когда нужно то огород прополоть, то травы собрать, то скотина ухода требует.

– Ты сам чары накладывал? – спокойно спросила Ярина и заработала удивленный и одобрителный взгляд.

А зачем обижаться, если упрек справедливый?

– Нет. – Гор протянул ладони к огню. – Это подарок друга. Он любит мудрить. Я на работу с тонкими материями не способен.

– Здорово! – тихо восхитилась Ярина, поправляя плащ и поглаживая его пальцами. – Вот бы и мне такого друга.

На этот раз колдун покосился на нее недоверчиво.

– Словно у тебя его нет, – фыркнул он. – Ехала же ты в Ольховник.

Цель своего путешествия Ярина обсуждать не собиралась, зато на нее снова нахлынуло чувство вины: матушка просила передать весточку Нежке, попросить о помощи, а она тут... А кстати, где это «тут»?

– Где мы?

– Под землей. – Гор равнодушно пожал плечами. – Нас затащила река. Пришлось постараться, чтобы выплыть. Под озером целая затопленная анфилада, вряд ли природная.

Еще незнакомое слово. Ярина не хотела выдать своего невежества и сосредоточилась на главном:

– Значит, мы могли бы выбраться тем же путем?

– Нет. – Можно подумать, его не волнует, что они заперты неизвестно где. – После того, что ты натворила, мне едва

удалось удержать камни до того, как там все обрушилось к...

Договаривать Гор не стал, но было заметно – выругаться ему очень хочется.

– Я ничего не делала. – Ярина пыталась вспомнить, что же ей удалось такого, от чего колдун кривится. На ум ничего не приходило. Может, бешеный бой с теньями что-то стер из памяти?

– Ты просто опять воспользовалась этим подарком нечисти, хотя я тебя просил.

– Иначе ты бы погиб!

И это вместо благодарности! Ведь он не успевал, Ярина точно помнила, как тени не давали ему встать и добраться до реки. Поэтому горела возмущением, собираясь отстаивать свою правоту.

– Хорошо, признаю. А в лесу ты тоже меня спасала? Когда чуть не убила нас обоих.

Да, возле Пустоши ожерелье повело себя жутко. Ярина с удовольствием сняла бы его и как следует расспросила Дару. Мысль о том, что в любой миг неизведанная сила попытается подчинить себе, пробирала до дрожи.

– Если раньше у меня от твоей магии просто зудела спина, то в лесу я почувствовал не обычное действие янтаря. Крайне неприятное ощущение, когда из тебя тянут магический дар, не хотелось бы испытать это снова. – Гор потер переносицу. Он словно старался рассердиться, но из-за усталости не выходило. – Ты не понимаешь, что творишь. Я должен

точно знать, что ты не попытаешься выпить силу из кого-то живого. Ладно я, другой бы сразу умер, – закончил он. – Снимаю ожерелье.

Час от часу не легче! Ярина искала оправдания или брешь в словах Гора, через которую проглядывала бы ложь, и не находила. Она могла убить человека, даже не прикосновением, а нечаянной мыслью! Это было страшнее, чем тени или Пустошь. Да она с радостью избавится от этого ужаса, чтобы не навредить никому. Потом можно у водяного спросить, вдруг он знает, как сделать ожерелье обратно безвредным. А если нет – значит, никудышная из нее защитница леса.

Ярина попыталась нащупать застежку, но под пальцы попадались только помертвевшие веточки и пожухшие листья. А ведь была она – маленькая, из сдвоенной янтарной бусины.

– Не снимается!

– Дай я. – Гор потянулся к ней и насмешливо фыркнул, когда Ярина дернулась. – Плащ крепче держи.

Ноги уже затекли, а он до сих пор сосредоточенно выискивал застежку, наклонившись так низко, что дыхание щекотало шею. Ярина дышала через раз и кусала губы, стараясь не краснеть. По спине бегали мурашки. И вроде ничего такого Гор не делал, но ей внезапно вспомнилось, как он нес ее на руках до своего дома, а потом тащил через лес. Плащом поделился, кровать уступил. И... поцеловал. Там, в лесу. Вряд ли потому что ему вдруг захотелось, но поцеловал же.

Неловко-то как!

Ярина никогда не позволяла себе мечтать о царевичах. Куда ей! Неже сама Пряха-Охранительница с рождения золотую нить плела – она же чародейка, ей любовь и яркая жизнь судьбой суждены. Отец матушку без роду-племени взял – так та красавицей всегда была и мудрой не по годам.

А она... Силы в ней нет, ума тоже, как оказалось, из всей красоты – одна коса. За что такую любить?

– Я думала, тебе стало плохо, потому что я до тебя дотронулась, – виновато прошептала Ярина, чтобы отвлечься от странных мыслей. Нашла время!

– Что? – рассеянно спросил он. – Нет... Странно! Эта штука свободно манипулирует магическими потоками. Никогда о таком не слышал. И как назло, ничего не чувствую. Надо выйти за пределы барьера и попробовать опять.

Гор отстранился и раздраженно пнул ногой подвернувшийся камушек. Тот с глухим плеском улетел в воду. Ярина вытянула ноги к огню. На Гора она старалась больше не смотреть, а то лезут в голову всякие глупости.

– У тебя в сумке нет хлеба? – Есть хотелось невыносимо. Последним был вчерашний ужин – да и можно ли назвать едой мерзко хрустящие на зубах клубни? Но сейчас она не отказалась бы и от них.

– Нет. Только настойка зверобоя и амулеты, – с сожалением покачал головой колдун. – Но мы что-нибудь придумаем.

Между ними снова повисло тягостное молчание. Ярина прикинула, может ли помочь хоть чем-то ее рассказ: из ту-

манных намеков берегини ничего не разберешь, кроме того, что та вроде бы желала уничтожить ожерелье вместе с домом. И ей зачем-то позарез нужно было, чтобы Ярина оказалась на Пустоши ночью.

Гор разберется. Он здесь дольше живет и с Дарой знаком. Хотя та может голову задурить своей красотой и веселым смехом, лучше пусть знает. И сам решит, верить или нет.

– Дара сказала, что ожерелье черпает силу из леса, – сообщила Ярина.

– Она говорила с тобой? О чем?

Гор оживился и не успокоился, пока не выпытал разговор с берегиней до последней мелочи. Выводами он делиться не спешил – вновь мрачно уставился в огонь.

А у нее не было сил расспрашивать. Ярина укуталась в плащ поплотнее – снаружи торчал только кончик носа – и привалилась к плечу колдуна. Разговор выпил последние силы, она смертельно устала, поэтому даже не вздрогнула, когда на макушку легла тяжелая теплая ладонь.

– Что же делать?

– Спать, – с непривычной мягкостью ответил Гор. – Когда отдохнем, будем искать выход.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сны пришли снова. Раньше Ярина думала, что их насылет ожерелье, но теперь, когда оно мертвым грузом повисло на шее, они отчего-то стали ярче. Навязчивые, зловещие – в них опять огнем горела Пустошь, а острые шпили замка растворялись в ночи, словно не было их никогда.

На этот раз над залитым янтарем полем звучал не плач. Кричала женщина, кричала страшно, надрывно, а ей вторил сумасшедший хриплый смех, он пробирался под кожу, ввинчивался в уши... Ярина проснулась, задыхаясь от чужого отчаяния, которое переполняло ее.

Языки черного пламени едва трепетали, отбрасывая зыбкие тени на своды пещеры. Расстеленный на камнях плащ не давал потерять последние крохи тепла, но лучше всего грели горячие объятия. Руки, пусть тяжелые, прижимали крепко, не позволяя двинуться. Ярина ошеломленно распахнула глаза: макушку щекотало чужое дыхание, а перед носом оказались выступающие острые ключицы. Только остатки кошмара не позволили ей завершать немедленно: в поисках тепла они с Гором придвинулись друг к другу вплотную, теперь колдун беззастенчиво прижимал ее к себе и дрех.

Перед сном Ярина облачилась в непросохшую рубаху, потому что плащ был один на двоих, но оставить Гору спать на камнях было бы жестоко, хоть он и утверждал, что способен

выдержать и не такое. И все равно – близко, почти кожа к коже...

Ярина неудержимо покраснела и попыталась выползти из объятий, пока колдун не проснулся и не начал насмехаться. Это он умел, но делал как-то беззлобно, будто подначивая и проверяя: ответит она или нет.

Неосторожное движение заставило Гора прижать ее крепче, а когда она попыталась выпутаться и подняла голову, то столкнулась с пристальным взглядом, в котором не было ни капли сна.

Ярина забарахталась в складках плаща, которых неожиданно стало слишком много. Откатилась к самой воде и рухнула бы, не бросься Гор ее ловить.

– Жива? – ворчливо спросил он.

Ярина смогла только кивнуть, чувствуя, что сейчас воспламенится. Вот так запросто, почти голой, спать с женщиной? Позор какой! Хорошо, матушка не знает, она после этого и смотреть на нее не захотела бы.

Стыд грыз изнутри почище голода, зато немного отогнал страх и не помешал мертвой хваткой вцепиться в локоть Гора, когда пришла пора двигаться дальше.

Неизвестно, сколько времени прошло с тех пор, как они очутились под землей. Что день, что ночь – в темноте все едино.

Пещера с озером давно остались позади, а коридор ни разу не сузился и не вильнул. Пламя горюч-камня все так же

отбрасывало рыжие отблески на низкие своды из серых бугристых от времени плит, а воздух становился все холоднее и суше, вызывая жжение в горле.

– Как ты думаешь, мы в подземельях дивьего города? – спросила Ярина, когда молчать стало невозможно.

– Вряд ли. Не та архитектура. – Гор задумчиво разглядывал полурассыпавшиеся колонны, выхваченные пламенем из темноты. – Оарлат был построен на руинах древнего королевства. Оно стояло на берегу огромного озера севернее нынешней Пустоши и простиралось к Малахитовым горам.

– Оарлат? – Чужое певучее название будоражило воображение. Если замок из видений взаправду был дивьим городом, имя ему подходило.

– Так его называли в хрониках, – пожал плечами Гор.

– Здесь жили люди? В том, древнем королевстве? – слушать было куда лучше, чем вглядываться в темноту и трястись от неизвестности. Ярина всегда с восторгом ловила обрывки историй о стародавних временах, а тут целый кладезь того, что не могли знать матушка или домовой!

– Во-первых, о нем упоминает саргонская летопись. Не помню дословно, что-то вроде: «Страна многих желаний». Во-вторых, после образования Пустоши проводились раскопки. Сначала тайком, потом под эгидой... покровительством царя. Всерада Единителя, если не ошибаюсь.

– Того, который снова Дивнодолье объединил?

– Да, его. Он присоединял все, что под руку попадет.

Половину вольных городов Малахитовых гор пожег дотла, но это мелочи. Так вот. Связанного с дивью нашли мало, зато обнаружили, что больше двух тысяч лет назад на этом месте жили люди. Толком про них ничего узнать не успели.

– Почему?

– Война с Вестарией, – напомнил Гор. – Тогда считалось, что янтарь с Пустоши можно использовать, вот и бодались за него четверть века. Потом гонения на магов, две эпидемии... моровых поветрия. И дела до древних мертвецов уже никому не было.

– Я думала, под землей только чудь жили.

– Про чудь среди образованных магов упоминать не принято, – снисходительно хмыкнул он.

– Это еще почему?

– Потому что доказательств их существования нет никаких. Кто-то где-то что-то слышал и кому-то рассказал. Ни в одной летописи не сохранилось упоминаний, одни домыслы. Чудь не знали с людьми, не вели торговлю, они вообще не выходили из своих подземелий, или что у них там по легендам было. Общались только с дивью, а когда пришла Пустошь, просто исчезли. Не удалось найти даже намека на их присутствие, хотя искали, можешь поверить. Поэтому сейчас считается, что подгорный народ – это выдумка диви, чтобы не пускать людей к земным недрам.

– Странно всё.

Матушка рассказывала иначе: есть люди, есть навьи –

мертвые и разумные, они прячутся за Рекой и носа не кажут на человеческие земли, не то, что в стародавние времена. Еще есть упыри, вурдалаки всякие – навьи порождения, оставшиеся с древней войны, не живые и ведомые одним лишь голодом. Одно слово – нежить. Есть нечисть: русалки, лесовики, болотники – серединка на половинку. Живут они иначе, но ведь живут, пакостят, правда, человеческому племени, но и люди не всегда друг с другом ужиться могут. Раньше еще чудь с дивью были, может, еще кто, о ком даже сказки молчат. Дивь под солнцем вольно гуляли, чудь – под горный народ – в самых глубоких пещерах города строили. А теперь выясняется, что чудь просто выдумка.

– Совсем ничего не осталось?

Гор с сожалением покачал головой:

– Летописи неполные, сама понимаешь. Может, где и остались свидетельства, но мне о них неизвестно. Зато про людей знаю точно.

– Вот бы найти что-нибудь, – с сожалением протянула Ярина. Подземелье больше не казалось таким ужасным – ведь в нем таилось столько загадок. Занятно, для чего оно было древним людям? Не жили же они тут. Мысли о подстерегающей за углом опасности благополучно выветрились из головы.

– Ничего проще, – ухмыльнулся Гор. – Расшифруй древние письма, узнаешь много нового. Все магическое сообщество тебя на руках носить будет.

Он подошел к стене и провел ладонью на уровне глаз, смахивая паутину. На камне оказалась выбита надпись – какие-то палочки и кружочки, полустертые от времени. Смешно! Если бы колдун не рассказал, Ярина в жизни бы не догадалась, что это буквы, а он ей прочесть их предлагает.

– Почему никто до сих пор этим не занялся?

Гор, не останавливаясь, двинулся дальше, пришлось бежать за ним.

– Зачем? – смешок у него вышел невеселый. – Наши маги предпочитают более... весомые памятники, чем черепки и проржавевшие наконечники стрел. Золота никто не нашел, магических предметов тоже. Древних городов не сохранилось, как и могил. Даже письменные памятники встречаются редко. Круг слишком прагматичен и не разбрасывается силами на то, что не приносит пользу.

– Но есть шанс узнать что-то новое! Разве это не польза? – Ярина всегда считала чародеев Круга всезнающими мудрецами, ведь если бы не они, властители ни за что не прекратили бы войны. И от моровых поветрий спасенья бы не было. И о простых чародеях некому было бы позаботиться. А тут выходило – вот они, потерянные знания, лежат под ногами, никому не нужные.

– Учиться бы тебе, – вздохнул Гор.

– Опять смеешься?

– Нет, я совершенно серьезен. Все задатки у тебя есть и желания через край.

– Кому я нужна без силы? – И без денег. Этого Ярина говорить не стала, и так понятно. В ученики брали тех, кто мог доказать, что чего-то стоит. И сколько стоит.

– Даже этих крупиц хватило бы. Чтобы передавать знания или искать утраченное, не нужно быть магистром. Ты не представляешь, сколько времени нужно потратить, чтобы найти достойного хранителя. Большинство магов до сих пор предпочитает прятаться по кустам, привозят учеников только на церемонию Обретения. В самом Круге обучается знать или честолюбивые выскочки, неизвестно, кто из них вредит больше.

– Но ты не похож на того, кого учили в кустах. – Ярина не удержалась от колкости и заработала полный возмущения взгляд. Это же надо – обиделся!

Разговору не суждено было продолжиться – колдун застыл. Ярина, которая то и дело оглядывалась на загадочные письма, не сразу это заметила и врезалась Гору в спину. А замереть было от чего: коридор внезапно раздваивался. Одна его часть превратилась в грубые ступени, ведущие вниз, во мрак, другая расширялась и резко сворачивала влево.

– Знаешь, я думаю, вниз нам не надо, – глубокомысленно заметил Гор. Впихнув ей в руки каменную плоску с горюн-камнем, он вытянул из ножен меч – самый простой, одноручный, без единого украшения, лишь на лезвии темнели арсейские руны. Ярина не смогла разглядеть подробнее – темно было. – Не похоже, что рядом есть нежить, – пробормо-

мотал Гор, рассматривая надпись. – Если только блок действует не на все подряд.

– Она должна светиться? – Ярина с любопытством заглянула ему через плечо.

– Видела такой когда-нибудь? – теперь пришел черед колдуна удивляться.

Она нехотя кивнула: у отца в оружейной висел похожий меч. «Верен до Моста» гласили на нем резы. Братец с ума сходил, все мечтал, что отец подарит если не такой же меч, что сам чует навью кровь, то попроще, но обязательно с надписью. Не сложилось.

– Я смотрю, ты полна секретов. Ладно, пошли... Держись рядом.

Спустя дюжину шагов коридор раздался в ширину, превратившись в огромный круглый зал. Гор осторожно забрал у Ярины огонь и заставил пламя вспыхнуть ярче. Оно осветило гладкий пол из черного полированного камня с серебристыми прожилками, высокий свод, украшенный потемневшей от времени фреской, искусно изображающей россыпь звезд на ночном небесном покрывале.

Стены... Ярина закусила рукав, чтобы не завизжать – стены состояли из продолговатых ниш, расположенных в три яруса. И из них, от пола до потолка, на нее таранились усыпанное золотом скелеты.

В пустых глазницах тускло мерцали драгоценные камни, лысые черепа укрывали тончайшие сети из золотых нитей,

пальцы были унизаны тяжелыми серебряными перстнями.

– Дела-а, – протянул Гор, поднимая огонь повыше.

– Как ты сказал? – задыхаясь прошептала Ярина. – Не нашли золота?

Молчаливые кости, ослепительно белые, словно не прошли бесконечные века, не вызывали ничего, кроме ужаса и желания бежать без оглядки. Это не черепа на частокоче, с ними Ярина свыклась быстро, спасибо дедушке. Она мысленно повинулась перед домовым, тот, наверное, до сих пор ждет ее, места себе не находит, а она даже не спросила, что за светопредставление в лесу ночью было.

Зато Гора мертвецы ничуть не испугали: он уже стоял возле ближайшего скелета и внимательно рассматривал драгоценности.

– Странно, что под такой тяжестью кости до сих пор не развалились, – пробормотал он.

– Не трогай. – Ярина вцепилась ему в руку.

– Да брось! Что им будет, они мертвые.

– А мруны?

– Они свежие покойники, а это скелеты. Они ходить не смогут. – Гор беспечно наклонился, изучая перстни. Хорошо хоть не пытался свинтить один на память. – И потом, мруны появляются в местах сильных магических эманаций, а здесь среда полностью стерильна.

Когда он забывался, то говорил быстрее и сыпал незнакомыми словами. Ярина терпела, хоть и жутко хотелось силой оттащить горе-мудреца подальше от мертвяков, пока тот окончательно не забыл, что им нужно выбираться. Или пока на них не набросилась толпа разъяренных скелетов, объясняй им потом, что они ходить не должны.

– Это хорошо? – устало спросила она.

– Лучше, чем я мог ожидать, – все так же отстраненно ответил Гор. – Если на нас нападут, то не используя магию.

Обнадежил! Можно подумать, у них и так был шанс: она драться не умеет, а Гор со своей раной еле шевелится. Мысль неприятно царапнула, Ярина нахмурилась, стараясь понять, что не так. Минуту-другую следила за колдуном – тот переходил от ниши к нише, внимательно осматривая скелеты. Больше не сутулился, не кашлял, перестал разговаривать рублеными фразами.

– Гор?

– Сейчас... – отмахнулся он, даже не обернувшись. – Подожди.

– Как твоя спина?

– Что? – Колдун медленно повернулся к ней.

– Твоя рана, – напомнила Ярина. – Как она?

Гор, хмурясь, повел плечами, распрямился и замер. Даже дышать, кажется, прекратил.

– Странно...

– Дай посмотрю. – Ярина забыла, что порядочные девушки

ки не лезут мужчинам под одежду. Помогла задрать рубашку и пораженно охнула: отека больше не было, краснота сошла, рана подзатянулась, а янтарь вышел наружу. Раньше он казался вросшим в тело намертво, а теперь его можно было вытащить, если постараться. Хотя Ярина не рискнула бы.

– Ну что там? – Гор попытался заглянуть через плечо.

– Никакого сравнения. – Она тронула пальцами камень: тот был холодным и мутным, мертвым.

Гор отстранился, одернул рубашку и вздохнул полной грудью, даже не закашлявшись.

– Значит, я был прав, – довольно ухмыльнулся он, – все дело в этой дряни. Она не дает ране затянуться, не говоря о том, что мешает колдовать. Отправка простого вестника заставила меня слечь... А раз здесь магический барьер, то камень бессилён.

– Но без него ты бы погиб, – напомнила Ярина.

– Палка о двух концах. Мой дед говорил, что янтарь негативно влияет на дар, с одной стороны, усиливает, с другой – блокирует развитие намертво. Если раз воспользовался усилителем, будешь зависеть от него всю жизнь. Что, учитывая мое положение, совершенно не вдохновляет. Жаль, его теорию никто не воспринимал всерьез.

Гор с тоской посмотрел на скелеты и двинулся в сторону выхода – еще один коридор уходил из зала в потемки.

– Разве доказательств не было? – Ярина снова вцепилась ему в локоть. Этот ход был уже предыдущего, двое могли

идти только друг за другом или тесно прижавшись.

– Он и поехал их собирать, когда Круг поднял его на смех, – колдун говорил ровно, но мышцы на руке закаменели, а лицо стало неподвижным, злым. Такое было с ним во время их первой встречи, на лесной опушке.

– Это здешний волхв, да? – тихо спросила Ярина. Вот почему Гор так близко к сердцу воспринял эту смерть.

Он промолчал; смотрел перед собой, на лице играли желваки.

– Внутренний Круг чародеев не любит новое, – невпопад ответил он наконец. – И не принимает того, что идет вразрез с их представлениями о мире. Мысли деда восприняли как крамолу. Его лишили ученой степени и регалий. А он, в пикку остальным, стал волхвом и отправился доказывать свою правоту. Где искать разгадки, как не возле Пустоши?

Ярина жалостливо погладила его по руке.

– Ты не виноват, это был его выбор, – мягко выдохнула она.

– Я тоже ему не поверил. – Лицо Гора напоминало грозовую тучу. Он судорожно вздохнул и опомнился, буркнув: – Под ноги смотри.

«Больше ничего не скажет», – поняла Ярина и поспешила сменить тему.

– Расскажи про Внутренний Круг?

Гор фыркнул, но отмалчиваться не стал. Хотелось верить, он благодарен ей, что не стала расспрашивать. Хоть немно-

жечко.

– Это двенадцать сильнейших магистров. Они занимают-ся политикой, проводят испытания учеников. Решают, кто куда отправится, где будет служить. В их руках власть и деньги. Слышала девиз Круга?

– «Равновесие и невмешательство», – послушно повторила Ярина заученное.

– Его придумали основатели Круга: пятеро магов. Они мертвы... все. – Гор болезненно поморщился и продолжил. – Если сотню лет назад эти слова имели смысл, то теперь превратились в ярмо. А магистры их неукоснительно придерживаются, и это порой создает кучу проблем.

– Разве плохо? – Они с Нежкой чаще всего спорили на эту тему. – Я слышала, магистры даже могут приказывать царям и останавливать войны.

– Не все с этим согласны, поэтому на практике все не так просто. Иначе Дивнодолье и Парелье не сцепились бы из-за ерунды.

Ярина потупилась, закусив губу. Она до сих пор не могла слышать о войне, сразу вспоминала тот день, когда отец обнимал ее в последний раз. Он радовался непонятно чему, обещал, что как вернется, все станет иначе.

И не вернулся.

Гор быстро глянул на нее и нахмурился.

– Отец? – коротко спросил он, не уточняя.

– И брат.

Ярина почти обрадовалась, когда коридор оборвался очередным громадным залом, прервав тягостный разговор. Снова сотни покойников таращились на них из ниш, снова блестели в отблесках пламени драгоценности. Но на этот раз Гор сдержался и не стал задерживаться, направившись дальше. Все повторялось еще трижды: узкие ходы сменялись склепами, полными увешанных драгоценностями мертвецов. Они счет им потеряли. В одном из залов можно было разглядеть остатки каменной арки, вырезанной в стене: то ли просто украшение, то ли запечатанный ход.

– Что ты делал возле Пустоши? – Этот вопрос надо было задать раньше, но Ярина сообразила только сейчас. Хотя задать хотелось совсем другой. Про тот поцелуй в лесу, но вряд ли сейчас подходящее время.

– Искал убийц.

– Ночью? – недоверчиво переспросила Ярина. – Когда те ни из оврага вылезают?

– До сих пор они не приближались к Пустоши. Хотя сегодня их поведение было ни на что не похоже. Такое ощущение, что они целенаправленно гнались именно за нами. Надо бы изучить твоё ожерелье. Может оказаться, их притянуло, когда ты к нему обратилась.

– Но ведь раньше такого не бывало, – возразила Ярина. Хотя, если подумать, часто ли она колдовала ночью вне дома?

– Все бывает в первый раз.

В очередном зале они задержались. Гор, несмотря на ее робкие протесты, велел поднять пламя повыше и полез исследовать скелеты, пока Ярина тряслась, стараясь не жмуриться. Куда ни обернись, обязательно столкнешься с черными провалами глаз. Казалось, мертвые следили за каждым движением незваных гостей, готовые в любой миг призвать хранившие их древние силы.

– Это маги, – наконец возвестил Гор, когда Ярина была готова сдаться и признать, что сейчас умрет от страха.

– С чего ты взял?

– Тут есть мужчины, женщины, но ни у кого даже завалящего ножа. Вряд ли в старину был обычай, запрещавший хоронить с оружием. Точнее сказать не могу, надо бы взять пару костей...

– Нет! – вскрикнула Ярина и тут же зажала рот ладонью. Оклик вышел громким, звонким эхом разнесся по залу, разбил о стены, усилился, словно каждый череп спешил повторить за ней:

«Нет, нет, нет».

Ее затрясло, на ресницах набрякли слезы. Страшно! Скелеты вызывали суеверный ужас, который нарастал и нарастал, мешая вдохнуть. Что-то случится сейчас, неминуемо, что-то непоправимое...

– Ярина!

Гор мгновенно оказался рядом, схватил за плечи, заглядывая в глаза.

– Эй. Ну что ты, перестань. Это просто кости. Они отгуляли свое тысячи лет назад. Здесь нет никого.

Ярина затрясла головой, не в силах выдавить ни звука, попыталась спрятать лицо, но колдун не дал – прохладные пальцы скользнули по щекам, легли на виски, поглаживая.

– Я ничего не буду брать, обещаю. – Смотреть в глаза не выходило, Ярина зажмурилась, боясь найти насмешку или укоризну, но Гор говорил тихо, мягко. – Поверь мне. Сейчас мы с тобой развернемся и пойдем дальше. Я больше не буду их трог...

Эхо оборвалось жалобным вздохом – слабым, скорбным.

Ярина в ужасе обернулась, но в склепе никого не было, только с потолка пришел порыв горячего ветра, которому неоткуда взяться в подземелье. Но воздух дрожал, раскаляясь все сильнее. И хуже всего были шаги – тяжелые, медленные, словно великан из старых сказаний неспешно обходил свои владения.

Кто-то здесь все-таки был. Вот и наука: никогда не нарушай чужой покой, даже если кажется, что хозяева спят уже тысячи лет.

– Тихо, – ладонь легла на лицо, закрывая рот, а холодный нос уткнулся в затылок. – Ты только не кричи, хорошо? Медленно отходим к тоннелю, резких движений не делай.

Ярина закивала и послушно начала отступать следом. Гор все еще крепко обнимал ее и буквально тащил за собой.

Тоскливые вздохи раздавались все чаще, шаги приближа-

лись. Они звучали ближе и ближе, но свет бьющегося пламени не выхватывал из темноты ничего, только воздух дрожал все сильнее. Казалось, от такой жары камни должны потечь, а кожа расплавиться, но пока даже ожогов не было.

Они шаг за шагом отступали, вцепившись друг в друга, пока невидимка не замер совсем рядом, и в полнейшей тишине раздался высокий печальный вздох. Слишком близко.

Первым не выдержал Гор: подхватив Ярину на руки, он в один прыжок оказался у тоннеля и нырнул в него.

В узком коридоре было еще жарче, воздух обжигал грудь, Ярина спрятала лицо в шее колдуна, который несся вперед, пытаясь убежать от невидимой опасности. Казалось, это ему удастся, но впереди раздался такой же громкий вздох, заставивший кровь заледенеть в жилах.

Они были в ловушке.

Гор резко развернулся, накрыл ладонью ее затылок, не давая поднять голову. Было от чего прятаться – новая волна сухого раскаленного воздуха заставила Ярину вцепиться в горло, до того было горячо.

Они изжарятся заживо!

Внезапно объятия разжались, колдун поставил ее на ноги, но отстраниться она ему не дала, вцепилась в плечи, уже догадываясь, что он скажет.

– Нет.

– Послушай, – он говорил негромко и нетерпеливо. – Я выйду в зал. Это... что бы оно ни было, успокойся. Должно.

Ты переждешь и двинешься дальше. Иди осторожнее, наверняка должен быть путь вверх, необходимо только его найти. Воды у тебя достаточно. Если не сможешь выбраться, попробуй отыскать границу магического барьера. Ожерелье начнет действовать, ты позовешь нечисть на помощь. Уезжай отсюда. Бери своего деда и уезжай, здесь опасно. Только не в Ольховник, нечего тебе там делать.

– Ты погибнешь.

– А так мы погибнем оба. – В его голосе прорезалось раздражение. Гор попытался вырваться, но Ярина держала крепко. Откуда только силы взялись.

Они в любом случае погибнут оба: он сейчас, она – чуть позже, потому что ни за что ей не выбраться из подземелий в одиночку.

– У нас нет выхода, – мягко шепнул он. Прикосновение пересохших губ ко лбу заставило Ярину стиснуть пальцы так, что ткань рубашки затрещала. – Иногда приходится чем-то жертвовать. Или кем-то.

– А если не подействует?! – Что еще можно сказать? Как убедить? Она не справится одна. Никогда не справлялась. Гор не должен умирать. У него есть дело. – Если оно убьет нас обоих?

– Пока не попробуем, не узнаем.

Очередной тяжелый вздох невидимого исполина принес такую волну жара, что Ярине показалось, будто ее головой в костер сунули. Она только на миг отвлеклась, а Гор отцепил

от себя ее руки и выступил вперед. Даже меч из ножен не вынул.

Она ничего не могла сделать. Никогда. Нежку не отговорила от побега, матушке была обузой, не убедила, не помогла. И сейчас была бесполезной, только смотрела в спину Гора, смагивая слезы и задыхаясь от жара.

Зрение расплывалось, внезапно пылающее марево всколыхнуло воздух, боль резанула по глазам, рождая странное видение: колдун стал выше и шире в плечах, он уходил медленно, словно против воли, а ее душили рыдания и бесконечная, невыносимая тоска.

– Ты не пойдешь один!

Ярина слышала слова со стороны: голос – чужой – ниже, мягче. В нем звенел жгучий ужас.

– Ты ничего не сможешь сделать. – Голос чужака звучал отстраненно и равнодушно. Он даже не обернулся. – Чары не действуют. Пришло время клинков.

– Это мы посмотрим... Мы еще посмотрим...

Дышать стало невозможно, колдовское марево сдавило горло, но Ярина ощущала боль отголосками, пребывая во власти видения.

Руки, чужие, ухоженные, перепачканные в чем-то, напоминающим янтарь, только еще не застывший, обхватили кинжал с серебряной рукоятью. На пальце сверкнул перстень с крупным медовым камнем и тут же вспыхнул, обогрившись кровью из рассеченной ладони.

Так просто?

Видение не отпускало, но теперь Ярина знала, что делать. Гор еще не дошел до выхода, а она уже бросилась следом. Пальцы с силой вцепились в ожерелье, наплевав на сухие ветки, которые сейчас казались шипами. Пусть она не может его снять, пусть магии нет, это ей на руку.

Ожерелье не желало расставаться даже с одним кусочком янтаря, но какое ей до этого дело? Она тоже не желает расставаться с Гором.

Ни за что!

Нужна магия – не просто связь с ожерельем, а настоящая, способная разрушить древние чары, которыми неизвестные люди наполнили свои гробницы.

– Гор! – отчаянно вскрикнула Ярина, пытаясь вцепиться в него и одновременно кинуть окровавленный камешек в зал, где тоскливо вздыхало невидимое существо, расстроенное тем, что незваные гости еще барахтаются, вместо того, чтобы принять свою судьбу.

К чести своей, колдун мигом сообразил, что она хочет сделать, только совершить задуманное не дал.

– Куда?!

Зарывав, он хватанул Ярину поперек живота.

– Чокнутая!

Выхватил нож, лезвие вспорол запястье, щедро окропив янтарь кровью. В ее видении этого оказалось достаточно, чтобы пробудить силу, но сейчас искры внутри камня едва

теплились.

Однако колдуну хватило и этого. Он швырнул янтарь на середину зала и что-то заорал. Слова заклинания потонули в низком гуле, их Ярина не услышала – уши заложило.

Очередной вздох сменился ревом, когда из сверкнувшего камешка вырвался столб синего пламени. Гор рывком подхватил ее и кинулся вперед, но не к очередному ходу.

Этот склеп отличался от остальных, из него вел еще один путь – пролом в стене, словно кто-то проковырял дыру и забыл заделать.

Гор кричал что-то, Ярина не разбирала слов – таким чудовищно громким был вой невидимки. Пламя не стихало...

А потом стало не до этого. Ее немилосердно пихнули в лаз, хотя он был узким, сперва показалось, она застрянет. Но желание жить творит чудеса: Ярина барахталась и ползла, едва дыша от жара. Хотелось оглянуться, проверить – последовал ли Гор за ней, но повернуть голову в такой тесноте не вышло.

Лаз был коротким, резко уходил вниз. В угаре бегства чудилось, будто она только нырнула в крысиную нору, как та расширилась и превратилась в глубокую медвежью берлогу.

Не ожидав этого, Ярина покатилась вниз, с трудом успела выставить локти, чтобы не удариться животом. Боли не было, упала она не на камни, а на слежавшуюся землю.

Гор, слава Охранителям, приземлился следом, но продохнуть не дал, тут же вскочил, потянув ее за собой.

– Быстро.

Они успели одолеть только половину пути, как за спиной загрохотало, затрещало, земля посыпалась на голову. Что бы ни творилось в склепе, их спасительный путь рушился.

В этот раз Ярина первой дернула колдуна за руку, улепетывая со всех ног.

Из хода в другой стороне норы пробивался слабый свет.

Не успеют, не успеют, не успеют!

Земля смыкалась прямо за спиной.

Гор толкнул ее, и в очередной лаз Ярина буквально влетела, не удержавшись на ногах.

Гладкий каменный пол вышиб дух, а сверху рухнул колдун, накрывая ее собой. Ох, тяжелый он был, словно потолок уже сомкнулся, став могильной плитой.

Сейчас их засыплет!

Грохот прокатился по подземелью и стих, а тяжесть – та самая, смертельная, – все не приходила.

Гор надрывно дышал прямо в затылок и не шевелился. Ярина и сама двинуться боялась. Сердце бухало в груди, норовя выпрыгнуть, тело ломило, будто по нему батогами прошлись.

– Как хорошо, что ты не княжна какая-нибудь, – шепот был горячим, но после той душегубки, из которой они только что чудом спаслись, ощущался словно прохладный ветер в жаркий день.

– Почему? – тихо отозвалась Ярина, забыв про смущение.

– Я представил, как бы ты визжала и в обморок падала, а я бы тебя тащил. – Гор хмыкнул и закашлялся, прижимаясь к ней крепче, всем телом. Вот теперь Ярина покраснела и дернулась, пытаясь выбраться.

Надо сказать, выпустили ее без лишних вопросов. Руки как резало: больше всего левую ладонь, которой она отвоевывала янтарь у ожерелья. Шею жгло и щипало. Голова... проще было сказать, что не болело. Но как же хорошо просто чувствовать на коже прохладный воздух.

Гор, похоже, и сам наслаждался. Он перекатился на спину и хрипло дышал, разглядывая высокий свод.

Очередной тоннель, куда они ввалились, был гораздо шире тех крысиных нор, которыми приходилось удирать. Он простирался над головой в половину высоты древних склепов. Даже сядь Ярина Гору на плечи, до потолка все равно не достала бы. Облицовка тоже была другой: никаких загадочных закорючек на светлом гладком камне, только сверкающие в неверном пламени серебристые прожилки. Красиво, но виделась в работе непонятная небрежность, словно мастера бросили ее на середине, не стали подгонять плиты друг к другу. Некоторые лежали криво, а ближе к тому месту, где случился обвал, и вовсе отсутствовали.

– У тебя шея в крови.

Гор, приподнявшись на локте, наблюдал за ней с тревогой. Он выглядел измученным, грудь до сих пор тяжело вздымалась, но Ярина наверняка была не лучше: мокрая, замурзан-

ная, в грязи. Одежда изодрана, плащ слетел во время бегства и лежал сейчас под завалами. Хорошо, горюн-камень удалось сохранить. Иначе сидели бы они в потемках.

Ярина осторожно оттянула потяжелевший ворот. Пальцы вмиг стали липкими, а боль вернулась. Пока она пыталась оторвать янтарь, ожерелье сопротивлялось: ветки, судя по глубоким царапинам, просто изрезали шею.

– Жить буду, – вздохнула она. – Ты лучше скажи, что это было за заклинание? Чем ты кинул?

Гор хмыкнул и с трудом привалился к стене, вытянув ноги.

– Обычная иллюзия. Морок. На большее сил не хватило. Я вообще не понимаю, почему получилось.

– Так кровь...

Колдун так на нее глянул, словно Ярина сказала какую-то несусветную глупость. Наверное, так и было, но она ведь видела, как вспыхнул огнем янтарь в чужих руках.

– Помнишь про магический барьер? Пробить его можно, только если себя в жертву принести. Пара капель крови делу не поможет. – Гор слабо закашлялся и ухватился за плечо, как делал раньше, когда беспокоила рана.

– Но я видела!

Он устало отмахнулся:

– Потом. Получилось и получилось, пока бесполезно играть в угадайку. Давай лучше посмотрим, куда нас занесло. Хотя нет. Покажи-ка руки.

Ярина протянула изодранные ладони, пусть желание немедленно спрятать их за спину было велико. Но сделай она так, колдун посмотрит с насмешкой, а сейчас этот взгляд она не готова вынести.

Руки были грязными, кровь уже подсыхала, бралась коркой. Болело, не без этого, но боль была наименьшей из бед.

– Плохо, – Гор покачал головой и потянулся за чудом удержавшейся на поясе фляжке.

Ярина мигом убрала руки. Нельзя тратить драгоценную травяную настойку на царапины, когда от жажды дерет горло. Это их единственная вода.

– Не глупи. Хочешь заражение?

– Воды же мало...

Гор хмуро зыркнул на нее и протянул фляжку.

– Пей, – велел он. – Потом займемся твоими боевыми ранами.

Ярина жадничала, цедила маленькими глоточками. Настойка была горьковатой, холодной, поджаривающее заклятие фляги не коснулось.

Напиться бы вволю, а остатки поплескать на лицо, но позволить себе можно было от силы пару глотков.

Между тем Гор не терял времени даром. Пока она разрывалась между жадностью и жаждой, он поднялся и теперь стоял в десяти шагах от очередного провала, ведущего в неизвестность.

Хоть бы не очередной склеп!

– Допивай, – хрипло сказал колдун, даже не обернувшись. Стоял он, тяжело привалившись плечом к стене. Так, будто вот-вот сползет на землю. Даже в полумраке. было видно, как мертвой хваткой вцепились в камень пальцы.

Горло удавкой захлестнул ужас. Неужели впереди их ждет очередная древняя ловушка?

– Но вода... – заикнулась Ярина.

– Допивай, – сдавленно повторил Гор. – Тут воды хватит.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Колени дрожали. Судя по неожиданностям, которые постоянно подкидывало подземелье, впереди могло быть что угодно. Только вряд ли там окажется долгожданный выход.

Ярина перевела дух. Ей вдруг отчаянно захотелось, чтобы ничего этого не было. Ни теней, ни бегства, ни сватовства этого глупого, ни красавицы Дары, которая решила втянуть ее в непонятную игру. Проснуться бы сейчас в избушке, под ворчание дедушки домового, посидеть бы над книгами.

В носу защипало.

Какая же она слабая! Откуда это? Не было в ее семье малодушных.

Жить спокойно? Чтобы маленький Орм сгинул на болотах у кикимор? Чтобы Гор продолжал смотреть на нее со злым подозрением?

Или так и остаться в Заболотье, ждать неизвестно чего, как матушка? Ведь был у них поначалу шанс поселиться в Арсее, а не горбатиться в глуши. Если те, кого так ждал отец, не пришли, пока он был жив, ясно, как день, что уж после его смерти они не объявятся.

Нет, ни на какое мнимое спокойствие она не променяет то, что нашла: доброту дедушки, веселые посиделки с русалками, насмешливое тепло Гора.

Ярина, стиснув зубы, поднялась, чтобы встать рядом, и ох-

нула.

Зал был огромен. Здесь гулял ветер, напевая тихую песню между колоннами, под потолком. Покатый, из белого камня, свод усыпали звезды, мерцающие в полумраке. Свет их таял в черном провале круглого бассейна. Светильники на высоких витых ножках давно не горели, не было мага, способного их зажечь. Колоннада утопала в тенях, неверные отблески горюч-камня могли выхватить лишь куски росписи на стенах, местами поросших светящейся плесенью.

– Это... – голос Гора сорвался. Колдун с трудом сглотнул и нерешительно, боясь потревожить сон чуждой красоты, сделал шаг вперед.

Ему даже в голову не пришло, что тут могут скрываться ловушки, похуже той, с жаровней, которую Ярина ненароком оживила.

– Подожди! – она схватила порванный рукав и уперлась пятками в пол, но Гор даже не подумал остановиться. Он ее, казалось, вообще не слышал. – Стой! А вдруг ловушка! – зашептала Ярина отчаянно.

Колдун подобрал мелкий камешек с пола и кинул в центр зала. Чиркнув по камню, он беззвучно ушел в глубину, только круги пошли.

Плеск воды о сахарно-белый бортик разрушил густую тишину, но ничего не случилось. Не было ни оглушительного эха, ни тяжких вздохов, ни жара.

– Не могу поверить.

Гор поднял горюн-камень повыше и пошатнулся. Ярина снова цапнула его за запястье, но перехватить руку не решилась: ладони у нее были липкие, грязные.

Оставшиеся позади подземелья с усыпанными золотом скелетами были несоизмеримо старше, но кого это волновало, когда стоишь там, где не ступала нога человека. Дивь надежно охраняла свои тайны. Если кто и побывал в их городах, это пленники, безвестно канувшие в Реку. И Оружейник. Как-то же он смог добыть сердце дивьего короля?

Ярине неоткуда было догадаться о том, где они сейчас, она просто знала. Видения – неясные, словно их отгораживал плотный полог, ускользали, стоило к ним потянуться, но они были.

Раньше тут мягким золотом горели светильники, а вокруг бассейна несли караул каменные статуи, сделанные из такого же белого камня. Теперь от них остались лишь мелкие кусочки, будто кто-то разбил их огромным молотом.

Этот ли зал она видела или другой, но здесь когда-то ступал дивий народ.

– Гор... – Ярина заметила то, что колдун упустил из виду, разглядывая потолок. Из зала вело два выхода, не считая недоделанного пролома, через который они упали. Один был намертво завален, две колонны, изрезанные мелким цветочным орнаментом, рухнули, погребая под собой арку. Зато в другом темнело что-то огромное, неподвижное. Или кто-то.

– Подожди.

– Гор, – она упрямо дернула его за рукав. – Там кто-то есть.

С видимым усилием колдун отвлекся от созерцания потолка и повернулся. Спина мгновенно окаменела, ладонь легла на рукоять меча.

– Оставайся здесь.

Ярина замотала головой, накрепко вцепившись в его запястье. Если идти, то вместе.

Шаг за шагом они приближались к черному провалу. Ход поднимался вверх и терялся во мраке, но сразу за аркой света хватало, чтобы озарить очертания сидящего.

Ярина зажала рот, лишь бы не закричать. Гор сам нащупал ее ладонь и стиснул, затаив дыхание.

Он сидел, привалившись к полуразрушенной колонне. Руки так и не выпустили шипастой булавы, вытянутые ноги упирались в соседнюю стену, голова свисала на грудь, лица было не разглядеть – его закрывала птичья маска с клювом.

Окаменевший. Огромный. Древний.

– Кто... это? – выдавила Ярина, прижимаясь к спине Гора.

– Сейчас посмотрим.

Он осторожно спрятал меч, подходя ближе. Идти следом было страшно, но Ярина не собиралась оставаться в полумраке одна, и так зуб на зуб не попадал.

– Статуя?

– Возможно. Но вряд ли кому-то придет в голову укладывать статую поперек коридора.

Слишком искусным было изображение, высеченное из белого мрамора. Каждая чешуйка на доспехах, каждое перышко на клювастой маске. Казалось, великана просто припорошило каменной крошкой. Любое неверное движение, и он откроет глаза, потянется, разминая застывшие за века мышцы.

Гор не собирался прикасаться, просто провел ладонью над каменным кулаком, сжимающим рукоять булавы.

– Не знаю. Не могу сказать. – Он раздраженно вздохнул и медленно отступил. Ярина чуть не споткнулась, пытаясь одновременно и не отлипнуть от него, и смотреть на исполина. – Если бы у меня была магия, я бы определил. Но, думаю, нам лучше не шуметь. Тогда он не встанет.

– Это... дивь? – Ярина не могла отвести взгляд, до того великолепным и страшным было зрелище.

«Только не оживай», – попросила она мысленно.

– Нет, – Гор приобнял ее за плечи и повел к бассейну. – Это не один из них.

– Откуда ты знаешь? Изображений диви не осталось. Я слышала.

– Так принято считать, – снисходительно пояснил колдун. – Кое-где нашлись дневники тех лет. В основном, в Вестарии. Из-за близости к Навьей Пуще там удобнее всего прятаться. Что маги и делали, когда начались гонения. Другой вопрос, сколько их выжило в тех лесах. Но есть и кое-что еще. Смотри.

Он поднял горюн-камень повыше, пламя осветило стены, и Ярина задохнулась.

Краски потускнели от времени, но это не умаляло завораживающей прелести росписи.

Подпирали небеса острые шпильи того самого замка из снов. Взмывали вверх с резных балконов крылатые тени, расправив руки-крылья. Узор менялся, закатные краски плавно перетекали и становились очертаниями исполина, напоминающего того, кто охранял подземелье: в птичьей маске, с огромной булавой. На его плече, свесив тонкие ноги, сидело существо. Оно было похоже на человека, но вместо рук – пегие крылья, а вместо лица – умильная совиная мордочка, на которой янтарем горели огромные глаза.

Существа не улыбались, но отчего-то не покидало ощущение, что они счастливы.

В забытии Ярина протянула руку, стремясь дотронуться до чуда, которое оставили им столетия. Может, если провести пальцами по крыльям, пересчитать перья, оно оживет и сойдет с фрески.

Гор не дал ей сделать глупость: перехватил ладонь и развернул к себе, поднося к глазам.

– Пойдем-ка.

– Н-но...

– Потом. Устроим привал, у тебя будет время насмотреться.

Он увлек ее к центру зала, где лениво плескались о бортик

воды бассейна. Зачерпнув воды в ладони, принялся шумно пить, но когда Ярина попыталась подобраться поближе, протестуя отмахнулся.

Утолив жажду, Гор окунул голову в воду и с наслаждением фыркнул, выныривая.

– Между прочим, вперед воспитанные мужчины пропускают даму, – буркнула Ярина обиженно.

– Если встречу такого, обязательно ему скажу. – В голосе колдуна прорезались непривычно веселые нотки. – А пока побуду невоспитанным негодяем, чтобы даме не пришлось корчиться на полу, в случае если вода ядовита.

Ярина вскочила, беспомощно сжимая кулаки, но кричать побоялась, зашипела змеей:

– Это ты так проверял?!

– А чем не способ? – На Гора нашло несвойственное ему благодущие, и он вольготно растянулся на каменных плитах. – Я хотел пить и умыться. Если бы с меня слезла кожа или начали бы разлагаться внутренности, я бы хоть жажду утолил. – Он откинул со лба мокрые волосы и приглашающе махнул рукой. – Но раз за пару минут ничего не произошло, наслаждайся. Дама.

Ну да, обращение к благородной госпоже, принятое на южном побережье Арсеи Ярине не шло, его даже знать было не положено. И что? Мало ли, откуда она его услышала! Жутко захотелось пихнуть Гора ногой, но желания до того отдавали Нежкой, что Ярина испугалась. Откуда в ней вооб-

ще эта несдержанность, распущенность?

– Скажи пожалуйста, какие ты слова знаешь, девочка из леса. На-адо же, – как бы невзначай протянул Гор, но она не стала отвечать. В сердцах дернув плечами, обошла бассейн и устроилась с другой стороны.

Хотелось скинуть с себя одежду, но купаться в незнакомом месте было боязно и неловко. Даже если языкастый колдун отвернется, все равно ведь будет знать, что она голая плещется. Поэтому Ярина стащила верхнюю тунику, заката-ла рукава рубашки и с наслаждением опустила лицо в ледяную воду.

В висках закололо, по шее побежали мурашки. Как же хо-рошо! Дно в бассейне исчезало во мраке, отчего чудилось, что его вовсе нет. Тем более, нельзя мутить воду, вдруг там живет, как говорил дедушка, «якась холера». Знакомиться с очередным обитателем подземелий Ярина не желала. От та-ких знакомств потолки падают. Живых тут быть не может, а порождения магии настроены враждебно к незванным гостям.

Окровавленную шею и ладони Ярина отмывала долго, морщась от боли: от шипов остались глубокие царапины, ес-ли не смазать, шрамы останутся. Только вот нечем.

– Иди сюда, – позвал Гор, усаживаясь и разминая шею. Хруст костей оказался неожиданно громким и сочным, Яри-ну чуть не передернуло. – Посмотрим на твои боевые раны.

Пальцы у него были холодные. Гор легонько пробежался ими по расцарапаной скуле и надавил на подбородок, застав-

для приподнять голову.

Ярина закусила щеку изнутри, чтобы не покраснеть. Она была так близко от него, а от осторожных прикосновений почему-то захолонуло в груди. Казалось бы, ну что такого? Он просто помогает. А поди, объясни это глупому сердцу, которое пустилось вскачь и не хочет успокаиваться.

– Перевязать бы, – донеслось как издали.

– Что? – Ярина рассеянно моргнула и скосила взгляд на колдуна.

– Повязку, говорю, надо на шею наложить, – терпеливо повторил он.

А глаза у него удивительно яркие. Ярче каменьев в ма-тушкином обручье.

– Да, сейчас... – Ярина суетливо дернулась назад, радуясь возможности отвлечься.

Рубашка Гора, вся в грязных разводах, для перевязки не годилась, ее была не лучше, хорошо хоть заправленный в штаны подол не успел изгваздаться. Ярина попыталась оторвать широкую полосу, но рана на ладони мешала, пальцы не слушались.

Гор не стал долго любоваться ее потугами: после первой неудачной попытки сам рванул ткань, укорачивая рубаху едва не на четверть. Если руки поднять, живот оголится.

«Срамота», – прозвучал в голове строгий голос домовика. Ярина сперва сникла, но потом решила, что дедушка порадуется, если она выживет, а не сгорит от попавшей в рану

паразы. Подумаешь, рубашка.

– Голову ровно держи, – велел Гор и принялся за дело.

Повязка давила, но зато ожерелье перестало царапать шею. После того, как Ярина выдрала из него камешек, оно словно озлобилось и все норовило уколоть побольнее.

– Теперь руку. – Гор тщательно затянул повязку вокруг ладони и поджал губы. – Хоть что-то. Но больше так не делай, барьер здесь фокусами с кровопусканием не пробить.

– Но вышло же. – Не сотвори Гор иллюзию, лежать бы им рядом с теми костями.

– Это и странно. Есть над чем подумать. Я готов поклясться, вышло потому что мы смешали кровь с янтарем, но такие свойства... Ладно. Разберемся. Устала? – Голос его неуловимо смягчился.

Ярина не хотела жаловаться, но лучше смотреть правде в глаза: сейчас она много не пройдет. После сумасшедшей гонки, при одной мысли о которой перехватывало в груди, хотелось одного – прилечь. И чтобы тепло было.

Она кивнула, виновато потупившись.

– Это ничего. – Гор неловко погладил ее по волосам, но Ярина так смутилась, что сильнее втянула голову в плечи, и прикосновение сразу исчезло.

– Здесь спокойно. Отдохнем, а потом поищем выход.

Он уселся у стены, вытянув ноги, Ярина притулилась рядом. В голове звенело от усталости, но сон не шел.

Она рассматривала роспись, пытаясь представить по вы-

цветшим картинам, каким был дивий народ на самом деле.

Один обнимает пегими крыльями кругленькую девушку со смешным белым хохолком на голове. Чуть дальше танцуют пары в летящих одеждах. Под сводом другой вручает огненный цветок великану в маске с клювом, такой же, как на статуе в коридоре. Существо почтительно склонилось, протянув ладони, в которых можно утонуть. По центру, над аркой раскинула крылья женщина, словно желая защитить ход от непрошенных гостей. Лицо ее осыпалось, сохранились одни волосы-перышки, огненно-рыжая краска выцвела за века, но все еще оставалась яркой.

Ярине стало отчаянно жаль эту ушедшую красоту. Дивь жили, любили, смеялись, радовались и печалились, а от них не осталось ничего, ни памяти, ни костей. Одни страшные сказки и Пустошь.

– Это нечестно, – пробормотала она себе под нос.

– Что? – Гор встрепенулся и тоже перевел взгляд на роспись, но Ярина не стала выдавать свои мысли. Они были глупыми. Ничего не вернешь, а жалеть о том, что нельзя исправить, бесполезно. Только сердце рвать. Так говорила матушка, но сейчас соглашаться с ней больше не хотелось.

– Отчего случилась война с дивью? – спросила она.

– А сама как думаешь?

Что за привычка отвечать вопросом на вопрос, да еще так снисходительно? Ярина вскинулась и сердито уставилась на Гора. Тот усмехнулся в ответ, но пояснил:

– Чья-то кровь – чье-то золото. И дело тут не в дивах. Некоторые войны всегда были выгодны магам. Но сейчас Круг придерживается мнения, что бойня не решает проблемы, а приумножает их. «Если мы начнем участвовать в дрязгах правителей, магия вымрет», – говорят магистры. – Если ввяжемся в кровопролитие, то растеряем те ничтожные крупички знаний, которые сохранились».

Сказано это было с такой горечью, что Ярина растерялась.

– Ты так не думаешь? – спросила она, пытаясь понять: как может Гор быть против. Война – это ужас и боль, это потухший взгляд матушки и рыдающая сестрица. Сколько таких было, кто не дождался своих мужчин с затеянной Парельем войны? Их было бы еще больше, участвуй в ней чародеи.

– Нет, – отмахнулся Гор, – я не об этом. Войны никогда ничего не решают. Но порой я думаю, что дед был прав: нельзя вечно трястись над знаниями, не пытайся их преумножить. Иначе мы рискуем исчезнуть сами, а нави и нечисти наша магия ни к чему.

– Разве в старину чародеев было больше?

– Гораздо. Ты знаешь, например, что до войны Вестарией правили маги? И бывшие вольные города Малахитовых гор тоже они основали.

– А за морем?

– На юге? Там свои беды. Но магии в мире стало не в пример меньше. Даже нави, пусть вредили, приносили ее частички с собой с той стороны. А теперь из них свободно бродит

по миру только Переpravщица. Более-менее неплохо на Ледяных Островах. Но ты же слышала нашего северного друга. Там магов видят стариками. Если у тебя нет седых волос или горба с бородавками, то ты злой колдун, который не способен держать в руках меч. Или волчья ведьма.

А ведь Ивар так ее и называл. Ох, Ивар...

– Думаешь, его околдовали? – с тревогой спросила Ярина.

– Не знаю. След терялся у Пустоши. Амулеты сработали там. И обратно он не уходил. Но тебе лучше помнить, что наш северный друг думает прежде всего о себе. Ручаться за него я бы не стал.

– Что же ты за него меня сватал? – возмутилась она.

– Тогда это казалось наилучшим выходом, но, если тебе так хочется, готов признать ошибку и принести извинения.

– Приноси. – Ярина окончательно расхрабрилась. Еще седмицу назад ей бы и в голову не пришло вести себя так вольно.

– Ну и нахальная же ты стала. – Несмотря на слова в голосе Гора не слышалось и тени насмешки, и Ярина робко улыбнулась.

А раньше бы промолчала, глотая обиду. Она не была нахальной. Просто не могла. Нахальной была Нежка. Красивой, яркой, живой. Не лезла за словом в карман, не боялась осуждения, бесстрашно спорила и творила, что в голову взбредет. Никогда она не станет похожей на сестру. С этим Ярина давно смирилась, но сейчас вдруг подумала – не так

уж это и плохо.

Гор улыбнулся в ответ. Не своим мыслям, а именно ей. Без насмешки, тепло и мягко, лицо у него разгладилось, больше не казалось страшным, даже шрам не портил.

Долго смотреть ему в глаза Ярина не могла, поэтому устроилась головой на костлявом плече, лишь потом позволила себе покраснеть, когда Гор привлек ее ближе, заключая в объятия.

– А если Ивар вернулся с подмогой, как грозился, пока нас нет? – с тревогой спросила она. Как ни крути, а сможет ли дедушка отстоять избушку, если ее снова попытаются подпалить?

– Твой вредный домовик все равно не отдаст младенца, – напомнил Гор. – Я бы беспокоился не за дом, а за ту подмогу. Черепа очень агрессивны настроены. А с северянином ничего не случится, пока тому, с кем он связался, нужен ребенок.

– Думаешь, он сам?!

– Я допускаю все. Мы его не знаем. До сына Дары он добратся не смог, возможно, решил пожертвовать своим.

– Нет! – Ярина дернулась, собираясь отстраниться, но Гор не дал, прижав ее крепче. – Он не мог, он не стал бы...

– Ты его не знаешь. Кем он был у себя на родине? Почему воин не из последних, с серебряными привесками на поясе, вдруг заделался купцом, хотя островитяне торгашей и за людей не считают, скорее, за мелкую нечисть? Где он был, когда его жену чарами выманили из дома? Возможно, он со-

общник тех, кто обосновался у Пустоши.

– Нет! – Она отчаянно замотала головой. – Я не верю.

Чтобы Ивар сам решил избавиться от семьи? Гор не видел, как он баюкал тело погибшей жены, как держал на руках маленького Орма. Разве подделаешь такое горе?

– Не кипятись, я не утверждал, что так и было. Я сказал, что твой северянин не так прост, как кажется. Вероятнее всего его околдовали, но нельзя исключать и такой вариант. В любом случае убийце нужны дети.

– Они их?..

– Приносят в жертву. Точно не могу сказать, останков не нашел. Уверен, де... местный волхв тоже проследил связь и что-то увидел, потому его и убрали.

– Дедушка говорил, здесь еще и чародеи пропадали, – вспомнила Ярина, поежившись.

Гор кивнул, невозмутимо укутывая ее посильнее.

– За ближайшие полтора года – я знаю о троих погибших. Точнее, четверых, если считать твою предшественницу, но ее тела я так и не нашел. Слишком много для совпадений. Нет, здесь всегда пропадали идиоты, которые думали, что они самые умные и лезли на Пустошь, мечтая, что она даст могущество. Но такого никогда не было.

Ярина сразу вспомнила о маге, который приглянулся Ивушке, о пропавшем ухажере Рябинки, и поспешила поделиться. Гор выслушал ее с хмурой решимостью.

– Все равно это ничего не даст, – вздохнул он. – Я знаю,

что маги здесь исчезают с завидной регулярностью. Знаю, что рядом с Пустошью кто-то есть, что они совершают какие-то ритуалы, судя по ранам на телах, но лежбище найти не могу, сколько ни искал. Тот, кто прячется, делает это слишком умело. Зато теперь, когда отыщу северянина, смогу выйти на убийцу. Так или иначе.

– И что будет?

– Посмотрим, – мрачно ответил Гор и тут же спохватился. – Это не должно тебя тревожить. Не твое это дело. Давай-ка спать.

– Но...

– Когда проснемся, нужно будет выбираться отсюда. Побереги силы.

Нажима в словах колдуна не заметил бы и глухой. Ярина хотела поспорить, что раз так вышло, то молчать нечестно, ведь она тоже увязла в паутине сплетенных нитей, которую развесила по лесу чужая враждебная рука, но... они оба устали. А спор будет долгим. Потому оставалось лишь разочарованно вздохнуть и прикрыть глаза.

Воцарившуюся в зале тишину прерывал мягкий шелест воды о бортик бассейна.

– Когда мы выберемся и все закончится, поедешь со мной? – внезапно спросил Гор.

– Что? – сперва Ярина решила, будто ослышалась. Потом, что он шутит. Не мог же вот так просто...

– В Арсею, в Реним. Поедешь? – повторил колдун. – Я

постараюсь закончить все дела побыстрее, ты будешь в безопасности. Тебя это не затронет.

– И что... я там буду делать?

Гор удивленно хмыкнул:

– Ты меня спрашиваешь? Что бы ты хотела?

Ярина растерялась. Кто и когда спрашивал, чего хочет она сама? Да и какой прок думать об этом? Нужно разыскать Нежку, потом отправиться за матушкой. В Арсею.

– Я бы поехала, – неуверенно протянула она, комкая подранный рукав туники. – Но мне все равно нужно в Ольховник.

Стоило договорить, как уютное тепло, окутывающее их, словно пошло трещинами. Лица Гора она не видела, но он застыл, напоминая черную тучу, готовую вот-вот разразиться молниями.

– Ольховник... да, как это я забыл, – хмыкнул колдун. Нехорошо так, ядовито. Ярина даже голову подняла.

Он смотрел в одну точку невидящим взглядом и был похож на себя прежнего, каким она увидела его в первый раз, на поляне: злым, холодным.

Словно она виновата.

– Я... – до смерти хотелось убедить, оправдаться, объяснить про Нежку, про помощь, но как наяву послышался голос матушки.

«Никто и никогда не должен узнать, с кем уехала Нежана и где она теперь. Никто. Слышишь, дочка? Обещай мне».

– Я не могу сказать, – выдавила Ярина, жмурясь от горькой обиды. – Но это очень важно. Мне нужно в Ольховник, а потом...

Когда она решилась приоткрыть глаза, злости на лице Гор уже не было. Смотрел он на нее с усталым сожалением.

– Нужно так нужно, – вздохнул он, вновь делая объятия крепче, и Ярина послушалась этой молчаливой просьбы, устраивая голову у него на плече. – Не силой же тебя волочь. Неизвестно, как оно все повернется, может, ехать и не понадобится. Но учти, я от своих слов не отказываюсь. Все. Спи. Иначе мы тут надолго завязнем.

Легко сказать, спи. Мысли, что тараканы, расползались в разные стороны. Ярине хотелось спросить, потребовать, встрясти правду. Зачем Гор позвал с собой? Неужели ему нравится возиться с ней? И почему?..

Столько вопросов! Хорошо, что усталость взяла верх, но сон тоже не принес отдыха.

Он был безотрадным. Грозным.

Пламя.

Пылает в ладонях, пляшет в ясных глазах ее спутника, жжжет сердце ненавистью. Хочется кричать, звать, требовать, но никто не ответит на зов, нет здесь живых.

Только твари. Что с кровью янтарной, что с огнем горнил в жилах – все они зло.

Хуже навиги.

Спутник ее устал. Тяжесть лежит на его плечах, бороздит тоской и решимостью родное лицо.

Ее вина, ее боль.

Ради нее он пошел на верную смерть.

Упросила помочь. Вымолила. Не поверила, что они мертвы.

Эхо грохочет в пустых переходах. Плывут в глазах высокие своды. От слез? Нет, морок!

Из темноты молнией падают крылатые твари. Текут с ладоней потоки белого пламени, а меч ее спутника со свистом отсекает пернатые головы.

Горит огнем янтарь, брызжет на мраморные плиты, пачкает одежду, но лютая злоба в груди не желает стихать.

Ах, как же она их всех ненавидит!

Поворот, шаг, еще поворот.

Ноги заплетаются от смертельной гонки, но спутник поддерживает, тянет вперед. Быстрее, пока не подросли каменные стражи, против которых сила не поможет.

Кто-то тихо стонет в темноте. Совсем близко.

В горле кипит крик, она бросается вперед, но руки ее спутника оковами стискивают поперек груди.

Слова – отрывистые, резкие, эхо уносит их, остается шум в ушах, она может лишь смотреть, как двигаются покрытые коркой губы.

Наконец он выпускает ее и идет первым, перехватив меч поудобнее.

Узилище огромно, в нем нет стражи. Никого нет, кроме недвижимых тел. В углах клубится мрак. Отблески факелов пляшут по стенам, и лица пленников кажутся посмертными масками. Они все похожи: рослые, русоволосые, зеленые глаза широко распахнуты, подернуты колдовской поволокой.

Пламя срывается с пальцев, тяжелая решетка плавится под его натиском.

Она падает на колени рядом с самым младшим. Мальчишка совсем. В животе его зияет глубокая рана, а грудь едва вздымается.

Как же так? Зачем пошел? Почему дома не остался?

Губы шепчут заклинание, но слов не разобрать, их пожирает жадное эхо.

Серебряная пелена расползается под ладонями, накрывает неподвижных пленников. Они оживают: кто-то захлебывается кашлем, кто-то с трудом шевелится, но она замечает это лишь краем глаза. Все внимание устремлено на мальчика, что лежит головой у нее на коленях.

Он стонет, зеленые глаза заволакивает смертная мука. Она пытается спасти, стянуть рану, но знает – брат уже шагнул на Мост, и Переправищица спешит взять его за руку.

Грохот горного камнепада все ближе, громче. Спутник ее перехватывает меч и заслоняет их, будто бы король диви

испугается и отступит.

Перья его белые как кипень, они ложатся венцом вокруг головы. Взгляд темен и мертв, не горит большие янтарем. Кольчуга из плоти подгорных тварей, не выкован меч, что проломит ее. Он бьет копьем об пол, огонь змеится по полу, отсекает ее спутника, оставляет один на один.

Поединок.

Хлещет меч, свистит копьё. Какой глупец посмел сравнить битву с песней? Нет, это плач на тризне, и звук его страшен.

Король диви победит.

Тот, кто окружил проклятый замок нерушимой стеной.

Кто сжигал ее города.

Кто пленил и мучил ее братьев.

А теперь убьет того, кто ей дороже жизни.

Не бывает честных поединков с тем, кто заведомо сильнее. Сможет ли она ради ложной чести остаться в стороне? Ждать, пока ее спутник, обливаясь кровью, падет, и король диви примется за братьев?

Пальцы сами ложатся на кинжал. Круг надежно защищает поединщиков, никто не пройдет черту огня, разве что, ценой своей жизни.

А своей ли?

Скольких тварей она убила сегодня? На руках их кровь смешивается с кровью брата. Он уже во власти Темной Дороги, но сила еще не ушла, она тянет ее: жадно, быстро.

Успеть бы.

Нити сплетаются в узор, ни одна кружевница не повторит, но силы не хватает, и она добавляет свою, черная горстями, выжимая себя досуха.

Что ей сила?

С последним вздохом брата она выпускает сплетенное заклятие: черной болотной водой хлещет оно. Разрывается круг поединка, падает на спину король диви, сбитый смрадным потоком.

Меч ее спутника безжалостен, но не успевает лишь на миг. Этой ничтожной капли хватает, чтобы с бескровных губ клетком сорвалось одно слово.

«Предатель».

Смертное проклятие расходится кругами, отражается от сводов, а голова короля диви катится по полу.

Хлещет янтарная кровь. Столько силы, а не напиться. Она пуста.

Разве важно это? Спутник ее жив! Одно желание бьется в груди сейчас – подойти, обнять. Но тот, кто раньше был жарче пламени, остается холоден. Он отстраняет ее и опускается на колени перед распростертым телом.

Взмах меча, и пылает в его руке янтарное сердце. Такое яркое, что глазам больно.

«Я сделал это для тебя. Ты довольна?» – спрашивает ее муж. И голос у него мертвый.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сон исчез резко, будто сдернули с нее тяжелое душное одеяло. Ярина вскинулась, поднесла руки к глазам. Обычные, с обломанными ногтями, все в царапинах, они ничем не походили на ухоженные пальцы из видения, но горячая липкость дивьей крови с ладоней не исчезла.

Охранители, ее будто в грязи изваляли!

Словно сама нарушила ход поединка, предала и убила.

Рядом заспанно вздохнул Гор, сжимая объятия крепче, но Ярина вырвалась и бросилась к бассейну, со всего маха окуная голову в ледяную воду. Холод ломанулся в виски и утащил остатки кошмара за собой. Жаль, руки чище не стали.

Ярина, закусив губу, растирала ладони. Повязка тут же размокла, растревоженные раны засадили, но она терла и терла, пока ее не оттащили от воды.

– Ярина! – Гор с неподдельной тревогой заглянул в глаза, а она, не в силах выдержать этот взгляд, зажмурилась. – Да что с тобой! Ну?!

Он встряхнул ее: раз, другой. Горячие губы коснулись лба, и Ярину внезапно отпустило.

Тошнота и стыд схлынули, остался лишь жар, совсем с кошмаром не связанный.

– Пусти... – смущенно дернулась она, но Гор отстраниться не дал.

– Нет уж, ну-ка, посмотри на меня!

Открыть глаза, когда он так близко? Да она потом со стыда сгорит!

Желая убедиться в своей правоте, Ярина приоткрыла один глаз и покосилась на Гора. Тот смотрел на нее, не скрывая беспокойства.

– Кошмар приснился. – Она виновато вздохнула, все-таки выпутываясь из объятий.

Колдун устало растер лицо.

– Я решил, что ты умом повредила из-за этой удавки на шее. Что бы я с тобой, безумной, делал?

– Прости...

Он не ответил: откинулся на спину и прикрыл глаза.

– Гор? – Засыпать снова Ярина боялась. Вдруг еще какая жуть наснит. И молчать не хотелось: тишина давила, пробуждала только что убаюканную память.

– Что?

– А ты знаешь сказание про Оружейника и Деву?

– Ее все знают. Жил-был талантливый мастер, влюбился в красавицу, совершил ради нее подвиг, а красавица возьми и убей его. История не нова. Мораль тоже.

– Ты думаешь, это вымысел?

– Да нет. Личности такого масштаба всегда оставляют след в истории. Так что Оружейник существовал наверняка. А вот красавица с мечом – вряд ли. Скорее всего, он погиб в битве с дивью, как и сотни магов. Герои побеждают чудовищ

в честном бою один на один только в сказках. Просто нужен был символ.

Гор прикрыл глаза рукой, и сердце сжалось: не дала ему отдохнуть своими криками.

– Почему ты об этом вспомнила? – спросил он устало. – Диви давно нет, если и придется драться, то не с ними.

– Мне тут приснилось... – Ярина принялась торопливо объяснять, путаясь и запинаясь.

Она не удивилась бы, прерви ее Гор снисходительной насмешкой. Мало ли, поблазнилось от страха и усталости. Она сама посмеялась бы, не будь видение столь ярким.

Но он этого не сделал.

– И давно это с тобой? – Не поймешь, то ли поверил, то ли нет, но спрашивал спокойно.

– Как ожерелье надела. Мне во сне Пустошь виделась и дворец над ней. Но первый раз так ярко.

Гор сел. Лицо его осунулось, а чернота вокруг глаз проступила ярче, но во взгляде больше не было ни капли усталости.

– Попробуй снять эту дрянь еще раз, – велел он.

Ярина сама была бы рада избавиться от ожерелья, но стоило только руки поднять, веточки тут же ощетинились, чувствуя угрозу.

– Не выходит.

– Дай я.

Ярина старалась сидеть спокойно, даже когда от нечаян-

ного прикосновения к шее по коже побежали мурашки, а щеки обожгло.

Стыдно-то как! Заметит ведь. И не скроешься никуда.

Гор ее румянец проигнорировал. То ли пожалел, то ли просто не заметил. Он зашипел и сунул распоротый ожерельем палец в бассейн, смывая кровь.

– Попробуем позже. Если тебе что-то привидится, лучше расскажи сразу. Какие еще тайны ты хранишь, девочка из леса?

Ирония в его голосе вернула Ярину на землю. Она и правда не все рассказала. И если о ее делах в Ольховнике Гору знать не нужно, то о находках в избушке молчать больше нельзя.

– Я видела янтарный меч, – слабо улыбнулась она.

Гор застыл, даже дышать перестал, замерев с поднесенной к горлу ладонью.

– Еще... мой дом, вернее, дом бабушки... кикиморы и Дара звали его домом Предателя, а во сне так назвал того воина король дивы.

Как ей раньше в голову не пришло, что это может быть дом самого Оружейника. Разве таким должно быть жилище великого мастера? Хотя... восемь столетий прошло, мало ли, как тогда жили чародеи.

– И там в подвале скелет, а еще мы нашли дневники...

– Стой.

Ладони Гора тяжело опустились ей на плечи. Ярина по-

слушно застыла, а колдун прикрыл глаза, с трудом перевел дыхание и кивнул самому себе.

– Не части. По порядку. Ты видела меч. Где?

Он был удивительно спокоен, только глаза горели. Видно, зацепили все же ее откровения.

– В книге, которую я нашла в подвале дома. Там были картинки разных сокровищ и среди них, почти в конце, рисунок меча. Совсем как в сказаниях: янтарное лезвие и сердце в навершии.

Гор фыркнул и зашелся смехом, сгибаясь пополам и придерживая ладонью ребра.

– Я говорю правду! – немедленно обиделась Ярина. Как знала, что не поверит. Не нужно было говорить.

– Да я не над тобой смеюсь, глупая, – Гор по-мальчишески улыбнулся и снова фыркнул. – Подумать только. Распрекрасная госпожа Илея сидела в глуши десять лет, так и не смогла разгадать ни единой тайны дома, иначе давно бы мир содрогнулся, и тут появляешься ты. Луны не прошло, а посмотри на себя.

Он снова рассмеялся, и Ярина неуверенно улыбнулась в ответ.

– Я случайно, – пробормотала она.

– А я о чем?

Гор убрал упавшие на лоб волосы и подбодрил, предлагая говорить дальше:

– Что ты еще нашла?

– Дневник. Там была картинка с ожерельем, но ни слова не разобрать, шифром написано. В подвале все стены в каких-то потеках, и скелет лежит на столе, в него меч воткнул.

Гор снова мотнул головой, улыбаясь.

– Что ж, удивила. Меч ты проверяла?

– Нет. – Ярина растерялась. А ведь правда. Она-то не подумала, что меч мог оказаться тем самым. Она и в подвал больше не спускалась, постаравшись забыть про скелет. Хорошо, что не удалось. – Но вроде не похож.

– Ты его трогала?

Она покачала головой.

– Разберемся. Дело поправимое, вдруг на нем морок. Теперь бы выбраться, и меня из избы ни твой вредный дед, ни черепа выставить не смогут.

Будто она против была!

– А черепа могут быть отсюда? Из тех залов.

– Не думаю. – Гор одернул разорванные рукава и с трудом поднялся. – Я не знаток, но форма у них разная. Это тебе к лекарям надо. Тем, которые мертвецов изучают.

Ярину передернуло. Ужас какой! И такое, оказывается, бывает.

– Спасибо, я тебе верю.

– Всегда бы так! – Гор весело хмыкнул и добавил серьезнее: – Ладно. Отдохнула? Пойдем, поищем выход. Надо выбираться. Выше голову, скоро будем наверху.

Он подал ей руку, помогая подняться, Ярина с готовно-

стью ухватилась за нее. Голова гудела, но это полбеды. Больше всего хотелось есть. Сколько они блуждают по подземным переходам? Сколько проспали? Поди угадай, когда над тобой только тысячетлетние своды. Гор прав, нужно выбираться, до того, как голод собьет с ног.

Тем же путем вернуться не выйдет, даже разбери они завал, по ту сторону поджидает незримое существо, с которым лучше не встречаться. Проход через арку если раньше и был, то теперь намертво запечатан. Просто гладкий камень, будто из куска скалы.

Единственный вариант – пройти мимо каменного стража.
– Держись рядом. – Гор вытащил меч и пошел вперед.

Между исполинскими сапогами и соседней стеной оставался узенький ход, в который они протиснулись с трудом, но перелезть через ноги воина-чуди, если это он, было неразумно. Кто знает, какие чары стерегут его сон.

Стены рассекали трещины, раньше они хранили изображения, то время их не пощадило.

– Здесь был бой, – сказал Гор.

– Откуда ты знаешь?

– Смотри.

Впереди темнел завал. Огромные валуны почти разрушили свод, кое-где он обвалился, а на полу до сих пор оставались черные кляксы, словно мрамор плавился. Чуть поодаль, заваленный камнями, лежал скелет. Остатки истлевшей одежды свисали на пожелтевших от времени костях. Че-

реп зиял пустой глазницей.

Ярина охнула и мгновенно спряталась за спину Гора, который непроизвольно сделал шаг назад, но сразу очнулся.

– Чего испугалась? Он тут восемьсот лет пролежал, уже не встанет.

– Это человек?

– Похож.

Гор присел на корточки.

– Пленник, – сообщил он. – Смотри, босой и ткань... как будто в одних подштанниках бежал.

Ярина приблизиться не решилась. Взгляд, брошенный в темноту, заставил сердце пуститься вскачь и сразу рухнуть.

Стоило Гору посмотреть в ту же сторону, он спал с лица.

Дальше хода не было – путь преграждала та же гладкая стена.

Они испробовали все. Ярина прощупывала и простукивала стены, где дотягивалась, Гор облазил то, что повыше. Он безуспешно разбирал завалы, ободрал руки, пытаясь открыть запечатанные ходы, но тут даже с колдовством одному не управиться.

Без толку. Выхода не было.

Они не могли уйти тем путем, которым пришли, а дивьи переходы оказались закрыты намертво.

Теперь Гор лежал на спине, хмуро уставившись на распис-

ной свод, словно хотел взглядом раздвинуть каменные плиты. Ярина пристроилась возле него, не справляясь с накатившим безразличием.

– Будь у меня силы, я бы мог пробить новый ход, – наконец отозвался он. На здоровой щеке спеклась кровь пополам с грязью, которую Гор растер по лицу, когда в очередной раз сверзился с колонны. Ярине очень хотелось стереть их, но даже думать о таком было неприлично, поэтому она старательно отводила взгляд. Смущаться сил не хватало.

– Ты же не сможешь колдовать из-за раны, – напомнила она.

– Я мог бы попробовать. Хотя бы понять, как запечатаны двери, чтобы обойти защиту.

– Но чары здесь не работают.

– Верно.

Тишина была тягостной. Спасти от теней, из жаровни, найти место, куда не ступала нога человека и оказаться запертым в нем.

«Не хочу как тот скелет», – подумала Ярина, жмурясь от отчаяния.

Она нащупала теплую ладонь и стиснула, не зная, чего желает больше: унять страшные мысли или показать Гору, что рядом. Ведь плохо не ей одной.

Пальцы его дернулись и сжались в ответ. Смешно, но от этого стало немного легче.

– Почему тогда ты смог вызвать тот всполох-иллюзию? –

Ярина мало смыслила в чарах, но ведь получилось у них отвлечь стража древней гробницы.

– Предлагаешь выдернуть из твоего ожерелья еще янтаря и попытаться счастья? – безучастно спросил он.

– Нужно же попробовать.

– Мне не нравится эта идея.

Гор сбросил оцепенение и сел, подбрасывая мелкий камешек на ладони.

– Допустим, у нас хватит сил, чтобы снять печать с арки. С этой или той, дальней, разницы никакой. Нет гарантий, что за ними остались ходы. И даже если остались... там вполне может оказаться новая арка. А за ней – еще одна.

– И что делать?

Ярина очень старалась, чтобы голос не дрожал, но наверное, не вышло, потому что Гор глянул на нее внимательней.

– Думать. Пока мне в голову приходит только один вариант, но тебе он не понравится.

– Какой?

Колдун приподнял брови, как будто она спрашивала очевидные вещи, и до Ярины внезапно дошло. Жертва! Он ведь говорил об этом: чтобы пробить барьер, нужно забрать чью-то жизнь. То же сделала женщина из кошмара. А когда они оказались в ловушке, Гор уже пытался умереть, чтобы дать ей шанс.

– Нет! – яростно замотала головой она. – Ни за что!

– Я же говорил, тебе не понравится, – он только плечами

пожал, словно не понимал, что о смерти не рассуждают так запросто.

Ярина хотелось прокричать ему это в лицо.

– Ты не будешь приносить себя в жертву, – задыхаясь, сказала она.

Гор в ответ усмехнулся: слабо и грустно.

– У меня и не выйдет. Тут нужна чужая жизнь. Лучше добровольно отданная, конечно, но как повезет. А тебя я к убийству не допущу.

– Я бы ни за что! – Ярину трясло от страха и... злости. Такой яркой, что ее невозможно было сдержать. Еще немного, и она бросилась бы на Гора с кулаками, но он мягко привлек ее к себе.

– Перестань. Это лишь один из вариантов. Весьма недалёковидный, как потолок пробить. Нас тут же засыплет. Так и с жертвоприношением: ты не умеешь управляться с силой. Не бойся. Мы придумаем что-нибудь получше.

– Не надо меня успокаивать! – Голос срывался, но теперь бросаться на этого ненормального дурака было не с руки, и Ярина просто уткнулась носом ему в плечо. – Я не маленькая.

– Да уж.

Гор тяжело вздохнул и откинулся на бортик бассейна, поглаживая ее по спине. Странное дело, Ярина нисколько не смутилась. Она даже привыкла к этим легким прикосновениям. Неуютно будет без них потом, когда они выберутся.

– Можно использовать янтарь, чтобы обнаружить тайный лаз, – предложил Гор чуть позже, – на это хватит пару капель крови. А там посмотрим.

Он отстранился, и Ярина подавила порыв обхватить себя руками – до того холодно вдруг стало.

Гор вытащил из потрепанных ножен кинжал. Какой-то он был... неправильный. Не его. Слишком вычурный, рукоять с лалом щедро усыпана серебряной зернью. И на лезвии резьба просто так, для красоты.

– Красивый? – заметив ее внимание, спросил колдун.

Ярина покачала головой.

– Что, не нравится?

– А тебе? – Она видела комнатку, в которой жил Гор, видела его одежду, меч. Все простое, добротное. И пусть ткани дорогие, но не было в них вычурности. А такое оружие не в простых ножнах носят и берут с собой богатством похвалиться.

– Я его украл, – буднично сообщил Гор, подбрасывая кинжал на ладони, но, прежде чем Ярина ужаснулась, добавил: – Когда сбегал из дома. Из оружейной. Чтобы желания вернуться не возникало.

– Зачем?!

– Тебе же кинжал не понравился.

– Да, он красивый, но... бесполезный.

– Вот и мне не хотелось стать таким же, как эта штука. –

Гор удивленно хмыкнул и закончил: – Что-то я от голода бол-

тать много стал. Первый признак, что задерживаться здесь не стоит. Давай-ка я... – Он посмотрел на ожерелье и качнул головой: – Нет, лучше сама. Видел, как оно защищается. Не хочу, чтобы нож соскочил. Я подержу, а ты режь.

Обмотав руки, Гор ухватился за веточки и тут же зашипел. Пусть чары здесь не работали, но ожерелье слегка нагрелось, и Ярина поспешно отсекла еще один плоский камешек, дернувшись, когда шипы в отместку больно впились в шею, даже тряпица не помогла.

– Ну и дрянь! – Гор сжал янтарь окровавленными ладонями. – До кости пропорол!

Как в ловушке пробудилась сила, помнилось смутно. Тогда словно всадили длинную иглу под ребра и сразу выдернули, лишив вместе с ней чего-то важного.

Она помнила, как жгло и ломило в груди, как переполняли ужас и отчаяние, пылало на шее ожерелье. А сейчас было... пусто. Судя по напряженному лицу Гора, у него тоже ничего не выходило. Магия не отзывалась, хотя янтарь он полил кровью щедро. Но, если подумать, сейчас это была только его кровь.

Ярина дотронулась до уже набрякшей тряпицы на шее и накрыла ладонь Гора своей, изо всех сил желая, чтобы сработало.

И чудо случилось. Сквозь пальцы пробился медовый лучик, слабый, призрачный, он мигнул, ярче, ярче, и тут захрипел Гор. Ярина дернулась, но отстраниться ей не дали,

стиснув руку до хруста.

Солнечные отблески плясали по залу, янтарь становился горячим и жег, а когда боль стала нестерпимой, колдун отпихнул ее от себя и кинул камешек в воздух.

На миг вспышка ослепила, раздался тихий всплеск и... ничего.

Когда Ярина проморгалась, перед глазами стоял все тот же полумрак, а Гор лежал на полу, скрючившись и надрывно кашляя.

– Гор!

Ярина кинулась к нему, но он отстранил ее и с хрипом перегнулся через бортик бассейна, окуная голову в воду. Плечи его сотрясались, а рубашка на спине вновь промокла от крови.

– Ты...

– Тихо, – выдавил он, кашляя и отплевываясь. – Я сейчас.

Оставалось ждать, а жуткие хрипы все не стихали. Гор с трудом оперся об пол и зарычал, вымещая разочарование.

– Ах ты...

Не вышло! Столько усилий впустую.

По губам его текла кровь, а он даже не замечал. Нет, так нельзя. Он себя уморит! Ярина наклонилась, собираясь намочить ткань, и застыла, обнаружив, что из воды вместо отражения ей машет заплаканная Ивушка.

– Лешачка! – Ее голос звенел среди мертвой тишины. Не морок ли?

– Гор, – пролепетала Ярина. – Иди сюда!

Колдун тяжело рухнул рядом, тут же закашлявшись от изумления. Ивушка нахмурилась, но долго ее замешательство не продлилось.

– Ищем тебя везде! – привычно затараторила она. – Хорошо, всплеск услышала. Такой далекий, что едва дотянулась.

– Мы тут заперты. Как ты нас?..

Ивушка потеряла распухший нос. Волосы ее были обрезаны: коротко, едва уши прикрывали. И неровно, будто кто-то второпях кромсал.

– Что случилось? – резко прервал Гор.

Русалочка сердито глянула на него, но ответила:

– Рябинка пропала. А батюшка, вас спасая, слег. Тяжело против чужой силы идти, реку направлять. Он думал, ты вернулась, хотел о помощи просить, а бабушка домовый возьми и скажи, что тебя третью ночь нет. Места себе не находит. Твари овражные словно взбесились, рыщут по лесу, мы еле ушли.

– Рябинка? – тихо переспросил Гор.

– Это их старшая, – пояснила Ярина.

– Когда?

– Той же ночью, когда вас водой унесло. Хорошо, Дара способ знала, как найти. Сказала – вы под землей могли спрятаться. Вот мы искали, искали. Воды оглядывали. Они ведь связаны с Хохлаткой. Если бы не всплеск, нипочем бы не нашли. Как хорошо! Сейчас сестриц позову, батюшка-то

без памяти.

– Стой, – выдохнул Гор, а когда Ивушка нахмурилась, добавил: – Дара пусть тоже придет.

Ярина не хотела видеть берегиню. Та заманила ее к Пустоши. Зачем-то Даре это нужно было. Но раз она знает о подземных переходах, может, и способ их покинуть ей известен.

– Ты им веришь? – спросил Гор, стоило Ивушке исчезнуть.

– Они мне помогали.

– Этого недостаточно.

– А ты? Веришь Даре?

– Я никому не верю. Тем более нечисти. Но перед Дарой я в долгу за Смилу. И сейчас у нас нет выхода. Если они вытащат нас отсюда, я им первый спасибо скажу.

Сперва вернулась Ивушка, потом, одна за другой, появились ее сестры, бледные, остриженные. Последней в воде отразилась Дара. Лицо ее в полумраке казалось еще страшнее.

– Я так и думала, – улыбнулась она, глядя только на Гору. Будто Ярины вовсе не существовало.

Из чистой воды вдруг пахнуло затхлым болотом.

– Ты знала о древних ходах, – нетерпеливо произнес он.

– Знала. И о ходах, и о том, что они запечатаны. И что чары там не действуют.

Голос у Дары был безжизненный, лицо плыло, только улыбка не менялась, словно пришили ее. А Гору хоть бы хны. Слеп, что ли?

– Ты знаешь, как нам выбраться?

– Разумеется. И не только знаю, даже помогу. – Дара склонила голову набок. Левый глаз пополз к уху, а правый налез на нос. Ярину замутило. Она едва вслушивалась в разговор, сражаясь с отвращением. Неправильно это было. И Дара была неправильная. Ожерелье снова потеплело, хотя веточки лежали смирно, не пытались ранить.

– Что нужно делать?

– Ничего. Держитесь и не дышите. – Дара показала толстенную обрезанную косу. Светлые прядки переплетались с зеленоватыми. Так вот куда пропали космы русалок. Отдали они силы, в волосах заключенные, чтобы им помочь. А сама берегиня даже волоска пожалела.

– Куда нас вынесет? – Гор выпрашивал все дотошно, не собираясь сдаваться на волю случая.

– Туда, откуда вы сможете выбраться и найти нашу сестру, – сурово ответила Березка. – Это условие нашей помощи. Рябинка жива. Не будь так, мы бы почуяли. Разыщите ее!

Ярина вцепилась в локоть Гора, но тот и не думал возражать.

– Справедливо, – кивнул он.

– Моей магии хватит, чтобы водой протащить вас сквозь трещины в верхние галереи. – Дара изъяснялась непонятно. С каждым ее словом шум в ушах становился громче, превращался в гул, будто растревоженный пчелиный рой рыскал поблизости.

Да что ж такое? Не сомлеть бы.

– ...понял меня? Из древних гробниц выход не один.

– Давай уже, а? – огрызнулся Гор и спрыгнул в бассейн, утягивая Ярину за собой. – Постой. Вот. – Он снял ножны с кинжалом и прикрепил ей на пояс. – На всякий случай.

– Но...

– Не волнуйся, просто держись, – шепнул Гор. – Я тебя не выпущу.

Она послушно обвила его шею руками, пряча лицо на груди.

– Поток вынесет. – Смешок Дары утонул в утробном рокоте.

Вода вскипела. Резко дернуло за ноги, словно кнутом хлестнуло. Ярина едва успела глотнуть воздуха, как водоворот утянул их в черные глубины, дернул в одну сторону, в другую, швырнул в стену.

Дай Охранители сил выдержать! Не вдохнуть воду.

Свет ударил по глазам. Вода стала прозрачной и ледяной. Затопленный зал освещали десятки светильников, белым огнем они пылали в руках крылатых фигур. За столетия вода источила золотистый мрамор, но статуи дивы были прекрасны. Чужие. Далекие.

Ярина смотрела во все глаза, пока поток не унес их с Гором в непроглядную темноту.

Переходы все уже, течение быстрее. Их молотило о стены, выбивая остатки сил. В груди жгло нестерпимо, глаза закры-

вались. Гор стискивал ее крепче.

Воздуха бы. Хоть капельку.

Нет края воде, только чернота кругом.

Ярина трепыхнулась, силясь вдохнуть, и тут же Гор прижался к ее губам, делясь воздухом.

А если самому не останется?!

В испуге она хватанула ртом воду. Горло обожгло, перед глазами растеклась смертная белизна.

Не успели!

Поток завертел их, вышвыривая наверх, плеснул льдом напоследок...

Ярина пришла в себя, захлебываясь кашлем. Рядом хрипел Гор. Живой!

Руки не слушались, она посиневшими пальцами вцепилась в шершавые камни, подтягиваясь ближе. А когда удалось – уткнулась ему в плечо и разревелась от облегчения.

Они выбрались! Она думала – все, плавать им утопленниками среди статуй.

– Перестань! – пробулькал Гор, все еще пытаясь отдышаться.

Пальцы его скребли по камням, он попробовал сесть, но Ярина прижалась крепче, всхлипывая.

– Чего ты, глупая? Живы же.

В том-то и дело.

– Ярина!

Мягкий упрек в голосе заставил ее оторваться от Гора и

сесть, отчаянно растирая мокрое лицо.

– Успокоилась?

Она кивнула.

– Тогда надо забраться повыше.

Это куда? Ярина огляделась, шмыгая носом: пещера была похожа на ту, где они очнулись в первый раз. Бледно-голубой свет знакомых ниточек-паутинок отражался в воде, стены поблескивали зеленоватыми прожилками. Поодаль от каменной плиты, куда их выбросило, зиял очередной лаз, уходящий наверх.

– Пить хочешь?

Ярина взглянула на растревоженное озеро. Нет, ей и смотреть-то на воду тошно.

– Нельзя засиживаться. Встать сможешь?

Сможет или нет, а нужно. Ярина поднялась на колени, поправляя трясущимися руками налипшую на тело накидку. Как же холодно! Хотелось лечь, закрыть глаза и просто дышать. Или, еще лучше, прижаться к Гору и слушать, как бьется его сердце. Опять чуть не убили, ее спасая.

– Чувствуешь? – Гор вздохнул полной грудью. На лице его расцвела шальная улыбка. – Ветер.

И правда. В пещере сквозило, отголосок ветра нес запах лесной прели и молодой зелени.

Ярина сама не заметила, как оказалась на ногах. Откуда только силы взялись.

– Свободны, – она рассмеялась, повернувшись к Гору. –

Мы свободны!

– Это вряд ли.

Они стояли в проходе.

Ивар и незнакомый мужчина в темном плаще.

Самострел в его руках был направлен ей в грудь.

Гор немедленно запихнул Ярину за спину, ладонь легла на рукоять меча, но Ивар зарычал. Низко, по-звериному. В полумраке сверкнула волчья желтизна глаз.

– Я бы не советовал, – слова незнакомец растягивал непривычно-певучим голосом.

– А что бы ты советовал? – процедил Гор.

– Тебе, боюсь, ничего. Я не уполномочен заключать сделки. Поверь, мне безгранично жаль. Иди сюда, девочка.

Говорил он мягко, а взгляд полнился искренней печалью. Ярина бы поверила, если бы не самострел и странно сгорбленный Ивар, скалящий зубы. Хотя какое там, настоящие клыки!

– Гор, – выдохнула она.

– Вижу. – Он дрожал как натянутая нить. Тронь – обрвется.

– У тебя есть выбор, девочка, – продолжил чужак. Белая прядь упала на лицо, и он мотнул головой, рисуясь. Не тот ли, что глянулся Ивушке?

Что делать? Магии-то нет, Ивар даже дернуться не даст, вот-вот набросится.

– Или ты сейчас идешь сюда, и твой друг умирает очень

быстро, болт в сердце – неплохая смерть. Или наш доблестный воин будет рвать его на части долго и со вкусом. А потом ты все равно пойдешь со мной. Выбор невелик, но другого предложить не могу.

Кровь в жилах застыла. Ярина задохнулась, прижимаясь щекой к спине Гора, а тот дернулся, словно хотел столкнуть ее в воду, но в последний миг раздумал.

– К чему это? – спросил он хрипло.

– В любой ситуации должен быть выбор, даже в такой при-
скорбной. – Стоило Ярине выглянуть, колдун ласково улыбнулся ей, будто она приходилась она любимой сестрой.

– Дай нам хоть попрощаться.

– Нет. Придумывать планы спасения не стоит. Я искренне сожалею, что придется убить ученика досточтимого Нерима, но выхода нет. На моем месте ты сделал бы то же самое.

Гор зло скрипнул зубами и выдохнул, накрывая ее липкие от крови ладони своими:

– Послушай. Иди к нему...

Ярина всхлипнула, и он дернулся, как плетью стегнули.

– Медленно. Постарайся хотя бы на один вздох встать перед ним. Все будет хорошо. Ничего не говори.

Она и не могла, только рот разевала, как птенец, а слезы текли по щекам.

– Я приду за тобой, обещаю.

Он сжал ее ладони и потянул, заставляя выйти из-за спины.

– Не плачь, девочка, – чужак печально качнул головой. – Великие свершения требуют жертв. Иди сюда.

Ярина сделала шаг, еще один. Ноги подгибались. Она старалась не смотреть ни на Ивара, ни на мучителя этого проклятого, просто брела вперед, хватая ртом воздух.

Нужно, чтобы самострел был направлен на нее. Тогда у Гора будет шанс.

– Отойди немного, девочка, – попросил колдун. – Она упрямо сжала кулаки в ответ. – Ну что за ребячество. Бежать некуда. – Он отмахнулся от заворчавшего Ивара.

Когда оставалось пройти два шага, Ярина зажмурилась и рухнула вперед, раскинув руки.

За спиной заорал что-то непонятное Гор, отпрянул колдун, выставив руки перед собой. Когтистая лапа Ивара рассекла ей бок, уши заложило от рева. Он смешался с грохотом и всплеском.

Когда она извернулась в медвежьей хватке, Гора уже не было, только вода расходилась кругами, да сыпались с потолка камни.

– Ты!..

Видно, колдун вспомнил, что чары здесь не работают. Но стоило ему вскинуть самострел, целясь в озеро, Ярина из всех невеликих сил врезала ему кулаком в бок.

Самострел дернулся вверх и щелкнул. Болт врезался в свод, брызнула каменная пыль. Потолок оглушительно треснул.

Пещера содрогнулась. Острые глыбы одна за другой посыпались в воду, как зубы сонного чудовища, сомкнувшего челюсти.

– Гор! – завизжала Ярина, барахтаясь в хватке Ивара.

Колдун выстрелил снова, плюнул и бросился наверх. Ивар поволок ее следом, стискивая лапицей горло.

Прежде чем ее утащили в темноту, Ярина с ужасом увидела, как рухнул свод, навсегда погребая под собой озеро. И Гора.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В камере было сухо и тепло. Колдун небрежно накинул ей на плечи одеяло, Ивар принес еды. Показная, лживая забота!

Ярина не шелохнулась, даже когда ногу змеей обвила цепь, когда похоронно заскрипела, захлопнувшись, решетка.

Ее не тревожили оковы. Горячая похлебка так и осталась нетронутой, она и не взглянула в сторону подноса.

Заплакать бы, но слез не было. Только гулкая пустота в груди и холод. Сердце словно покрылось ледяной коркой, вдохнуть и то приходилось себя заставлять. Дай волю, она бы стала каменной глыбой, тогда тюремщики бы попрыгали, пытаясь получить хоть что-нибудь от статуи. Но это было бы нечестно по отношению к Гору.

Гор...

Ярина зажмурилась, судорожно хватанув ртом воздух.

Обещал вернуться!

Обещал.

– Ешь. Нужно, – раздалось рядом хриплое. Сквозь прутья решетки на нее смотрел Ивар. Он был совсем не похож на себя прежнего: кудлатый, с дикими желтыми глазами, говорил с трудом. Ничего от сурового воина не осталось. Зверь зверем.

– Зачем? Вы все равно меня убьете! – Ярине хотелось кричать, биться, вытрясти из него правду, но с губ срывался

один шепот. – Чем мы тебе не угодили? Ладно я, но Орм!

– Волчонка своего он как раз пожалел. А до других ему дела нет.

Из каморки напротив смотрела Рябинка. Волосы отрезаны, даже вокруг шеи не выются. Бледные губы почернели, как у настоящей утопленницы, клыки торчат. Того и гляди, бросится на обидчика.

Если бы не вывернутые за спиной, связанные руки в янтарных наручах.

– Что молчишь? – зашипела она, когда Ивар неуклюже развернулся.

– Ложь, – проскрежетал он.

– Да неужто? Ты сам с ним пришел, я видела, он тебя не неволил. Это потом околдовал твою суть волчью, чтоб слушался!

Ивар молча сгорбился и побрел прочь, как пьяный или слепой, натываясь на стены.

– Рябинка! – Ярина скинула оцепенение, подалась к решетке, стиснув пальцами прутья. Цепь тяжело натянулась, дернув назад, пришлось чуть ли не на животе распластаться. – Тебя твои ищут.

– Да наверно я и сама знаю, – оскалилась русалка в ответ и тут же зло вздохнула. – Прости, лешачка. Тяжело мне.

Янтарь в наручах был мутным, неживым, но все равно причинял ей боль.

– Как же так? – прошептала Ярина. – Чары ведь тут не

действуют.

– Ты у твари этой белой спроси. – Рябинка тяжело уперлась лбом в решетку, кусая губы. – Жжет как, сил моих нет! Ловко, правда? Иначе бы я до него добралась! Или до себя.

Ловко? Для нечисти янтарь хуже пут заговоренных, хуже пытки. Какими цепями удержишь русалку? обернется водой, лови ее потом. Если путами спеленать, найдет, чем жизни себя лишить, утечет и в родной речке возродится. Не все так умеют, не у всех сил хватит, но сестер наверняка водяной учил. А янтарь не дает.

– Может, можно как-нибудь?..

– Нет. Пыталась я. Зато все колдунство его хваленое здесь ни на что не годно. Потому волк зубы и скалит. Тогда, у Пустоши, он послушней утопленника был. На него я отвлеклась, потому потому и не успела уйти, а этот навий белобрысый меня спеленал. Ненавижу чародеев. Всех их ненавижу, – задыхаясь, зашептала Рябинка. – Но если бы этот ворон резаный из деревни их поймал, все бы кончилось. Послушала Дару. Поверила, что мы смогли бы жить спокойно. Забыть. Я смогла бы забыть.

Ярина вспомнила рассказ Ивушки: сестра, мол, влюблена была в заезжего колдуна, потому и нет ей покоя, как пропал он. То ли сгинул, то ли сбежал.

– Твоего любимого правда убили? – осторожно спросила она.

Рябинка зажмурилась в ответ.

– Я даже тела не нашла. Один перстень окровавленный. Маменькин был, я сама ему на палец надела. С тех пор ни о чем думать не могу. Он узнал что-то, точно узнал. И я рассказала, что видела ведьму лесную с паскудой этим. Вместе. Зря сказала. Зря. Он бы живой был.

Она глухо завывала. У Ярины сердце рвалось от жалости, но даже дотянуться до Рябинки, чтобы утешить, она не могла. А слова в горле застревали.

Говорила русалка, как в бреду. Выходит, видела она белоголового с кем? С Илеей? Значит, и хозяйка дедушкина была в сговоре с детоубийцей? А возлюбленный Рябинки их искал, как и Гор?

Гор...

Ярина закусила щеку. Не будет она плакать. Нельзя сейчас.

– Колдун из деревни логово их не мог найти. От нас он помощи не принял бы, а вот Дару мог бы выслушать. Помочь хотела, дура. Проследила за волком этим, как они встретились... у самой Пустоши курган старый разрыт. Так спрятан, если не знать – пройдешь мимо, не заметишь. – Рябинка захлебывалась словами, почерневшие глаза наполнились болью. – Жаль, уйти не успела. А то бы...

– Постой, – попросила Ярина. Фразы были путанными, смысл смазывался. – Ты Ивара все волком зовешь. Почему?

– Да потому что волк он, искалеченный.

– Она права. – Ивар стоял неподалеку от решетки. Подо-

шел он неслышно, и Ярина тревожно дернулась от его рыка. — Я волк. Жаль, ты не варгамор. Лгунья.

В обмане ее не обвиняли ни разу. Да Ярина и не врала вовсе, не могла даже в мыслях, не то, что на словах.

— Когда это я тебе лгала? — растерялась она. — Не было такого. Ты меня не первый раз «варгамор» зовешь, а я столько же твердила, что не ведьма.

— В лесу живешь. Волки тебя слушают.

Ивар уже говорил это и сейчас повторял, точно заговоренный.

— У нас ведьмы не повелевают волками.

Рядом сипло рассмеялась Рябинка:

— Ему тебя обвинять сподручнее. Он, небось, надеялся, что возьмет тебя в жены, а ты с него проклятие снимешь. Что, волчок, обидел ведьму какую? От того волк твой и скован. От того нет тебе домой хода. Права я?

— Она сама была виновата.

— Как всегда у вас, у мужиков. Но ведьмам это не объяснишь, да? Зачаровала тебя накрепко, только другая такая же распутать сможет. Вот ты в лещачку и вцепился, потому как та добрая да глупая. Кто другой сразу бы понял, что на тебе. Веревки из твоего зверя вить стал.

Ивар молчал, скалился и с Ярины глаз не сводил. А та не знала, что и думать.

Про то, что на Ледяных островах живут оборотни, волки да медведи, ходили сказки. Что служат они у местных кня-

зей в дружине, и нет воинов сильнее. Говорили, приходят оборотни в соседнюю Вестарию, и не считают их там за чудовищ. Узнай она, что у Ивара личина волчья есть, испугалась бы? Вряд ли. Кому, как не ей, знать – не в обличье дело. Самые страшные чудища среди людей ходят.

«А ведь сестра Милавы знала, – вдруг вспомнила Ярина. – Оттого и назвала маленького Орма волчонком. И не хотела за Ивара замуж идти».

– Почему не сказал? – спросила она. – Думал, я тебе помогать откажусь?

Из коридора раздался тихий смех, на плечо Ивара легла холеная ладонь.

– Какая умная девочка, – пропел колдун. Он был молодой, чуть старше Гора. До того светлый, будто все краски выгорели на солнце.

Рябинка дернулась и зашипела:

– Ты-ы...

– Уймись, нечисть, – болотные глаза оставались ледяными, – я ведь могу тебя наверх выволочь. Хуже будет.

– Не напугаешь!

– Иди. – Колдун похлопал Ивара по плечу. – Я разберусь. Нечего тебе тут делать.

Тот нехотя подчинился, на ходу оглядываясь на Ярину. Взгляд у него был непонятный: будто вопрошающий. Или, может, это отблески факелов сыграли дурную шутку.

– Меня зовут Вальд, – колдун опустился на корточки пе-

ред решеткой, и Ярина подалась назад, не желая быть так близко. Сейчас она понимала Рябинку: стоило увидеть мягкую улыбку на губах, до жути хотелось стереть ее. Пусть из-за решетки не выбраться, руки она просунуть между прутьями сможет. Как вцепится в патлы эти белые! Но разве это вернет Гора? Надо быть умнее. Хоть раз в жизни.

– Мягко стелешь. – В Рябинкином смехе звенели искры безумия. Страшно было, вдруг она не выдержит?

– Ты замолчишь наконец?

– Не губи меня, добрый человек, – русалка открыто скалилась. – Я тебе еще пригожусь. Кого ты пытаться перед лешачкой будешь? Чтобы убедить сделать, как тебе надо, а? Деревенских наберешь?

– Если понадобится, – колдун снова повернулся к Ярине и покаянно развел руками. – Поверь, девочка, мне бы этого очень не хотелось.

– Ты убил Гора! – сорвалась она. Как молчать о таком? Она не могла думать ни о чем больше. Гор так радовался свободе. Звал ее с собой.

– И я очень сожалею об этом. Жизнь каждого мага бесценна. А все ученики магистра Нерима талантливейшие маги. Но сейчас на карту поставлено слишком многое. Приходится жертвовать ради будущего.

– И скольких детей ты лишил будущего?

– Забрав два десятка жизней, я спасаю сотни и тысячи. Но, надеюсь, этого больше не придется делать, если ты со-

гласишься.

О, он мастерски уходил от неудобных вопросов.

– Я не стану помогать убийце! – недавно ее пугали речи Рябинки, а сейчас Ярина сама шептала так же лихорадочно, стискивая кулаки.

– Мне жаль это слышать. Придется прибегнуть к крайним мерам. – Колдун продолжал смотреть на нее с неизменно приветливой улыбкой, от которой хотелось выть от бессилия.

– Мучить будешь?

– Тебя? Помилуй, я не издеваюсь над женщинами.

– А Рябинка? – вскинулась Ярина.

– Она не человек, – неожиданно жестко ответил он. – И я повторяю свое предложение: помоги мне. Твоя жизнь, отданная добровольно. И не нужны будут больше жертвы. Если бы мог, я нашел бы замену, но тебя принял артефакт, что у тебя на шее. Полагаю, снять его не получится.

– А если не стану помогать?

– Мне будет очень жаль, но придется найти способ... убеждения.

Ярина закрыла лицо руками, даже не пытаясь казаться сильной.

Сможет она жить, начни он пытаться Рябинку, убивать жителей Пожарищ? Пусть они ей только что вслед не плевали. Да и жизнь ли это – на цепи в темнице? Лучше смерть, Переправщица, говорят, справедлива.

– Мне... надо подумать, – выдавила она.

– Думай, – милостиво разрешил белоголовый. – Время еще есть, я жду кое-кого, всегда стоит подстраховаться.

– Зачем все это?! Столько смертей! Ради чего? – взмолилась Ярина. От таких речей веяло безумием, но колдун безумцем не выглядел. Расчетливым, лживым – да.

– Судьбы мира решаются сейчас. – Улыбка у него была одухотворенной, мечтательной и пугала страшнее любого оскала. – Мы почти нашли способ использовать потенциал Пустоши. В этот раз обряд удастся, обязательно. Магическое искусство вернется в мир, и это будут не жалкие крохи! А возрождение древнего величия.

Все-таки сумасшедший! Один из тех, кто хочет больше силы, а прикрывается красивыми речами, как говорил Гор. Он бы наверняка нашел нужные слова в ответ, смог бы поспорить. Что могла она? Ярина вжалась спиной в стену.

Заметив это, колдун поумерил пыл и улыбнулся с нескрываемым сожалением:

– Жаль, ты не способна понять.

– Зачем к тебе пришел Ивар?

– Ах, это. Он хотел, чтобы я снял его проклятие.

– А ты можешь?

– Помилуй. Пусть моя мать и была колдуньей с Ледяных островов, эта область магии меня никогда не интересовала. Но кто я такой, чтобы мешать человеку заблуждаться.

Так он тоже северянин. Но откуда эта странная певучая

речь?

– Тогда отпусти Ивара, – потребовала Ярина, собрав в кулак остатки решимости. – Если я соглашусь, они с Ормом тебе уже не нужны будут. Отпусти их.

– Позже. Он мне еще понадобится. В грубой силе есть польза. Там, где нет магии, особенно.

Рядом страшно расхохоталась Рябинка:

– Отпустит он, как же. Ручной волк на цепи нужнее. А потом волк станет мертвым. Но никак не свободным.

– Нет, ты сама не заткнешься. – Колдун зашипел и поднялся, но Ярина не дала ему отойти, вцепилась в плащ.

– Не трогай! – закричала она, откуда только голос прорезался. – Рябинку ты тоже отпустишь! Иначе я... я...

– Иначе что? – Злость его прорывалась сквозь вежливую маску. Он выдернул плащ, и Ярина приложилась лицом о холодные прутья. – Не тебе здесь командовать.

Страшно, как же страшно! Внутри все рвалось, но Ярина не могла просто так сдаться. Она снова ухватила подол плаща, дергая изо всех сил. Лишь бы не тронул Рябинку.

– Ты же не хотел прибегать к крайним мерам, если я соглашусь добром! Оставь ее! Не мучай!

– Послушай, – колдун быстро успокоился и со вздохом опустил обратно, взяв ее руки в свои, лихорадочно горячие. Ярина была в таком ужасе, что не смогла их выдернуть: эта лживая забота была стократ хуже злобных окриков. – Не надо бояться. Мне правда жаль, что обстоятельства так сло-

жились. Я не испытываю никакого удовольствия от убийств. Мне жаль тех, кому пришлось умереть, но выхода нет. Круг не видит, что толкает магов к пропасти. Все эти ограничения убивают остатки знаний. Еще немного, и маги будут выступать на площадях, показывая фокусы, на большее они уже не сгодятся. Если ничего не сделать сейчас, потом жертвы будут неисчислимыми.

– Легко жертвовать другими, – выдавила Ярина, стараясь вырваться, но он держал крепко.

– Нет, девочка. Гораздо легче жертвовать собой. А я беру ответственность за то, что совершаю.

– Другие чародеи, которых ты убил... Они были с тобой не согласны. Ты поэтому их убил?

А муж Дары и вовсе оказался случайной жертвой.

– Думаешь, я сумасшедший убийца? – Удивление в голосе колдуна было непритворным. – Большинство погибших – мои друзья. Мы работали вместе, пытались возродить магию. Такой источник, как Пустошь, может подарить достаточно энергии, если подобрать ключ. Поначалу использовали свои силы, но ничего не выходило. Мы убивали, когда не было другого выхода. Когда из-за вмешательства все могло пойти прахом.

Накатившая усталость была такой сильной, что Ярина прекратила вырваться и просто прижалась лбом к решетке. Как спорить с чудовищем, свято убежденным в своей правоте? Как доказать, что нельзя губить людей, потому что хо-

чешь осчастливить остальных? Каждый из погибших детей мог стать кем-то. Любил бы, и его любили в ответ. Вдруг кто-то из них тоже оказался бы магом. А другие? Рябинка жила бы счастливо со своим чародеем. Смил ни за что не дал бы Дару с сыном в обиду. Гор помирился бы с дедом и не стал стогнать нечисть с насиженного места. И домовик не тосковал бы в одиночестве.

– Нельзя лишать людей выбора, – Ярина попыталась найти хоть какие-то слова.

Беловолосый в ответ погладил ее по голове. Жест был болезненно-знакомый, только когда к ней так прикасался Гор, хотелось улыбнуться, сейчас же скользким комом подкатила тошнота. Ярина не вытерпела и шарахнулась, едва сдерживая слезы.

Колдун глянул на нее с неподдельным сожалением. Или у него так хорошо выходит притворяться?

– Мне очень жаль, девочка, – сказал он и поднялся.

– Отпусти Ивара и Рябинку, – попросила она, едва сдерживая рыдания.

– Когда все закончится. А ты поешь и отдохни. Если хочешь чего-то, просто скажи.

«Я хочу, чтобы Гор был жив!» – подумала Ярина, глядя ему вслед и крепко зажимая рот ладонью, лишь бы не завывать.

– Он лжет, – прохрипела Рябинка. – Мы видели, можем рассказать. Он не отпустит ни его, ни меня.

Ярина подтянула колени к груди, ткнулась в них носом и

позорно разрыдалась.

Ни на что она не годна! Детоубийца уйдет безнаказанным, кто знает, сколько горя он еще принесет. Нечисти никто не поможет. Дедушка так и будет ждать вместе с маленьким Ормом, пока русалки не скажут, что они с Гором сгнули в древних гробницах. А мама...

Мысль, что о семье она подумала в последнюю очередь, захлестнула удавкой.

Матушка не дожидается помощи из Ольховника, потому что некому рассказать Нежке о случившемся. Как долго она будет с тревогой смотреть на дорогу, прежде чем поймет, что ее непутевая дочь не выполнила просьбу? Единственную важную, которую ей поручили! Паршивая из нее вышла дочь. И сестра паршивая. Еще хуже, чем лешачка.

– Не плачь. – Рябинка загремела цепями, когда рыдания стали горше. – Эй, слышишь? Ему только в радость будет, если ты сломаешься. Придумаем что-нибудь.

Что она может? Даже с ожерельем толку от нее никакого. Разве что... Мысль была внезапной, слезы мигом просохли.

– Рябинка, – сорванным голосом позвала Ярина, вновь подавшись вперед. Миска с похлебкой едва не опрокинулась, – ты про тени, которые по ночам рыщут, что-нибудь знаешь?

– Мало. Они по осени появились, как Смил погиб, а над Дарой чуть расправу не учинили. Мы не сразу поняли, что за напасть. Не до того было. Отец слышал от своего деда, мол, после войны, когда деревья еще молодыми были, они по ле-

су рыскали, потом ушли. Уснули, наверное. Дальше камней чародейских они не заходят, появляются ночью, выползают из оврага. Что в нем, не знаю, но нехорошо там. Страшно. Местные давно по ночам не шастают, а нам эта напасть вреда причинить не может. Дара вот их боится. Но это ее надо спрашивать.

Все это Ярина и так знала. Знать бы, почему в ту ночь, стоило ей обратиться к ожерелью, тени бросились на них с Гором и гнали через весь лес. Выйдет ли позвать их, когда колдун поведет ее на закляние? Если умирать, то она и его с собой прихватит.

– А ты их видела? Тени эти. – Сама Ярина, сколько не пыталась вспомнить, ничего, кроме неясных силуэтов и бесконечного ужаса, раздиравшего на части, на ум не шло.

– Нет. Потому и не могу сказать, что за пакость ночами по лесу летает. Хотя у меня, может, сил не хватит, чтобы их суть понять.

– Но про Ивара же ты знала, кто он. Странно как. Если ты его суть волчью видишь, почему дедушка тогда не разглядел? И никто больше... – Ярина осеклась. Старый бункушник знал. И даже говорил что-то про волчью силу тогда, на поляне. Она решила еще, что это иносказание.

– Домовой и не мог разглядеть. – Рябинка тихо зашипела от боли, дернув скованными руками. – Этому учиться надо. Мне отец кое-что рассказывал. Зимой Дара взялась. Сестры спали, а я не могла. Сердце болело, муторно... И не денешь-

ся ведь никуда. Вот и вышло, что времени у нас было много. Я ей с ребенком помогала, а она меня учила, как видеть, что скрыто.

Конечно. Куда ж без Дары.

– Зря ты так, – верно угадала ее настроение Рябинка. – Она раньше хорошая была. Добрая, тихая. Это смерть Смила ее подкосила. Иногда ей в глаза заглянешь, а там кроме пустоты ничего нет. Любила она его очень. Даже сына так не любит.

– Ты давно ее знаешь?

Ярина, как ни пыталась, не могла представить берегиню кроткой. Да на нее взглянешь – сердце заходится. Неужели смерть любимого так изменить может?

– А ведь я не помню. – Бескровные губы Рябинки удивленно приоткрылись. – Она всегда здесь жила. Мне маленькой венки плела, песни пела и далеко от реки не отходила.

– Думаешь, она сможет тебя найти? – Если Дара столько знает, что подсказала русалкам искать их с Гором в подземельях, вдруг она поможет? Хотя, что нечисть против колдуна?

– Пока на мне это, – Рябинка тряхнула скованными руками, – нет. Умереть бы. Тогда я бы водой через трещины просочилась. У тебя никакой шпильки нет?

Ярина горько покачала головой. Кинжал Гора у нее забрали сразу. При мысли, что дорогая ему вещь останется в руках колдуна, горло снова сдавило, но она приказала себе не плакать. Хватит. На Темной Дороге нарвется. Когда уже ниче-

го нельзя будет сделать.

Ярина дернула цепь на ноге: звенья лязгнули, вделанное в стену кольцо закрипело. Хорошо крепится, но если как следует расшатать, можно выдернуть.

Она потянула раз, другой, стараясь расковырять стык между камнями.

– Не успеешь. – Из-за решетки на нее скалился Ивар. Горели колдовской желтизной глаза, а клыки будто стали длиннее.

– Тебе-то что? Боишься, хозяин заругает? – Ярина не могла на него смотреть. И не хотела. О себе Ивар думал, когда к убийце на поклон шел, а о сыне забыл. Бедный Орм, сиротой остался! Может, дедушка придумает что. Или родичам его отдаст, старостихина жена обрадуется внуку. Хоть и противная тетка, а дочь любила.

– Зачем пришел? – насупилась она, шмыгнув носом.

– Обещание с тебя взять, маленькая варгамор.

– Не обещай ему ничего! – взвыла Рябинка, как будто Ярина собиралась.

– Мертвым нет дела до клятв.

Ивар прикрыл глаза и вдруг заговорил быстро, с порыванием:

– Обещай позаботиться об Орме. Обещай. В Ольховнике есть дом купца-оружейника с Ледяных островов. Зовут Харальд, он увечный, хромает на левую ногу. Отвези Орма туда. Скажи, это сын Ивара Хельмудсона. Пусть вспомнит свой

долг. Обещай. И я дам тебе шанс.

Он достал из-за пазухи кинжал Гора и развернулся к Рябинке:

– Быстрее.

– Обещаю, – шепнула Ярина, задыхаясь. – Если жива ост...

– И я обещаю, – торопливо встряла Рябинка. – Что бы ни было, сына твоего в Ольховник доставят. Режь!

Она запрокинула голову, жмурясь.

– Рябинка! – Ярина до хруста стиснула пальцы. Не все же о себе думать. – Если... Упроси дедушку отправить весточку в Ольховник, моей сестре. Он знает. Пожалуйста.

– Ты только продержись, лешачка, – шепнула русалка. А потом лезвие вошло ей под подбородок. Хруст смешался с яростным воплем колдуна, но было поздно: Рябинка водой стекла на пол, оставив вместо себя драную рубаху да янтарные браслеты.

– Ты! – Белоголовый взревел, но Ивар прыжком развернулся, бросившись на него. Опрокинул, метя кинжалом в горло... Еще немного! – Стоять!

Ярина хотела крикнуть, но не могла издать ни звука. Ивар не успел чуть-чуть, лезвие едва оцарапало бледное горло, и только. Он замер, рыча и вздрагивая, но двинуться не мог.

– Назад. Пш-шел! – колдун пнул его, сбрасывая с себя, повторил. – Назад!

Ярина чуть не плакала от жалости, глядя, как Ивар от-

ползает. Он пытался сопротивляться чужой воле, сковавшей волчью суть, но она была сильнее даже здесь, где магии быть не могло.

– Борись, – хрипло взмолилась Ярина. – Ты можешь! Пожалуйста.

Если бы у них было время!

– Бешеных псов убивают. – Их мучитель холодно улыбнулся и каркнул что-то непонятное.

Ивар уронил нож и завыл, катаясь по полу. Его собственные когти раздирали горло, а он все хрипел и бился.

– Не надо! – Ярина не могла смотреть. Закричав, она протянула руки сквозь решетку, пытаясь сделать хоть что-то.

Надрывные, страшные звуки не стихали. Ивар не сдавался, но чары были сильнее.

– Хватит, хватит!

Судорожно дернувшись в последний раз, он затих, скрючившись на боку.

– Огонечек, – сорвалось с губ вместе с кровавой пеной.

– Ивар!

Если бы она дотянулась, если бы!

Колдун рывком открыл решетку и наотмашь ударил Ярину по лицу.

Она задохнулась, рухнув, стукнулась виском о ледяные каменные плиты. В глазах потемнело, но мучитель немедля вздернул ее за волосы, а когда она вновь упала на колени, резко сорвал цепь с ноги. Боль была такой, словно кожу до

кости сняли. Ярина захрипела, забилась пойманной птицей.

– Вставай! – холодно велел он. – Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Поучить бы тебя, но времени нет. Живо!

Вальд дернул ее за косу и потащил, не дожидаясь, пока встанет. Обдирая руки о камни, Ярина пыталась приподняться, ослепшая от боли и слез. Пальцы сомкнулись на чем-то холодном, лезвие кольнуло ладонь, она ухватилась за него, трясущимися руками пряча последний подарок Гора в разорванный рукав.

А колдун, не заметив, безжалостно волок ее наверх.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Наверху царила дивья ночь. Дождь лил ледяным потоком, размывая непрогретую землю. Тучи клубились низко: казалось, вот-вот рухнут и раздавят. Ярина поскальзывалась, то и дело падая, но колдун был неумолим.

– Дернешься или что-нибудь выкинешь – я вырежу окрестные деревни, а реку отравлю, – пригрозил он. – Быстрее шагай!

Ноги не слушались. Перед глазами стояло искаженное мучкой лицо Ивара. Ведь он пытался защитить ее. Или не ее, Орма, пусть так. Он хотел помочь, а теперь лежал там, внизу.

Болезненный тычок в спину вновь отправил Ярину в грязь, но и дал возможность оглядеться краем глаза. Они вышли из-под земли у самой кромки леса. Дальше были только мертвые заросли. И Пустошь, которая лениво переливалась в ответ на грозные раскаты. Не было ей дела до творящегося рядом ужаса.

– Да живее ты!

Пинок отправил Ярину на искореженный проклятьем куст. Прикрыв лицо, она с воплем рухнула. Жесткие шипы разрезали и без того изуродованные руки.

– Вперед!

– Чтоб тебя навьи взяли, – беззвучно выдохнула она, едва сдерживая поднимавшуюся в сердце ненависть. Та пришла

на смену ужасу: чужая, непонятная, будто отголосок чего-то большего. Ожерелье тускло засветилось, откликаясь, и Ярина испуганно прикрыла его рукой, умоляя подождать. Если колдун заметит, пощады не жди.

Они продирались сквозь заросли к самому краю Пустоши. Правду сказала Рябинка: если не знать, где вход в курган – нипочем не найдешь. Ярина снова оглянулась и немедленно получила оплеуху. Невидимая петля захлестнула горло и поволокла по земле, не давая дернутьяся.

Она не справится одна! Даже если приведет Рябинка подмогу, что русалки сделают? Защищуют его насмерть?

Пустошь пылала, цвела невиданным цветом. Капли дождя разбивались о янтарь, отражая темно-медовые всполохи. Даже задыхаясь, Ярина не могла взгляд оторвать, до того манящим было зрелище.

Ожерелье вновь потеплело, чуя родство. Перед глазами поплыло.

Колючки исчезли, остался один пепел, укрывающий землю. И Пустошь, по которой шла нескончаемая рябь, как от брошенного в воду камня.

Она стояла на коленях, окровавленными пальцами перебирая мелкие осколки янтаря. Ломкие и острые – они безжалостно резали кожу.

Вокруг кружили тени. Она знала, силы на исходе, долго щипт не удержат, тот еле мерцал, выдавая ее усталость.

– Это не я! – вырвался то ли крик, то ли рыдание. – Я

не виновата! Я не хотела!

Тени не слушали. Одна бросилась вперед, щит отшивырнул ее, но остальные подбирались ближе. Они знали – скоро отомстят.

– Я не могла помочь!

Пальцы быстро сплетали увядшие веточки воедино, засохшие ягоды рябины оживали, наливались соком. Вливался в узор окровавленный янтарь, который тускло светил, подмаргивая. Его хозяин порадовался бы, знай, как она закончит свой путь.

– Почему вы не спите! Вы должны!

Она кричала и плакала, слезы падали на ожерелье, заставляли янтарь разгораться ярче.

– Живо!

Видение рассыпалось в вихре боли. Ярина закашлялась, заскребла пальцами по горлу, пытаясь отдышаться, когда петля исчезла. Ее трясло от холода, от чужой боли пополам со своей. Но не было рядом Гора, который обнял бы и сказал, что все будет хорошо. Никого не было.

Она одна. И умрет здесь, если сейчас же не придумает что-нибудь! Колдун бормотал себе под нос, направив руки на землю: из мертвого пепла прорастал валун, становясь больше и больше. В гладкой срезанной верхушке отражалось грозовое небо, по бокам горели черным пламенем горюч-камни в обрамлении янтаря.

– Целое состояние ушло, – с гордостью пояснил колдун,

словно сам эти кристаллы добывал. – Годы подготовки. Во время мы нашли курган с мертвецами древних. Драгоценности пошли на доброе дело.

– Убийство не может быть добрым делом. – Ярина шарахнулась в сторону, живо представив, как здесь гибли дети, а их кровь лилась на Пустошь. То-то валун встал ровно на краю выжженной земли.

– Спорный вопрос. Палачи с тобой не согласятся, – отмахнулся он и приказал, вновь леденя: – Лезь.

Сизую поверхность камня бороздили красноватые прожилки. Ярина обхватила себя руками, пытаясь придумать хоть что-то.

Ожерелье по-прежнему было теплым, не жгло, не светило. Тени не приходили, сколько она ни звала, сколько ни пыталась зачерпнуть силы.

Рядом завыли волки, откликаясь на ее мольбу. Они слышали, но на помощь не спешили, не желая выходить из леса. Пустошь пугала живых.

С ладоней колдуна сорвались багровые искры, обратившиеся призрачными воронами. Сытые, и такие знакомые – это они не спускали с нее глаз раньше. А Ярина-то их морочком считала. Птицы беззвучно бросились на волков, сквозь бурю раздались вой и рычание.

– В игры со мной решила играть?!

Потоком силы ее швырнуло на камень, вышибив дух.

– Мы договорились, – Вальд улыбнулся, а Ярину передер-

нуло от отвращения. В черных отблесках пламени он был похож на навья из страшных сказок. – Ты добровольно ложишься на алтарь, отдаешь силу. И больше никто не пострадает.

– Ч-что надо делать? – Зубы клацали от холода, но страх ушел, сменившись отстраненной решимостью. Не ее. Чужой. Ее бы опять затянуло в омут памяти, но колдун начал говорить, одновременно укладывая ее спиной на валун.

– Ничего страшного. Вот так. Нужно лечь, прижать ладони к камню. Совсем немного крови... – Тонкий кинжал рассек запястья, она прокусила губу, чтобы не вскрикнуть. – Теперь лежи спокойно. И спасибо, девочка.

Он низко склонился над ней, сорванное дыхание обожгло лицо, и Ярина отвернулась, уставившись на Пустошь и смаргивая злые слезы. Мокрые губы на миг прижались к виску, вызвав волну омерзения, но тут же исчезли.

Колдун отстранился, простер над ней руки. Речь его, каркающая, барабанной дрожью раздавалась в ушах, лилась к Пустоши. Камень под спиной начал нагреваться, а ожерелье вдруг зло обожгло шею, ошетилившись так, что Ярина закричала.

Ладони пристыли к жертвеннику, она рванулась, но ничего не вышло. Чары, какими бы они ни были, стиснули мертвой хваткой.

– Поздно. Думай о том, что скоро все закончится! – Улыбка на лице Вальда была безумной. Теплые отблески Пусто-

ши изуродовали ее, превратив в оскал, а глаза – в черные провалы.

В теле будто натянули струны, и кто-то невидимый дергал за них, рождая мелкую дрожь.

Больно!

Она бы вытерпела, не взбесись ожерелье. Оно пылало, каленным железом жгло сквозь разодранный ворот, ветки сжимались вокруг горла, собираясь задушить.

Ярина не выдержала и завывла. В груди свило гнездо отчаяние. Боль мешалась с чужой болью. Ужас – с чужим ужасом. Безнадежно, безнадежно все.

Нужно сделать только шаг – Пустошь примет, даже если проклятие не снять, тени большие не потревожат.

Видения утягивали за собой, но если она сейчас провалится, то уже не вернется.

Ярина стукнулась затылком о плиту, задыхаясь. Дождь стекал по лицу. Почему капли такие горячие? И почему так ярко светит Пустошь?

– Сдайся! – потребовал ее мучитель. – Сопrotивляясь, ты мучаешь себя. Отдай силу. Она не твоя.

– Перебьешься, – раздалось хриплое. Совсем рядом.

Свистнул меч, с воем отлетел назад колдун. Ярина заби-лась, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь бесконечную пелену воды, но морок не желал выпускать из своих объятий.

Голос принадлежал Гору. Но его здесь быть не могло. Правда же?

Она словно очнулась от тяжелого сна. Рядом раздался грохот, что-то хлопнуло, заскрипело.

Гор вынырнул из темноты, склонился над ней. Пальцы быстро прошлись по разодранной щеке.

– Жива? – сипло спросил он.

Ярина кивнула и бессовестно шмыгнула носом. На слезы сил не осталось, ее раздирала дурная радость. Гор жив. Значит, все будет хорошо.

– Встать сможешь?

Горло перехватило, потому она снова кивнула. Он хмыкнул в ответ, уголок губ дернулся, но отвлекаться было нельзя.

Вспыхнуло.

Ярина даже не смогла крикнуть, а Гор уже развернулся и принял сизую молнию на лезвие меча. Его отбросило в сторону, Вальд кинулся следом, за валун, а дальше было не разглядеть.

– Вставай и беги!

Но она не могла! Ярина дернулась, но ее пришилило к камню магией, бейся не бейся, а встать не получалось. Чувство, будто из нее пытаются вытащить сердце, ушло, боль стала меньше, но тело не слушалось.

– Вставай! – рявкнул Гор, ударом в челюсть отправляя колдуна в грязь, но тот перекатился вбок, меч впустую чавк-

пул по земле. – Нечего лежать на холодном.

Несмотря на весь ужас происходящего, Ярина фыркнула: последнее, что ее сейчас волновало – это застуженное нутро.

– Яринушка, патлатый дело говорит, слезай. – Рядом стоял, подпрыгивая, дедушка. Снова в кольчуге, в руках он сжимал палку с Гаврюшей. Череп воинственно сверкал глазницами, заливая прогалину мертвым белым светом.

Ярина не успела удивиться, откуда тут взялся домовой, а из темноты одна за другой уже выныривали кикиморы в окружении болотных огней. Они держали ветки с насаженными на них черепами. Возглавлял процессию бункушник, потрясая костяным посохом, штаны из человеческой кожи влажно поблескивали.

Нечисть медленно брала дерущихся в кольцо. Нападать они не спешили. Первыми на колдуна бросились огоньки, но он отмахнулся от них волной сырой силы, не дав приблизиться.

– Вставай, девонька, – проскрипел домовик, пытаясь уцепиться за валун. Рост не позволял ему подтянуться. – Вставай, пока убивец отвлекся.

– Дедушка, не надо. – Ярина лихорадочно затрясла головой. – Не могу я. Не трогай. Погибнешь!

Пусть силу из нее больше не тянули, и ожерелье перестало душить – алтарь не отпускал. Поверхность под ней мелко дрожала, эта дрожь передавалась телу, даже зубы клацали.

– Эй, аспид! – завопил домовик, сразу убрав руки. – Беда

у нас, помощь нужна!

– Я занят, дед! – Гор попытался подскочить к ним, но колдун не дал, кинувшись наперерез. Достать его мечом не вышло, он ловко ушел от удара, а когда Гор бросил в него клубок молний, в ответ полетели ледяные стрелы.

Луч, выпущенный одним из черепов, просвистел мимо, прожигая землю. Взметнулся дымкой пепел. Гор закрыл глаза ладонью, за что чуть не поплатился: на него кинулись багряные птицы, он едва успел увернуться. Свет черепов ослеплял.

– Уберите эту дрянь! Не мешайте!

Удар! Вновь полыхнули молнии, вновь полетели им навстречу вороны.

– Силен, сволота, – беспокожно шепнул дедушка. – Столько жизней забрал, крови выпил. А эти кочережки все мечутся. Ты шевелись, девонька, пробуй. Чем подсобить-то?

Кикиморы и правда застыли в растерянности. Больше они не лезли, то ли не желая вмешиваться, то ли опасаясь ненароком ударить в Гора. Чародеи обменивались заклятиями, стремительно двигаясь. Ярине казалось: колдун только уворачивается, не подпуская Гора к жертвеннику. Он ведь знает про рану. Выматывает? Ждет чего-то?

Ярина снова забилась, но все, что смогла – поднять голову, ладони прилипли к камню намертво. Они просто не слушались.

– Не выходит.

– Она слезть не может!

– Можно отрубить руки, – прохрипел бункушник, оказавшись рядом.

– Я тебе отрублю. – Дедушка в сердцах пнул землю. Пепел взметнулся черным вихрем. – Тут сообразить надо. Бульжник не прост. Вон, сколько камней сверкают. Ты бы лучше за бабами своими следил, толку от них никакого. Такое стадо одного убийца повязать не может.

– Сначала здесь разберемся. Люди пусть решают свои проблемы сами. Нужно уничтожить жертвенник.

Бункушник, не рассуждая, коротко замахнулся и ударил посохом по камню. Ярина даже испугаться не успела.

Валун низко задрезжал, словно хлестнули по воде мокрой тряпкой. Волна горячего воздуха вдруг окутала с головы до ног, волосы встали дыбом.

Бункушника отшвырнуло прямо на Пустошь. Он истаял, еще не коснувшись ее, просто рассыпался на мелкие искры, осевшие на янтаре.

От грохота содрогнулось небо.

Пустошь глубоко вздохнула, пробуждаясь. Медовые всполохи разогнали ночную мглу. Обжег могильным холодом жертвенник. Ярина кубарем скатилась с него, не сразу сообразив, что свободна.

Домовой тут же очутился рядом и принялся перевязывать липкие от крови запястья, но ее волновал только Гор. Ожерелье пылало, тянущее чувство в груди вернулось, но Ярина

порывалась встать или хотя бы выползти из-за валуна, чтобы взглянуть на бой.

– Сиди, – шикнул дедушка. – Мужики дерутся, куда тебе.

– Бункушник? – Она еще не верила. Все случилось так быстро: одно неверное движение. Нечисть казался несокрушимым, а теперь даже пепла от него не осталось.

Домовой крепче воткнул палку с Гаврюшей в землю и покачал головой:

– На Пустошь никто ступить не может. А его вон как припечатало сырой силой. Сгинул.

Рядом испуганно вскрикнула кикимора.

Ярина не выдержала: прижав ладони к груди, чтобы сдерживать рвущееся наружу сердце, выглянула из-за валуна.

Гор пропустил удар и рухнул навзничь. Кикиморы после гибели бункушника металась по прогалине, отбиваясь от стаи призранных воронов. Черепа лязгали зубами, сверкали глазами. Смертоносные лучи пронзали птиц, но они появлялись снова и снова. Из леса донесся жалобный вой: волки проигрывали битву.

Колдун улыбался. Сжатые кулаки светились багрянцем, вспыхивали и гасли вокруг черные искры, а глаза отливали янтарем.

– Так просто! – прокричал он, выставив перед собой руки. – Вот оно! Смотри! Столько усилий, экспериментов! А нужен был катализатор!

Гор попытался приподняться, но одна из птиц с размаху

врезалась ему в живот, он застонал, упав обратно.

В глазах двоилось. Видение было так близко, только сдвигаясь, и давно минувшее встанет перед глазами, но Ярина усилием воли сбросила морок и подхватила палку с Гаврюшей.

– Куда?!

– Гор!

Она успела вовремя. Прыгнула вперед, выставив череп перед собой. Белый свет из его глазниц развеял воронов, но Вальда не задел. Тот играючи отбил луч в сторону, и одна из кикимор с тихим вздохом осела на землю.

– Беги, ненормальная! – простонал Гор.

Не собиралась она бежать! Некуда. Жертвенник больше не держал, но в голове звенело. Тянущая боль никуда не делась, а ожерелье жгло, жгло, жгло.

– Сколько силы... – восхищенно прошептал колдун. В глазах его бесновались искры безумия.

Гор ударил из-за ее спины. Заклятие даже не обрело форму. Оно не причинило убийце вреда, но дало спасительный миг, чтобы череп выпустил еще один луч, а Ярина метнулась к Гору. Прежде, чем он успел сказать что-то, обхватила его лицо окровавленными ладонями и прижалась лбом ко лбу.

– Держи Гаврюшу, – шепнула она, уловив его потрясенный вздох.

Как раньше не поняла?

Тени нашли их, когда они, окровавленные, прикоснулись друг к другу, а Ярина позвала силу леса. В подземельях, сто-

ило им смешать кровь, на мгновение рухнула защита, позволив прорваться магии и подарив спасение из древней ловушки.

С колдуном не справиться в одиночку. Кикиморы не помогут. Дедушка не боец. Гор ранен. Она вот-вот погибнет, отдав магию вместе с жизнью.

За спиной задрожал воздух, опалив жаром. Ледяные пальцы крепко стиснули ее плечи.

– Делай, что хотела, только быстро, – выдавил Гор, задыхаясь. – Щита надолго не хватит.

Ярина зажмурилась и обратилась к ожерелью. Сила утекала водой, уходила к колдуну, но она могла призвать не только силу.

Мрачными тенями неслись по лесу выползни из оврага. Они так долго искали ее, стремясь отомстить за боль, за плен. Она даст им возможность.

Захрипел, содрогаясь, Гор.

– Еще немного! – взмолилась Ярина. – Потерпи!

Сюда, сюда!

«Там, где все началось, там и закончится», – пришла чужая мысль. Ярина отмахнулась от нее, как от комара.

В груди горело. Успеть бы! Пока колдун не вытянул из нее остатки сил.

По прогалине разнесся тихий вздох, повеяло холодом. Тени пришли.

Гор тяжело навалился на нее, дыхание его рвалось, кло-

котало. Ярина обняла его крепче и обернулась, преодолевая ужас.

Легко ли глянуть на воплощение своих страхов?

Они стояли в ряд, загораживая дорогу к лесу. Чернильные пятна мрака, даже свет Пустоши боялся коснуться их. Пока горел щит, тени оставались слепы, но долго он не продержится.

– Отлично, – просипел Гор, трясущимися руками стискивая меч. – Мы все умрем. Всегда хотел, чтобы меня сожрала какая-нибудь тварь.

– Все едино, – проворчал очутившийся рядом дедушка, забирая палку с Гаврюшей. – Или тебя страховидла сожрут, или убивец помешанный выпьет досуха.

– Шел бы ты отсюда, дед.

Посеревшее лицо Гора блестело от пота. Щит не выдерживал натиска и осыпался синими искрами.

– Уже бегу, – буркнул домовой. – Девочку с тобой оставить? Защитник из тебя.

– Из тебя не лучше.

– Нашли время спорить. – Ярина вынула кинжал из рукава и под пристальным взглядом перехватила его поудобнее. – Они на всех нападут. На него тоже.

– Только на нас с тобой – первыми, если помнишь.

Ярина смутилась. Об этом она успела забыть, рассчитывая, что тени бросятся на колдуна. Хотя если ее сожрут, ему сила не достанется, и Пустошь он не тронет. Слабое утеше-

ние, но другого не было.

Кикиморы сбились в кучу рядом, испуганно заголосили. Они бы разбежались, кто куда, но с одной стороны – Пустошь, с другой – тени.

Зато колдун удивленно взирал на происходящее. Казалось, он даже не понимал, что случилось, почему внимание сосредоточилось не на нем. Жаль, не отвлекся настолько, чтобы птиц своих придержать.

– И-эх! – дедушка крикнул и поковылял к подвывающим от страха кикиморам. – Ничего-то сами сделать не можете. Эй, кочерёжки! В круг встаньте. Спина к спине. Палки перед собой выставьте. Да не выть, – скомандовал он.

Гор с трудом попытался встать, Ярина поднырнула ему под руку, помогая. Она часто-часто смаргивала, лишь бы избавиться от видения.

Она стоит перед тенями совсем одна. Ветер треплет белесые волосы, бросает в лицо, ожерелье в руках жжёт невыносимо, течет по искаленным ладоням горячая кровь.

– Не засыпай, – Гор поддержал, ее, когда она покачнулась. Щит доживал последние мгновения. – Спряталась бы ты лучше.

Ярина слабо улыbnулась. Не было у нее времени. Не рухнуть бы замертво, когда щит исчезнет. Но Гору этого знать не надо.

– Один ты не справишься.

– Спасибо, что напомнила. – Он поморщился. – Смотри.

Тени бросятся на нас, как увидят. Нужно подобраться к...

– Его зовут Вальд.

– Да, к нему. Нужно оказаться как можно ближе. Нам обоим. Сможешь? Я прикрою тебя.

– А ты?

– Парой ударов меня не свалить.

– Тебе и одного хватит, сдыхоть, – встрял домовый.

– Дед!

Ярина не удержала смешка и посмотрела вниз: дедушка на показ развернул плечи и подмигнул ей, подбадривая. Чувствовал он, как ей плохо, что ли?

– Если сможешь воспользоваться своим артефактом, просто бей чистой силой ему по ногам. – Гор прижался к ее виску быстрым поцелуем и вышел вперед.

Вряд ли выйдет – сила полноводной рекой утекала из ожерелья. Оно мерцало, щерилось острыми ветками, но сопротивляться не могло. Проклятый ритуал связал его с колдуном.

– На счет три. Раз, два...

Руки дрожали. Ярина крепче стиснула кинжал, готовая сорваться с места. Но когда щит рассыпался с горестным звоном, ноги примерзли к земле.

Тени разом качнулись вперед. По прогалине пронесся стон, оборвавшийся всхлипом. А за ним последовал смешок. Звонкий, злой. Кровь от него стыла в жилах.

Багряные птицы, готовые растерзать, вдруг истаяли, а кол-

дун дернулся, наконец распознав новую угрозу.

Ярине вмиг сделалось так холодно, словно она очутилась в сердце лютого бурана.

Череп мигнули и погасли, помертвели. Потом и вовсе осыпались песком, даже косточки не осталось. Кикиморы тоненько завыли.

Они были беззащитны. Все.

Руки наливались тяжестью. Все плыло. Ярина видела, как Вальд вновь взывает к своим помощникам, как кипит вокруг него черное пламя, рвется вперед, но теням нет дела до чужих чар. Как Гор пытается добраться до него мечом, но летят навстречу призрачные вороны, и крылья у них отливают уже не багрянцем – янтарем.

Тени не спешили нападать. Лишь медленно приближались. Жертвы никуда не денутся, можно и поиграть. Смешки и всхлипы раздавались чаще, громче. Вдрагивали от них все, даже колдун, но он был слишком силен, чтобы сдаться.

Ярину клонило к земле. Хотелось упасть, обратиться в пепел. Ожерелье было таким тяжелым! Не по ней эта ноша.

Гор бешено отбивался, не давая заклятым птицам добраться до нее, а она стояла, увязнув в паутине страхов, накинутах проклятьем и тенями.

– Ярина!

– Девонька!

Морок рассыпался. Вместо безразличия ее охватила жаркая ярость. Стоять столбом и ждать своей участи каждый мо-

жет! Для борьбы силы нужны. А попробуй без них!

По привычке вспомнив сестру, Ярина погнала прочь эти мысли. Никогда ей не стать такой, как Нежка. Но она не хуже. И битва у нее своя.

Бесполезный нож выскользнул из рук. Ладонь сама легла на ожерелье. Ярина бросилась вперед, рванув его с шеи, что было сил.

– Гор! Щит!

На этот раз ожерелье без труда соскользнуло. Свет в глазах мерк. Она успеет! Нужен миг, не больше.

– Ты хотел силы? – Всю себя она вложила в этот вопль и замахнулась. – Получай!

После броска колени все-таки подломились. Падая, Ярина успела заметить, как колдун поймал ожерелье на излете. Лицо его озарила жадная улыбка. Полыхнул в последний раз янтарь, налился мраком.

Гор упал на нее, закрывая собой от воронов.

Ярине показалось: она уже слышит легкие шаги Переправщицы, так холодно было, но тут очередной горестный стон прервался визгом. Громче, громче, громче, он наполнил собой все вокруг, вонзался в уши, сводил с ума.

Тени ринулись вперед, окружая Вальда плотным кольцом. Тот, смеясь, выпустил столб багрового пламени, но разве могло оно напугать овражных выползней?

– Не смотри! – пропахшая гарью ладонь легла ей на лицо. Ярина трепыхнулась и ткнулась в нее носом, жмурясь. Ды-

шать сразу стало легче.

Визг оборвался на высокой ноте. Его сменил вопль колдуна, за ним еще один. Потом раздался всхлип и хлюпанье. Ярину затрясло, и Гор обнял ее крепче.

– Все кончено, – шепнул он. – Нужно бежать, пока они заняты. Я прикрою.

Ярина слабо качнула головой. Бесполезно. Сил не было. Пусть Вальд мертв, забрал он слишком много.

– Все равно догонят, – сказала она.

– Что вы там завалились? Бегите.

Ярина приоткрыла один глаз: пока выползши ужинали колдуном, домовик с кикиморами добрались до редкого ельника и теперь остервенело махали оттуда.

Гор сел, с трудом опираясь на меч. Обмакнув пальцы в текущую из рассеченного лба кровь, провел охранительную черту, огораживая Ярину от внимания теней.

Она не успела рта раскрыть, протестуяще пискнув, а он уже отвернулся, мазнул ладонью по воздуху, создавая прозрачную завесу – на полновесный щит сил у него не хватало.

Тени плавно растеклись по прогалине, чуя колдовство. Тоскливым холодом веяло от них. И кровью.

– Уходи, дед, – натужно выдавил Гор. – Утром вернешься. Хозяйку заберешь свою.

– Но как же...

– Иди!

Кикиморы отпрянули, прячась, а дедушка почесал заты-

лок и торопливо кивнул.

– Ты, патлатый, продержись чуток. Я подмогу приведу. Придумаю что-нибудь. Девочку береги.

– Да иди уже... – Гор с трудом выдавливал из себя слова. Повернувшись к Ярине, криво улыбнулся. – Неловко получилось. Спаситель из меня тот еще.

– Неправда, – прошептала она, сияясь хотя бы приподняться. – Мне другого не надо.

Гор собрался умереть, спасая ее. Опять. А она... что ни пыталась сделать, все без толку. Невпопад.

– Слушай. Это важно. Я постараюсь отвлечь их до рассвета. Потом иди в деревню, ко мне в дом. Сгребай все бумаги со стола и вези их в Ольховник. Отдашь ему, как встретишь. И не кисни. У тебя вся жизнь впереди.

Ярина силилась понять, о чем он. Смысл слов ускользал. Понимала только – Гор сам не рассчитывает дожить до рассвета.

Одна из теней бросилась на завесу, кляксой растеклась по ней. Мелькнуло в черноте перекошенное лицо, тут же исчезнув. Ярина зажала рот, а Гор вздрогнул.

– А если мы снова кровь смешаем, у тебя ведь еще янтарь остался? – Камень слабо светил сквозь разодранную окровавленную рубашку. Кажется, именно он и приманивал теней. – Может...

– Если ты отдашь еще немного силы, то умрешь, – отрезал Гор. – Не думай об этом. И не шевелись. А лучше закрой

глаза.

Тени упрямо пробовали хиленькую преграду на зуб: бросались на нее, пытались просочиться внутрь. Они знали, что скоро получат добычу.

Ярина кое-как села, глядя в спину Гора потухшим взглядом. Вокруг была смерть. Ивар погиб, истаял на Пустоши бункушник, несколько кикимор растеклись болотными лужами по пеплу. От колдуна осталась лишь куча тряпья, на котором лежало ее мертвое ожерелье. Перед смертью он все-таки выпил его силу.

Ярина перевела взгляд на окровавленные ладони, потом вновь на янтарь и потянулась к Гору. Ему силы нужнее. А она... она больше не хочет никого терять.

Не успела.

Дождь стих, поднялся ветер, он принес с собой запах молодой зелени, первоцветов. И тлена.

Тени ощерились, отпрянули прочь, сгрудившись в одно шевелящееся пятно.

На краю прогалины стояла Дара, в ее белых волосах играл отблесками месяц.

– Так и знала, все придется делать самой, – сказала она.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Завеса, поставленная Гором, лопнула с тихим треском, сам он тяжело ухватился за меч, чтобы не упасть. Ярина обняла его и привалилась к лихорадочно горячему плечу.

Сейчас они ничего не могли сделать. Только смотреть.

– Долго же вы ждали, – произнесла берегиня, обращаясь не пойми к кому. Вряд ли тени понимали слова, но они будто съежились, мгла в них стала не такой плотной.

– С ума сошла?! – взвыл Гор, порываясь встать. – Уходи отсюда!

Дара ступала легко, как над землей летела. Босые ноги не оставляли следов. Сперва тени застыли: то ли почуяли угрозу, то ли просто не могли поверить, что новое существо не боится. Но длилось это недолго. Злобно дернувшись, они растянулись в копошащееся пятно, от которого вперед с леденящим шелестом потянулись чернильные щупальца.

Забыв про тех, на кого только что нападали, тени устремились к берегине. Но приблизиться не успели. Стоило им подлететь ближе, Дара швырнула что-то в этот сгусток мрака.

Словно солнце вышло среди ночи, осветив прогалину теплым светом. Выползши застонали, и стон этот был похож на рыдание. Темное пятно разорвало на клочки, растаявшие без следа, на пепле возле Пустоши остались лежать мелкие

янтарные осколки.

– У нас есть немного времени, прежде чем они вернуться. – Дара улыбнулась, но в ее лице не было ни тепла, ни радости.

Ярина сразу припомнила слова Рябинки о том, что овражные выползны пугали берегиню. Но сейчас на ее лице не было и тени страха. Черты наконец застыли, обрели четкость, и вместо жуткого существа к ним шла красавица с точеным профилем, но безмерно уставшая. Только глаза остались те же: мертвые, пустые. Слишком светлые для человека.

– Сколько? – выдохнул Гор, вытирая выступившую на губах кровь. – Нужно убираться отсюда поскорее.

– Не выйдет.

Он уже не слушал – повернулся к Ярине, заглядывая в глаза:

– Идти сможешь?

Она тяжело мотнула головой. Вальд был мертв, от него ничего не осталось, но внутри все так же тянуло, словно сердце звала невидимая сила. И оно рвалось наружу. Перед глазами плескались медовые всполохи, в голове звенела тихая песня. Слов не разобрать, но Ярина знала – это Пустошь манит ее.

– Девочка не сможет. – Дара наклонилась и бережно собрала осколки янтаря, которыми запустила в тени. Погасшие, в ее ладонях они снова разгорались. – Она умирает.

– Что?!

Гор обхватил Ярину за плечи, дернув к себе. Впервые на его лице она увидела страх и попыталась улыбнуться, обод-

ритель, жаль, губы не слушались.

– Подожди, – шепнул он, – как же... я сейчас...

– Не выйдет, – равнодушно заметила берегиня. – Связь не разорвана. Девочка должна была черпать силы из Пустоши и передавать детоубийце. То, что он мертв, не имеет значения. Пустошь не отдает, никогда и ничего, поэтому сейчас ее силы уходят.

– Куда?!

– К тем, кто забрал его жизнь.

– Порождения оврага... – взгляд Гора метался от ее лица к Пустоши, словно он искал ответ. Но его не было.

– Что можно сделать? – он быстро справился с собой и притянул Ярину ближе. Она вжалась лицом в его плечо, вдыхая горечь гари и пота, лишь бы избавиться от душащего запаха тления. – Ты же знаешь. Ну?!

– Вот даже как, – в голосе берегини звучало удовлетворение. – Это к лучшему.

– Говори, – зарычал Гор. Руки его вздрагивали, Ярина осторожно погладила по боку, мокрому от крови.

– Ты поможешь мне с теньями, я оборву ритуал. И девочка выживет.

Это было так странно, что Ярина даже нашла в себе силы отстраниться. Хотелось взглянуть Даре в лицо.

Гор поперхнулся и не нашелся с ответом, а берегиня продолжила:

– Восемь столетий – долгий срок. Пусть все закончится

сегодня.

Дара дошла до останков Вальда и подняла ожерелье из грязной кляксы, бережно оглаживая его пальцами. Мертвые веточки вновь зашевелились. Пожухшие, сморщенные ягоды наполнил сок. Слабо сверкнул янтарь.

А Ярина смотрела на ее руки: длинные пальцы, ладони, усеянные тонкими старыми шрамами.

Она *знала* их.

Как они плетут ожерелье, вкладывают в него силу.

Как сжимают меч, занесенный над спящим мужчиной.

Как срывается с них сеть заклятья, что ударило в спину дивьего короля.

Ярина потрясенно дернулась и столкнулась с равнодушным взглядом прозрачных глаз.

– Догадалась, – произнесла Дева. Жена Оружейника и его убийца.

И это было страшно.

– О чем ты? – Гор разжал объятия и кое-как исхитрился подняться на ноги. Видно стоять на коленях перед берегиней ему не нравилось, раз силы появились.

– Неважно, – откликнулась Дара, прежде чем Ярина рот успела раскрыть, и кивнула на Пустошь. – Нет времени. Они скоро вернутся. Тебе дорога жизнь девочки? Помоги мне.

– Спаси ее! – потребовал он. – Сейчас!

– Не выйдет. Я не торгуюсь. Разорвать связь можно только справившись с тенями.

– Знаешь, как их уничтожить?

Гор стоял-то с трудом. Как он будет убивать то, на что чары не действуют? Ярина чудом удержалась от вопроса, до того обидно стало. Эти двое будто забыли про нее. А она здесь. Еще здесь. Усталость накатила сильнее, мысли путались. Чужие, липкие, избавляться от них было все труднее.

– Их нельзя уничтожить. Они так созданы. Можно развоплотить, но большая часть магии не причинит им вреда. Наша с тобой сюда входит.

– Нет ничего вечного в мире. – Гор недоверчиво нахмурился. – Если бы знать, кто и как их породил...

– Оружейник, – выдавила Ярина. Получилось неожиданно громко, но она не смутилась. – Их создал Оружейник.

Дара теперь не пугала. Она вызывала злость. Как она могла нравиться Гору? Почему он раньше не слышал, что у берегини слишком чистый говор для лесной нечисти? Вообще никаких странностей не замечал!

– Это сказки.

– Да нет же! – Ярина встала и пристально взглянула на существо, что звалось Дарой. – Тени создал Оружейник с помощью сердца и крови последнего дивьего короля. И она знает это, потому что там была. Помнишь, я рассказывала тебе про сны? Это она. Женщина из подземелья. Дева!

– Ярина... – начал Гор мягко, и от этого тона внутри все сжалось. Он не верил! Как можно быть таким умным и таким слепым? Если бы у нее оставались силы, она бы закричала.

Дара не произнесла ни слова. Смотрела на них, едва заметная улыбка мелькала на ее губах.

Но Гор не договорил, осекся, лицо его вдруг окаменело:

– И почему мы не можем развоплотить это... чем бы оно ни было?

– Наша магия напрямую связана с тем, на что они закляты.

– Магия, говоришь? Откуда ты знаешь? Нечисть, которая не может прикасаться к янтарю. Ярина, – напряженно произнес он, перехватывая меч и наставляя на Дару, – отойди ко мне за спину.

– Глупо, – только и сказала берегиня.

– Кто ты? Назовись.

Он решил, что это навья или морок?

– Я была Дарой, мальчик. И ей бы осталась. Но меня разбудили.

– Кто?

– Он, – она кивнула на останки Вальда. – И ты. И смерть моего Смила.

– Ты не можешь говорить яснее? – Ярина так и не спряталась за спину Гора. Встала рядом с ним, чувствуя себя увереннее, хоть глаза закрывались, а тихая песнь Пустоши звучала все громче. Только дай слабину, утянет.

Дара в ответ надела ожерелье. Оно вспыхнуло, Гор согнулся пополам, заходясь кровавым кашлем.

– Зачем? – спросила Дева. – Вы и так знаете.

Ярина обхватила его руками. Гор тяжело навалился на нее, изо всех сил пытаясь устоять и справиться с приступом.

– Хватит! – взмолилась она. – Не мучай его.

– И в мыслях не было. У меня нет на это времени. Это просто резонанс. Они скоро будут здесь. В ваших интересах помочь мне. – Дару нисколько не взволновало зрелище. Она провела пальцами по янтарным бусинам, те потемнели, и кашель Гора тут же стих. Он хрипло перевел дыхание, распрямляясь, и бросил короткий благодарный взгляд на Яри-ну.

– Дева, значит.

– Это лишь слово, придуманное теми, кто пришел потом.

Оно не имеет смысла.

– Ты убила Оружейника.

– Я убила чудовище.

Ярина не выдержала. Этот разговор напоминал танец. Глупый, ненужный. Они еле стоят на ногах, выползни вот-вот вернутся, а Дара играет в загадки.

– Ты убила того, кто был тебе мужем, – быстро заговорила она, боясь, что они так и останутся стоять тут. – Ради тебя он спустился в подземные ходы, отправился спасать твоих братьев. Ради тебя сразился с королем дивы, и тот проклял его за бесчестное убийство, потому что хоть ты и совершила подлость, удар нанес он. Потому его и зовут Предателем: прежде всего он предал себя. Он забрал сердце дивьего короля и выковал меч. Я видела рисунок. Но ты убила его. И

это ты создала ожерелье, потому что не могла уничтожить тени, хотела оградить себя. Он создал их, чтобы они защищали его, верно? А после убийства хозяина ополчились на тебя, забыв, кто ты для них.

– Твоя связь с ожерельем стала слишком сильна, – в тон отозвалась Дара. – Признаться, я на это и рассчитывала. Нужно было лишь подтолкнуть. Венок из сон-травы был тебе к лицу. Всего-то и нужно было оставить тебя рядом с Пустошью, чтобы она услышала и позвала. Не вмешайся этот безумец, все вышло бы быстрее и проще. Но так тоже неплохо.

– Говори! – Гор тихо зарычал, а она рассмеялась, не сводя глаз с волнующейся Пустоши. – Или убирайся, если не хочешь помочь.

– Вы всегда спешите. Расчерти концентраторы – вот здесь. Нужно свести потоки силы воедино. – Дара крепче сжала ожерелье, по пальцам ее потекла кровь. – Да, он был моим мужем. Да, я любила его. Но шла война. Ты ошиблась. Мы все оказались прокляты, и стали меняться. Исподволь, постепенно. Незаметно. Идея выковать меч стала для него наваждением. Мы обосновались в глуши, нашли заброшенную сторожку, здесь никто не мешал. Сначала мы всего лишь искали способ снять проклятие диви. Они ведь считались необратимыми. Но он начал думать только о себе. А мои братья... Они таяли, один за другим – проклятие сжирало. – Она плавно двинулась вперед и принялась разбрасывать янтарь по расходящейся спирали. – Он нашел способ удержать

их, но потом решил, что этого мало. Что они могут послужить защитой. Ему нужно было больше силы, ее ведь надо откуда-то брать.

Чудовищная догадка холодом сдавила грудь.

– Так вот откуда взялись тени, – прошептала Ярина, прижавшись тяжелеющей головой к плечу Гора. – Вот почему...

Несчастные создания, выползающие из оврага, где давно истлели их тела.

– Да. И эти создания, и черепа, которые теперь обратились в прах. Он привязал их суть к мечу, извратил, заставил служить. Даже навь обходили стороной это место. Переправщицу до сих пор нужно призывать за теми, кто умер. Мои братья выжили, он не солгал. Но лучше смерть, чем то, на что он их обрек.

– А ты и не думала его останавливать. – Гор времени даром не терял. Подобрал оставшиеся после колдуна перстни, надел их на себя в два ряда – пальцы едва гнулись, – а на шею нацепил целую связку подвесок.

– Я любила его. И не хотела верить, что ничего нельзя исправить.

Она снова плачет, загоразживая кого-то. Мужчина рядом холодно качает головой в ответ, вытирая окровавленные ладони.

«Все, что я делаю – ради тебя».

Видения стали зыбкими, но никуда не делись. Значит, несмотря на то, что ожерелье вернулось к истинной хозяйке,

они все еще были связаны.

– Что потом? Ты поняла, что он не сможет тебя спасти? – слова Гора сочились ядом. Он присел на корточки и начал чертить что-то на земле, поглядывая на Дару. – Иди сюда, – тихо попросил он, и Ярина села рядом, не сводя взгляда с покалеченных рук. Столько крови. Зачем? К чему это? Странный разговор на поле битвы. Она не хотела слушать откровения Девы. Закрывать бы глаза, отдаться пению Пустоши. Почему она раньше не замечала, как оно прекрасно? – Ты убила его, полагаю, запечатала тело в подвале и сбежала с мечом, все по легенде. Дальше, – поторопил Гор. Он то и дело бросал тревожные взгляды на Ярину, а у нее не было сил даже посмотреть на него в ответ.

– Ты не можешь обвинять меня, мальчик. Я спасала мир от чудовища.

– Ты спасала себя. Что потом? Тени погнались за тобой? Не дали покинуть лес?

– А где меч? – вдруг спросила Ярина. Эта мысль прорвалась сквозь кокон сумрака, который обернулся вокруг нее. Если все эти сущности были завязаны на мече, то наверняка он-то и может одолеть их. Тогда хотя бы Гор спасется.

– Здесь, – сказала Дева. Ее слова разнеслись по прогалине грозovým раскатом.

Даже Гор замер. Не казался потрясенным, скорее, до сих пор не верил в сказанное.

– Ты отнесла его на Пустошь? – Он зло усмехнулся. – Нет,

о чем это я. Раз ты жива. Такое благородство не по тебе. Ты не отдала бы дива то, что по праву принадлежит им.

– Я хотела жить, – холодно ответила Дара. – Пыталась уничтожить его, но не смогла. Не до конца.

– И ты спрятала меч. Закопала?

– Нет.

Ярина, не отрываясь, смотрела, как бережно тонкие пальцы поглаживают ожерелье, как мягко светятся вкрапления янтаря, которые она разглядывала день за днем, пытаюсь подчинить эту силу.

Покатые плоские камешки, похожие на гальку, выполосканную в речной воде. Наверняка они были острыми когда-то. Настолько, что могли порезать руки той, что пыталась уничтожить меч.

То и дело поглядывающий на Ярину Гор уловил ее напряженное внимание, тоже уставился на ожерелье и замер.

– Не может быть, – выдохнул он, Ярина опять вцепилась ему в локоть, пошатнувшись. – Это невозможно! Хотя... это бы многое объяснило.

– Ты думаешь? – Дару, казалось, забавляло их замешательство. – Я довела до ума то, что не успел закончить он, используя его же творение. Мне нужно было запереть братьев в границах леса. Я хотела найти помощь.

– Ты хотела сбежать, но не смогла, так? – безошибочно перевел Гор. – Заперла саму себя с ними и даже не поняла этого. Потому что проклятье на вас общее. И пока кровь и

сердце дивьего короля оставалось в мире, тебе некуда было деваться.

Лицо Дары исказилось. Ярина испугалась, что черты снова поплывут, но нет. Это была всего лишь ярость, сделавшая красавицу берегиню почти безобразной.

– Ты не можешь понять, мальчишка! Не понимаешь, что такое день за днем ждать, и ждать, и ждать. Вокруг ничего – только пустота и стоны. И ты не можешь уйти дальше. Даже от реки отойти не в силах, а на другом берегу – смерть. Я хотела жить. Что в этом плохого? Ты ведь не жалуешься, что я вырвала тебя у Переправщицы! Жизнь – это дар. Глупо разбрасываться им.

– Ты могла освободить своих братьев почти тысячу лет назад! – немедленно выверился Гор. – Для этого всего-то нужно было принести себя в жертву, отдав дивы кровь и сердце их короля, которые вы у них отняли. Но ты хотела жить и трусила... погоди-ка. Сделала что?

Он застыл и болезненно-неловко повел плечами. Ярина испуганно положила ладонь ему на спину – теперь, когда ожерелья на ней не было, они могли прикасаться друг к другу без боязни.

Янтарь в спине был раскаленным. Она помнила, как он выступал из-под кожи, не давая ране затянуться, как Гор сутулился и кашлял, словно камень мешал дышать. И как легко было в подземелье, где заклятья не имели силы.

Кусок янтаря. Гладкий, ровный, чуть меньше ее кулака.

Так похожий на сердце дивьего короля.

– Это была ты, – выдохнул Гор. – Тогда, ночью. Удар пришелся в спину, я упал и больше ничего не видел. А это ты!

– Я, – ответила Дева. – Ты умирал. И мой Смил умирал тоже. Но сердце было одно, а он не мог бы ничего сделать. Куда простому охотнику? Справиться с убийцами мог только ты. Помочь найти давно потерянные осколки – тоже. Я пожертвовала жизнью мужа, чтобы спасти твою. Разве я не заслуживаю благодарности?

– Ты веками хранила сердце, вместо того, чтобы отдать его Пустоши? – спросила Ярина. Слова приходилось выдавливать из себя по капле, даже дышалось с трудом.

Берегиня с грустью посмотрела на нее.

– Все не так просто. Я стала Дарой не по своей воле. Когда я убегала, а за мной гнались мои братья, мне пришлось создать ожерелье. Я думала, сумею удержать их в тех границах, которые он создал. И заперла их, а артефакт, – она дотронулась до ожерелья, – выбросила в озеро, которое когда-то было неподалеку. Через реку мне удалось перебраться, но дальше я уйти не смогла – не дало проклятие. И вернуться не могла – они ждали меня, тогда их еще не пугал день. Я не хотела умирать, но оказалась привязана к берегу. Разве можно это назвать жизнью? Не помню, сколько лун сменилось после. Они звали меня, стонали и плакали, вокруг не было никого, один мертвый лес. Я спрятала сердце в гроте, легла и лежала, глядя на воду. Потом уснула. И спустя сотни лет

вместо меня проснулась Дара. Без памяти, без сил. Ее нашел старый водяной, дал приют. На месте пепелища выросли деревья. Там, где плескалось озеро, склонили голову вековые дубы, оплакивая старого лешего. Он нашел ожерелье и схоронил до срока, а когда уходил – передал своему преемнику. Время шло. Я была не я. Но и Дара целой не стала. Лишь тень, как мои братья.

– Когда ты все забыла, теням стало не на кого охотиться, и они тоже уснули. – Ярина представила, каково это – столетиями жить без памяти, и содрогнулась. Лучше сразу смерть.

– А потом Дара встретила Смила. Она была счастлива. Если бы не появился мальчик, желающий доказать всем, что он способен помочь там, где отступали остальные... Дара чувствовала, что Смирл в опасности. Вы ночь за ночью уходили в лес, искали зацепки, искали убийц, она ждала. И знала, что однажды он не вернется. Хотела помочь. В поисках водяного она отыскала свой старый грот и нашла там сердце. Так проснулась я, но вместе со мной и мои братья.

– Ты хочешь сказать, – Гор замер и неестественно выпрямился, словно боясь потревожить рану. – Что у меня в спине, чтоб его, сердце дивьего короля?

Дева усмехнулась:

– Ты бы предпочел, чтобы там была дыра? Я спасла тебе жизнь, мальчик. За что чуть не поплатилась своей. Местные видели, как я возвращалась из леса. Они глупы, но неплохо соображают. Увязали одно с другим. Решили, что я изба-

вилась от мужа и пыталась убить их защитника. Чуть не сожгли, но водяной спас.

– А ребенок? – спросила Ярина.

– А что с ним? – Дара поджала губы, словно мысли о сыне причиняли боль. – О нем неплохо заботятся. Он не нуждается ни в чем.

– Сейчас речь не об этом. – Гор обошел жертвенник, подобрал костяной посох бункушника, довольно хмыкнув. – Чего ты хочешь? Тени, как я понял, уничтожить не выйдет. Они будут выполнять, что им приказано – охотиться на убийцу своего хозяина. Это проклятие не снять. Зато другое можно – надо отдать Пустоши то, что ты у нее забрала. Ты этого хочешь?

– Я хочу покоя. Но братья заслужили его тоже. Пусть все закончится.

По прогалине вновь пронесся студеный ветер. Тени вернулись. Если приглядеться, можно было заметить, как внутри них гнутся искореженные силуэты. Или это воображение разгулялось? В воздухе зазвенел полный тоски стон.

– Знаю, – эхом откликнулась Дара. – Я тоже устала.

Они не стали ждать, кинулись все, скопом. Стоя в центре намеченной янтарем спирали, берегиня вознесла руки к небу. Огнем загорелось ожерелье на шее, засветились камни. Пустошь ответила глухим шорохом, Ярина едва устояла, чтобы не броситься туда. Воздух вокруг зазвенел.

Гор прыгнул вперед, вонзил в землю посох.

– Закрой глаза! Не смотри! – крикнул он, но она нахмурилась в ответ, встала рядом, сбрасывая оцепенение.

– Чем помочь?

– Выжить. – Он упорно пытался задвинуть ее за спину, удерживая защиту, за которой хрипело и стонало чернильное месиво. – Дара, что за план?

– Когда скажу, сними барьер, – отозвалась та, задыхаясь. – Я запроу их. Чтобы снять проклятие, они должны быть рядом со мной.

Вновь мрак обрушился на них, хлестнул волной. Гор вцепился в посох обеими руками, пригнувшись. Рубашка на его спине давно промокла от крови.

Дара швырнула ожерелье Ярине, оно упало точно в подставленные ладони, испуская знакомое тепло.

– Давай! – закричала она.

И барьер лопнул, окатив волной жара, тут же сменившейся лютым холодом. Тени торжествуя взревели, бросились на берегиню, собираясь растерзать, замучить, утащить за собой. Сделать то, что давным-давно велел им хозяин. Может, тогда их боль вновь уснула бы.

Казалось, Даре не спастись, но она ловко уклонилась, водой просочившись сквозь плотную тьму. Тут же взвился огненный круг, запирая несчастных созданий.

Как они бились, как стонали! Но выход найти не могли.

Дара, тяжело дыша, подскочила к Гору, положила ладонь на спину. Изрезанные пальцы впились в янтарь, потянули...

Гор захрипел, открыл рот в беззвучном крике и рухнул Ярине на руки, содрогаясь.

– Терпи, мальчик! – велела Дева. Она тянула и тянула, пока сердце дивьего короля не запылало в ее ладонях. – Вот и все.

– Гор, – шепнула Ярина. Ужас не давал вздохнуть. Рана была смертельной тогда. А сейчас? Вдруг он умрет? – Гор, пожалуйста.

Она гладила его по волосам, не в силах отвести взгляд от Дары, которая смотрела на последний осколок янтарного меча и улыбалась с такой нежностью, словно держала на руках сына.

– Я крепче, чем... ты думаешь, – просипел Гор, вытирая мокрое лицо трясущейся ладонью. – Не могу же тебя одну бросить.

Ярина со всхлипом прижалась к нему. Живой!

– Вот и все. – По лицу Дары текли слезы. – Восемьсот лет. Я так устала.

Она забрала у Ярины ожерелье и наклонилась, чтобы один за другим собрать оставшиеся осколки.

– Как только мы уйдем, заклятие разрушится. Твоя девочка будет свободна. Чары вокруг леса исчезнут, и больше никто, кроме лесовиков, не сможет им владеть.

– Рана зарастет? – Ярина боялась смотреть, во что превратилась спина Гора.

– Это уже ваша забота. – Дара бережно завернула осколки

в платок. – При правильном лечении он полностью поправится. Главное, вовремя взяться.

Она провела ладонью рядом с огненной стеной, за которой извивались тени:

– Все хорошо. Потерпите совсем немного.

– Что будет с тобой, если ты ступишь на Пустошь? – Гор хмурился, вздрагивая от боли.

– То же, что и с остальными, полагаю, – повела плечом Дара. – Темная дорога или небытие – я возблагодарю любой исход. Главное, то, что мы забрали у дивы, вернется обратно. Теперь у меня хватит храбрости сделать это.

– Считаешь, Пустошь поймет и простит?

– Крылатые твари всегда были хитры. Уверена, они спят, укрывшись стихийным проклятием, сотворенным их магами, и подпитываются силами, что оно забирает у людей. Это неважно. Я ступаю на этот путь с чистой совестью.

– Да неужели? – В голосе Гора звенела такая злость, что Ярина поначалу растерялась, как и Дара. – Совесть у тебя чиста? Все долги раздала? Никого не забыла?

– Свень, – тихо охнула Ярина. Как они могли забыть? Сын охотника и Дары оставался круглым сиротой. Кто его будет воспитывать? Русалки? Водяной? Он же человек.

– Вот именно. – Гор каким-то чудом нашел в силы подняться.

Дара поджала губы.

– Если хочешь, можешь сам о нем позаботиться. В благо-

дарность за спасенную жизнь.

– Удобно, правда? Скинуть ребенка на чужие плечи.

– Я его не хотела!

– Врешь! – зарычал Гор. – Его бы не было, не желай ты этого, не люби Смила.

– Это была не я!

– Как удобно! Только Дара – это тоже ты.

– Ты так хочешь запустить руки в мои знания? – презрительно усмехнулась берегиня. – Готов оставить это место под гнетом магии?

– Да плевать я хотел на твои знания! Провались они в Реку вместе с тобой! Но это твоя ноша. Имей совесть взять ответственность за сына.

– Я устала! – выкрикнула берегиня. – Как ты не поймешь?! Я так устала! Лучше никакой матери, чем такая, как я.

– Не тебе решать!

Дара вдруг успокоилась, скрестив руки на груди.

– Больная мозоль, да? – спросила она. – И что ты предлагаешь? Нельзя оставить все, как есть. Мы оба это понимаем. Твоя девочка скоро умрет, если не уничтожить останки крылатой твари, проклявшей нас.

– Я пойду вместо тебя, – заступив ей дорогу, устало вздохнул Гор.

Ярина рядом испуганно всхлипнула, но он, даже не глянув на нее, продолжил:

– Вырасти сына, воспитай его человеком. Твои братья освободятся, они ведь привязаны к сердцу и ожерелью. Когда они исчезнут, ты будешь вольна уйти отсюда. Посмотришь, как изменился мир. Вдруг тебе понравится.

– Это очень глупая жертва, мальчик, ты знаешь? Отпустить на свободу такое создание, как я. Не боишься того, что я могу сотворить?

– Возможно, ты права, – не стал спорить он. – Но я точно знаю: бросить ребенка – это худшее, что ты можешь сделать. Гораздо хуже всего этого кошмара, что уже случился. Может, забота о ком-то кроме себя вобьет тебе немного ума в голову.

– Ты поклялся Смилу, что позаботишься обо мне, – прошептала Дара, прикрыв глаза. – Несмотря ни на что. Как глупо.

Она растеряла весь запал, плечи опустились, выдавая обреченную усталость. Она почти согласилась. Ярину и без того терзал холод, но теперь сердце заледенело, стоило представить, как Гор бросит все и уйдет на Пустошь. Умирать.

– Если ты все знаешь, зачем спорить? Какими бы ни были мои мотивы, дать тебе умереть я не могу.

– Не боишься оставить девочку одну?

– Она сильная. Справится. – Он наконец-то обернулся, чтобы подарить Ярине слабую улыбку, на которую она не ответила, все еще не веря. – Эй, что ты? Я же просил не киснуть. Прощаться второй раз за ночь как-то... неловко.

– Как же дело твоей жизни? Заговор? Круг?

Больше всего хотелось крикнуть: «А как же я?». Но это было бы недостойно, глупо. Кто она ему? Он свой выбор сделал. Время и ей делать свой.

Гор с сожалением развел руками:

– Так вышло. Мне действительно жаль.

– Да. Мне тоже.

Ярина посмотрела на него: израненного, замученного. На Дару, которая едва сдерживала слезы. На беснующиеся тени, которых злая воля принуждала бросаться на огненную стену в попытке добраться до убийцы их хозяина.

Позади пела Пустошь. Ласковый шепот обещал покой и безграничное могущество. Но ей не нужно было ни того, ни другого.

Как бы ни клонила Дару к земле усталость, с уходом придется повременить: она должна воспитать сына. Гор должен вернуться и рассказать Кругу про убитых детей, про деда своего. Про безумных чародеев. Он просто должен жить! А она... Весточку в Ольховник дедушка пошлет.

Ярина глубоко вздохнула и качнулась вперед. Ни разу в жизни она не была такой быстрой, как сейчас, когда выхватила платок с янтарем из рук Дары.

Кажется, та пыталась ее остановить. Кажется, Гор кинулся наперерез, крича что-то.

Ярина этого почти не заметила. Ее словно подхватил ветер и понес туда, где она должна быть. На Пустошь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Стоило ступить на Пустошь, все исчезло. Равнина поплыла, Ярина ухнула вниз, не успев даже вскрикнуть. А когда открыла глаза, ее окружало сплетение медовых искр в темноте. Они пролетали мимо с тихим перезвоном, оставляя после себя золотистый след.

Холод растаял, на смену пришло тепло, словно она уснула за столом промозглым вечером, а матушка укутала ее одеялом. От воспоминания защипало в носу, Ярина сердито мотнула головой, отгоняя сожаление. Не для того она шагнула на Пустошь, чтобы струсить. Зато Свень не останется сиротой. И Гор будет жить.

Гор...

Ярина улыбнулась. Она все сделала правильно. Выбрала, что важнее.

Воздух налился светом, наполнился призрачными звуками: чьим-то солнечным смехом, музыкой, шелестом, обрывками разговоров.

Искорки собрались в стаи, закружились вихрем, из них медленно соткался крылатый силуэт.

Существо точно сошло с древнего рисунка в подземелье. То же рыжее оперение, загнутый клюв и огромные глаза, отливающие молочным янтарем. Он не выглядел опасным, не то, что чудовище из детских сказок. Хотя ноги, похожие на

птичьи лапы, были украшены внушительными когтями.

Дивь поправил белую накидку и сказал что-то.

– Я не понимаю. – Ярина растерянно улыбнулась.

– Странное дитя, – повторил он клекочущим голосом, с трудом выговаривая слова. – Видит защитный купол неправильно.

– А как нужно?

Глаза диви потемнели. Вокруг сгустился мрак, стал черным, плотным, душащим. Хрустальные перезвоны сменились отдаленными воплями, полными боли. Тепло – жгучим холодом. Тихое ощущение покоя – гложащей болью в груди.

Но прежде, чем Ярина успела зажмуриться и зажать уши, наваждение схлынуло. Слишком быстро. Дивь, кажется, был этим недоволен.

– Странное, – повторил он. – Дитя не должно здесь быть. Время не пришло.

– Не пришло для чего? – За сегодняшнюю ночь она наслушалась загадок. Вот и этот тоже не хотел говорить яснее.

– Неважно. Дитя пришло за силой? За могуществом? Хочет победить врагов? Или ему опостылела жизнь, и оно решило закончить ее, придя к нам?

– И такие сюда приходят?

– Случается. И от всех вас разит страхом. Даже от тех, кто уверен, что способен совладать с защитой и взять немного силы, которая для людей не предназначена. – Дивь расправил крылья, встопорщив хохолок на голове. – Так что тебе

нужно, человеческое дитя?

– Я... – Ярина спохватилась и развернула платок, протягивая ему сердце и осколки меча с ожерельем. – Вот.

Дивь застыл. Не был он ни страшным, ни жестоким, просто очень-очень грустным. Протянул к ней тоненькие руки, сросшиеся с крыльями. Ярина бережно передала ему камни, он принял их как величайшее сокровище, прижав к груди.

– Хороший дар, – проклекотал он.

– Я попросить еще хотела. – Ярина обхватила себя руками, стараясь подавить робость. Просить вот так запросто некрасиво, но если она не решится сейчас, то не скажет уже никогда.

По лицу диви прошла рябь, оно было настолько нечеловеческим, что не поймешь, улыбнулся он или разозлился, но голос его остался спокойным, выговор стал чище.

– Конечно. Вы, люди, любите сделки. Пойдем.

Он пошел мимо мерцающих огней, вперед.

Ярина обернулась, но грани Пустоши не увидела, как не увидела и неба. Ничего не было, кроме мягкого сияния. Жаль, хотелось еще раз взглянуть на звезды. На Гора. Будет он ее вспоминать или сразу забудет?

– В обмен ты хочешь могущество? – спросил дивь, как ей показалось, разочарованно.

Далась ему эта сила!

– Не хочу! – Ярина решительно поджала губы. – Я...

Она забыла, что собиралась сказать.

Дивь расправил крылья, мелькнули перед глазами яркие перья, а когда они исчезли, рядом высился замок из ее снов. Острые шпильки терялись в янтарном сиянии, сахарно-белые стены мягко мерцали, манили прикоснуться.

Ярина ахнула, а спутник ее довольно курлыкнул.

– Нравится?

– Так красиво, – шепнула она. На глаза навернулись слезы. Почему-то, глядя на эти стены, вспомнился их дом в Белом Бору. Хотя ничуть не похоже было, разве что, цветом. Растут ли еще в саду сливы или их срубили и сожгли вместе с домом? Ярина старалась не вспоминать, даже маленькой, иначе жизнь в изгнании стала бы совсем невыносимой.

– Есть ли что-нибудь прекраснее наших замков?

– Их не осталось. Даже на картинках.

Дивь сгорбился и тяжело вздохнул.

– Так чего хочет дитя?

Ярина хотела обратно. Она бы обязательно доехала до Нежки, отыскала матушку с Рагдаем, заглянула в Белый Бор. Обняла бы Гора. Сама. И не стала бы смущаться, вот ни чуточки.

Но кто ж ее отпустит?

– То проклятие, – осторожно напомнила она, – которым наказал ваш король людей, что одолели его. Можно ли его снять?

Дивь заметно удивился – все перья у него на голове встали дыбом, превратив в забавный рыжий одуванчик.

– Что тебе до этого, человеческое дитя? Люди его заслужили. Оно держит их и не даст уйти от возмездия.

– Прошла почти тысяча лет, – взмолилась Ярина. – Не нужно никого мучить больше. Пусть обретут покой.

– Почему за них просишь ты, а не они сами? Ваше племя так и осталось трусливым.

– Неправда! – Ярина, не выдержав, топнула ногой. – Дара, то есть, Дева хотела прийти. Но ей нельзя теперь, у нее ребенок...

– Наших пленцов никто не жалел, – напомнил дивь горько.

– Люди не все такие.

– Вижу...

– Отпусти их, – вновь попросила Ярина, прижав руки к груди. Здесь, в безвременье, кровь не текла, от ран остались лишь полоски шрамов, таких же, как у Дары. Смешно, хоть в чем-то они стали похожи. – Ведь сердце у вас.

– Ты так наивна, дитя, – он резко взмахнул крыльями, и порыв ветра скрыл прекрасный замок глаз. – Нам дорого обошлась наивность. Но раз ты принесла бесценный дар, я не могу отказать. Пусть небо и звезды услышат. Долги прощены. Предатель и его спутники свободны.

Так просто?

Слова эхом отдались в золотистом свете, который стал меркнуть, а дивь отступать. Он что, не собирается вести ее за собой? Ей придется навеки блуждать в темноте?

– Постой! – Ярина растерялась. – Как же я? Что делать

мне?

– А чего ты хочешь?

Вопрос застал врасплох. Разве можно выбрать? Чего ей хотеть? Только одного.

– Я хочу обратно, – задыхаясь, выдавила Ярина. Отчаянно и безнадежно. – Но ты же не отпустишь меня.

– Почему? – дивь по-птичьи склонил голову на бок. – Это может быть забавно.

Он выдернул из крыла перо и вставил ей в волосы за ухом, невесомо мазнув пальцами по лицу.

– Иди, человеческое дитя. Может, еще свидимся.

Ярина не успела удивиться, как перед глазами завертелось, ее дернуло вверх, чтобы в следующий миг вышвырнуть на прогалину, прямо в объятия Гора.

Он был в ярости.

– Ты! Ненормальная! – Он то немилосердно тряс ее, то гладил по лицу, волосам, заглядывал в глаза. – Ты что придумала! Если ты еще хоть раз что-то подобное выкинешь, я тебя сам убью! Слышишь?! Ну что ты смеешься?

Ярина все никак не могла сдержать шальную радость. Она кивала, обхватив его лицо ладонями, и улыбалась, улыбалась. Охранители, какой же он бледный! И горячий, что печка.

– Посмотри на себя! – сил кричать у Гора не осталось, он

только натужно хрипел. – Что с тобой сделали?! Исчезла без следа! Я думал...

Его трясло. Он прижался лбом к ее лбу, судорожно вздохнув, Ярина в ответ бережно погладила его по щеке.

– У тебя глаза отливают янтарем.

Она не удивилась, пребывая под властью странной легкости. Подумаешь, янтарем! Вот если бы крылья выросли. По сравнению с тем, что произошло, все казалось мелочью. Она жива! Они оба живы.

Ярина просто была счастлива.

Гор рядом, смотрел на нее, лицо его так близко...

Мгновение разрушил тихий полубезумный смех. За возвращением они позабыли о том, что рядом оставались и тени, и Дева.

– Вы выпустили зло наружу, – задыхалась она, растирая слезы окровавленными руками по лицу. – Ты зря вернулась, девочка. Убей ее, пока не поздно. Это уже не она. Не она. Твари изменили ее.

Ярина смотрела на Дару с боязливой жалостью. Столько лет желать свободы, наконец обрести и сойти с ума. Гор крепче обнял ее, не отпуская. Не станет он верить таким глупостям, ведь правда?

– Я все еще я, – неуверенно сказала она, прислушиваясь к себе. Что-то изменилось, но вот что? Понять бы.

– Дурака из меня не делай, – буркнул Гор в ответ. – Я ранен, а не ослеп. Ты жива. С остальным разберемся позже.

Сейчас бы вон ту нечисть упокоить. Дара, – громче позвал он. – Эй...

Огненная стена-ловушка вдруг исчезла, но тени не спешили нападать. Они не шевелились. Смазанные контуры обретали четкость, краски, сквозь мглу проступали силуэты. Сгорбленные, изможденные мужчины смотрели на Деву и улыбались.

Она испуганно обернулась и с коротким вскриком рухнула на колени, протягивая к ним руки.

– Мне жаль, мне так жаль! – задыхалась она.

Один из них погладил ее по волосам, как маленькую девочку. Губы его шевелились, но слов было не разобрать. Дару скрутили рыдания.

Пленники Пустоши еще успели посмотреть на них. Ярина грустно кивнула в ответ на этот мимолетный благодарный взгляд, понимая, что все вот-вот закончится. Позади медленно разгорался костер рассветного зарева.

Поднялся ветер, первым же порывом он развеял братьев Девы сероватой пылью. Только вздох разнесся по прогалине, и в нем слышалось облегчение.

Дара надрывно завывала, раскачиваясь из стороны в сторону. Даже Гор отвел взгляд, не в силах видеть ее горе. Страшным оно было, беспросветным, безжалостным.

Ярина не выдержала, медленно двинулась вперед, сама не зная, что скажет.

– Дара...

– Подождите... – раздалось в ответ.

Без толку.

– Подождите меня, подождите, я не хочу одна... – сорванным шепотом звала она, сгибаясь все ниже и ниже. – Не хочу...

– Дара.

Она не слышала. Уткнулась лбом в землю, загребая черный пепел руками. Новый порыв ветра пришел с Пустоши. Дара встретила его облегченным всхлипом, а потом разом обмякла, будто из нее вынули хребет.

Ярина кинулась к ней, пытаясь помочь, но тело берегини вдруг разлилось водой, просочилось сквозь пальцы, как недавно Рябинка. Ничего не осталось: одна рубаха да обручье.

Гор оказался рядом, бережно поднял его, убрал в карман.

– Я покупал его по просьбе Смила, – отстраненно вспомнил он.

– Она ушла? – Ярина тоскливо уставилась на пляшущие по Пустоши солнечные блики. – Вот так просто?

Безумная ночь закончилась, оставив после себя лишь горечь.

– Она хотела уйти. Но все равно я не могу понять. Никогда не пойму.

Свень остался сиротой. И Орм. Воспоминание заставило безрадостно вздохнуть.

– Ивар тоже погиб.

Гор вытер пот со лба – бледнее мруна, даже в губах ни кровинки не осталось.

– Знаю. Меня вытащила из-под завала твоя нечисть, утянула к себе водными переходами. Они же предупредили, где тебя искать и привели на помощь кикимор. Только проку от них... Но я все равно в долгу. Придется кланяться.

Ярина слабо улыбнулась:

– Хотела бы я на это посмотреть.

Гордый чародей, который нечисть на дух не переносил, будет гнуть спину перед водяным и хихикающими русалками.

Но Гор не ответил, не стал подначивать, лишь еще больше ссутулился, зябко ежась, хотя Ярина, стоя рядом, чувствовала шедший от него жар.

– Холодает. Думаешь, твой вредный дед пустит меня на постой? Не хочу к себе.

– Конечно, – Ярина спохватилась и взяла Гора за руку. Еще бы он хотел в Пожарища! До них идти дольше, а он на ногах не стоит. – Пойдем.

Вдруг захотелось ватрушку с повидлом. Яблочным. Или пустую, но чтобы с поджаристой корочкой. Какая же она голодная!

Гор не ответил – захрипел, с губ слетели багряные капли. И вдруг ничком рухнул на землю. Спина его была мокрой от крови.

– Гор! – Ярина бросилась на колени, пытаясь приподнять

его. – Гор!

Он не слышал. Голова безжизненно свесилась, на лице блестели бисерины пота, частое дыхание клокотало в горле, а кровь из раны текла, не переставая. Лихорадка все-таки настигла его. Если ничего не сделать, Переправщица скоро будет здесь! Нет уж, она и так сегодня собрала богатую жатву.

Ярина кое-как дотянулась до рубашки Дары, той все равно больше не понадобится. Разодрав ткань на полосы, туго перетянула воспаленную рану, кусая губы.

– Не умирай, слышишь? Ты обещал взять меня с собой.

Она стерла выступившие слезы, вот еще, плакать не хватало, и заговорила громко, невпопад, стараясь дозваться, хотя знала – в горячке он не услышит.

– Сейчас. Подожди немного. Скоро будем в избушке. Я хочу поехать с тобой, но в Ольховник все равно надо, теперь еще больше, чем прежде. Я обещала Ивару, что отдам Орма одному человеку. Тот должен о нем позаботиться.

Ожерелье, к которому она привычно потянулась за силой, чтобы позвать волков, не откликнулось. До Ярины не сразу дошло, в чем дело. Лесная «корона» стала привычной, до чего же она беспомощна без нее. Особенно сейчас, когда так нужна сила!

– Ладно, – выдавила она, бережно укладывая Гора обратно на землю. – Ладно. Я что-нибудь придумаю.

Как дотащить его до избушки через лес? Нет ни волков, ни медведя, не услышит ее дедушка. Ярина беспомощно огля-

нулась, но кроме тряпья мертвого колдуна ничего на глаза не попадалось. На Горе одна рваная рубашка, хотя...

Плащ Вальда добротный: из богатой ткани, длинный.
– Пойдет.

Ярина расстелила плащ и бережно уложила на него раненого, стиснув горячую ладонь одной рукой и край ткани – другой.

Тащить приходилось спиной вперед, Гор то и дело норovil сползти, но она упорно тянула его, отчаянно бурча себе под нос. Все лучше, чем плакать.

– Почему ты такой тяжеленный, раз такой худой?!

Дедушка так же бранился, когда дело не ладилось. Сидит теперь, наверно, переживает. Обещал Гору с рассветом прийти на Пустошь, забрать ее. Не разминуться бы в лесу. Троп много.

Ярина шмыгнула носом и опустила на колени, вновь поправляя сбившийся плащ. Пот лил градом, спина ныла от натуги, но расслаживаться было некогда: если вовремя не справиться с горячкой, Гору только целитель поможет. А чароде-ев здесь больше нет.

Она оглянулась по сторонам и похолодела – на ближайшей осине сидели знакомые вороны. Такие же, как те, которыми управлял спятивший колдун, и которые следили за ней изо дня в день, куда бы она ни пошла. Если приглядеться, можно даже багровый отлив на перьях заметить.

Но Вальд мертв. Неужели заклятие не распалось?

– Мне мерещится! – громко заявила Ярина воронам, махнув на них рукой, словно хотела бросить камень. – Вас здесь нет.

Обычные птицы уже возмущенно снялись бы с веток, крыльями бы захлопали, а эти сидели неподвижно.

– Я вас не боюсь!

Ну вороны! Что она, птиц не видела?

Ярина закусила губу, перехватила плащ поудобнее и пошла дальше, жмурясь от солнца, которое било в лицо, просвечивая сквозь деревья. Такое яркое! И все вокруг переливалось, наполнилось красками, аж глазам больно.

В груди начинало печь. Жар разливался по телу, выравнилось дыхание, даже ноша как будто стала легче. Непонятное чувство, словно она может холмы своротить, реку вспять повернуть, деревья с корнем повыдергивать...

Наваждение исчезло, стоило Гору застонать, невнятно забормотать что-то, мотая головой. Ярина осторожно придерживала его, погладила по слипшимся волосам.

– Потерпи, – попросила она. – Я тебя вылечу, вот увидишь. У меня зелий полно. Ты продержишься еще немножечко.

Рядом хрустнула ветка. Ярина испуганно вскинулась, ожидая худшего. За эти дни случилось столько, что в пришедшую вдруг подмогу просто не верилось.

Но это был не вурдалак, не хозяин воронов. Уже знакомая бледная девица, увешанная бусами в пять рядов, огромными глазами смотрела на нее. Весёна ее звали, кажется. Это она

бросала на Ярину полные жгучей ненависти взгляды каждый раз, завидев вместе с Гором.

Ярина не успела даже рта раскрыть, чтобы попросить о помощи, как эта дурища сорвалась с места и, визжа, скрылась за деревьями.

Догонять ее – глупость несусветная, бросить Гора она не могла.

– Совсем немного осталось.

После ночи земля была размокшей от дождя, она липла к плащу, чавкала под ногами, не давая двигаться быстрее. Ярина упрямо пыхтела. Приходилось то и дело дергать головой – растрепавшиеся волосы лезли в глаза.

Вороны беззвучно перелетали с дерева на дерево, следуя за ней, от этого в груди все сильнее разгорался пожар. Хотелось выплеснуть куда-то непрошенный огонь, но Ярина с лихвой нагладелась на магию. Кто знает, что случится, дай она себе волю.

Дорога казалась бесконечной. Гор хрипел все громче, силы то приливали полноводной рекой, то исчезали, оставляя двигаться на чистом упрямстве.

В один из таких отливов за деревьями раздались топот и крики.

«Деревенские», – отстраненно отметила Ярина, сжав край плаща крепче. Ладони были мокрыми, он все норовил выскользнуть.

– Держите ее, держите! – раздался истеричный женский

голос.

На расстоянии вытянутой руки от нее вывалилась толпа селян с косами и вилами. Взъерошенные и растерянные, они вытаращились на Ярину, а та тяжело вздохнула, привалившись к ближайшему стволу – сил совсем не осталось. Среди этого разношерстного сборища была и та троица, напавшая на нее у избушки.

– Я же говорила! Ведьма! Ведьма! – запричитала из-за мужских спин Весёна. – Она господина погубить хочет! Зачаровала его, порезала и в нору к себе тащит.

– Неправда, – говорить было тяжело, но такой глупости Ярина стерпеть не могла. Не хватало еще с деревенскими ссориться.

Страха не было, вместо него в груди плескалась брезгливая жалость, совершенно непонятная. Словно не ее. Может, отголоски чувств Девы за ночь не выветрились?

– Посмотрите на него, на нем же живого места нет. Она все к нему подкрадывалась, подбиралась! Небось, господин защищался, вон как поганку отделал.

– Мы не друг с другом сражались, – устало откликнулась Ярина, желая одного – чтобы они хотя бы не мешали. – С тем, кто детей убивал. Если сейчас с раной не справиться, Гор умрет. Не хотите помочь, просто уйдите.

Она посмотрела на них, и толпа отшатнулась, ошетинившись вилами.

– Не смотрите на нее, – снова заверещала чокнутая. – Гла-

за ведьмины. Зачарует!

– Ты... это! Девка! Не балуй! – обратился к Ярине толсто-пузый мужичок, отчаянно кося глазом в сторону. – С нами пойдешь. Руки давай. Вязать тебя будем. А не то...

– Нет! – Ярина уперлась. На нее будто ушат колодезной воды вылили: наваждение спало. Она одна, без защиты, перед напуганной озлобленной толпой. И никто на помощь не придет.

Она беспомощно оглянулась, но кроме селян рядом были лишь колдовские вороны. Не станут они ей помогать.

– Ему нужна помощь, вы не понимаете! Он умрет! – попыталась объяснить она, но стоило поднять взгляд, как мужики опять отшатнулись. Лишь один не испугался: ловко подскочил со спины и накинул Ярине на голову мешок. Она едва успела вскрикнуть, как рот зажали через грубую дерюгу.

Ее оторвали от земли, от Гора, стянули локти за спиной и потащили.

– Быстрее. К старосте. Он решит, что делать!

– Господин! Слышите? Все будет хорошо, мы вас спасем! – дурная девица заголосила, но Ярине было не до того. Она брыкалась и барахталась, пытаясь освободиться. Ее безжалостно тащили в Пожарища.

Не спасут они его, угробят!

Дышать было нечем, мешок вонял гнильем, лапища сжала лицо так, что, наверное, останутся следы от пальцев.

Кожу вновь обожгло изнутри, плеснуло жаром. Сила при-

шла нежданно, она переполняла ее, того и гляди выльется. Но как зачерпнуть хоть горсточку из этой полноводной реки? Ярина не знала. Хотя пыталась!

– Уби-или! – раздалось визгливое. – Господина уби-или! Ведьма погуби-ила!

Гор! Нет, он не мог умереть. Не мог. Сердце сжалось от ужаса, она обвисла на руках мучителя, еле перебирая ногами.

– Что? Как? – раздавалось со всех сторон перепуганное.

– Что блажишь, Весёна? Живой он. Ваше чародейство, слышите? Тащите его в избу! – сипящий голос старосты прорвался сквозь набат в ушах. – Да быстрее, олухи, что застыли! А это что еще?

– Дык, ведьма, – ее швырнули на землю, Ярина больно приложилась головой о камень.

– Весёна, куда?! – рявкнул староста. – Нечего тебе там делать. Беги, баню растопи. Не стой, дура! А вы поднимите девку, снимите мешок с нее.

– Нельзя, зачарует, – заикнулся было один, но ее тут же вздернули на ноги. Свет ударил по глазам. Ярина закашлялась, и бешено уставилась на старосту, который сразу отшатнулся, сотворив перед лицом охраняющий круг.

– Убить ее! – взвыл покусанный ею когда-то мужик.

– Утопить!

– Нельзя! Она дружбу с водяным водит, выплывет.

Вокруг плотным кругом собралась остервенелая толпа.

Преобразились люди, исказила их лица звериная злоба. Даже староста, обычно степенный, выглядел растрепанным, дурноватым. Обережная ладанка, которую он вечно теребил, сейчас была будто сгоревшая.

Ярина хотела закричать, объяснить, но горло словно сдавил кто-то, накатила слабость. Хотелось отдаться на растерзание людям, и все закончится. Нужно просто закрыть глаза.

– Сжечь на краде! Принесем Переправщице жертву, она господина оставит.

– Стойте! – властно прикрикнул староста.

Ярина устала на него, как на последнюю надежду, которая рассыпалась черным пеплом с его словами:

– Мы люди честные. Не изуверы. Повесим ее и всего делов.

– Я не виновата, – застонала она слабо, но рев толпы заглушил слова.

Шею быстро оплели веревкой. Ее набросил один из тех троих, рванув петлю так, что Ярина захрипела.

Опять прибыла сила. Яркая, чистая, злая. Она родником била в груди. Только возьми, выплесни на людей. Да и какие это люди? Звери, нечисть – и те добрее будут.

Ярина, будто наяву, представила, как отпускает то, что рвется наружу. Как сносит потоком людей, избы, перемалывает безжалостно. Вместе с Гором.

Нет!

Она не может и не станет. Она человек. И человеком оста-

нется. Пусть даже другие потеряли людской облик.

Лишь бы Гор был жив.

Под ноги ей подпихнули лестницу, перекинули через сук веревку. Вой оглушал.

Ярина еще пыталась трепыхаться.

Бесполезно, глупо все. Они убьют ее, Гор умрет сам, потом селяне пойдут войной на нечисть, и водяной сотрет Пожарища с лица земли.

Нет! Пусть он живет! Должны же у него дома остаться какие-то снадобья, выходили же его местные по осени. О том, что будет, когда он очнется и увидит в окно, как она болтается в петле, лучше не думать.

Ярина пыталась найти выход. Ну хоть какой-нибудь! Не было больше на шее ожерелья, не позвать на помощь. Та сила, что бурлила внутри, не услышав отклика, схлынула, оставила наедине с ледяным дыханием Переправщицы, уже стоящей за спиной.

Разъяренные селяне расплывались перед глазами. Четкой оставалась только Весёна, на холеном лице которой ненависть мешалась с дикой радостью.

Веревка сдавила горло.

– Смерть ведьме!

– Смерть!

«Жить хочу!» – отчаянно подумала Ярина, задыхаясь.

Солнце слепило, и вихрем влетевший в толпу всадник сперва показался видением. Но сквозь гул в ушах раздалось

испуганные вопли, люди прыгнули назад, спасаясь от вставшего на дыбы коня.

– А ну, все назад!

Над ухом взвизгнул, рассекая воздух, кинжал, душившая петля упала на плечи.

Сверкнула смарагдовая подвеска в волосах, карие глаза горели яростью.

Он совсем не изменился. Нисколечко.

Ярина всхлипнула, ноги подогнулись, и она рухнула на руки Тильмару.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Очнулась она быстро. Веревки, что опутывали руки, исчезли, оставив вместо себя кровавые следы на коже. Перед глазами танцевали цветные искры. Ярина дернулась и свалилась бы вниз, не поймай ее Тильмар. Он крепко прижимал ее к себе и пытался влить в рот какую-то гадость. Полынно-горькое зелье полилось в горло, тут же подступила тошнота, зато дурмящая слабость исчезла без следа, в голове прояснилось.

Ярина уткнулась носом в пропахшую дорожной пылью куртку, пережидая дурноту. Слезы подступили сами, сколько она ни пыталась крепиться.

– Ну-ну, птичка, не плачь, – мягко пробормотали над ухом.

Почему они сидят на той самой осине, на которой ее пытались повесить? Ярина не успела спросить, как рядом свистнул болт. Не долетел, стукнулся о невидимую преграду и отскочил, вызвав возмущенный рев толпы.

Тильмар заговорил отрывисто и зло, усиливая голос чарами:

– Я в последний раз спрашиваю, где местный маг? Темноволосый боевик, рожа кислая, нрав, как у упыря. При себе таскает такой же перстень!

Слезы сразу просохли. Гор! Пока они тут сидят, он уми-

рает!

Ярина вцепилась в отворот куртки и попыталась выдавить хоть слово, но вышло лишь сипение, смешанное со всхлипами.

К чести Тильмара, тот все понял.

– Знаешь, где он?

Она неистово закивала.

– Не слушайте! Он с ней заодно! Убьют господина, а потом и наш черед придет! – раздался звонкий и злой голос Весёны.

– Они всегда такие несговорчивые? – Тильмар сердито поморщился. Порывшись в сумке, выудил горсть мелких, с горошину, прозрачных шариков и кинул в людей. Те зашлись в ответ площадной бранью. Снова тренькнули стрелы, но щит стоял крепко – ни одну не пропустил.

– Гор умирает! Скорее!

Сказать было проще, чем сделать: стоит им слезть, и их растерзает толпа, а магией чародей почему-то пользоваться не спешил.

– Скорее – это, конечно, хорошо, но щит я уже поставил, и перенести его не получится, долго. Как-то я не подумал. Сколько они будут беситься? Странные какие-то.

Селяне тем временем копошились внизу, явно собираясь избавиться дерево от непосильной ноши. Приблизиться им не давал щит. Вилы, топоры и стрелы отскакивали от него с издевательским свистом, от которого толпа ярилась еще пуще.

– Несите хворост. – Староста скрылся в доме Гора, вместо

него командовал тот самый мужик, который кидался на нее у избушки. – Значит так, господа хорошие, – обратился он к ним, то и дело вытирая пот со лба, будто каждое движение давалось с трудом. – Мы вас к себе не звали. Вы нашего господина чуть не сгубили, вот и получайте сполна.

– Эй, мужик! Вы тут все глухие, что ли? – Тильмар с любопытством наблюдал, как осину берут в кольцо. Он не понимал, чем это может грозить. А вот Ярина знала: не растерзают, так спалят. Будет, как с избушкой. Но она снова даже отголоска силы в себе не могла отыскать. Уже знакомая слабость накатила, заковывая в колодки руки и ноги. Как в лесу, когда ее повязали, а она даже оправдаться не могла.

– Сделай что-нибудь, – взмолилась Ярина. От огня щит их закроет. А от дыма? – Мы здесь угорим.

– Пока не могу. – Тильмар предъявил ей увесистую связку разномастных оберегов и тряхнул перед лицом. – Вокруг белый шум. Ну... когда возникает область магических помех, большая часть амулетов лишается силы. Я еще на подъезде заметил. Приходится импровизировать.

– Ты же чародей!

– Я не боевик, – растерянно огрызнулся он. – Не могу обезвредить всех разом. Хочешь, чтобы я в каждого заклятиями швырялся? Так они еще больше взбеленятся.

– Нас сожгут!

– Насчет этого – не волнуйся. Огонь я потушить могу. И не подпустить их к дереву – тоже. Подождем, пока они осты-

нут.

– Не остынут! – Ярина готова была плакать от бессилия. Хотелось привалиться к Тильмару и разрыдаться. Наваждение какое-то! Даже в лапах Вальда она не чувствовала себя такой сломленной. Вспомнив ощущение бурлящего внутри ключа с ледяной водой, она позвала чужую силу, которой у нее никогда не было. В жар бросило резко, зато напускное безволие разом отступило.

– Остынут. Заклинания такого уровня не держатся долго без подпитки, а если кто-то начнет колдовать в толпе, я замечу и приму меры. Пусть хоть архимагом будет, средство найдется. – Тильмар сильнее сжал перстень на пальце: три затейливых завитка с темным лалом в центре. Такой же, только с синим камнем, лежал у Гора на столе.

– Они под чарами?

– Я же говорю. – Тильмар мягко погладил ее по волосам. – Не трусь, птичка. Надо подождать.

– Мы не можем!

Сельчане тем временем и правда не могли приблизиться к дереву, поэтому пытались разжечь хворост вплотную к щиту.

– Мы не можем ждать, – повторила Ярина, тревожно оглядываясь. – Гор умрет, ты не понимаешь!

Долго ли Тильмар сможет удерживать людей подальше? И не возьмется ли за них всерьез тот, другой колдун? Кто-то ведь наложил на местных заклятие. Значит, он рядом. Вальд мертв. Вряд ли это его посмертный подарок.

Алый камень в перстне вдруг вспыхнул и замерцал, а сам Тильмар выдохнул с таким облегчением, словно от этих искорок зависела его жизнь.

– Эй, вы! – заорал он с новой силой, вытаскивая из сумки очередную горсть прозрачных шариков и осыпая ими толпу. – Я требую, чтобы вы пропустили нас к моему другу. Слышите? Остался в этом бедламе тот, кто может обрабатывать?

Шарики с хрустальным перезвоном посыпались на землю. На первый взгляд, ничего не изменилось, но люди вдруг начали замирать, движения стали дергаными, на лицах все чаще мелькала растерянность.

– Давай же! – рыкнул Тильмар, вновь сжимая камень в перстне. – Ну!

– Что ты делаешь? – Ярина не понимала, что происходит, не знала, что делать. Она боролась с незнакомой силой, пытаясь направить ее лучом, чтобы можно было безопасно добраться до Гора. Бесполезно. Легче реку в новое русло загнать, чем справиться с магией, которая не хотела признавать ее хозяйкой. Вот если бы ослабить чужое заклятие, заставить людей хоть на миг задуматься. У Тильмара почти получилось.

– Бужу одного идиота, пусть сам здесь разгребает, – он быстро улыбнулся ей. – Старосту сюда позовите, слышите?! Смотри, кажется, прислушиваются.

Так перстень – это связь с Гором? Но он же его не носил.

И как может умирающий вдруг встать и пойти?

– Гор не встанет, перстня нет у него на пальце, он лежал на столе, когда я его видела, – испуганно выдохнула она.

– Этого достаточно. Поверь, ты его недооцениваешь. И силу моего убеждения – тоже.

В подтверждение его слов в доме колдуна раздался шум и возмущенные вопли.

– Что я говорил? – Тильмар ухмыльнулся и расслабленно откинулся назад, заложив руки за голову.

Сначала на пороге появился перепуганный староста: он пятился, нелепо размахивая руками, бормотал что-то.

А за ним... Ярина радостно вскрикнула и чуть не свалилась с ветки.

Гор походил на мруна. Полуголый, весь в кровавых разводах. Он едва на ногах стоял, цепляясь за стену, но был зол, как голодный вурдалак.

– Что тут происходит? – И вроде тихо сказал, а голос набатом разнесся по деревне.

Селяне застыли. Кто с вязанкой хвороста, кто с топором, а кто со взведенным самострелом.

– Когда же вы уйметесь?

– Ваше чародейство... – заикнулся староста, но сник под бешеным взглядом.

Ярина, себя не помня, слетела с дерева, забыв про опасность. Ее будто ветер нес, как в тот раз, когда шагнула к Пустоши. Люди шархались в стороны, прикрывали лица рука-

ми.

Гор начал заваливаться, она успела вовремя, проскользнув ему под руку.

– Ты не можешь ни во что не влезть, да? – выдавил он и перевел взгляд на Тильмара, который как ни в чем не бывало шел сквозь толпу, словно не его минуту назад пытались убить.

– Смотри-ка, живой, – благодушно заявил он. Но Ярину не обманула эта напускная безмятежность. Взгляд у сестрицыного мужа был пронзительный, тревожный.

На искаженное болью лицо Гора как черная туча набежала.

– Ненадолго. Вы меня в гроб вгоните, – почти беззвучно выдохнул он, опираясь на Ярину все сильнее. У нее ноги подогнулись от тяжести, и Тильмар отстранил ее, перехватывая друга. – Слушай. Соберите мои вещи. Быстро. И везите меня в лес, в избу. Поняли?

– Но... – Ярина не успела заикнуться, а Тильмар уже кивал.

– Иди. Я тут... разберусь. – Гор заскрипел зубами от боли. Он зло уставился на замершего старосту, а Ярина метнулась в дом.

К счастью, в доме никого не оказалось. Стол больше не закрывали чары, она беспрепятственно смела все в дорожный мешок, едва не обожглась о раскаленный перстень, близнец того, что светился на пальце Тильмара, метнулась к сунду-

ку, выгребая одежду. Сейчас возьмет самое необходимое, остальное потом можно забрать.

Со двора долетали обрывки фраз.

– Господин...

– Перван, делай, что говорят. Телегу. Живо. Выполняй.

– Нейтрализатор действует слишком медленно, надо бы улучшить, – лениво отметил что-то непонятное Тильмар, словно не сидел только что на дереве, отбиваясь от обезумевшей толпы. – Но тебя он слушает, а когда я пытался с ним говорить – ухом не вел.

– Нашел время... эксперименты ставить.

– А ты нашел время куда-то ехать. Посмотрел бы на себя: упырь упырем. Таким красавцем стал, как только люди не шарахаются.

Ярина закусила губу. Зачем Тильмар его подначивает? Видит же, как Гору плохо!

– Посмотрел бы я на тебя, если б ты умирал, а тебя заклятьем из дома вытащили.

– Извини, друг мой, выхода не было. Твое появление подействовало на людей... оздоравливающе. Они же не сообщали ничего!

– Вот потому и нужно ехать.

– О, смотри-ка, телега! Готова?

Сумка получилась увесистой, Ярина тащила ее волоком. Когда выскочила на крыльцо, Гор уже без сознания лежал в телеге, бережно укрытый чужой курткой. Сам Тильмар об-

наружился на козлах, рассыпая очередную порцию шариков. Люди вокруг застыли изломанными куклами, даже шевелиться им было невмоготу.

– Что с ними? – Она кое-как забросила сумку в телегу и села рядом с Гором. Тильмар не стал ждать, понукая лошадь, и пегая кобылка, пофыркивая, затрусила по тропе.

– Ничего, отойдут, им полезно, – откликнулся он. – Присмотри лучше за нашим героем, как бы он дуба не дал.

– Он не умрет! – голос сорвался. Гор был бледным до синевы, волосы налипли на лоб, а хриплое дыхание то и дело срывалось в стоны. Ярина осторожно перекатила его на живот, чтобы осмотреть рану. Староста успел ее промыть, но края оставались воспаленными, хотя кровь уже не шла.

– Конечно, не умрет, – удивленно ответил Тильмар. – Не бойся, птичка. Это такие пустяки. Выкарабкается. Лучше расскажи мне, как вас угораздило? И на вот, на шею ему надень.

Он снял вплетенную в волосы подвеску и навесил ее на шнурок. Ярина осторожно обвязала витую нить вокруг шеи Гора, коря себя за неповоротливость.

– Ты же говорил, что обереги не работают.

– Смотря какие. Есть амулеты, вот их выжгло: и сторожевые, я на подъезде видел, и те, что у местных были, потому воздействие и удалось. А есть артефакты, как этот, например. Такие вещи ненаправленным магическим всплеском не уничтожить.

Покосившись на ее расстроенное лицо, Тильмар добродушно хмыкнул:

– Я тебе потом покажу на примере, в чем разница. Сейчас это неважно. Рассказывай.

И Ярина сбивчиво принялась объяснять, стараясь донести главное: про бой, про смерть Вальда-детоубийцы, про истощение Гора и про открывшуюся рану. С остальным после.

Она и половины не дорассказала, когда телега со скрипом замерла перед знакомым частоколом, осиротевшим без черепов.

– Ты одна тут обитала? – Тильмар с удивлением присвистнул.

– Дедушка еще. Домовой. – Ярина соскочила с телеги, голова закружилась, но сейчас слабость позволить себе было нельзя. Она хотела навалиться на ворота, но Тильмар успел первым: распахнул тяжелые створки и повел лошадь под уздцы во двор. Ярина двинулась следом, не сводя взгляда с Гора. Вдруг ему хуже станет.

Звать дедушку она почему-то боялась, хотя откуда-то знала: он жив и ждет ее. А еще знала, что ни капли чар в доме больше не осталось. Теперь, спустя почти тысячу лет, он был мертв. Сила, что хранила его, ушла вместе с Девой и ее братьями.

– Вернулась, – раздалось с крыльца. Домовик не стал ждать, пока она позовет, сам вышел. Выглядел он потрепанным и смотрел отчего-то виновато.

– Да, дедушка. – Ярина оглянулась: Тильмар как раз вытаскивал Гора из телеги, ругаясь сквозь зубы.

– Ты прости меня, девонька, – дедушка, не поднимая головы, теребил подол рубахи, – что не вернулся к тебе. Ведь обещал я. А поутру выйти из избушки не смог. Как черту кто-то затворил, что у ворот, что у калитки. Я и так и эдак – не дает. И не узнаешь, сгибли вы али нет. Прости старика.

– Тебе запретить выходить могла только хозяйка, а она, как видишь, этого не делала. Просто магическое эхо возникло, – пропыхтел Тильмар, поднимаясь на крыльцо. – Здравствуй, дед. Извини, разговаривать некогда. Нам бы уложить этого... и горячей воды побольше.

У Ярины из головы все мысли мигом вылетели. Она распахнула дверь пошире, пропуская их в горницу. Домовик засуетился, забормотал что-то себе под нос и умчался.

Они уложили Гора на ошпаренную кипятком лавку и принялись за дело. Оттирали кровь, стягивали края раны. Ярина разыскала все снадобья, которые были в доме, только бы снять воспаление, пока хуже не стало. Тильмар навешивал амулеты и что-то ворожил. Когда дедушка расщедрился – принес ларец с украшениями, только хмыкнул, увидев драгоценное ожерелье, и немедленно надел его Гору на шею.

– Лишним не будет, – пояснил он.

Хотела бы Ярина использовать силу, которая засела внутри, но обуздать ее времени не хватало, поэтому она делала то, что больше всего удавалось – лечила. Травы и зелья по-

могали, но без чар их было недостаточно. Не приди Тильмар на помощь, горячка бы выжгла Гора.

Но спустя день жар ушел, а на следующий – дыхание выровнялось. Они одолели болезнь.

Ярина не отходила от Гора ни на шаг, даже спала рядом, держа его за руку. В баню и то дедушке пришлось ее силой гнать.

– Иди, – ворчал он. – Дружок твой присмотрит. Иначе откроет эта бестолочь патлатая глаза, а тут ты, на навью похожая. Что скажет?

Ярине оставалось подчиниться, на разговоры сил не хватало, она и с Тильмаром перемолвилась лишь парой фраз да спросила у домовика про Орма. Ребенок жил в ее спальне, был тихим и радовался всем, кого видел, не зная, что теперь сирота.

Она помнила данную Ивару клятву, но сейчас думать о ней сил не было, как и о самом северянине, оставшемся лежать в подземелье. Надо бы его похоронить как следует, но попросить некого. До русалок добраться сначала нужно, а на людей Ярина даже смотреть не могла. Они стучались пару раз в ворота: то ли справиться о своем заступнике, то ли снова хотели напасть. Она не знала, говорил с ними Тильмар. Он же развесил вокруг избы амулеты и подновлял дважды в день, потому как они постоянно портились из-за того самого «белого шума», про который она и не поняла толком.

Пустошь отпустила, сны к Ярине больше не приходили.

Глаза ее так и не сменили цвет обратно, остались яркими, отливающими янтарем. И в волосах над ухом теперь пробивались мелкие рыжие перышки – прощальный дар дивьего стражника. Их она тщательно спрятала даже от Тильмара, не желая лишних расспросов.

На третий день разбудила Ярину странная тяжесть на затылке. Кто-то гладил ее по голове. Она заторможено открыла глаза и уставилась на Гора. Выглядел тот – краше в гроб кладут, но смотрел пристально, с теплотой.

Ярина встрепенулась, соскочив, и заметалась по спальне.
– Как ты? Хочешь что-нибудь? Воды? Надо дать тебе настой...

– Сядь, – мученически выдавил Гор. – Не мельтеши.

Под усталым взглядом она смутилась и села на место. В голове звенело, но сердце захлестывала дурная радость – живой, разговаривает!

Гор слабо дернул уголком губ в ответ на ее обеспокоенный взгляд.

– Что я пропустил?

– Многое, – раздалось от двери. Тильмар был бодр и свеж, несмотря ни на что. – Ты чуть на своих похоронах не побывал. Мы думали, придется от тебя белокошую деву метлой отгонять.

– Почему так долго?

Во взгляде Гора облегчение смешалось с раздражением, Ярина даже удивилась. Позавчера она была слишком измо-

танной, поэтому приняла дружбу Гора с мужем сестры как данность, но сейчас опять задумалась. Если дедушка не посылал весточку в Ольховник, да и как бы он успел, откуда Тильмар знал, что она здесь?

– Ну извини! – Тот фыркнул и уселся в изножье кровати, с удовольствием похрустывая свежим хлебом. У Ярины от запоздало проснувшегося голода тут же свело живот, но разговор пропускать было нельзя. – Как только прилетел твой вестник, я сразу выехал, но на подступах начались проблемы с местным населением, пришлось доказывать, что я не навий и не душегуб. Бурную же деятельность ты развил: людей обработал, амулетов понатыкал. Неплохо сделано, жаль, они выгорели все. А вообще из твоего письма я ничего не понял, и уж точно не ожидал, что приеду на казнь своей маленькой свояченицы.

Ярина фыркнула, но смолчала – до того потешным вдруг стало выражение лица Гора. Тот вытаращил глаза и с усилием моргнул – раз, другой, но потом все же переспросил, не веря ушам. Смотрел он на нее так, словно уличил в родстве с навью. Но она так устала и запуталась, что не могла улыбнуться.

– Кого?! – булькающе выдохнул он.

– Ты не знал? Ярина сестра моей жены, – удивленно ответил Тильмар. – Тогда что же ты мне писал про «мою девочку?»

Ярине изумление Гора не понравилось. Она хмуро гляну-

ла на него в ответ. Он знал Тильмара, знал, что она едет к нему и молчал. Почему?

– Я думал... – пробормотал Гор и снова уставился на нее. – Но ты... совсем не похожа?

– На Нежку? – удивилась Ярина. – Да, она другая.

– Я не об этом, она же...

– Осторожней, друг, – в голосе Тильмара скользнули предостерегающие нотки. – Не забывай, меня характер моей жены устраивает.

– Я думал... – Гор все никак не мог прийти в себя.

– Да, вот мне тоже интересно, что ты такое думал, раз написал мне письмо, полное невнятных обвинений.

– А что там было? – тихо встряла Ярина.

– Ничего конкретного, к сожалению, – покачал головой Тильмар. – Что-то про «мою девчонку», которую он встретил в Пожарищах, про бусы из бирюзы. Это те, что я тебе передавал? А еще там было требование немедленно приехать и не заставлять других страдать за мои ошибки. Мог бы написать яснее, рука бы не отвалилась.

Гор насупился.

– Я не мог исключить возможность, что письмо попадет к Нежане, – нехотя признал он.

Щелк! Загадка сложилась в голове, заставив задохнуться. Сердце упало. Вот, значит, как... а она-то...

– Ты узнал ту нить с бирюзой. И решил, что Тильмар заморочил мне голову, а потом уехал. И бусы подарил, чтобы

откупиться. Решил, что обманутая дурочка бросилась за ним в погоню, оттого и рвалась в Ольховник, – шепотом выдавила Ярина, уставившись на одеяло, потому что в лицо Гору она больше никогда посмотреть уже не сможет.

– Ярина...

– Ты и замуж за Ивара хотел меня отдать, чтобы друга спасти от скандала с женой, – продолжила она, задыхаясь все больше. – А когда не вышло, предложил с тобой поехать, лишь бы я до Ольховника не добралась. Я никак понять не могла...

– Ярина.

Тильмар с тревогой смотрел на них обоих, а она не могла оторвать взгляда от пальцев Гора, нервно комкающих лоскутки одеяла.

– Пойду, посмотрю, что там с травами, – вымороженно улыбнулась она, поднимаясь.

Только бы не заплакать. Только бы...

– Послушай...

Ярина подавила порыв зажмуриться и зажать уши. Она давно не дитя, справится. Только коса-то выросла, а вот ум – нет. Так дурочкой и осталась!

Надо просто уйти туда, где никто не увидит.

Холодные пальцы коснулись запястья, и она не выдержала – вылетела из горницы. Едва не скатившись с крыльца, пронеслась по двору, к бане и со всех сил опустила за собой засов. Колдовству он не помеха, но должны же они понять.

Подступившие слезы исчезли без следа. Не осталось ничего, в душе словно Пустошь раскинулась. Нет, даже та была живой, теплой. А здесь – один черный пепел, как на той прогалине.

– Вот оно как... – повторила Ярина в темноту и не узнала свой голос.

Все ведь одно к одному сошлось. Гор отчаянно хотел ее спровадить, потом, поразмыслив, признал в бусах знакомую работу. Конечно, злился каждый раз, когда она упоминала Ольховник. Тильмар ему друг, Нежку любит, семья у них счастливая, а тут полоумная какая-то вбила себе в голову невесть что. Вот и решил остановить.

Смешно, но Ярина его понимала. Если б дело касалось сестры, разве б не придумала она какую-нибудь хитрость? Не захотела бы остановить, чтобы чужак счастье Нежке не порушил?

Но больно.

Она по стенке сползла на пол.

И некого винить, себя только. Глупость свою! Размечталась! Дурища деревенская! Когда забылась? С чего решила, что Гору могла понравиться? Ему, чародею!

Задыхаясь, Ярина рванула ворот рубахи.

Душно!

В груди жгло, жгло, жгло. Облегчение не наступило, даже когда по лицу потекли горячие слезы.

Она плакала и плакала, привычно зажав рот ладонями, на-

деясь, что грызущая боль притупится, как раньше. Но Охранители, наверное, наказывали ее за глупость.

Стук прорвался сквозь всхлипы не сразу. Ярина в ужасе замерла.

Пусть это будет дедушка. Пожалуйста!

– Ревешь?

Голос у Гора был глухим и странным каким-то, неживым. «Наверное, от боли. Встал ведь, хотя лежать надо», – решила Ярина и крепко зажмурилась. Может, уйдет?

– Я не стану просить прощения.

Темнота перед глазами неожиданно расступилась, Ярина как наяву увидела двор, будто сидела на крыльце. Гор подпирал дверь бани, уперевшись в нее лбом. Выглядел он таким измученным, что сердце сжалось.

И от этого стало еще больнее.

– Зачем встал? – спросила Ярина и испугалась всхлипа, который невольно сорвался следом.

– Хочу, чтобы ты поняла. Сначала я решил, что ты сообщница этого...

– Вальда.

– Да. Тебе несказанно везло. Я считал, что ты прячешь силу, но понял, что ошибся. А потом Перван вернул тебе бусы. Признаюсь, я узнал их не сразу. Заподозрил, да, но дошло до меня только после той нашей встречи, на болоте. Я сразу отправил вестника, сгоряча, не подумав. Вложил столько силы, что из-за этого чуть не завалил ритуал прощания. Все

понять не мог...

– Когда Тильмар успел со мной спутаться?

– Не нужно так, – тихо закашлявшись, Гор заговорил с невыносимой мягкостью, от которой захотелось зажать уши и завывать. – Я хорошо знаю его, видел их с Нежаной вместе и был уверен: он любит жену и не возьмется за старое. Но ты казалась достаточно наивной, чтобы неправильно понять его... внимание. И эти проклятые бусы из бирюзы. На первый взгляд подарок невероятно дорогой, но этот болван ценит только то, что напитано магией, а значит, для него они просто красивая безделушка. Хотя откуда тебе было знать такие тонкости. Зато я помню бешеный нрав твоей сестры, она не стала бы разбираться. Твое появление в Ольховнике разрушило бы их брак. Ты должна понять меня.

Самое страшное – она понимала. Нежана долго не думала, всегда рубила с плеча. Явись какая-то полоумная вместе с вещью, которую создал Тильмар, что бы она сделала? Вряд ли за четыре года ее характер хоть сколько-нибудь изменился.

Видение все еще было рядом, стоило лишь поманить, и перед глазами снова оказался двор. Гор крепко держался за дверь, то ли желая открыть ее, то ли просто сохраняя равновесие. Жаль, лица не разглядеть – далеко.

– И ты решил сделать так, чтобы я его забыла, – с горечью шепнула Ярина. Во рту пересохло, не сглотнуть.

Что ему какая-то девица, когда нужно спасти друга?

Он ведь понял, что она... что понравился ей. Никогда Ярина скрывать чувства не умела! Тильмар, вон, тоже четыре года назад знал. От того и Нежка сердито поджимала губы, завидев, как она взглядом его провожает.

Стыдно как!

Смотрел мягко, внимательно слушал, не насмехался, заботился. Жизнью ради нее рисковал, хотя кто другой прикопал бы тихонько. Или просто не стал вмешиваться, дал бы местным расправу учинить.

Много ли нужно, чтобы привязаться?

– Я не солгал тебе. Ни разу, – твердо ответил Гор.

И это тоже было правдой.

Он не обманывал. Некого ей упрекать, кроме себя, жалкой и глупой!

– Теперь все закончилось. Тильмар здесь. Уедешь с ним, забудешь всю эту чушь, лет через пять вспомнишь – посмеешься.

Говорил он спокойно, для него все было решено. Убийца сгинул, рана затянется, к чему тащить на плечах обузу?

– А если я не хочу? Забывать, – выдавила Ярина, желая оборвать все нити разом. Пусть больно, зато она узнает, услышит ответ от него.

– Тебе не стоит здесь оставаться, – с удушающей мягкостью сказал Гор. – Уезжай. Ты ведь так рвалась к сестре. Да и Орма нужно отвести к родичам, русалки упомянули про обещание, которое взял с тебя Ивар. Мы здесь закончим, и

вы поедете.

– Что будешь делать ты? – Наверное, не надо было спрашивать. Какое ее дело? Но Гор оставался здесь, в доме, который стал ей родным.

– Закончу дела и отправлюсь в Арсею. Кругу стоит узнать, что случилось. – Он оторвался от двери и утер лоб ладонью, тяжело вздыхая. Видение моргнуло и исчезло, перед глазами осталась лишь темнота.

– Уезжай, – глухо закончил он. – Все забудется.

Шаги его давно стихли, а Ярина сидела, уткнувшись лицом в колени и глотая жгучие слезы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

С того часа все переменялось. Ярина, как прежде, лечила Гору, готовила настои, но взгляд больше не поднимала, а закончив, торопилась скрыться, сгорая от стыда. Гор же терпеливо сносил лечение, но сделался таким отстраненным и равнодушным, что выть хотелось.

Она и выла. Тайком, зажав зубами край подушки, чтоб никто не услышал. Жалела себя и одновременно корила за глупость.

С чего бы Гору возиться с ней, когда другу больше не грозит скандал с женой? Для этого есть Тильмар, от сочувствующих взглядов которого хотелось провалиться сквозь землю. Он ведь все знал.

Ярина была бы рада безвылазно просидеть взаперти до отъезда, лишь бы не видеть их обоих, не сносить жалостливые вздохи дедушки, который стал странно-молчаливым. Она то и дело улавливала отголоски его страха, но что случилось – не спрашивала. Не до того было.

Приходилось держать лицо, чистить рану, перевязывать, сидеть в горнице за одним столом. Она и сидела. В беседы не лезла, только улыбалась слабо, когда Тильмар балагурил, явно стараясь отвлечь.

– Перед отъездом слышал новость, – рассказал он вечером, уплетая кулеш. Ели чародеи так, что за ушами треща-

ло. Гор отъедался после обожаемой селянами «картофи», а Ярина больше еду по тарелке размазывала. Раньше дедушка непременно сделал бы замечание, а то и ложкой пригрозил шутливо, но сейчас притих за печкой.

– Очередные сплетни? – лениво спросил Гор. – Валяй.

– Говорят, в Вестарии один из магов украл царевну, – с хитрым прищуром сообщил Тильмар. – И папаша ее, лишь бы выволить любимую дочь, полцарства посулил.

– А нашему племени тоже можно попытаться? Или награда касается вестарийских воинов?

– Не знаю, но желающих пока не нашлось.

– Невеста настолько ужасна?

– Если бы. Златовика – любимая дочь, первая красавица, умом с иными мудрецами может потягаться.

– Дай угадаю, – Гор привычно стиснул плечо пальцами, сутулясь, – дело в маге.

– Верно. И вот тут начинаются сплетни. Говорят, украл ее навий проводник.

Гор отмахнулся:

– Точно. Сплетни.

– А кто это? – Ярина мышью сидела на другом конце стола, но тут любопытство взяло верх. Хотя взгляда от тарелки не отвела.

– Смертовед по-простому, – добродушно пояснил Тильмар и улыбнулся, когда она, не выдержав, уставилась на него. – Да, их перебили еще до войны с дивью, но в том-то

и соль.

Правду Гор сказал – сплетни. Навьи проводники – те чародеи, кто души умерших из-за Реки призывали. А хуже, что они навьев в мертвые тела вселять могли, ими повелевали. За то ненавидели их люди, и боялись выходцы с той стороны. Смертоведы давно обитали лишь в страшных сказках. Как и дивь.

Ярина осторожно коснулась виска, где под волосами скрывались рыжие перышки. А вдруг не врут люди?

– Ладно, хватит пугать на ночь глядя. – Гор дожевал последнюю ватрушку и поднялся, покачнувшись. – Пойдем-ка в подвал. Давно пора.

– Ты не свалишься с лестницы, а? – Издевка в голосе никого не обманула. Тильмар волновался. Как и Ярина, но не было у нее больше права открыто это показывать.

– Вот и проверим. – Гор снова сжал плечо и натужно повел шеей. – Идешь с нами? – спросил он равнодушно, даже отвернулся, чтобы не смотреть на Ярину. Ее словно в полынью кинули, до того холодно стало, больно. Она бы снова забилась в спальню, но не теперь. Давно надо было взглянуть, что там со скелетом, который когда-то был Оружейником.

– Иду, – выдохнула она. За что поймала одобрителный взгляд Тильмара. Раньше бы обрадовалась, а сейчас сердце не дрогнуло ни капельки.

Сухой ледяной воздух внизу все так же царапал горло.

– Ух... – Тильмар схватился за свою подвеску, когда та

вдруг заискрила. – Вот это эхо!

– Да. – изо рта Гора вырвалось облачко пара. Ежась, он провел пальцами по потекам на стене. – Восемьсот лет, а держится, как вчера наложили.

Ярина не понимала, о чем они, она не сводила взгляда от стола. Меч так и не двинулся с места, но скелета больше не было. Темное дерево присыпала серая костная пыль.

Оружейник последовал за женой. Может, на Темной дорожке они найдут друг друга.

– Сколько всего, – восхитился Тильмар, разглядывая пузырьки. Руками он их благоразумно не трогал, не то, что Ярина тогда. – Испытать бы.

– Идея неплоха, но на ком испытывать будешь?

– Можно взять кого-нибудь из местных.

– Твоя кровожадность понятна, но я не для того их спасал.

Селяне приходили кланяться – Гор их на порог не пустил, выгнал вчера, как только встать смог. Хоть староста и причитал, что не они это – колдовство злое. Они бы никогда... Сегодня тоже приходил, постоял у частокола, вздыхая. А Весёна едва ли не ночевала там, но, едва завидев Тильмара, давала стрекача, только пятки сверкали.

Гор покосился на Ярину: лицо его непонятно дернулось, и она поспешила отвернуться, собираясь их оставить. Пусть сами разбираются...

Если он начнет ее жалеть – она не выдержит. А ведь он жалеет. Знал бы кто, как тошно от этого.

– Эх, бумаг не осталось. В таком холоде они могли бы сохраниться, – посетовал Тильмар.

Ярина уже вцепилась в перила, собираясь расспросить дедушку, почему он так беспокоится – домовой последние дни места не находил. Но услышав это, замерла.

– Остались, – тихо сказала она, сама себе удивляясь. Как до сих пор не вспомнила?

– И ты молчала?! – Оба чародея с одинаковым возмущением уставились на нее.

– Показывай! – велел Гор.

Книгу они бережно передавали друг другу, но в листки вцепились мертвой хваткой. Чтобы расшифровать письма, в ход пошли все обереги, которые были у Тильмара в сумке, но без толку.

– Не поможет... – они сидели за столом, голова к голове, и мучительно искали ключ к тайнописи.

Ярина осторожно притворила за собой дверь и пошла качать расшалившегося Орма. На диво тихое дитя – сам себе занятие найдет. Вот и теперь старательно кряхтел, пытаясь перевернуться.

С новой силой вспыхнула чужая тревога. Дедушка был сам не свой. Казалось ей, или он нарочно избегал ее? Боялся медовых глаз?

Ярина покосилась на себя в зеркало и вздохнула: некрасиво ведь. Она и раньше была не чета Нежке. А теперь и вовсе на навью похожа.

– Дедушка, – позвала она шепотом, зная, что он услышит. Но прийти домовой почему-то не пожелал. Ярина потянулась к нему: спальенка расплылась перед глазами, обернулась горницей.

Чародеи еще гадали над листками, а она будто подглядывала из-за печки. Видно плохо, зато слышно.

– Слушай, ты уверен? – Тильмар воровато оглянулся на дверь, за которой она скрылась.

– Мы не будем это обсуждать.

– Но она думает, что ты...

– Знаю! – Голос Гора был сиплым, полным досады. – И это прекрасно. Пусть думает. Я не собираюсь ее разубеждать. Чем скорее ты уберешь ее отсюда, тем лучше, пусть не лезет ни во что хотя бы в этот раз. Отправляйся домой, Тиль. Бери телегу, и чтобы вас здесь не было к следующему утру. Хватит с нее геройств.

– Я знаю твое упыриное упрямство, но спрошу еще раз. Помощь не нужна?

– Нет. Обойдусь. Здесь я должен закончить один. Твоя задача – доставить ее в Ольховник. Вот это с собой возьмешь. – Гор постучал пальцами по записям. – Книгу оставишь, ларец тоже. О записках Оружейника никто не должен узнать. Вообще никто. Дед, ты понял меня?

Он обернулся, и Ярину выбросило обратно. Как она ни пыталась подслушать через дверь, о чем шла речь дальше, все без толку – такое ощущение, что с другой стороны по-

душками обложились.

Вечером, когда она вышла ужинать, листков на столе не было, о делах никто не говорил. Гор вообще не произнес ни слова, больше болтал Тильмар. Рассказывал про жите в Ольховнике, про их с Нежкой дочку, про то, как Ярину там замечательно устроят.

Она улучила минутку, когда Гор выполз поплескаться в сени, и быстро рассказала Тильмару, что давно следовало: почему отправилась в путь. Матушка с Рагдаем уже давно до Арсеи, небось, добрались.

Тильмар почесал кончик носа и вздохнул:

– Найти не сложно. Сделаю поисковый амулет на крови и поеду. Ты уверена, что их не схватят по дороге?

Страх пробежал холодком по спине, но как-то слабо, словно Ярина до того набоялась за эти дни, что чувства притупились.

– Уверена, – кивнула она. – Матушку в лесу никто поймать не мог. Нас не схватили, когда мы убегали, хотя наверняка погоня была, значит, и теперь все хорошо.

Так минул еще день.

Снова приходил староста, сообщил, что нечисть лесная и болотная тело Ивара нашла, передала селянам, а проклятое место сожжено дотла и камнями завалено, даже следов входа в курган не сыскать. Слезно просил обряд свершить проводов совершить: а ну как поднимется мруном.

Гор по-прежнему не пожелал даже видеть старосту и Яри-

ну не пустил, разговаривал Тильмар у ворот, а ей осталось только в окошко глядеть. Стекла в них больше не были такими прозрачными, покрылись мелкой сетью трещин, картинки в них больше не менялись. Волшебство ушло.

– Сказал? – спросил Гор, когда Тильмар вернулся.

– Да, – тот бросил укоризненный взгляд на друга, который снова лежал лицом вниз, а Ярина взялась протирать края раны настоем, дыша через раз. – Сказал, что чары сняты, и упрощенного обряда, как на крайний случай, будет достаточно, Переправщица сама придет. Но, по-моему, он мне не поверил.

– Это уже не наше дело, – сердито отозвался Гор.

– Я хочу сходить, попрощаться, – тихо сказала Ярина. Воспоминания об Иваре не вызывали больше злости, одну горечь пополам с жалостью. Совершив ошибку, северянин исправил ее ценой своей жизни. Оставил сиротой сына. А все ради чего? Ради призрачной надежды снять проклятие? Почему он вообще поверил колдуну? Она хотела сказать, что сделает все для Орма. Вдруг слова долетят до Темной дороги. Или куда там северяне уходят?

– Никуда ты не пойдешь. – Гор приподнялся и взглянул на нее так, как смотрел последние дни: с ледяным равнодушием. – Каждый раз, когда ты теряешься из виду, я потом спасаю тебя, рискуя собственной шкурой. Делать мне больше нечего, лезть в это снова.

Сказал – как по щеке хлестнул. Глаза сами налились сле-

зами, Ярина стиснула зубы, чтобы не разреветься при нем. Выронив настой, метнулась в спальню, не услышав гневного рычания Тильмара.

Не до этого было. Понятно, что теперь Гору не нужно притворяться, что она ему нравится, раз друга спасти не надо. Но зачем так?

Ярина рухнула на кровать, содрогаясь от рыданий. А когда слезы высохли, просто лежала и смотрела в пустоту.

Ужин ей принес домовик.

– Ничего, девонька, – вздохнул он, горько качая головой. – Перемелется – мука будет. Ты молодая, красивая. Дался тебе этот упырь патлатый.

Ярина шмыгнула носом в ответ.

– Поедешь со мной, дедушка? – спросила она. – Зачем здесь оставаться? Никого ведь нет, нельзя тебе одному.

Домашняя нечисть не может долго без хозяина: либо находит нового, либо гибнет. Не бывает бездомных домовых или колодезников без колодца.

Дедушка неловко поскреб косматый затылок, вновь отводя взгляд. Ярину, как ножом, полоснуло отголоском чужой вины.

Неужели ее глаза такой страх ему внушают? Или дело в ней самой?

– Ты же в город едешь, девонька, – пробормотал Торопий. – А я всю эту толчею на дух не переносу. К чему я там тебе? У сестрицы твоей, небось, свой хозяин в доме имеется.

А двум домовым за одной печью не ужиться. Я лучше пойду по селищам, осяду где-нибудь. А то и кого из местных наших найду. Паскудник этот резаный разрешил их вернуть, ежели увижу. Только сперва ему в доме помогу, пока он оправится, пока стены простучит. Хозяйка моя тайников не делала, но вдруг я чего не знаю. Ты прости меня, – добавил он виновато.

Ярина вздохнула в ответ. На что тут обижаться? На честность?

– Ничего, дедушка, – постаралась улыбнуться она. – Но ты мне все равно весточку пришли. Если понадобится чего – ты всегда знаешь, как меня найти.

Домовик тихонько покачал головой, хотел еще что-то добавить, но не успел. Ярину вдруг охватило странное ощущение.

Дедушку она теперь чужая везде в доме: где он, что чувствует, иногда даже видеть могла его глазами, как недавно. Она не задумывалась над этим даром, приняла как должное. Наверное, это их связь так действует: в обе стороны. Знает же домашняя нечисть настроение хозяев.

Но при чем тут русалки, которые подходили к дому? С ними-то у Ярины никакой связи не было, чувствовать она их не должна. Но прекрасно слышала любопытство пополам с опасением Ивушки, тревогу и надежду Рябинки. Живая! Она извелась вся без вестей!

Ярина решительно поднялась, мельком глянув в зеркало: там отразилось зареванное лицо с покрасневшим носом. Но

тут уж ничем не поможешь. Хоть и не хотела она показываться перед Гором такой; не хотела, чтобы он заметил, но ему ведь все равно должно быть на ее слезы.

Стоило выйти в горницу, чародеи замерли. Тильмар сердито покосился на друга, а Гор стиснул кулаки, но Ярина ничего не сказала – задрала голову повыше и решительно двинулась к двери.

– Птичка, что-то случилось? – с тревогой спросил Тильмар. После заката на двор они не выходили, а днем ее выпускали только с сопровождением, словно опасались чего-то.

– Русалки у ворот, сейчас постучат. – Она уже взялась за ручку двери, как Гор с невиданной прытью очутился рядом, морщась от боли в спине.

– Тебе показалось.

– Нет! – Ярина уперлась. Ладно, он ее дурой беспросветной считает, но блаженной в его глазах она не будет!

– Она права, там действительно нечисть. – Тильмар поднялся и встал рядом, задумчиво сжимая перстень на пальце.

– Подождут до утра.

– Так нельзя! – Если раньше Ярина не снесла бы пристального взгляда, то теперь собиралась стоять на своем. – Раз они пришли сейчас, значит, причина есть.

– Откуда ты вообще знаешь, что это русалки?

– Знаю!

– Схожу – проверю, – Тильмар втиснулся между ними, прекращая назревающую перепалку и подпихивая Гору об-

ратно к лавке. – Их там двое, злых намерений амулеты не показывают. Если правда русалки – приведу, ничего страшного.

– Раз хотели попрощаться, могли бы и в Хохлатке подождать, все равно вы бы завтра мимо поехали.

Ярина задохнулась. Завтра?! А ей никто не сказал. Они что, собирались мешок ей на голову надеть и силой увести?

– Да брось, – отмахнулся Тильмар. Подмигнул Ярине и вышел.

Она на Гора больше не смотрела, отошла от двери и прильнула к оконцу. Взгляд сразу уцепился в знакомый дуб, на котором раньше сиднем сидели вороны. Но сейчас ветер трепал пустые ветки, поросшие молодой листвой. Ни следа мора.

Сколько раз Ярина спрашивала себя за эти дни: не помечтались ли ей колдовские птицы тогда, в лесу? Вальд-детубийца мертв. Откуда им взяться? Но дурманящее разум заклятие, брошенное в толпу чьей-то рукой, было. И некоторые селяне, по словам старосты, до сих пор от него отойти не могли.

Хлопнула дверь в сени, сразу раздался веселый голос Тильмара, смех Ивушки. Ярина чувствовала, как русалочке понравился новый чародей, если постараться, можно было скользнуть глубже и увидеть все ее глазами, но она не стала. Неловко потерла щеки и поднялась навстречу гостям.

– Лешачка! – Ивушка, завидев ее, метнулась вперед. Со-

мкнулись прохладные объятия, словно река приняла в свои воды. Ярина мягко погладила русалочку по голове: отрезанные волосы вились между пальцами. Безжалостно обкорнали себя сестры, отдали всю силу, чтобы помочь. Но это ничего. Косы отрастут.

– Что ты, Ивушка, какая я теперь лешачка, – слабо улыбнулась Ярина, поглядывая на Рябинку, а та смотрела на Гора.

– Твой вестник добрался до нас, – старшая русалка села на лавку, поджав под себя ноги, – но мы решили не ждать, вдруг вы другим путем отправитесь.

Гор скривился и старательно принялся изучать побелку на печи, лишь бы не встречаться взглядом с Яриной, которая вновь вскипела от возмущения. Вот как! Все знали об отъезде, даже лесная нечисть. И дедушка наверняка знал. Ей одной ничего не сказали, как нарочно.

– Тем более, новости есть, – кивнула Ивушка. – Такие новости!

– Как водяной? – не выдержала Ярина. С чародеями она потом поговорит, сейчас злость победила стыд с виной, лишь бы продержалась подольше.

– Все хорошо. – Рябинка в ответ улыбнулась. – С ним матушка и сестры. Он поправится. Теперь, когда лес свободен, может силой поделиться. Все лесные воды в Хохлатку стекают, так что скоро отец сильнее прежнего будет.

– Мы подарок тебе принесли, чтоб не забывала нас. – Ивушка отстранилась и поставила на стол маленький резной

ларчик. – Думали, вдруг не свидимся. Открой, взгляни, прелесть какая!

Ярина с трепетом открыла крышку и ахнула: внутри лежали украшения. Рясны, височные кольца, невероятной красоты венчик – все с белым и розовым речным жемчугом, такие и царевне надеть не стыдно. Сверху лежал витой серебряный перстень, щедро усыпанный зернью, с золотой жемчужиной в центре. Удивительная работа, Ярина ничего похожего в жизни не видела, а у матушки в Белом Бору украшений было немеряно, отец не скупился.

– Старая школа, – выдохнул Тильмар, горящим взглядом уставившись на перстень, – я про такие только слышал. Сюда любые чары можно вплести, идеальная основа. Жемчужина из-за моря, в Саргоне они другого отлива. Ей цены нет!

– Я не могу, – испуганно вздохнула Ярина.

– Можешь, – решительно ответила Рябинка, качнув стриженной головой. – Отец сказал: «Отдайте лешачке». Мы живы благодаря тебе. Я жива. Лес свободен. И Дара...

Гор с грохотом уронил кружку, которую как раз поднес к губам, и уставился на русалок бешеным взглядом.

– Что?!

– А вы не знали? – Ивушка удивилась. – Она совсем как раньше стала. Появилась в гроте, как увидела Свеня – прижала его к груди и разрыдалась. Только она слабая еще совсем, спит все время.

– Мне нужно к ней. – Гор попытался встать, но Тильмар

остановил его, надавив на здоровое плечо.

– Рехнулся? – зашипел он.

– Пусти!

– Она ничего не помнит. – По губам Рябинки скользнула понимающая усмешка. – Знаю, о чем ты думаешь, колдун. Но та, другая, ушла. Отец первым делом проверил. Нет больше тени, что простирала над ней крылья. Осталась только наша Дара.

– Она может притворяться.

– Может, – согласилась Рябинка. – Захочешь – приходи, потом. Отец не станет возражать. Но Дара ничего не помнит: тоскует по мужу, радуется, когда берет на руки Свеня. Она искренне чувствует, без притворства. В той женщине было много горечи и боли, которые ушли. Тебя она помнит, как ты венчал их со Смилом. Но лешачку – уже нет.

– Я не верю, – Гор покачал головой.

– Право твое.

– Примерь, примерь, – запрыгала вокруг Ивушка. Ей надоели эти беседы. Она и сама бы с удовольствием покрутилась перед зеркалом в украшениях – Ярина слышала ее чувства так явно, будто сама их испытывала.

Хвастаться подарками перед чародеями она не рискнула, да и не было особой радости, хотя красиво – глаз не отве-сти. Потому Ярина надела лишь перстень, который пришелся как раз в пору.

– Ух! – восхищенно выдохнула Ивушка.

– Хочешь померить?

Русалочка покосилась на сестру и с сожалением качнула головой, пряча руки за спиной:

– Нет, спасибо. Это твой подарок.

– Я не против.

– Нам пора. – Рябинку что-то тревожило. Она больше не казалась безумной, словно тяжкий груз наконец упал с плеч: погасли яростные искры в глазах, осталась лишь грусть. Ярина изо всех сил пожелала, чтобы старшая русалка отпустила память о погибшем женихе и нашла свое счастье.

– А почему вы не пришли днем? – как бы между прочим спросил Тильмар. – Безопаснее же.

Рябинка вдруг посмотрела на нее. Ярина вздрогнула, до того пристальным вышел взгляд огромных водянистых глаз.

– В лесу днем много лишних глаз и ушей, – ответила она, будто с намеком. Но на что?

Показалось, Гор понял, от того и стиснул зубы недовольно, но Ярина лишь растерянно улыбнулась.

«Позже подумаю», – решила она. Вся ночь впереди.

– Если выйдет, то завтра свидимся, когда проезжать мимо старого моста будете. – Ивушка порывисто обняла ее. – А нет – приезжай к нам, лешачка! Или хотя бы весточку передай. Любой русалке или озернице скажи, что для нас, они донесут.

– С радостью. – Ярина обняла русалочку в ответ, кивнула Рябинке, чувствуя, как снова тянет в груди. Не хотелось

расставаться, не хотелось уезжать так скоро. – Передайте от меня кикиморам благодарность, – попросила она. – Без них мы бы погибли.

– Я провожу, – вызвался Тильмар.

Как только дверь за русалками захлопнулась, Гор снова лег на лавку лицом вниз, словно в горнице больше никого не было.

Он явно ждал, что она молча развернется и уйдет. Ярина так и сделала бы: обида жгла до слез. Но завтра уезжать. Сейчас вернется Тильмар, и наедине они больше не останутся, поговорить не выйдет.

– Почему? – тихо спросила она.

– «Почему» что? – Гор даже головы не поднял и перебил, прежде чем рот успела открыть. – Все-таки решила меня обвинить?

– Нет, я...

– Тогда иди спать, вставать завтра рано.

– Гор...

– Послушай, – вздохнул он с бесконечным терпением, – я устал. Ты даже не представляешь, насколько меня утомляет эта... ситуация. Пожалуйста, не превращайся во вторую Вессёну. Я просто хочу отдохнуть.

«Ты отдохнешь! – хотелось закричать ей. – Мы расстанемся завтра, у тебя будет на это вся жизнь. А я так и не найду ответов».

Неужели права была матушка, и она совсем не разбирает-

ся в людях? Неужели человек, который так заботился, мог перемениться в один миг, стать равнодушной камня? Просто потому что появился другой, на кого можно надеть ярмо заботы? Неужели правда она была такой обузой?

Но Ярина промолчала. Нельзя достучаться до того, кто слышать ничего не хочет.

Тильмар вернулся быстро, запыхавшись, словно бежал от ворот обратно. Обвел тревожным взглядом горницу и растянул губы в улыбке:

– Красивые у тебя подружки, птичка. Загляденье просто. Жаль, старшая серьезная такая, даже не улыбнулась.

– Смотри, чтобы твоя супруга за эти слова из них уху не сварила, – буркнул Гор и натянул подушку на голову, давая понять, что все разговоры окончены.

– И правда, – Тильмар простодушно развел руками. – Если задержимся, в уху превратят нас с тобой. Я же толком ничего не объяснил, сорвался в дорогу. Иди спать, птичка. Завтра рано выезжаем. Дед твой сказал, что у вас с Ормом все собрано. Но ты проверь, мало ли.

Ее ненавязчиво выставляли. Ярина снова покосилась на замершего Гора и выдавила:

– Доброй ночи.

Пора идти, а то как бы не задохнулся, так в подушку лицом вжаться.

Ночью она не сомкнула глаз: и слез больше не было, и додуматься до чего-то путного не выходило. Дедушка не отзы-

вался, как она ни звала. Он тревожился все сильнее, но не пришел поговорить напоследок.

Ярина вертелась в мягкой постели, поглядывая то в окно, то на колыбельку Орма. Уезжать отчаянно не хотелось.

К чему такая спешка, ведь все закончилось!

Едва за окном порозовело небо, в дверь постучали.

– Вставай, птичка, – позевывая, позвал Тильмар. – Пора.

Собрались они быстро. Сундук с вещами бывшей хозяйки избы Ярина брать отказалась, а ларец с украшениями Гор не пожелал отдать. Так что весь ее скарб – дорожный мешок со свежесваренными зельями и парой перешитых дедушкой платьев, – можно было в руках спокойно нести.

На ней самой тоже были обновки. Ни единой нитки из того, в чем она постучалась в ворота почти две луны назад, не осталось. Штаны и тунику дедушка пошил по арсейской моде из мягкой крашеной шерсти. Нижняя рубашка была теперь не из грубого полотна, а шелковая.

– Еще бы кружевной воротник, вылитая была б чародейка, – улыбнулся домовик. – Точно не хочешь? А то достану из сундука-то.

Ярина покачала головой: ее не радовали обновки. И брать что-то у погибшей Илеи не хотелось.

– Дедушка, может, поедешь все-таки со мной? – попросила она, перекладывая весело гулящего Орма в корзинку. Младенцу тоже нашили рубашонку, чтобы можно было переменить в дороге.

– Прости, девонька. – Торопий с грустной улыбкой поправил малышу пеленки и вручил ту самую погремушку из птичьих черепов, которую когда-то принесли кикиморы. – Сперва здесь дела доделать надо. Ты не сердчай на меня, дурака старого, ежели что.

Ярина присела и крепко обняла его, смаргивая слезы.

– Я все равно ждать тебя буду, – шепнула она. – Приезжай.

– Дитё ты еще совсем. – Голос дедушки дрогнул. – Не поминай лихом. И не кручинься, за охламоном этим я пригляжу. Подлечу...

– Я зелья оставила.

– Знаю уж. Разберемся, ты, главное, нос держи повыше. Балбес вихрастый тебе хорошей защитой в пути будет.

– Где вы там! – донеслось со двора.

– Пора. – Домовик со вздохом отстранился и понес корзинку с Ормом.

Ярина провела ладонью по столу. Все казалось обжитым, почти родным. На столе стояли тарелки с мелкими яркими листиками по ободу. Она сама их рисовала: вышло кривенько, но дедушка так гордился. С печки свешивался край рушника с едва намеченным узором. Только-только цвета правильные нашла, а потом все закрутилось, и не успела закончить.

Здесь она была счастлива, могла изменить что-то, помочь. Не все получалось, но никто не корил ее за это. Она сама решала за себя. Никогда такого не было, да и уже не будет,

наверное. Хотя, разве решения обернулись к добру?

Не умеешь – не берись. Это часто твердила Нежка, когда была не в духе. Не стоило и пробовать. Ничего у нее не вышло.

– Ярина!

Она покинула дом, не оглядываясь, жадно глотнула сладкий утренний воздух, лишь бы не думать ни о чем. Слишком велико было желание остаться.

Ее уже ждали. Оседланный гнедой жеребец то и дело дергал головой, пофыркивая. Зато пегая кобылка, впряженная в телегу, уныло шлепала копытом по земле. Телега поскрипывала, разноцветные обереги, которыми щедро были увешаны борта, отзывались мелодичным перезвоном. Не хватало только лент – вышла бы точь-в-точь повозка детей Дороги.

Гор сухо кивнул ей и скривился, когда Тильмар бодро хлопнул его по плечу. Нежкин супруг был, как всегда, беззаботным, но за привычным весельем пряталась тревога. Дедушка тоже улыбался, но Ярина ясно чуяла страх.

– Я все сделаю, – сказал Тильмар тихо, но она услышала. – Но если...

– Нет, – Гор уставился на ветки деревьев за частоколом, – все нормально. Справлюсь. Увидишь Шанту, передай, что она была права.

– Сам ей скажешь. – Голос Тильмара зазвенел громче обычного. Ярине снова захотелось немедленно спрыгнуть с телеги и остаться. Почему они уезжают так поспешно? По-

чему чародеи обращают на нее внимание не больше, чем на тех же лошадей?

– Скажу-скажу. Езжайте.

Гор встал рядом, смотрел он куда угодно, только не на нее, но когда Ярина потянулась, чтобы ухватить его за рукав, быстро шагнул назад, пошатнувшись.

Тильмар отворил ворота и резво вскочил на гнедого. На крыльце старательно вытирал глаза рукавом дедушка, а она не могла отвести взгляда от Гора.

– Ты ничего не скажешь?

Они ведь прощаются навсегда. А она сидит тут... как колода!

– Тихой дороги, – спокойно отозвался Гор.

Телега со скрипом тронулась, и Ярина последним отчаянным рывком все-таки ухватила его за рубашку, дернула на себя. Затрещали, расходясь, нитки, заплакал потревоженный Орм, чью корзинку она случайно задела ногой.

Все звуки смешались и исчезли, только бешеный стук сердца ревом отдавался в ушах, когда Гор наконец взглянул на нее. Не безразлично, как в последние дни, а с теплом и грустью, как тогда, в подземелье.

Ледяные пальцы скользнули по щеке, но прежде чем она подалась вперед, он растерянно моргнул. Миг, что объединял их, ушел безвозвратно. Гор вырвался и побрел в дом, не оглядываясь. Громко хлопнула дверь.

А Ярина так и осталась сидеть с протянутой рукой, не в

силах шевельнуться, смотрела, как удаляется частокол, пока перед глазами не поплыло.

Только когда избушка скрылась за деревьями, она прижала к себе Орма, украдкой вытирая текущие по лицу слезы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Успокоиться удалось не сразу. Орм давно затих, мирно посапывая, а Ярина все боролась со слезами. Хорошо, Тильмар ехал впереди, если он и смотрел на нее, то лица не видел.

Теплый ветер смахнул слезы, ласково взъерошил волосы, жаль, тяжесть с души забрать ему не по силам. Пусто было. Больно. Лечь бы, зарыться в сено, не думать ни о чем, но Ярине хотелось запомнить лес, который столько подарил ей.

Хохлатку они объезжали стороной, как и опасались русалки. Тильмар правил жеребцом, иногда резко сворачивая на одному ему видимые тропы. Запряженная в телегу кобылка беспрекословно шла рядом. Хорошо, лошади попались послушные, не противились, когда их вели сквозь буреломы.

– Почему мы петляем? – Ярина наконец устроилась на облучке, поставив корзинку с Ормом на колени. Поводья ей никто не дал, но так было даже лучше.

– На всякий случай. – Тильмар мимоходом улыбнулся ей. – Мало ли что.

– И как мы поедем? Через Зеленовку? Там же мост размыло.

– Не спрашивай, – попросил он тихо. – Лучше перестраховаться.

Сначала ее не пускают даже во двор одну, потом они уезжают поспешно, едва не бегут, теперь это.

– Тильмар, в чем дело? – напрямик спросила Ярина, хмурясь.

Горечь расставания еще сжимала грудь невидимыми оковами, все несказанные слова жгли горло, но с нее будто морок спал. И впрямь морок: ходила, как в воду опущенная, рыдала и не видела ничего, кроме своей обиды.

– Ты лучше поспи, – ласково ответил Тильмар.

– Нет, – Ярина резко отбросила косу за спину, – ответь!

Брови у него поползли вверх, и в душу немедленно закрались нехорошие подозрения. Почему он удивился? Неужели думал, что она послушно ляжет и уснет? Да с чего бы?

– Ты меня зачаровал! – ахнула Ярина, схватившись за горло. От кого угодно она ожидала подвоха, но не от Тильмара, который четыре зимы назад одной мимолетной улыбкой вышибал из нее дух.

– Что?! Нет! – Он возмутился так искренне и громко, даже равнодушная ко всему кобылка недовольно фыркнула, мотнув головой.

– А что тогда?!

– Клянусь, я ничего не делал. – Тильмар исхитрился одновременно и руками махать, и лошадьми править, чтобы с тропы не сбились. – Мы просто волновались, ты все эти дни...

Ярина вспомнила себя: тянущая пустота внутри, глухая обида. Она лишней раз даже шевелиться не хотела, не то, что вопросы задавать. Замкнулась в себе. Только и думала,

что о своей никчемности. Выходит, это чары?

– Ничего похожего. Я бы не стал успокаивать тебя магией, – он тряхнул головой. Драгоценной подвески в волосах больше не было, значит, она так и осталась у Гора. – Дед твой страстоцвет во взвар подмешивал, но мы все его пили. Еще артефакты могли странный эффект вызвать, но я не почувствовал. Хотя, ты же... девушка.

Почему ей показалось, что он хотел сказать совсем не это? Ярина вдруг вспомнила про глаза свои, про перышки над ухом, которые она старательно прятала. А если она теперь не человек, вот и обереги на нее действуют иначе?

– Я все объясню, – торопливо закончил Тильмар, подстегивая гнедого. – Обещаю. Потерпи до Ольховника. Потом можешь злиться, я не обижусь, но сейчас нам лучше покинуть лес поскорее.

Ярина не ответила, обняла вновь захныкавшего Орма и принялась кормить. Чародеи заговорили мех с молоком, теперь оно не прокиснет, но все равно с ребенком долго по лесным тропам не станешь блуждать.

Тильмар спешил. Ехали они через Топи, телега летела как по воздуху, обереги налились светом, разгоняя весеннюю хмарь, что царила вокруг.

– Здесь неподалеку Милава разбилась, его мать, – тихо сказала Ярина. Попрошаться бы с кикиморами, извиниться, что не смогла их защитить. Сколько погибло на той прогалине, кроме бункушника?

Она чувствовала – нечисть рядом, их переполняла скорбь и тоска. Короткая вспышка застарелой злобы пришла из бочага, но наружу не высунулась ни одна кочка.

– Знаю. – Губы Тильмара сжались в тонкую линию. – Северянин ваш додумался, куда жену тащить. Гор на всех местных личные амулеты сделал. Он в этом не слишком разбирается, потому потратил кучу сил. Чтобы никто из дома выманить не смог или рассудок помутить. А тут она с младенцем, без защиты. Ни одного амулета, даже родового! Неудивительно, что ее на зов понесло. Чудо, что первым мальчика нашли кикиморы.

– Значит, все-таки ее силой вытащили.

– Насколько я знаю, молодые матери обычно осторожны и не таскают детей на болота. Точнее сказать не могу, тела-то нет. Большая часть проклятий оставляет след и после смерти, но здесь мы уже не узнаем.

– И у Ивара оберега не было, выходит.

– Был, конечно. Он в Пожарища тогда приехал. Гор никогда не делает работу спустя рукава. Проблема в том, что этот ваш северянин – оборотень со скованной сутью, такие вещи стоит учитывать. Как и то, что он сам пойдет к тому навьем укушенному к Пустоши, сам доверит ему свою жизнь, сам снимет амулет.

– Это можно узнать? – удивилась Ярина. К телу Тильмар не приближался, он и Ивара-то ни разу не видел.

– Староста притащил амулет. Сказал, в лесу нашли. Я его

уничтожил, на всякий случай. Кто знает, сразу поймет – сам человек снял защиту или его заставили.

Удивительно, как недоверчивый и замкнутый Ивар так легко поверил Вальду на слово. Ладно ее волчьей ведьмой считал, пока не понял, что сил у нее нет даже с водяным справиться. Но ведь Гора он иначе как «колыгримом» не называл, а беловолосый был не сильно старше, без бороды по колено, необходимой каждому порядочному северному колдуну. Как Ивар вообще узнал, где его искать? Год никто не мог найти, а он в одну ночь управился.

– Хочешь пирожок?

Солнце уже катилось к макушкам деревьев, и Ярина потянулась к баклажке. Сама она голодной не была, а Тильмар обычно ел за троих, но в этот раз отмахнулся:

– Сперва покинем лес, там поедим. Потерпишь?

Снова тайны! Она со вздохом положила голову на руки, глядя на вихлявшую тропу. Направлялись они в Малые Пригорки, Тильмар ей этого не говорил, но и без того было ясно. Хотя эта скрытность тревожила все сильнее.

Ехали напрямик, через трясину, только береги не давали телеге провалиться в какой-нибудь бочаг. От тишины вокруг уши закладывало: ни плеска воды, ни кваканья, ни шороха. И ни души! Даже болотные огоньки попрятались.

Один раз за чахлым кустарником мелькнули черные крылья, отливающие багрянцем, но Ярина не могла сказать – вправду это были вороны, или ей показалось. Она извелась

вся: мысли не давали покоя. Что-то не складывалось, и даже боль от того, как Гор поступил с ней, не могла заглушить страх.

Тильмар сделался неразговорчив. Тревожился, то и дело оглядываясь по сторонам, вздохнул с нескрываемым облегчением, лишь когда у края топей выросли древние развалины.

Солнце еще не зашло, а они уже добрались до Малых Пригорков. Деревня отличалась от соседних, как княжна от кикиморы. От старого замка торчали поросшие мхом стены, но их заботливо латали, а поверху наставили острые колья.

Дома жались друг к другу. Они были сплошь из тех же старых бугристых камней, что и стены. Видно, их когда-то строили, потихоньку растаскивая оставшиеся с древности руины. Поэтому деревянные сараюшки и хлева смотрелись особенно чужеродно.

Ярина с удивлением оглядывалась: не будь вокруг такая глушь, из Малых Пригорков могла бы получиться хорошая крепость. Осаду здесь держать можно спокойно.

Ворота стояли нараспашку, но рядом дежурили двое угрюмых мужиков с вилами. Она их знала: те самые, что привозили несчастного, мучившегося глазной лихоманкой. Увидев Ярину, мужики расплылись в щербатых улыбках.

– Как ваш больной? – Она вымученно улыбнулась в ответ.

– Хорошо, госпожа. Уже и забыл, что едва не ослеп. Мы сделали, как вы велели, через седмицу и отпустило.

– Не нас ли ждете? – спросил Тильмар. Плечи его ощути-мо расслабились, стоило им въехать под защиту стен. Он со-скокочил с коня, поправляя привешенные к седлу оберечи.

– Нет, господин. – Говорили местные без подобостра-стия. – Обоз торговый должен прийти.

Тильмара восприняли спокойно, смотрели с беззлобными усмешками, как на старого знаконца, который их забавлял. Ярина не сразу сообразила, что он из Ольховника ехал тем же путем, значит, они знали его.

– Проблем с амулетами не было? – Тильмар провел ладо-нью по стене.

– Как сказать. – Один из мужиков вытащил из-под рубахи оберег. – Кто за стенами сидел прошлые дни, у тех все честь по чести. А кто в лес да на болота выбирался – ладанки по-чернели, будто их огнем опалило. Из тех висюлек, что вы из-волили на стенах развесить, часть оплавилась, одни шнурки остались. Было то...

– Пять дней назад, – подсказал Тильмар. Как раз тогда спало проклятие, наложенное на Деву.

– А вы откель знаете?

– Знаю уж. Нам нужен ночлег и ужин. Ваша гостевая изба еще стоит?

Мужики отчего-то расхохотались.

– Куды она денется, – ухмыльнулся один. – Все будет, гос-подин, не бойтесь.

Он побежал куда-то, а второй остался, вглядываясь в ве-

черный сумрак.

– Почему они тебе сразу поверили? – В голове не укладывалось, как недоверчивые люди, которые даже Гора недолюбливали, могли запросто пустить на постой незнакомого колдуна. А вдруг он детей ворует!

– Это все мое обаяние, – улыбнулся Тильмар безмятежно, но, увидев ее сердитый взгляд, сказал уже серьезнее: – Все гораздо проще, птичка. Четыре года назад мы с твоей сестрой сбились с тракта и очутились здесь. Тут как раз началась заваруха... в общем, мы их очень выручили. Не знай они меня, за ворота бы не пустили. Ни когда я к вам ехал, ни сейчас.

Ярина попыталась представить, как Нежка смотрелась здесь, как могла кого-то выручить, и не смогла. В их деревне сестра не помогала никому.

– Ты не хочешь рассказать им, что дети в безопасности? – спросила она, собираясь слезть с телеги, но Тильмар положил ей ладони на плечи и остановил.

– Нет, Гор сам расскажет. Пусть поостерегутся. И ты пока посиди. Я телегу к дому подгоню, нечего ноги бить.

– Я не хрустальная! – возмутилась Ярина уже всерьез. – Или ты сейчас же скажешь, чего боишься, или...

Тильмар усмехнулся и легонько погладил ее по волосам, не дав закончить.

– Не сердись, – попросил он. – Я обещал все рассказать? Я свои обещания держу. Завтра, как отъедем подальше, все узнаешь. А пока – потерпи. Я быстро. Утрясу все с ночлегом

и заберу тебя. Только Орма отдам, его выкупают и накормят. Есть тут у меня одна знакомая.

– Я и сама могу...

– Ты устала, пусть о нем позаботятся.

Он достал корзинку и поспешил следом за ушедшим мужчиной, скрывшись из виду, а Ярина нахохлилась. Обида жгла в груди пуще прежнего. Тильмар с кем угодно готов был откровенничать, но не с ней. Она совсем безмозглая для него, что ли?

– Дорога дальняя, госпожа? – добродушно спросил оставшийся на страже мужик. Он косился на нее украдкой, все больше вглядываясь в вечернюю синь.

– До Ольховника, – вздохнула Ярина и спросила из вежливости, видно же, что ему поговорить хотелось: – Кто-то важный должен приехать?

– Дык, сынок мой с обозом ушел две седмицы назад в Ракитник. Голубь надьсь от купца нашего прилетел, должны были они возвратиться третьего дня, ан нет. Мы с ним, верите ли, госпожа, разругались вдрызг, чуть рыло я ему не начистил. Этот осел на двух копытах возьми и свали с купцом. А спина у него больная, как прихватит – не разогнуться. Вот думаю, не случилось ли чего. Мы такого друг другу наговорили, вспомнить страшно. Ссора ссорой, один ведь он у меня остался. Как подумаю, холодный пот прошибает. Я ему еще кричал вслед: «Чтоб тебя навьи взяли». Дурень! Как жить буду, ежели он не вернется?

Мужик говорил и говорил, выплескивая все, что накопилось в душе за эти дни, а у Ярины перед глазами стояла последняя улыбка Гора.

Она уже видела ее. Дважды. И каждый раз он шел на смерть, упрямо задвигая ее за спину. Сразу вспомнилось, как они с Тильмаром не давали ей шагу одной ступить, отмалчивались. А она все дулась, как мышь на крупу, обиду свою баюкала.

Ужас сдавил ледяными тисками.

А если она его больше не увидит? Никогда! Если все, что останется в памяти – обида и те слова несказанные. Теперь жить с этим, думать, вспоминать. Жалеть, отчаянно, до крика, что душой такой была! Промолчала, когда нужно было вцепиться и заставить его выслушать.

Он ее от себя гнал, но что она сделала, чтобы остаться? Ладно, толку от нее никакого. Но Гор же и Тильмара спровадил, хотя сам еще не поправился. И помощь бы ему не помешала. Обереги эти... столько даже самые богатые купцы на телегу не навешивают. От чего он так ее защищал?

Ярина сжала пальцами виски.

Если она уедет сейчас, будет жалеть всю жизнь! С чем бы ни собирался столкнуться Гор, он теперь один. Раненый. Из дедушки воин плохой, и боится тот чего-то. Ярина беспомощно оглянулась на дома, за которыми скрылся Тильмар.

Они все решили за нее, а она тоже хороша, не воспротивилась. Теперь не убедишь вернуться. Заупрямься она, Тиль-

мар перекинет через седло и увезет в Ольховник. Извинится, конечно, это он умеет. Отговорится тем, что ее хотел спасти. Но будет поздно!

Что-то должно произойти в лесной избушке. Что-то опасное, иначе бы ее не увозили с такой поспешностью, в телеге, увешанной оберегами в три ряда. Не петляли бы по топям.

За эти две луны ей не в первый раз приходилось решать второпях. Она не стала дожидаться, пока вернется Тильмар: одним прыжком оказалась в седле. Гнедой встал на дыбы, но Ярина успела пропихнуть ноги в стремяна и вонзила шпоры в бока.

Перед глазами мелькнуло побелевшее лицо стражника ворот, прежде чем конь унес ее прочь. Обратно, на болота.

Ветер выл в ушах. Ярина прижалась к холке жеребца, пальцы намертво сжали уздечку.

Скорей, скорей!

Тильмар наездник в сто раз лучше, чем она, даже на дохлой кобылке догонит.

Она неслась по краю топей, но все равно безнадежно опаздывали. Конь был в мыле, на обратный путь такой бешеной скачкой его не хватит.

Почему она так спешит? Словно если не успеет вернуться до полуночи, случится непоправимое. А ведь не успеет! Слишком длинны окольные пути. Задумавшись, Ярина не смогла свернуть, и конь на полном скаку влетел в трясины. Спасли обереги на уздечке – в два прыжка пролетев воду,

гнедой возмущенно заржал, петляя по прогалинам.

Ярина натянула повод, крепко прижалась ко взмыленной шее и зашептала:

– Тихо, тихо. Стой. Знать бы, как тебя зовут.

Спешившись, она беспомощно оглянулась: стояли они на чахлой кочке, а вокруг бурлила топь. Маслянистая вода казалась непроглядной – не переберешься через нее. Конь встревоженно фыркал, но больше не пытался вырваться. Его-то береги спасут, не утонет, но попробуй – объясни!

– Времени нет! – Ярина в отчаянии кусала губы. – Скоро солнце сядет.

Опоздала!

Гор в опасности, а она тут мхом обрастает.

– Разве ворожейка не уехала? – проскрипело рядом. Да так внезапно, что Ярина чуть не рухнула в трясины, повиснув на поводке.

Гнедой недовольно мотнул головой и попятился. Нечисть ему не нравилась, хорошо хоть, не решил удрать. Вылезшая из бочага кикимора была старой, это ее Ярина встречала на топях, когда пришла в первый раз смотреть на погибшую Милаву.

– Хочу вернуться.

– Зачем? От нее все равно не спасешь, сил не хватит. – Кикимора протянула когтистую руку и отвела ей с виска волосы, обнажая тщательно спрятанные перышки.

Ярина дернулась назад и поспешно заправила их обратно,

забыв спросить кто это – «она».

Ни к чему кому-то видеть такое. Дивья отметка не радовала, но сейчас не до этого.

– Мне нужно обратно, – выдохнула она решительно. – Я больше не властна над лесом, но я прошу. Помоги! Ты знаешь тайные тропы.

– Много моих сестер погибло, – ответила кикимора ровно. – И хозяин болот тоже.

– Да. Они защищали нас...

– Но ты освободила лес. – Нечисть не слушала, размышляла под нос. – В тебе наследие тех, кого я почитала друзьями. Я выполню твою просьбу, ворожейка. Но только одну. Будет тебе тропа. Я укажу ее, но пройти по ней ты должна сама. Сможешь – до полуночи вернешься в дом Предателя. Нет – лес возьмет еще одну жертву.

Ком застрял в горле. Ярина вдруг поняла, *о какой тропе* говорит кикимора. Лес Потерянных душ. Заклятое место. Ступить туда – верная гибель.

– Человеку там не выжить, – прошептала она.

– Да, – подтвердила кикимора и медленно двинулась вперед, ступая по одной ей видимым кочкам. – Но твои глаза тебе помогут. Вы, люди, любите испытания. Считай, это одно из них. Иди за мной. Коня оставь, там он тебе не понадобится.

Пальцы тряслись. Ярина погладила гнедого на прощание и двинулась следом. Если она будет бояться – точно не прой-

дет. И тогда Гор погибнет.

Нет! Должен же быть хоть какой-то прок от дивьего дара.

– Мы выведем коня к людям, не бойся. – Кикимора смотрела сквозь нее. Ярина старалась идти след в след, не решаясь спросить. Слова застревали в горле.

Страшно! Что, если она навеки останется пленницей леса? Но Гору нужна помощь, а значит, страх сейчас лишний. И пусть она не чародейка, но кое на что сгодится.

Топь была бескрайней. Не будь кикиморы, можно было блуждать здесь, пока вязкая земля не уйдет из-под ног. Все сливалось вокруг: вода, мертвые кусты, голые деревья.

Возле одного такого и замерла кикимора, провела ладонью по трухлявому стволу, открывая черный провал дупла.

– Твоя дорога. Ступай.

– Но... как я пойму, куда идти? – Больше всего хотелось отпрянуть, но Ярина силой заставила себя остаться на месте. Она не струсит.

– Поймешь. У каждого свой путь.

Кикимора больше ничего не сказала: отступила и беззвучно провалилась в бочаг.

Ярина не стала медлить. К чему сомнения? Если можно спасти Гора, она бы и в навье царство отправилась. Не все же ему собой жертвовать.

Глубоко вздохнув, она наклонилась и шагнула вперед.

Уши словно заткнули, забили тряпицами. Полное беззвучие царило здесь: ни скрипа, ни стона. Не играл в ветвях ветер, не светило солнце. Не было ни красок, ни тепла. Холод и серая хмарь вокруг.

Только бешеный стук ее сердца разрывал навеки застывшее безвременье. Сколько людей сгнуло здесь, растворилось в тумане, не ушло на Темную Дорогу?

Ярина привычно потянулась к шее, но ожерелья больше не было, лишь тонкая сеть шрамов осталась на память.

Здесь у нее нет власти, нет подмоги. Не поделится силой «лесная корона», не придет на помощь Гор. Даже завалиющего ножа при себе нет.

Она одна.

Разве что поможет дар дивьего стражника. Лес Потерянных душ – это их колдовство, вдруг оно распознает родственную силу?

Ярина бесшумно двигалась вперед. Хотя, даже будь на ней подкованные сапоги, ничего не изменилось бы – все звуки умирали, еще не родившись.

Сквозь туман проглядывали исполинские деревья, иногда взгляд цеплялся за застывшие фигуры, похожие на людей, но она старалась не поворачивать голову, упрямо глядя перед собой. Хотя что влево поверни, что вправо – картина одна. Можно вечность блуждать во мраке и не найти дорогу.

– Тебе сказали уезжать, – раздался из сумрака шипящий голос, и путь внезапно преградил безликий силуэт. Близко,

так близко – только руку протяни, а лица не видно, лишь черные провалы глаз и рваный оскал. – Ты никогда не слушаешь.

Сердце рухнуло в пятки. Так холодно вдруг стало – не вдохнуть. Показалось, что это отец говорит. Но отца здесь быть не могло, он давно ушел на Темную Дорогу.

– Я не боюсь мороков, – прошептала Ярина и добавила, срываясь на крик: – Тут только я! И я пройду, чего бы мне это ни стоило!

Фигура качнулась навстречу. Из тумана проступило оплывшее черное лицо со смазанными чертами, раззявленный в ухмылке рот, в котором копошилось что-то.

Больше всего Ярине хотелось с визгом отшатнуться. А еще лучше, броситься бежать без оглядки. Но она пришла сюда и не собиралась отступать, поэтому замерла, выставив перед собой руки.

Измученное лицо было все ближе, дохнуло могильным смрадом, сомкнулись на плечах ледяные пальцы.

– Уйди! – Ярина вскрикнула, отпихивая то ли нежить, то ли морок. – Прочь!

Чудо, но он распался. Беззвучно, бесследно: его пожрал туман, разнося на серые клочки.

– Не стоит кричать в таком месте, – прошелестело из-за спины.

Ярина хотела обернуться, но страх сковал прочнее цепей. Все пережитое вдруг стало не таким и жутким: подземелья,

черная прогалина с жертвенником, проклятый лес этот. Все меркло по сравнению с мягким голосом невидимой женщины.

– Не оборачивайся, – предупредила та. – Не стоит.

– Кто ты?

От грустного смешка кровь застыла в жилах.

– Ответь сама на этот вопрос.

– Ты морок? – Ярина не выдержала – стиснула горло ладонью и двинулась вперед. Лишь бы не стоять рядом с той, чьи волосы доставали до земли. Какой слепец назвал ее белокозой? Седой она была.

– Я всегда морок за Мостом.

– Я думала, тебе нет сюда дороги.

– Не было. Но кто-то разбил заклинание, скрывавшее от меня это место. Кто бы это мог быть? – Женщина шла следом, голос звучал совсем близко. Ярина старательно не смотрела по сторонам, но все равно подмечала мелочи: как ступают по мертвой земле босые ноги, как вьется вокруг них подол платья, на котором причудливо сплетается синий вдвойный узор с невестиным – алым.

Единственные цвета в этой бесконечно серой пустоте.

– Теперь ты освободишь тех, кто заперт здесь? – осторожно спросила Ярина.

– Тех, кто не потерял себя – да. Других, как этот несчастный, которого ты развеяла – нет. Они забыли свою суть. А забвение ведет за собой лишь забвение. Им никто не помо-

жет. Люди умеют забывать, это ваш дар и ваше проклятие.

Ярина вспомнила слова старой кикиморы, которая говорила то же самое и обвиняла тех, кто отказался от памяти. Не о Даре ли тогда шла речь? Каково это – навсегда остаться искаженным страданиями мороком?

– А если они вспомнят?

– Что ж... тогда я вернусь сюда. Но это им решать. Ты не сможешь помочь.

– Тебе их не жаль?

– Я не знаю жалости, – с тихой печалью откликнулась женщина. – Сострадание – удел живых. Но совет тебе дам. В благодарность, что показала сюда дорогу. Поверни назад.

– Нет, – ответила Ярина, не раздумывая. Серая хмарь становилась плотнее, казалось, клочья тумана царапают лицо, словно ветки. – Не могу.

Хотелось остановиться, перевести дух, но она боялась ощутить дыхание той, что шла позади.

– Если пойдешь вперед, мы вновь увидимся еще до рассвета.

Перед глазами потемнело, к ногам будто привязали пуд свинца. Ярина крепче стиснула пальцами горло, нащупывая шрамы от ожерелья. Вот уж что она никогда не забудет. Третий раз за эти дни ей грозит увидеть Темную Дорогу. Было ли страшно? Еще как! Отступит она из-за этого? Глупость какая!

Ярина припомнила все истории, которыми пугали ее на

ночь Нежка с Сивером, и нашла в себе силы улыбнуться:

– Если я встречу тебя одна, то пусть.

– Глупое дитя, – раздался смешок.

Это не новость. Ярина никогда не слыла умной. Умной была матушка, яркой – Нежка, сильным – отец, ловким – Сивер, упертым – Рагдай. Но сейчас ее это не тревожило и не обижало. Все решено. Жизнь Гора важнее и дороже. С чем бы ни пришлось столкнуться теперь, бояться она больше не станет.

Ее случайная спутница охраняла от пленников леса надежней целого воинства. Ярина упрямо шла вперед, и вскоре мертвые деревья расступились, являя плотную пелену тумана. Белого, как молоко.

– Твоя дорога, – сказала женщина, отступая.

Ярина судорожно вздохнула и снова напомнила себе: не оглядываться.

– Ты специально проводила меня, – с удивлением поняла она. – Зачем?

В ответ донесся смех: теплый, с грустинкой – похоже смеялась матушка.

– Считай, мне не хотелось, чтобы ты плутала вокруг и распугивала тех, за кем я пришла.

Конечно, кто же ей правду скажет. Ярина даже не попыталась сделать вид, что поверила.

– Скажи, – расхрабрилась она окончательно, – отводила ли ты недавно за Мост женщину отсюда?

Русалки говорили, что Дара жива, но вдруг Дева все-таки решила остаться.

– Ах, эту. Не тревожься, дитя. Ее ждали. Она ушла со своими братьями. Хочешь еще спросить?

У нее было столько вопросов! Выживет ли Гор? Как ушли отец с братом? Не встречалась ли на пути матушка?

Но она покачала головой:

– Хочу. Но не стану.

– Верно. Иные знания – тяжкий груз. У тебя уже есть свой. Неси его с честью.

– Спасибо, – шепнула Ярина. Она не стала медлить, без колебаний вошла в туман.

– До встречи, – ответила Переправщица.

А потом туман закружил, потащил вперед и выплюнул на поляну. Ту самую, с каменными глыбами, под которыми покоился первый леший.

Над лесом раскинула крылья ночь. Полная луна подмигивала из-за туч, она-то знала все, что творилось вокруг, а Ярина без ожерелья чувствовала себя слепой. Привыкнув полагаться на дарованную силу, нелегко снова стать немощной. Она поднялась, стряхивая со штанин прошлогодний опад, и пробурчала себе под нос:

– Ничего. И так справлюсь.

Упырей в лесу не осталось, нечисти поблизости она не

чувствовала. А раз так, доберется быстро. Не зная, где находится лаз в буреломе, искать можно долго, но однажды побывав здесь, Ярина прекрасно запомнила место, потому и поспешила напрямик. Она с наслаждением вдыхала ночной воздух: весенний, живой, сладкий. Все счастье жизни понимаешь, побывав в темных проклятых местах – правы сказки.

Как там Гор? Успеет ли она, или недоброе уже случилось? Тильмар наверняка бросился за ней, но на старой кобылке да через болота – эдак он к утру доберется, не раньше. А кикимора не соврала – полночи еще не было. Значит, она должна успеть.

Ярина неслась через лес, не боясь и не скрываясь. Ее страх остался за туманом, рядом с Переправщицей и ее предсказанием. Чем ближе она подбиралась к избушке, тем яснее слышала отголоски ужаса, обуявшего дедушку. Домовой был испуган, растерян и не знал, что делать. Значит, зло, кем бы ни обернулось, уже рядом с Гором.

Задняя калитка, не скрипнув, поддалась при первом же толчке, и Ярина скользнула во двор.

Что-то изменилось. Пахло осенней гнилью, можжевельником и почему-то паленой шерстью. Входная дверь оказалась распахнута настежь, а в окнах горел свет. Ярина чуть было не ринулась на крыльцо, она ни о чем другом думать не могла, кроме как о том, что Гор сейчас ранен или умирает, проигрывая в неравной битве.

Но она-то чем ему поможет?

Нет, тут нужно подумать, разведать. Задыхаясь, Ярина подтянулась и заглянула в высокое окошко. Теперь чары не мешали разглядеть, что внутри.

Никакой кровавой битвы в горнице не было. Гор, бледный, как туман, из которого она вышла недавно, сидел за столом вполоборота. Губы его шевелились, но слов было не разобрать. В тени, у печки, стоял кто-то. Видны были лишь очертания, но даже глянув мельком, понятно, что женщина.

Снова окатило душным страхом домового. Да что там творится?!

– Дедушка? – шепотом позвала Ярина, отлипнув от окна.

Ответа не было. И взглянуть на происходящее глазами домового отчего-то не получалось.

Она на цыпочках пробралась на крыльцо, заглядывая внутрь, но через сени виднелись только сбитые половички.

Будь воля дедушки, он бы никогда такого не допустил.

Что теперь делать? Можно до рассвета просидеть на крыльце, дожидаясь Переправщицу, а можно сунуть голову в пекло. Ярина прижала руки к груди, решаясь, и шагнула в горницу.

– А вот и наша гостья, – хрипловато проговорила притаившаяся у печки женщина, растягивая слова. И голос у нее был странно-знакомым. – Я думала, ты побоишься войти. Наш друг вообще утверждал, что ты не вернешься.

Ярина не смотрела на незнакомку: ее взгляд был прикован к Гору. Тот силился что-то сказать, но с губ не сорвалось ни

звука. Белый, в лице ни кровинки, в разодранной рубашке, он сидел, не шелохнувшись. То ли из-за чар, то ли потому, что оба его запястья сжимали зубами волки.

Еще один тут же оказался подле нее, ощерив окровавленную пасть, а у ног женщины сидел жоак.

Тот самый, что приволок ей оленью тушу, отгонял от нее людей и бился с призрачными воронами Вальда.

– Гор... – выдавила Ярина. Волк тут же зарычал, заходя ей за спину и отрезая путь отступления. Слово она могла побегать!

Оторвавшись от Гора, Ярина глянула на пленившую его...
Весёна!

В таком виде, что не признаешь сразу. Куда делась бесцветная кудлатая девица, которая сверкала на нее глазами и подстрекала толпу? Женщина все еще была бледной, но от деревенской дурочки остались лишь заостренные черты да светлые волосы, теперь остриженные до плеч.

И одежда на ней была... чужая. Ярина видела такое платье у себя в сундуке и даже примеряла. Тонкая арсейская шерсть цвета грозового неба, расшитая серебряными птицами. Оно удивительно шло Весёне, словно на нее шили.

Ярина смотрела, как замороженная, не в силах ни двинуться, ни взгляд отвести.

– Торопий, закрой дверь, – велела женщина, неторопливо почесывая притихшего волка за ушами.

Из-за печки выполз дедушка. На себя не похожий, он дро-

жал и смотрел в пол, замирая на каждом шагу.

– Скорее! – Весёне даже кричать не было нужды, голос и без того хлестал плетью.

Домовик вздрогнул, вжал голову в плечи и засеменял к двери, бросив на Ярину умоляющий взгляд.

Она посмотрела на застывшего Гора, на женщину, что вела себя в доме хозяйкой, на волков, льнущих к ее ногам.

– Илея, – судорожно выдавила Ярина. – Ты Илея.

Надо было раньше догадаться! Но раз услышав, что бывшая хозяйка избушки мертва, она приняла это как данность и к остальному не прислушивалась, хотя говорили, что та исчезла перед самым появлением Гора, что часто видели ее вместе с Вальдом.

Гор снова попытался сказать что-то, но лишь захрипел, кусая губы до крови.

– Можешь говорить, – лениво отмахнулась колдунья, и его согнуло пополам от кашля. Ярина хотела броситься на помощь, но волк ухватил за штанину, оцарапав зубами ногу.

– Спокойно, – приказала Илея. – Сядь вон там, у окна, девочка. Ты слишком ценна, чтобы сразу тебя убить. Я не настолько глупа, чтобы разбрасываться жизнью единственного человека, вернувшегося с Пустоши. Сначала надо понять, что ты такое. Хотя есть вещи поважнее. Я не привыкла прощать долги, и мне хочется посмотреть в глаза убийцам моего дорогого брата.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

– Сядь, – повторила Илея.

Было в ее голосе что-то... хотелось немедленно согнуться в поклоне, подчиниться, но вместо этого Ярина наконец отмерла и кинулась к Горю. Волк не успел укусить всерьез: штанина затрещала, лишь кусок ткани остался в пасти, и только.

Гор дышал сквозь зубы, стараясь не шевелиться – волчьи челюсти намертво стискивали запястья. Ярина положила ладони ему на лоб, заглянула в потемневшие от боли глаза. Все слова, какие хотела сказать, пока неслась сюда, напрочь вылетели из головы. Зато у него они нашлись.

– Вот увидишь. Когда мы выберемся, я тебя сам придушу, – оскалился Гор через силу. – Хоть так будет шанс, что ты не влезешь куда не нужно.

– Ладно, – откликнулась Ярина, поглаживая слипшиеся от пота волосы. Пусть злится, пусть хоть взаправду придушит, лишь бы цел был. Как теперь выбраться? Власти над волками больше нет, зато Илею они слушаются, точно верные сторожевые. Вон, вожак ластится к ее ногам, а шкура-то у него в подпалинах. Наверняка Гор не сдался без боя. От этой мысли стало еще горше: ведь ранен же, а попытался в одиночку тягаться с колдуньей неизвестной силы.

– Все тебе... на месте не сидится.

– Трогательно, – раздалось за спиной ледяное. – Но очень

слащаво.

Гор дернулся и тут же вновь затаил дыхание, когда волки с хрустом стиснули зубы. Ярине стало так тошно, словно это ее калечили.

– Не смотри ей в глаза, – предупредил он. – Она попытается подчинить тебя.

– Какая забота. Ты бы рад оставить ее себе, да, мой дорогой? Привести ее своим хозяевам, получить награду. Понимаешь, девочка, он прекрасно притворяется. Сколько волнения в голосе, во взгляде! Хотя недавно готов был сдать тебя со всеми тайнами, лишь бы подобраться ко мне поближе.

Илея оттолкнулась от печи и шагнула к столу. Движения ее больше ничем не напоминали порывистую Весёну, была в них лебединая плавность, а в развороте плеч сквозила уверенность в своих силах. Настоящая чародейка.

Ярина заворуженно вздохнула и тут же нахмурилась: о каких глупостях она думает?!

– Спроси его, – предложила женщина, усаживаясь за стол. – Сама, если мне не веришь. Он пес Круга, готовый на что угодно, лишь бы защитить своих хозяев. Даже предать ту, чьей верности не стоит. Хотел завлечь меня, но когда его маленькое представление не удалось, немедленно перекинулся на тебя. Думает победить меня и привезти в Круг драгоценный трофей. Можешь ли ты ему верить?

– Гор? – Ярина снова попыталась заглянуть ему в глаза, но он упрямо смотрел мимо нее. Он что, всерьез решил, будто

она поверит сестрице полоумного Вальда? Даже будь она в бреду, или обижена насмерть, не смогла бы поверить в такую глупость.

– Смотри, не оправдывается. – Илея неторопливо принялась листать книгу с рисунками Оружейника, иногда поднося к губам стакан из цветного стекла. В такой простой травяной взвар или кисель не наливают. Руки у нее были маленькие, почти детские. Как выжженный след на посохе погибшего волхва. – Похвальная верность. Жаль, не ту сторону выбрал. Я бы даже подыграла ему какое-то время. Можно было бы передавать Кругу ложные сведения и смотреть, как они ошибаются, раз за разом. Но спускать убийство моего Вальда я не намерена. Семья важнее самой благой цели. Торопий, налей гостье выпить.

Домовик потянулся к кувшину, но тут же разбил его. Разлетелись по полу черепки, расплескалось по половицам что-то тягуче красное. Сидевший у печи вожак принялся и начал жадно слизывать остатки с пола. Чуть погодя к нему присоединился и второй волк. Оставшиеся нетерпеливо порыкивали, видимо, желая разделить непонятное пиршество, но Гора не выпускали.

– Да что с тобой сегодня, друг мой? – Глаза колдуньи были водянисто-болотными, как у Вальда. Смотрела она так же благожелательно. И наверняка способна была убить, не менясь в лице. – У меня складывается впечатление, что ты не рад мне.

Дедушка задушенно пискнул – Ярина никогда не слышала от него похожих звуков – и вновь забился за печку. Оттуда дохнуло чужим ужасом и почему-то ожиданием.

Илея досадливо качнула головой.

– Мальчик обманывал тебя. – На руках у чародейки сверкали те самые янтарные обручья из ларца, а вместо вороха бус на шее красовалось ожерелье Оружейника. Она вся была увешана янтарем. – С самого начала. А я предлагаю сотрудничество. Честное.

– Такое же, как твой брат предлагал? – зло выдохнула Ярина, даже не пытаясь притворяться, будто верит.

– О, признаю, это была ошибка, – улыбнулась Илея. Вдруг вспомнилась Дара – по сравнению с застывшим лицом женщины, сидевшей напротив, плывущие черты берегини теперь казались почти красивыми. – Но все обернулось к лучшему. Ты получила ту силу, о которой и мечтать не могла. Но тебе нужен кто-то, у кого достаточно знаний, чтобы разобраться.

– И это ты.

– Почему нет? Безусловно, мальчик очарователен. Такой, как ты, может показаться героем из легенд. Загадочный, с сияющим мечом, сердечко так и начинает биться, правда? Но все, чего он хотел, это использовать тебя.

– А ты – нет? – Ярина стиснула кулаки, задыхаясь от нахлынувшей ярости. На этот раз – ее собственной, не навешенной ожерельем.

– И я, – степенно кивнула Илея. – Но я не стану ничего скрывать от тебя. Ты будешь знать, чего мы хотим, и поможешь нам. А в ответ мы поможем тебе. Это хорошая сделка. Никакого подвоха.

– Сделка с убийцами детей?

– Ты наивна, девочка, – улыбка Илеи была холодней вод Студеного моря. – Мир не состоит из солнца и цветочных полян. Мы жертвуем малым ради великого будущего.

– Я одного понять не могу... – начала Ярина, но ее бесцеремонно перебили:

– Только одного?

Она сердито нахмурилась, не отвечая на подначку, нельзя позволить сбиться с мысли.

– Ты десять лет жила здесь. Почему дети? И почему сейчас?

– Ах, это, – пренебрежительно бросила колдунья. – Я думала, ты задашь настоящий вопрос.

– Ответ на этот.

– Никакой тайны здесь нет. Мы работали, изучали Пустошь, очень помог старый каирн с драгоценностями, который ваши местные прихлебаи так варварски засыпали. Так что в деньгах недостатка не было. Когда мы установили прямую связь силы колебаний с жертвенной смертью рядом, то несколько моих коллег с честью отдали жизни ради дела. Но этого было недостаточно. Смерть первого ребенка вышла случайно, мы не собирались его убивать, лишь наложить

полог забвения, но он ударился головой об алтарь. Эффект превзошел самые смелые ожидания. Не считай нас изуверами, Круг, дай ему волю, с удовольствием воспользовался бы нашими знаниями.

Гор снова вздрогнул, но не проронил ни звука.

Ярина смотрела, как сочится кровь из изувеченных запястий, и перевела взгляд на Илею – чародейка сидела, не замечая мучений человека рядом.

– Никто не любит предателей, – пояснила она, будто уловив эти мысли. – Каждую минуту боли он заслужил. Ты разве не хочешь отомстить ему за унижение?

– Ты ничего не скажешь? – шепотом спросила Ярина. Гор не ответил, только уголок губ у него дернулся.

Снова разыгрывает что-то или тянет время? Если второе, значит, ей тоже нужно попытаться. Из любого тупика есть выход, глядишь, что в голову придет. Умное.

– Как тебе верить, если ты пыталась убить меня? – Не знаешь, что делать? Задавай вопросы. А вопросов до сих пор было много, хотя как только Ярина увидела Илею живой, узнала, что та была сестрой безумного детоубийцы, многое прояснилось. – Это же ты навела на людей в Пожарищах морок, да? Когда все их обереги выгорели. Гор был беспомощным после битвы, и ты решила избавиться от меня их руками. Так зачем вдруг я понадобилась тебе живой?

Показалось ей, или на лице Гора тенью мелькнуло одобрение?

Чародейка лениво отпила из стакана, словно происходящее ее нисколько не трогало.

– У нас будет ночь откровений? Хорошо, изволь. Беседа с таким незамутненным разумом весьма... освежает. Но не будь банальной, девочка, иначе мне станет скучно. Так вот. Из-за твоего «рыцаря» я вынуждена была полтора года провести, изображая полоумную. Полтора. Года. Жила в продуваемой всеми ветрами халупе, ходила в мерзких полотняных рубахах, сама готовила себе еду! Ни уйти в каирн к брату, ни практиковать магию, чтобы не вызвать подозрений, и подобраться к этому проклятому мальчишке все не удавалось. Из-за него планы срывались раз за разом, он даже сдохнуть по-человечески не смог. Потом какая-то безмозглая сельская девка влезла в мой дом, присвоила мои вещи, мой лес, моего слугу, даже моих волков. – Певучая неспешная речь слово за словом превращалась в гадючье шипение. Лицо, и так не сияющее красками, совсем побелело. От злобы? – И, будто этого недостаточно, вы убили моего драгоценного Вальда. Мой брат погиб. Разве не имела я права в своем горе поддаться слабости и пожелать отомстить? За это время у меня накопился большой счет к вам обоим. Признаю, это было... недальновидно. Ты сокровище, драгоценная шкатулка с секретом. А их надо изучать. Бережно. Ласково.

Смена настроения ужасала: от безмятежности к ледяной ярости и обратно так же быстро. Да, Илея ни в чем не уступала братцу.

Чародейка подалась вперед, холеные пальцы в янтарных перстнях скользнули по Яриной щеке и ниже. Похожим жестом трогал Вальд, и она шарахнулась прочь, с гадливостью утирая лицо рукавом. пятицветни

Гор внезапно рассмеялся: надрывно, словно через силу, но на Ярину глянул с непонятной веселой безуминкой.

– У этой драгоценной шкатулки еще и устойчивость к внушению теперь, как оказалось. Сколько елей в уши не заливай, а ее разум помутить у тебя не выйдет.

В лице Илея не изменилась – только глаза стали совсем прозрачными – все с той же ленивой отстраненностью замахнулась и ударила. Голова Гора мотнулась в сторону, но ухмыляться он не перестал.

– Не смей! – Ярина попыталась загородить его, и следующая хлесткая пощечина досталась ей. Щека вспыхнула, но после пережитого сперва с ожерельем, потом в подземельях и на алтаре, эта боль была словно ненастоящей.

Гор в ответ зарычал почище нервно дернувшихся волков, а чародейка даже взглядом его не одарила. Ухватила Ярину за подбородок, внимательно разглядывая, как обычно Нежка смотрела на здоровенных клопов, размышляя, раздавить или пусть себе ползет.

– Девочка хочет поиграть в храбрую и сильную? – прошипела ей в лицо. – Намного ли хватит твоей силы, если я сейчас прикажу волкам отгрызть твоему рыцарю руки? Потом ноги. А ты будешь смотреть, как они жрут его заживо и

понимать, что такова цена твоей бессмысленной, ненужной храбрости.

С каждым словом Илея впивалась пальцами сильнее и сильнее, ногти пропарывали кожу. Ярина вздохнуть боялась, поднимаясь на цыпочки и беспомощно сжимая кулаки. Неизвестная сила, которая била через край в Пожарищах, которую едва удалось сдержать... Где же она, когда так нужна! Что делать, если эта безумная ведьма решит воплотить в жизнь свою угрозу? Страшно даже представить.

Гор...

Ярина вспомнила все, что он ей говорил, как смотрел. Как отчаянно пытался спасти и с таким же упорством отталкивал: кривил лицо, бросал равнодушные слова. Лишь бы она была в безопасности. Оттого и не выпускал одну из дома, усадил в увешанную оберегами повозку, отправил с ней Тильмара, чтобы никто подобраться не смог. Наплел ей... неважно это все. Она бы и раньше догадалась, если б не была так обижена, не поддалась давней привычке слушать, что говорят, принимать все на веру и не возражать.

Даже спрашивать не нужно, чтобы понять – он знал. Знал, что Вальд не один; что ее, вернувшуюся с Пустоши, попытаются украсть. Может, даже заметил следящих за ней призрачных воронов. Понятно теперь, чьи они были. Гор сделал все, чтобы она очутилась как можно дальше. И точно не вернулась. Но о ней он подумал, а сам? Как сам собирался спастись?

Илея, обнаружив, что ее больше не слушают, взбеленилась еще больше:

– Ты. Поедешь. Со мной. Поняла? Иначе... – следующая оплеуха отправила Ярину на пол.

По щелчку пальцев волки сжали зубы, Гор коротко застоялся.

– Тронь ее, и я тебя... даже с Темной дороги... достану, – зло выдохнул он.

– Ты не в том положении, чтобы угрожать. – Колдунья резко развернулась, на миг лицо скрыли упавшие со лба белевые пряди. – Посмотри, девочка. Я могу убивать его долго. Или подарю милосердную смерть, если ты пойдешь со мной. Сама.

– Не вздумай торговаться с ней за меня. Слышишь?! Не смей! – захрипел Гор, срываясь, и Ярина содрогнулась, представив, *как же* ему больно.

Где ты, дивья сила?!

На колдунью она больше не взглянула, вся была сейчас устремлена к Гору, глазами и сердцем. И он смотрел, не отрываясь. Плечи подрагивали: то ли от боли, то ли от ярости.

– Да я лучше с ним умру.

Все просто. Каково ей будет жить, увидев смерть Гора? Погубив все, что он пытался защитить. Если она пойдет с этой безумной ведьмой. К ее сообщникам. Не такой уж Ярина дурочкой была, чтобы поверить в сладкие речи. Илея как ее братец, при первой возможности наденет цепи и за-

прет, если понадобится – выпотрошит без жалости. Она детей погубила – не пожалела; подумаешь, какая-то «безмозглая сельская девка».

В груди знакомо сдавило. Немного, ей нужно совсем немного силы. Сдержат волков, заставить их слушаться, как раньше.

Колдунья помолчала, что-то для себя решая, но быстро успокоилась:

– Как угодно. Вытряхнуть знания можно и из трупа. Если подселить в твое тело навья, он выдаст все, что знала ты, – равнодушно повела плечами в ответ и резко вскинула руку. Воздух свернулся в тугую плеть, хлестнувшую с визгом, Яри-ну впечатало спиной в печку, аж кости затрещали. Она еще успела поднять голову, чтобы увидеть, как сорвались с пальцев Илеи багряные искры, но обернулись они не воронами – игольчатыми ножами.

Заклятие метило в грудь. Права была Переправщица, они увидятся до рассвета. Вот бы забрать проклятую ведьму с собой на Темную дорогу. Если бы получилось дотянуться до силы, если бы...

Поздно.

– Ярина! – заорал Гор, рванувшись к ней. Но волки держали крепко.

Ударил о крышу ливень, за громовым раскатом пришла слепящая молния, все светильники вмиг погасли.

Ярина ждала боли, темноты, но вместо этого в лицо отче-

го-то стукнул веник.

Пришла боль. Чужая. Плеснула жаркой волной вместе с решимостью.

Ее снова опрокинуло на пол, а когда новая вспышка осветила горницу, перед ней недвижимо лежал домовой, пронзенный колдовскими ножами.

– Дедушка... – выдохнула Ярина, подползая к нему. – Дедушка...

Домовой – не русалка. Он не растечется водой, не возродится в домашнем очаге. Домовой умирает насовсем...

Отчего-то замерло все вокруг. Или ей показалось? Даже Илея. Даже волки.

Гор воспользовался этим, пнул одного, с воплем выдернул руку из хватки, но тут же отлетел назад, сметенный волной пламени, от которого внезапно занялся стол и лавки. Колдунья тоже быстро пришла в себя.

Ярина не видела этого: осторожно провела ладонью по растрепавшимся седым волосам. Крови на груди не было: откуда бы у нечисти взялась кровь.

Как же так...

– Не успел... – шепнул домовой чуть слышно, не открывая глаз. – Что задумал... не успел. Ты уж... побереги себя... хозяйюшка.

– Дедушка. Дедушка. Как мне спасти тебя?

Так пусто вдруг стало. Холодно.

Дивья сила пришла наконец, но толку-то было с той силы. Как исцелить нечисть? Когда чувствуешь, что жизнь утекает сквозь пальцы. Отданная за тебя жизнь. И чужая боль уходит, сменяется лютым холодом. Это ли студеные объятия девы-Переpravщицы? Но они не для нечисти. Для людей. *А ты еще жива, птенец.*

Совсем рядом рвалось к ней что-то жаркое, родное. Словно вода билась о стены запруды, стремясь соединиться с сестрой-рекой.

Ярина потянулась к этой воде: поток без усилий хлынул в подставленные ладони. Чтобы вспыхнуть, обернуться из покорной реки ярким пламенем.

Кто-то завыл рядом, завизжал, но она даже головы не подняла – черпала горстями силу, вливала живительный огонь в дедушку. Стоило прикоснуться к ножам, они истаяли без следа, а зияющие чернотой раны затягивались под пальцами. Становилось все горячее и горячее, рядом кричал кто-то, или это в ушах гудело? Только бы не отвлечься, не упустить силу.

– Дедушка, – позвала Ярина, и домовый распахнул глаза. Посмотрел удивленно, но не было во взгляде той смертной пелены, которая накрывает лица перед приходом Переpravщицы.

– Ох ты ж, что делается-то! – И голос был прежний, сильный, только испуганный очень.

Ярина обрадоваться не успела, как ее дернуло, поволокло куда-то. Перед лицом мелькнула раззявленная пасть, и она вновь щедро черпанула силу – плеснула ее волку в морду.

Песий визг смешался с надрывным воплем, но оглядеться по сторонам ей снова не дали. Гор уже втиснул их с дедушкой за печку... Гор?

Ярину отпустило: нет, сила никуда не исчезла, но уже так легко в руки не давалась. Плотину прорвало, и сестра-река в ярости бесновалась вокруг. Их, впрочем, не трогала, а вот кого другого...

Горница пылала: огонь вылизывал стены, с треском проглатывая половички, лавки, лари. Выли и метались обезумевшие от страха и ярости волки, а посреди огненного буйства бесновалась Илея.

Янтарь на ней полыхал, она пыталась стащить его, избавиться от ожерелья, но и оно, и кольца расплавленными потоками прожигали кожу.

– Не смотри туда, – прохрипел Гор. Потянулся к ее лицу, словно хотел взять в ладони, но замер, так и не коснувшись. Руки у него были искалечены, и Ярина сама прильнула к нему, крепко обняв за шею. Ткнулась носом в пропахшее гарью и кровью плечо, почувствовав, как он подался ей навстречу.

– Потом намилуетесь, – раздалось рядом ворчливое. Дедушка, как и не умирал вовсе, смотрел мимо них на бывшую хозяйку с болью и гадливостью. – Бежать надо, иначе все тут

угорим.

Слова пришлись вовремя: бревенчатая притолока вспыхнула и обрушилась, закрывая подходы к двери.

– Твое колдунство, ты как, вытащить нас отсюда сможешь? А то чар защитных больше нету, погорим. – Домовой деловито высунулся из-за печки и тут же спрятался назад, подальше от жара.

Гор с трудом отодвинулся, прислушиваясь к себе, виновато скривился.

– В таком состоянии огонь не потушу и стену для нас не выбью. Нужно пробираться к окну и поскорее. – Он посмотрел на Ярину, как ей показалось, с тревогой. Хотя с чего? Разве это ее жгли огнем? Разве она сейчас держала искусанные волками руки так, чтобы не тревожить их лишний раз? – Как ты? Идти сможешь? Не упадешь?

Она помотала головой в ответ. В теле еще чувствовалась странная легкость, казалось, можно оттолкнуться и взлететь, но трудно это сделать, когда на голову вот-вот посыплются горящие головешки.

Ярина выглянула в горницу: трое волков были мертвы, во-жак беспорядочно метался в огне, но как-то странно. То бросался на стены, то припадал к ногам Илеи. Та была еще жива. Не двигалась с места, будто ноги пристыли к полу. И уже не кричала – выла. Низко, отчаянно.

Взгляды их встретились, в глазах колдуньи сквозь боль полыхнула черная ненависть. Объятая пламенем, она махну-

ла рукой в их сторону, но... впустую. Видно, не осталось у нее больше сил, ни себя спасти, ни им навредить.

Жуткое было зрелище, и странная легкость, поддерживавшая Ярину, схлынула без следа. Это было как рухнуть в ледяную воду.

Вернулись ярче прежнего запаха, дышать сразу стало тяжело, боль накатила волной и возникла такая слабость, что Ярина пошатнулась, прикрывая лицо ладонями. Видеть, как горит заживо человек, пусть желавший им зла, мучивший и убивавший, но... смотреть было невыносимо.

– Ярина... – раздалось рядом. – Продержись еще немного. Сейчас мы выберемся. Прошу.

Гор сам держался из последних сил, и как можно было сдаться? Не теперь.

Домовой деловито заполз колдуну на спину и вцепился в плечи, залихватски подмигнув ей. Подбадривал, хотя у самого губы дрожали. Ярина в ответ зажмурилась: нескончаемый вопль наконец оборвался. Теперь сквозь треск пожара слышалось только их надрывное дыхание.

Дом вдруг застонал, как живой, заворочался, содрогнулся.

– Быстрее, – прохрипел Гор. – К окну. Или нас...

Договорить он не успел – деревянные брусья, державшие потолок, один за другим начали падать.

Ярину снова вздернули вверх. Гор на ногах едва стоял, но упорно тащил ее к оконцу.

До него оставалось два прыжка, когда пламя взвилось сте-

ной, отрезая их от спасения.

А у нее не осталось ни капли силы, ни на что не осталось. Со смертью Илеи в груди воцарилась ледяная пустота.

– Прыгай! – Гор с домовым пытались в четыре руки наматывать на Ярину чудом уцелевшее покрывало. – Быстрее же!..

И тут стена разлетелась в щепки.

– Вы там живые еще?! – Злой, как стая упырей, Тильмар не стал церемониться. Взял и магией дернул их на себя.

Получившийся клубок тел вывалился на двор. С высоты, да на холодную землю – можно и спину отбить. Ярине повезло: объятия Гор не разжал, и она рухнула сверху.

Стонал Тильмар, ругался на чем свет стоит дедушка, надрывно кашлял Гор. Ярина же смотрела в расцвеченное огненным заревом небо и не чувствовала ничего.

Неужели Переправщица ошиблась? И они не встретятся до рассвета.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Дом полыхал: огонь уже выбрался на крышу, лизнул конек, заскакал головешками по дранке, чтобы перебраться на курятник и баню. Еще немного, и займется все подворье.

– Чего разлеглись? Ходу отсюда, ребятки, ходу! Вставайте! – суетился вокруг домовой.

Тильмар кое-как отполз в сторону, зашелся надсадным кашлем, сплевывая на снег темные сгустки. Правая рука у него казалась странно вывернутой.

– П-погоди, дед, – выдавил он. – Отдышаться дай.

– На той стороне отдышишься, кудесник. Бежать надо, если не хотите, чтобы дом этот домовиной вашей стал!

Шевелиться не хотелось. Ярина заставила себя сесть, но ей не дали – стиснули со спины, сжимая в крепких объятиях. Гор вжался пылающим лбом ей в висок, надрывное, с хрипами, дыхание обжигало щеку.

Он словно силился произнести что-то, но не мог.

– Ярина...

Собственное имя, сказанное срывающимся шепотом, коснулось кожи, проникло в душу, и корка льда, что сжимала сердце мертвой хваткой, треснула. Истаяла, обратившись водой, которая немедленно осела на ресницах.

Ярина сморгнула непрошенные слезы. Сил все не было, и она повернулась, уткнувшись лбом в лоб Гора. Тот вздрог-

нул, словно не ждал этого, но обнял крепче.

– Живой, – пробормотала она и не узнала своего голоса, до того он был похож сейчас на вороний клекот. – Живой.

Слезы все катились по щекам, Ярина не пыталась вытирать их, лишь крепче вжималась в этого невозможного человека, который за одну безумную седмицу стал ей дороже всех на свете.

– Живой он твоей милостью, дитя, – раздался из темноты шелестящий голос, от которого кровь застыла в жилах.

Ярина испуганно вздрогнула, и Гор следом, попытался отстраниться, но она не дала.

– Не оборачивайтесь, – мягко предупредила Переправщица. – Времени мало.

Вокруг стояла мертвая тишина. Как тогда, в лесу Потерянных душ.

Не трещал огонь, не было вокруг этого огня, одна мгла.

Неужели судьба все-таки ступить сегодня на Темную Дорогу? Ведь спаслись уже. Они все. И даже дедушка.

– Ты пришла за мной, госпожа?

Гор немедленно стиснул ее так, что не вздохнуть, но разве остановят объятия ту, что явилась за своим по праву?

– Я пришла к тебе, – мягко поправила Переправщица. – На обещанную встречу, так или иначе. Потому ты и слышишь меня. А он слышит, потому что ступил на Мост сегодня. И если бы не ты, я сейчас вела бы его за руку.

– Чего же хочет от нас навья владычица? – прохрипел

Гор. – Если не забрать нас, то зачем ты здесь?

– Милый мальчик, разве не знаешь, что я лишь проводник? У нас с навьями разные тропы. Как можно властвовать над теми, кто сам по себе смерть? – Смешок переливом ручья прокатился по поляне. – Что же до причины... мне хотелось предупредить. По земле теперь ходит та, которой давно не видели под солнцем и звездами. Ее ты держишь сейчас в объятиях. Так не дай ей ни сгинуть, ни улететь. Клялся же себе сегодня, что, если останетесь живы, все для нее сделаешь. Вымолишь прощение и больше не отпустишь.

Ярина смутилась, жарко стало до корней волос, а Гор хмыкнул как-то неловко, но быстро опомнился.

– Загадки, госпожа. Все загадки. Ты бы лучше сказала зачем пришла. Вместо того, чтобы выбалтывать чужие мысли.

И не побоялся же такое Переправщице говорить! Но та не обиделась – рассмеялась тихо. Качнулись длинные, до земли, косы, не по-девичьи заплетенные, но по девичьи не закрытые покровом. Хотя зачем ей покров.

– Тебе хочу напомнить, чтобы от слова не отступил. Передо мной многие в чем только ни клянутся. Всякий человек при жизни своей вины знать не хочет, а как услышит мои шаги – начинает припоминать, обещает исправиться. Но не все обещания исполняют, если я вдруг мимо пройду.

– На счет этого, госпожа, можешь не беспокоиться. Я всегда держу слово.

– Мы сами разберемся, госпожа. – Ярина отмерла нако-

нец. А то что они ее обсуждают, словно ее здесь и нет.

– Ах, птенец, золотые перышки, – вздохнула Переправщица, как показалось, с грустью. – Жаль, не увижу, какие крылья у тебя вырастут. Мое время на исходе. Будь осторожна. Берегись, себя научись слушать. Твою новую силу нужно приручить и поскорее, она еще понадобится. Народ Той Стороны снова бродит под звездами, а у нынешних чародеев силенок не хватит с ним тягаться.

– Госпожа отправляет нас на битву с навью? – мрачно спросил Гор, пока Ярина молча удивлялась: какие-такие крылья у нее вдруг отрастут.

– Битва сама вас найдет. Но это будет не сейчас. Прощайте, дети. Не попадайтесь мне больше.

Переправщица исчезла беззвучно, как и пришла. Ни одного вопроса Ярина задать так и не успела: мгла вокруг расступилась, и они снова сидели на горящем подворье.

– Встать сможешь? – прохрипел Гор. Она кивнула в ответ. Сможет – не сможет, а нужно.

У нее-то получилось, а вот он, как ни старался, удержаться на ногах не мог, пока к ним не подскочил Тильмар. Тот, казалось, совсем не заметил, что они говорили с кем-то.

Ругаясь и постоянно вытирая текущую из носа кровь, он подхватил Гора с одной стороны, Ярина с другой – только так получилось сдвинуться с места.

Дедушка сновал вокруг, то отставая, то обгоняя – наверняка караулил, вдруг какая напасть подкрадет.

На плечи с каждым шагом все сильнее давила невидимая тяжесть, Ярина едва волочила ноги. Гор пытался опираться не на нее, а на Тильмара, но когда наваливался слишком сильно, тот и сам начинал шататься. Так и шли.

Рассвет застал их у околицы Пожарищ. Лишь после того как первые лучи солнца позолотили молодые березки, на сердце стало спокойнее. Ярина до сих пор подспудно ждала, что на них бросятся из темноты оставшиеся без вожака волки. Или призрачные вороны слетят с веток, чтобы заклевать. Но не было ни воронов, ни волков. Никого не было: ни живого, ни мертвого. Откуда-то она отчетливо это знала.

Люди в Пожарищах опасались неизвестно чего, потому на въезде несли службу двое плечистых мужиков. На появление их благодетеля и заступника в изодранном виде они взирали с суеверным ужасом. Ничего удивительного, что вскоре рядом с ними оказался староста.

– Посторонись, госпожа ведьма, – почтительно буркнул он и оттер ее плечом, чтобы подхватить Гора. Тот зубами скрипнул в ответ, но смолчал.

– А что, почтенный, – прогнусавил тут же Тильмар. Он все пытался остановить кровь из носа, и его вечная улыбка сейчас больше напоминала гримасу боли. – Сколько вам надо заплатить за одну курицу? Полцарства подойдет?

– Вам на какое-то колдунство очередное? Черных курей не держим. – Старосту, после увиденного, было уже ничем не пронять.

– Нет, просто очень есть хочется. Курочки бы...

Тильмар не договорил – рухнул как подкошенный, не дойдя до дома Гора пару шагов. Староста только глаза к небу воздел.

– Беда мне одна с вашим чародейским племенем, – пожаловался он не пойми кому, пока возился со здоровенным замком на двери. – Уж не знаю, что и делать.

– Верно говоришь, Перван, – с улыбкой смертельно уставшего человека подтвердил Гор. – От чародеев все беды. Заведите-ка вы вместо меня травницу. Такую вредную бабку, которая одним взглядом любую болячку исцелит. И все у вас будет хорошо.

Потом был жар бани, куда дедушка Ярину одну не пустил. «В пару и не видать ничего. А коли сомлеешь, так я хоть подсоблю».

Вязкий запах зверобоя, горьковатый – чистотела с примесью ромашки, пока она перевязывала отмытого Гора, державшегося на одном упрямстве, а староста, ругаясь, накладывал бледному до синевы Тильмару лубок на переломанную в падении руку.

– Ты, твое чародейство, как дитё малое. Не дергайся уж, сделай милость, закончить дай.

В доме колдуна никто ни пылинки тронуть не посмел: как Ярина во время поспешного бегства сгрэбла со стола записи,

так с тех пор ничего не изменилось.

К запахам снадобий вскоре добавились ароматы свежего хлеба, куриной похлебки, медовых пряников. Дедушка расстарался, самого себя превзошел.

– Яринушка, ну что ты не ешь совсем. Ты ж не птичка, крошки клевать. Бери краюшку, еще теплая.

И долгожданная темнота, в которой не было ни замка над Пустошью, ни плача Девы, ни криков Илеи. Только тишина.

Очнулась Ярина разбитой, но зато мучительное отупление отступило. Было тепло, спокойно, глаза открывать не хотелось, лучше лежать, слушая, как полощет за окном ливень, а ветер изо всех сил бросает водяные потоки в закрытые ставни.

Пахло целебным разнотравьем, горечью чародейских настоек и медом, а чужая грудь под щекой мерно вздымалась. Это было так странно и одновременно знакомо, что даже удивиться не вышло.

Сердце Гора частило. За этим стуком Ярина не сразу разобрала, что ее тревожит постороннее бормотание. Рядом кто-то ворчал.

– ...охальник.

– Тише, разбудишь.

– Где это видано, в кровать к девчонке забираться. Обру-

чьа не надевал, через огонь не проводил¹⁶, а уже грабли тянет свои.

– Дед, мы пока в подземельях блуждали, под одним плащом вместе спали. – В сипении Гора ясно слышалось обреченное упрямство. – Уймись.

– Нет, вы дадите мне поспать, а? – Голос Тильмара был наполнен такой мукой, что Ярина заволновалась. Что могло случиться? Ведь не ранили его, неужели из-за руки?

– Так плохо?

– Проще сдохнуть, чем терпеть.

– Терпи, кудесник. – Дедушка забренчал какими-то склянками. Видно, лекарства перебирал. – Прострел-траву нельзя часто, да и маловато ее осталось. Твоему дружку рукастому может не хватить.

Ярина не выдержала и с глубоким вздохом открыла глаза. Гор вздрогнул, сердце его зашлось частым стуком, это она еще успела услышать, прежде чем он отодвинулся, заглядывая ей в лицо.

– Ярина...

Глаза у него были как омуты. Смотрел он мягко, с тревогой, этого даже темнота не скрывала.

– Ты как?

– Лучше.

Усталость еще камнем висела на шее, но разве это важно? Ничего ужасного с ней нет. Не у нее руки до костей изгры-

¹⁶ Проходить вместе через огонь – свадебный обряд Дивнодоля.

зены, а остальное – поболит и перестанет.

Но Гора провести не удалось. Он неуклюже поднял руку и провел пальцами по щеке, едва касаясь. Она не удержалась – поморщилась. Да, синяк, наверное, уже на пол-лица налился. Но они все пострадали, даже Тильмар, который на драку опоздал, но руку сломал, когда их ловил.

– Девонька, ты, может, хочешь чего?

Домовой немедленно оказался рядом, но Ярина качнула головой в ответ, вновь укладываясь Гору на грудь, на что дедушка горестно вздохнул. И смолчал.

– Сколько я спала?

– Весь день и половину ночи. Утро уж скоро.

– А вы почему...

– Я днем выспался, – пояснил Гор. Он накрыл перевязанной ладонью ее затылок, пытаясь устроить руку поудобнее. Ясно, почему не спит – раны разболелись, а снадобье часто пить нельзя. – Твой дед тебя стережет. А Тиль не может.

– Рука?

– Нет, голова. Наколдовался.

Со стороны камина прилетел надрывный стон:

– Вы или замолчите или сразу меня добейте.

– Да ради всего... – Гор дернулся и немедленно упал обратно на подушку, когда дыхание сбилось. – Выпей ты уже настойку. Чего терпеть? Того, что есть, нам обоим вполне хватит.

Тильмар завозился, с трудом приподнимаясь и шаря по

столу. Даже в неверных отблесках единственной свечки была заметна восковая бледность. И то, как у него трясутся руки. Чудо, что не уронил пузырек.

Ярина дождалась, пока он уляжется обратно на шкуру у камина и снова решилась спросить:

– Что с тобой такое?

– Я же не боевик, птичка. – Голос Тильмара звучал хоть и слабо, но уже без надрыва. – Работаю с тонкими воздействиями. А вчера сперва полночи за тобой гнался, потом стену вышибал как тараном и вас тащил. Ну и... перенапрягся, считай. Слишком много силы выплеснул, чуть дар не выжег. Это как сканных дел мастера. Вроде тоже с металлом работают, могут завитушками хоть весь дом изукрасить, а попытаются кузнечным молотом махать – надорвутся. Ничего, пройдет. Ты сама-то в порядке?

Сердце кольнуло виной, но тут же вспомнились слова Переправщицы: «Если бы не ты, сейчас бы я держала его за руку». Не вернись она, Гор бы погиб. А так все живы. И даже дедушку она как-то умудрилась спасти.

– Со мной все будет хорошо, – отозвалась Ярина тихо. – Дедушка, а ты? Никаких ран не осталось?

– Да что мне, старому, сделается. Ты ж меня, девонька, почитай, с небытия выдернула, сама едва на вашу Темную Дорогу не отправилась, – немедленно разворчался домовик. – А я предупреждал тебя, сдыхоть патлатая, дурной ты. Чуть и себя не сгубил и хозяйшку мою.

– Прости, друг, соглашусь, – подал голос Тильмар. – План был паршивый.

Ярина уже хотела защитит Гора, ведь в конце концов он Илею одолел, но тот на «сдыхоть» не обиделся, и заговорил, будто оправдываясь:

– Я не рассчитывал, что она родом с Ледяных островов. Северяне не только там живут. У ее брата был парельский выговор. Кто же мог знать.

– А это важно? – Ярина приподнялась, чтобы положить ладонь ему на лоб – горячий. Нужно еще снадобий от жара.

– Ты не поняла? – Он виновато хмыкнул. – Она и была самой настоящей «волчьей ведьмой», которую с таким рвением искал наш знакомый купец. Колдунья с Ледяных островов. Уверен, это она привела Ивара к своему братцу, убедил послужить, а в обмен пообещала убрать проклятие. Я подготовился к встрече, но на волков... не рассчитывал.

– Чем ты там подготовился? – Дедушка подал Ярине кружку с кисленьким ягодным взваром. Еще теплым, прогоняющим колючий комок в горле. – Не подействовало твое зелье на нее. Я всю бутылку ухлопал, без толку. Хорошо, грохнуть об пол успел, прежде чем она Яринушке эту гадость подсунула.

– Но с волками справиться помогло. Всю прыть растеряли.

– А что за зелье?

Домовой уселся на стол и тоскливо нахохлился, но его чувств, как тогда, в избушке, слышно не было.

– Хозяйка моя... бывшая, то бишь, – пояснил он, – крута нравом была. Вроде разумная, степенная, но ежели чего не по ее... Эх. Вот и придумал этот твой, чтобы не ухлопала его со злости. Зелье, чтоб чуйства ей приглушить, чтоб, стало быть, соображала медленнее. И поверила, стал быть, что он на ее стороне. Да впустую все. Не помогло.

Тильмар картинным жестом впечатал ладонь в лицо.

– Подождите, – Ярина поворачивала голову от дедушки к Гору и обратно, хмурясь, – так вы знали, что она жива?

Домовой виновато нахохлился, и за него попытался оправдаться Гор:

– Я знал, что остался кто-то еще, когда мы избавились от Вальда. Кто-то хорошо изучил жителей Пожарищ и был поблизости, чтобы навести на них помрачнение. Кто-то неуклонно следил за домом, пробуя найти брешь в поставленной Тилем защите. Значит, был сообщник. А когда твой дед сказал, что не смог выйти за ворота, чтобы вернуться и нам помочь, хотя запретить ему это могла только хозяйка, все встало на свои места. Чародейка такой силы, изучавшая свойства янтаря, десять лет безвылазно сидела в этой дыре. У заговорщиков не было ни единого шанса остаться незамеченными. А значит, она одна из них. Но я не знал, что она прикидывается Весёной.

Ярина вспомнила простоволосую бесцветную девицу: шумную и навязчивую, в нелепых бусах, всеми силами пытавшуюся привлечь Гора. Ничего удивительного, что он ста-

рался держаться от нее подальше. Но как не распознал чародейку?

Видно, последнее она сказала вслух, потому что вместо Гора ответил Тильмар:

– Птичка, мы не можем увидеть друг в друге магов просто так. Даже амулеты не среагируют, если намеренно прятать дар. Одно дело – недоучка. Другое – если кто-то опытный знает, что его ищут.

– А местные как же? – Ладно приезжий колдун, он Илею в глаза не видел, но жители Пожарищ, подозрительные к чужакам. Почему они не разглядели?

– Снова воздействие. – Гор крутил перед глазами перевязанной рукой и кривился. – Твой дед говорит, была такая дурочка в Пожарищах, приходила зелья выпрашивать. Весёной ее и звали. А за пару дней до моего приезда ее дом сгорел подчистую. Сразу после того, как Илея якобы сгинула у Пустоши. Отвести местным глаза и надеть чужую личину для нее было просто. За эти годы каждый умудрился хоть по разу, но какое-нибудь зелье у нее купить. Это все упростило. Но то люди. И меня *действительно* тревожит, что я оказался прав насчет домашней нечисти. К реке и русалкам «Весёна» не приближалась, но местные домовые, банники, овинники... Их ведь магией не проведешь. Выходит, они ее узнали, и никто ни слова не сказал.

Он закашлялся – в горле тяжело заклокотало. Ярина попыталась сесть, чтобы подать снадобье, но домовый замахал

на нее руками – лежи, мол – и сам принялся греметь бутылочками.

– Дедушка?

Тот понял, что она хотела спросить, но в ответ головой покачал:

– Не знаю, Яринушка. Никто из них со мной не откровенничал, сама понимаешь, пришлый я для них. Чужой. Почему никто ни словечком не обмолвился – не ведаю. Запугать хозяйк... колдунья, в смысле, их не могла. Не боимся мы людей. И чародейство нам не страшно. Сперва поймай поди, потом заколдовывай. Чтобы нашего брата убить, его стоять на месте заставить надобно, а как заставишь, коли чары не действуют? И то. Одного напугала, второго. Но всех? Не навьями же она их всех застрашала.

– А вот тут, – похоронным тоном проронил Гор, – мы подходим к тому, что именно навьями, похоже, она их и страшала.

– Шутишь. – Тильмар аж на локте приподнялся.

– Если бы. Сперва ты упомянул, что царевну в Вестарии уволок навий проводник. Потом Илея, прежде чем попытаться убить Ярину, – он нашел ее ладонь и накрыл своей. То ли успокаивая, то ли сам хотел убедиться, что жива, – обмолвилась, что знания можно вытянуть и из мертвого тела, путем подселения в него навья. И напуганная нечисть, которая, когда я велел хозяевам всех выгнать, разбежалась с таким усердием, что никого из них поблизости не осталось. И

больше мы не знаем ни-че-го...

Слова оборвались новым приступом кашля, и Ярина, отобрав у дедушки кружку, сама поднесла отвар к губам Гора. Тот с трудом глотал, пока она придерживала его под затылок, а когда вновь откинулся на подушку, потянул ее за собой. Не говоря ни слова.

Ярина прижалась щекой к его груди и спрятала лицо. Чтобы никто не увидел ее улыбки. Стыдоба, нашла время радоваться. Но сердце глупое – едва не пело от счастья.

Смотреть на нее было некому: чародеи думали о своем.

– Паршиво... – протянул наконец Тильмар, хотя наверняка на языке у него вертелось словечко покрепче.

– А главное, выходит, я провалил все дело, – хмуро подтвердил Гор. – Заговорщики мертвы, приманку на оставшихся ставить бесполезно. Вокруг такое эхо распавшегося заклинания, даже бездарь почувствует и к Пустоши не сунется. Все нити оборваны.

Этого Ярина стерпеть не могла, вновь села, сердито сощурившись:

– Ничего ты не провалил. Мы разрушили их жертвенный камень. Значит, детей больше воровать не будут. Вход в курган засыпан, обкрадывать мертвецов никто не сможет. И ты победил Илею. Такую сильную чародейку.

Гор замер, глянул на нее растерянно. И молчал долго, словно верные слова подыскивал.

– Ты не поняла? – спросил он. – Не я ее победил, а ты.

Вот уж... нет. Она не могла. Не могла ведь? И когда ей было, она дедушку пыталась спасти.

– Это была ты, – повторил Гор уверенно. – Не знаю, как ты это сделала, но ты лишила ее сил. Просто взяла и... вытянула магию из янтаря. Он расплавился, вспыхнул. Вместе с избой и с...

В нос снова ударил запах гари: Илея стояла посреди комнаты, охваченная огнем, пыталась стряхнуть пылающие кольца с рук, но янтарь растекался, превращался в пламя...

Объятия сомкнулись вокруг, лба коснулись сухие губы.

– Не вспоминай. Не нужно, – шепнул Гор. Ярина, вздрагивая, прижалась к нему крепче, чтобы спастись от мыслей. Она убила Илею. Убила и даже не поняла этого. Считай, сама факел к ее костру поднесла. – Ты спасла нас всех. Я жив только благодаря тебе. И твой домовик – тоже. Это ты его вернула. Не смей винить себя.

– Я теперь любого так...

– Нет. – Шершавые пальцы скользнули по щекам, заставляя поднять голову, но Ярина закрыла лицо. – Слышишь меня? Ты потянула силу из янтаря. Наверно... это как-то связано с Пустошью. Я ведь до сих пор не знаю, что ты там видела. Но это ничего. Янтарь носят только маги, и то не все. Не бойся, ты никому не причинишь вреда. Обещаю, мы во всем разберемся, ты сможешь обуздать эту силу. Веришь?

Он ей никогда не врал. Недоговаривал – да. И не мешал обманываться самой. Но лжи в его словах не было. И тут

уж... либо веришь, либо нет. А Ярине хотелось верить: справились же они в подземельях, у жертвенного камня, в избушке, ставшей ей домом. Может, и с ее непрошенными силами разберутся?

Ярина подняла голову. Гор смотрел на нее, не отрываясь. Улыбался непривычно. И тревога в его улыбке была, и усталость, и мягкое что-то, нежное. Никто никогда не улыбался ей так, не смотрел, словно она одна в целом мире.

И лицо его было так близко...

Волшебный момент разбился вдребезги о ворчание домового.

– Посмотрите на эту сдыхоть. Токмо днем помирал, а уже к хозяйшке моей клешни тянет. Где это видано, чтоб девку немужнюю, порядочную, посреде ночи мужик так тискал...

Ярине показалось: вот-вот, и она сейчас воспламенится, Гор сам смутился – отвел взгляд, а сердце у него зашлось частым стуком.

Спас их от попыток провалиться со стыда Тильмар, не сдержавший хохота.

– Мужик, – бессовестно простонал он сквозь смех, – это ж надо... рискую совсем пасть в глазах уважаемой нечисти, но ни он, ни я, даже при большом желании на мужиков сейчас не потянем.

– Тиль...

– Даже если нас вместе сложить.

– Тиль, – проворчал Гор угрожающе. – Прекрати.

Домовой плюнул в сердцах, а Ярина не знала куда деться. Что так развеселило Тильмара, она не поняла, но в шутке явно было что-то стыдное. Хорошо, веселье это закончилось быстро: очередной смешок превратился в глухой болезненный стон.

– Хватит. Всем спать, – волевым усилием пресек безобразия Гор и принялся сползать с кровати. Видно, решил побереечь ее доброе имя, но сейчас об этом Ярина не думала, потому ухватила его за плечо, укладывая обратно. И сама голову на грудь положила.

Гор удивленно вздохнул, но не проронил ни слова, только бережно поправил одеяло и затих.

И пусть Ярина уснула, когда в просвете между ставнями уже золотился рассвет, тревоги ее не мучили.

ЭПИЛОГ

Это были тихие дни. С падением лесных чар и уходом Девы лес словно очнулся и наконец зазеленел, да так буйно, что и Пожарища эта участь не миновала. Сладко пахли яблоны, с молодых березок то и дело слышались радостные птичьи трели. В самих Пожарищах как-то внезапно стало больше улыбчивых людей, деловито спешащих по своим делам.

Чародеи шли на поправку. Тильмар встал на ноги быстрее, чем закончилась настойка из прострел-травы. И хотя сломанная рука так и висела в лубке на перевязи, падать в обмороки и чуть что пускать кровь носом он перестал, но колдовать еще не решался. Раны Гора заживали не так быстро, но он терпел. Правда, его мучили приступы боли, от которых зелья не помогали. Со второй ночи он все-таки перебрался к Тильмару, расположившись у камина и оставив кровать Ярине, но она все равно слышала хриплый тяжелый кашель, который явно душили подушкой. Однако и эта беда случалась все реже.

Сама она постепенно оживала: сходили с лица синяки, расплывшись желтизной, исчез надрывной кашель. Кошмары, наполненные воплями и запахом гари, мучившие ее первые дни, тоже отступили. В один из дней вернулось тянущее ощущение глухой тоски. Не ее, чужой. Дедушка старался не показывать, но по Илее горевал. И пусть закрыться от

этих чувств теперь выходило гораздо легче, оставить домового наедине с этой болью было бы нечестно.

– Как же иначе-то, – проворчал он тихо, когда Ярина не удержалась и спросила. Чародеи пытались соорудить какой-то оберег одной здоровой рукой на двоих, мешать им в этом деле не стоило, и она принялась помогать дедушке с пирогами. Пару дней домовой ее к работе по дому и близко не подпускал, но просто так лежать без дела она не привыкла. – Я ж с ней, Яринушка, почитай, десять зим провел. Гордился, какая у меня хозяйка. То ли пелена мне глаза застила, то ли сам я дурень слепой. И ведь не заметил, когда переменялась она, – дедушка с силой закатал пирожок, из него аж повидло полезло, – не была такой раньше. Э-эх. Да что теперь говорить. Не распознал. Не увидел. Полушки ломаной не стою. Какой из меня домовик?

Ярина осмотрела прибранную, сияющую чистотой кухню, где теперь всегда пахло то наваристой ухой (рыбу им, не таясь, таскали русалки. Местным пришлось с этим смириться), то пирогами. Дом Гора ожил, наполнился не просто жизнью, а теплом. Вспомнила, как дедушка впервые впустил ее, никому не нужную девчонку, в дом, спасая от зачарованных братьев Девы. Как учил и заботился. Закрыв ее от ножей Илеи, которую почитал как хозяйку. А когда они, все трое, лежали полумертвые от усталости, кормил едва ли не с ложки. Места себе не находил от беспокойства.

– Самый лучший, – уверенно возразила Ярина, пытаюсь

найти правильные слова. Всегда с ней так: столько сказать хочется, а на язык ничего не идет. Глупость одна. – Ты ведь не просто меня приютил, дедушка. С тебя все началось. Без тебя не было бы у меня смелости. И жизни бы не было. А как изменить ту, которая меняться не хочет? Если человек решил стать чудовищем, как его от края оттащишь? Она бы тебя не послушала...

Потому что считала домового слугой. А еще была уверена, что ее желания стоят любых жертв. Только сама на алтарный камень не легла – посылала других.

Дедушка задумчиво хмыкнул, глядя на Ярину, и тоска в нем сменилась тихой гордостью:

– А ведь я и не думал, девонька, что ты такой прекрасной лесной хозяйкой станешь. Всем защитницей.

Ярина предсказуемо зарделась.

Тревоги ушли. Все, кроме одной: янтарные перышки над ухом, оставшиеся после встречи с дивью, стали длиннее, ярче. Не потому ли, что она воспользовалась новой силой? Теперь она будто уснула, и Ярина боялась звать ее. Хотя, если признаться, за спасение дедушки и Гора она была готова хоть вся перьями обрасти. Но лучше не надо, сразу вспоминались туманные слова Переправщицы: про крылья, про навь.

Чтобы спрятать перья, Ярина стала плести косу иначе, закрывая виски. Но новый цвет глаз спрятать не выходило.

Он не нравился ей страшно, казался чужим, но деться было некуда.

Гор ее потуги с косой заметил. Одним утром на столе возле кровати ее ждало новое шелковое очелье¹⁷ и серебряные рясны¹⁸. Длинные, с привесками, они спускались ниже ушей, притягивали к себе взгляд. Где достал только?

К завтраку Ярина вышла в обновке. Посмотрела на недовольно поджатые губы бабушки и озорную ухмылку еще бледного до синевы Тильмара... А Гор хлебал щи, как ни в чем не бывало, только глаза у него блестели ярче обычного.

– Спасибо, – Ярина улыбнулась и понадеялась, что не краснеет.

– Тебе идет, – коротко ответил он. Не улыбнулся в ответ, но взглянул с до сих пор непривычной мягкостью.

А на следующее утро на том же столе ее ждали нежно пахнущие золотистые купальницы. Ярина уткнулась носом в цветы и сделала то, чего не позволяла себе очень давно: беззаботно рассмеялась.

Счастье было легким, как ветер поздней весной. Нежным, наполненным цветочной сладостью. Казалось, можно взлететь безо всяких крыльев.

Нет, они с Гором так и не поговорили. Все время рядом кто-то был. Никто из них теперь не оставался один надолго, все старались держаться поблизости. Что бабушка, что

¹⁷ Очелье – налобная повязка из ткани, тесьмы или серебра.

¹⁸ Рясны – подвески на очелье.

Тильмар.

Сказать по правде, Ярина не представляла, какие слова может услышать. И что сказать в ответ, но даже одних теплых взглядов было довольно. Так ли нужны разговоры? У нее с ними не очень ладилось и, судя по всему, у Гора тоже. Но сейчас невозможность объясниться не волновала. Гор был жив и был рядом. А все остальное может подождать. С той ночи они больше не заговаривали о случившемся. Тильмар, как только перестал мучиться головными болями, принялся травить байки, рассказывая про учебу в Арсее. Про то, как Гор умудрился победить в двенадцати поединках чести без единой царапины. Про их поездку в далекий Саргон. Про дом с призраками, которые оказались заколдованными людьми. Много историй.

Сам Гор все больше отмалчивался, при очередном воспоминании хмыкал себе под нос, явно пытаясь сдержать улыбку. И от этого казался совсем-совсем молодым.

В один из таких дней, когда они закончили с обедом, и чародеи опять принялись чиркать на бересте какие-то знаки, в которых Ярина с трудом узнала письмена из подземелья с разодетыми в золото покойниками, за околицей раздался шум и разъяренное конское ржание.

Мужчины вскочили и бросились к двери, Ярина – следом за ними. У того самого дерева, где ее дважды чуть не отправили на Темную Дорогу, встал на дыбы жеребец. Молотили по воздуху копыта, бросались в стороны люди, а на взмылен-

ной спине гордо, как за пиршественным столом, восседала всадница.

Тильмар издал невнятный задушенный стон и бросился вперед, а Ярина замерла, не в силах пошевелиться. Даже не заметила прохладной руки, приобнявшей за плечи.

Эти золотые волосы, до сих пор почему-то заплетенные в одну девичью косу, ничем не покрытые, этот поворот головы, в ярости сдвинутые брови она узнала бы где угодно.

Наездница наконец заметила Тильмара и выпрыгнула из седла прямо ему в объятия, а он каким-то чудом исхитрился схватить ее одной рукой, стиснув крепко, словно не надеялся больше увидеть.

– Смотри-ка, поймал, – отстраненно заметил Гор.

Ярина прижалась виском к его плечу, не в силах отвести взгляда от обнимающей мужа Нежаны.

Сестра пришла в себя быстро: провела пальцами по бледным щекам Тильмара и заметила болтающуюся на перевязи руку.

– Это что такое? – А голос-то у нее стал еще звонче. Казалось, Нежка вот-вот взорвется, но Тильмар вновь привлек ее к себе, зашептал что-то быстро с такой нежностью, что Ярине стало неловко. Как и раньше, когда она видела их вместе. Только теперь сердце больше не вздрагивало – билось ровно.

– А ведь вы похожи, – улыбнулся ей в волосы Гор.

– Смеешься?

Она с сестрой? Та всегда была красавицей, а стала еще яр-

че. Золотистый шелк льнул к обретшему женскую плавность телу, сиял драгоценный венчик в струящихся светлым янтаре волосах, глаза искрились синевой безоблачного лета.

Про нрав Нежки и говорить не стоило. И вдруг, «похожи».
– Я совершенно серьезен.

– ...узнаю, что ты привез какую-то девчонку с младенцем, а потом сорвался за ней в ночь на болота, – раздалось возмущенное, и Ярина не успела спросить, в чем Гор вдруг нашел их сходство.

– Не сердись, мое неистовое сердце, – заворковал Тильмар и потянул жену к ним. – Лучше посмотри, кого я нашел.

Сперва Нежка взглянула на Гора, хмыкнула и перевела взгляд на Ярину.

А она внезапно вспомнила, что у нее синяк на пол-лица и глаза теперь желтые. И одета она не в платье, а в одну из рубаш Гора. И виделись они последний раз, когда она была еще нескладным подлетком. Вдруг не узнает?

Нежка внезапно покачнулась, на сердитом лице проступил испуг.

– Риша? – позвала она неуверенно. И прежде, чем Ярина успела ответить, налетела, заключая в сокрушительные объятия. – Риша, Ришенька...

Родной голос, прямым из детства, когда сестру еще не сжирала изнутри растущая сила. Когда она обнимала крепко и делилась потаенными мыслями, потому что не могла держать в себе. Когда ближе друг друга у них никого не было.

Горло перехватило, Ярина спрятала лицо в плече сестры, позволяя пролиться непрошеным слезам.

Надо сказать, Нежка пришла в себя быстро. Отстранилась уже с улыбкой, вытерла мокрые щеки – всегда умела плакать так, что глаза не краснели и нос не распухал.

– Красивая какая стала, – с восхищением выдохнула она, пальцы бережно обвели подживающий синяк на щеке. – Со всем невеста.

И посмотрела в упор на Гора, который руку от Ярины убрал, а вот отодвинуться ему было некуда – за спиной стена.

– Здравствуй, Нежана Милорадовна, – произнес он. Вроде и почтительно, но будто с насмешкой.

– И ты здравствуй, Златогор Веренеевич, – пропела сестра елейно, глаза прищурила по-лисий, как всегда, когда задумывала очередную каверзу.

– Златогор? – переспросила Ярина, глядя на Гора во все глаза. Сложно было поверить, что сухощавого колдуна называли в честь знаменитого богатыря, который с помощью дубины из векового дуба своротил половину Малахитовых гор, чтобы вызволить из плена свою суженую.

В носу защекотало от смеха, пришлось кусать губы, но улыбка расплзалась шире и шире.

Златогор. Надо же.

Гор недовольно покосился на Нежку, но отвечать не стал. Вместо этого с поклоном пропустил ее первую в сени.

– Веселишься? – шепнул он Ярине, и она виновато пожала

плечами. Ясно, что не сам он имя выбирал, но представлять его с дубом на плече оказалось слишком весело.

– Так ты, выходит, боярского рода? – спохватилась она, сообразив. Имена из двух частей простым людям были не положены. Только тем, чьи предки из рук самого царя меч получили, что в Дивнодолье, что в соседней Вестарии.

– А что, за простого чародея ты бы не пошла?

Гор усмехнулся и, проходя вперед, выдохнул в самое ухо:

– «Невеста».

Ярина осталась стоять столбом. Как показаться сестре, если до того жарко, что не вздохнуть?

Понятно, что ему не особенно веселье над своим именем понравилась, но зачем так насмешничать? Ведь не мог он всерьез про невесту сказать?

В горнице было тесновато. Домовой споро расставлял тарелки, а когда она кинулась помогать, замахал на нее руками.

Тильмар, держа жену за руки, заливался соловьем; Гор неторопливо пил ягодный взвар, сжимая кружку обеими руками – раны заживали плохо, повязки до сих пор приходилось накладывать. В его теплом взгляде не было ни капли насмешки, но Ярина немедленно покраснела до корней волос.

Конечно, сестра заметила: удивленно нахмурилась, но почему-то промолчала, хотя это было совсем на нее не похоже.

– Подожди, муж, – она погладила Тильмара по волосам. – Дай мне Ришу послушать. Что с матушкой и Рагдаем? Почему ты здесь? Почему в таком виде? Во что эти дурни тебя

втянули?

Вот это уже было больше похоже на Нежку.

Ярина села за стол рядом с Гором, перед ней тут же очутились кружка со взваром и тарелка с ватрушками, хотя и часа не прошло, как они пообедали. Дедушка явно вознамерился ее откормить.

Рассказ вышел долгим и путаным, поскольку внятно объяснить, чего матушка вдруг так испугалась, не выходило. Про случившееся в лесу в подробностях тем более говорить было опасно. Во что превратятся Пожарища, узнай сестра о попытках жителей украсить Яриной дерево, страшно было представить. Но и врать ей – дело гиблое.

Вот и вышел рассказ про безумных колдунов-детоубийц, которых они пытались остановить.

К долгим объяснениям Ярина была непривычна. На ее памяти Нежка не умела слушать, не перебивая, но сейчас молчала. Не пытался вставить пару слов от себя и Гор, лишь иногда осторожно касался ее запястья, отчего по телу разливалось тепло. Что же до Тильмара, тот глаз с Нежки не сводил. Не поймешь – слышал ли хоть что-то.

– Значит, вы всех одолели.

Сестра задумчиво постукивала унизанными перстнями пальцами по столу, как всегда, когда чего-то не понимала. Если другие вопросы у нее и были, то задавать их она не спешила.

Чародеи как в рот воды набрали. Из-за печки плескало

любопытством и гордостью. Дедушка явно радовался, что Ярина уверенно рассказывала, она и сама удивилась, насколько спокойными выходили слова.

– Теперь бы раны залечить.

– Ну, это поправимо, – Нежка отбросила за спину косу. – Они у тебя ведь не такие, чтобы в седле не могла держаться? Ярина удивленно качнула головой.

– Вот и славно. Поедем с тобой вместе. А эти пусть за собой приберут, потом сами решают, куда отправляться. Хватит вам Ришу в неприятности втравливать. Только, муж, прежде чем ехать за матушкой, домой все-таки заедь. Без амулетов тебя не пущу.

– Постой. – Ярина ошалела от такого напора. В этом была вся Нежка: за всех решила, всем указания раздала. – Куда поедем?

– В Ольховник, – сестра нетерпеливо притопнула, хотя взгляд у нее был пристальный, оценивающий. – Ты же к нам и ехала. Только, считай, остаток пути вместе проделаем. Потом Тильмар привезет матушку с Рагдаем, и наконец все вместе будем. Хватит тебе по лесам прятаться, давно учиться пора. Я еще когда матушке говорила. Кто б меня слушал.

Ярина растерянно обвела взглядом горницу. Тильмар сунул в рот пирожок едва ли не целиком и теперь сосредоточенно жевал, Гор же вовсе уставился в кружку, словно там не взвар был, а живая вода.

Ехать? В Ольховник? Она об этом и не думала... Стара-

лась не загадывать: сперва должны были поправиться Тильмар с Гором, самой хотелось сил набраться, а дальше... Ярина внезапно осознала, что ни в какой Ольховник не хочет. Не хочет просто учиться и ждать, когда произойдет что-то плохое. Ей бы в себе разобраться, в той странной силе – дивьем подарке. Гор говорил, что поможет. Почему молчит теперь? Передумал?

Внезапно руки коснулись прохладные пальцы. Прикосновение исчезло почти сразу: то ли взаправду было, то ли померещилось. Но оно помогло решиться.

– Я не поеду, – четко произнесла Ярина, глядя сестре в глаза.

Та прищурилась. Вроде как сердито, но не отпускало чувство, что Нежке весело.

– Что за глупости.

Ярина вздохнула: уж эту фразу она едва ли не каждый день с детства слышала.

– Я не поеду, Неж, – повторила она. – Мне нужны ответы. Нужно в Белозерье, в Арсею.

– Как ты собираешься их искать, ответы эти? Матушка придет, вот и...

– Уж прости, Нежана, – вот теперь ладонь, накрывшая ее руку, больше не отдернулась. И смотрел Гор не на Нежку – на нее. – Но ответы нам предстоит искать вместе. В Ольховнике нет магических библиотек. Нет никаких зацепок, а глаза Ярины могут вызвать вопросы. В вольных городах неплохо

помнят старые сказки.

Нежка вдруг улыбнулась – словно солнце из-за туч вышло – и подалась вперед.

– Вместе, значит?

Гор кивнул.

Тут до Ярины дошло наконец: сестра *знала*, что она не поедет. Но зачем-то ей потребовалось, чтобы это прозвучало вслух. Испытывала?

– С ней поедешь? Будешь защищать? – Нежка уж очень задорно сверкала глазами, Гор этого будто не замечал – говорил спокойно. Пальцы его лишь крепче сжали ее ладонь.

– Разве не очевидно?

– Может, и через огонь...

– Нежана, – договорить Гор не дал, вздохнул с бесконечным терпением. – Если мне не веришь, могу предложить поехать с нами.

– Я бы с радостью, – сестра взглянула на нее с тихой грустью и повернулась к Тильмару, погладив по щеке. – Если бы от меня зависело, чего бы проще. Путешествовать вместе, привезти наконец матушку. Но дочку оставить надолго я не могу. Да и...

Она перехватила ладонь мужа и бережно опустила себе на живот. Сперва Тильмар изумленно моргнул, потом замер. Лицо у него стало до того ошалевшее и счастливое, что Ярина почувствовала себя лишней. Гор смущенно кашлянул и поднялся одновременно с ней. Нежка всегда умела выбирать

время – в горнице им обоим пока делать нечего.

Можно было еще немного подышать воздухом. На крыльце Ярина замерла, глядя на налившиеся бутоны яблонь. Скоро они раскроются, деревья затянет белой пеной, и в воздухе добавится пьянящей свежести.

Ярина с улыбкой посмотрела на Гору – тот не отводил от нее взгляда.

– А если бы я поехала в Ольховник? – вырвалось внезапно.

– А ты хотела поехать? – Гор усмехнулся в ответ. – В таком случае, я был бы безутешен...

Нет, это невозможно! Он собрался все время насмехаться? Ярина обиженно нахмурилась, но в ответ внезапно получила улыбку. Такую нежную, что дух захватило.

– Не сердись, – тихо попросил Гор. – Мне показалось, будет честно, если ты сама решишь, чего хочешь. Она твоя сестра. Вдруг ты захотела бы остаться с ней? Тогда я бы приехал чуть позже.

Он наклонился, и Ярина даже не подумала отступить – сама подалась навстречу. Поцелуй вышел совсем не похожим на тот, которым он отвлекал ее в лесу. Сладким: слаще светлого меда, неторопливым, нежным. Мир растворился в белоснежной дымке, сотканной из головокружительного счастья. Такого, что взлететь хочется. Не было вокруг ничего, кроме горячих губ, рук, сжимающих ее крепко. Дыхания одного на двоих...

Ярина отстранилась первой, не удержалась – уткнулась лицом ему в плечо, жмурясь. Гор весь пропах зверобоем (кто бы мог подумать, что этот запах может успокаивать), сердце его стучало ровно, сильно, зато ее заходило от восторга. Чистого, незамутненного наконец тревогами.

В доме что-то грохнуло, потом грянул залиvistый смех в два голоса. Кажется, Тильмар пытался кружить жену одной рукой.

– Как бы дом не разнесли от счастья, – хмыкнул Гор Ярине в макушку, потом, подумав, добавил уже серьезно: – Раз уж Нежана здесь, завтра мы с Тилем возьмем лодку и отправимся к Даре. Хочу взглянуть не нее. Мало ли.

– Думаешь, она притворяется?

Ярина помнила слова Переправщицы, что Дева ушла за своими братьями, но вдруг.

– Нет. Она не хотела оставаться. Я... – У него вырвался тяжелый вздох. – Я виноват перед ней. За Смила. Он погиб по моей вине, не стоило втягивать его в поиски, но я слишком верил в свои силы, считал, что смогу его защитить, а он поможет мне выйти на убийц. Никто так не знал лес. Вышло же... как вышло. Вряд ли Дара захочет уйти отсюда, местная нечисть хорошо о ней позаботится, но их сын будет человеком. Это значит, придется воспитывать его среди людей.

Жители Пожарищ этому не обрадуются. Сразу вспомнился разговор пару дней назад, когда Гор требовал от старосты помириться с водяным.

– А ежели он жертвы затребует?

– Так дайте ему жертвы. Вы же на реке живете. Представляете, что в половодье начнется?

– Дык, девок жалко! Куды их топить нечисти на поругание.

– Перван, какие девки? Водяному за своими бы уследить, куда ему еще ваших. Подарите им рубахи, украшения какие-нибудь. Гребни. Не знаю, что еще. Вам с ним бок о бок жить.

– Вряд ли мальчик будет тут счастлив, – Ярина тихо вздохнула. Люди бывают жестоки. А ребенок без защиты отца, с матерью-берегиней...

– Буду посылать им вестников, присматривать. Когда подрастет – посмотрим. Если прорежется дар, заберу в Арсею. Если нет... придумаю что-нибудь. Я за него теперь отвечаю.

Ярина немедленно устыдилась: маленький Орм, за которого отвечала она, остался в Пригорках.

– Не волнуйся, птичка, – сказал тогда Тильмар ей в ответ. – Я кинул местным целый кошель. Они присмотрят за малышом, как за родным. Да и помнят они, чей это ребенок. Вашего погибшего северянина они уважали. Оклемаюсь, поеду домой, заберу его. Этого кузнеца Харальда я знаю, на него можно положиться.

Кто знает, может, стоило оставить Орма родне по матери, но она обещала Ивару. Хотелось верить, что тот знал, как будет лучше для сына. И тот найдет свою дорогу.

А у них своя.

– Нам скоро нужно будет уезжать, да? – Ярина повернула голову, взглядываясь в весеннее буйство красок. Хотелось столько рассказать сестре, найти правильные слова для девушки, тоска которого чуть поутихла. Может, еще раз взглянуть на Пустошь... Но мыслями она была уже в пути.

Там, далеко за холмами, лежала столица – Белозерье. Сможет ли она попасть в Белый Бор, увидеть дом, где они росли? Сможет ли понять, что заставило отца пойти против царя? Живы ли еще его родичи?..

– Пара дней. Потом наша счастливая чета отправится домой, а мы поедem в Белозерье. Думаю, там Тильмар нас и догонит. Коней сейчас не найти, возьмем телегу. Посадим твоего вредного деда в корзину...

– Я те посажу, – раздалось рядом. Домовик сидел на заваulinке, хмуро разглядывая их.

Ярина смутилась и попыталась отстраниться, но Гор не дал – прижал покрепче.

– Я с тебя, оглобля патлатая, глаз не спущу. Ишь, клешни распустил.

Гор тихо рассмеялся в ответ, и она следом. Дедушка ворчал дальше, хотя на самом деле не злился и, кажется, был рад за нее.

Пусть их дорога скрыта туманом; чем дальше, тем сильнее сгущалась темнота, пока у них есть время.

И можно позволить себе немного счастья.

Май. 2022

Санкт-Петербург